

РУФИЯ ЛИПА

ШКОЛА

НИКОМУ НЕ ГОВОРИ

Руфия Липа

Школа. Никому не говори

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=68893791

SelfPub; 2024

Аннотация

Лихие 1990-е. Кубанская провинция. Разруха, безработица, произвол. Подростки, взрослеющие на развалах перестройки, подражают новым авторитетам, копируют дикие нравы незнакомой свободы. Люба Пospelова учится в крутом 10 «А», где робкую домоседку открыто травят и даже бьют. Дома вечно недовольные, усталые родители не замечают дочку, тиранят, придираются, попрекают. Из друзей – только книги. Некому пожаловаться, не у кого попросить помощи, не с кем поделиться. Привыкнув быть везде чужой, Люба по глупости наживает опасных врагов в лице братьев Ибрагимовых – самых популярных и авторитетных парней в старшем звене. Близнецы – не просто школьные звёзды, у них есть свои криминальные тайны и мутные дела. Перед зажатой Пospelовой встаёт сложный выбор: впустую надеяться на чудо или научиться договариваться, защищаться, отстаивать своё. Выберет ли тихоня второй путь, чтобы благодаря ярким, но жестоким «учителям» вырасти из жертвы в хищника, что заставит других уважать её и бояться?

Содержание

Глава 1.	5
Глава 2.	23
Глава 3.	62
Глава 4.	97
Глава 5.	133
Глава 6.	155
Глава 7.	200
Глава 8.	235
Глава 9.	292
Глава 10.	341
Глава 11.	409
Глава 12.	439
Глава 13.	491
Конец ознакомительного фрагмента.	508

Руфья Липа

Школа. Никому не говори

*Все персонажи и события,
несмотря на очевидную связь
с реальностью, являются
полностью вымышленными.*

*Любые совпадения с реальными людьми,
живыми или мертвыми, случайны.*

Глава 1.

Лихорадочно роясь добрые минут десять в куче одежды, Люба уже начинала паниковать.

На часах – половина восьмого свежего сентябрьского утра, и минутная стрелка продолжала предательски скользить вперёд. Через полчаса – звонок на первый урок, биологии, вроде. Это один из тех уроков, на котором одноклассники садятся куда желают и с кем хотят. Если она опоздает, её парта будет безвозвратно занята и тогда придётся искать свободное место, прося разрешения на соседство, или, что смерти подобно, переться на галёрку.

Если она сию же минуту не выйдет из дома, то рискует опоздать и уже с началом уроков испортить себе день.

Если Люба прибежит к кабинету биологии после учителя, то тогда ей придётся стоять у входа, моргая глазами, и виновато стучать в дверь. Несмело, под прицельным вниманием всего класса (сто процентов из ста все уставятся на неё, насмешливо скалясь) извиняться и проситься внутрь. А Любе этого очень не хочется – и для этого есть весьма веские причины.

Из-под железной кровати, на прутьях которой давно облезла краска, Люба извлекла мятый, завязанный бечевой пакет, спрятавшийся среди кучи плетёных, тканевых и целлофановых кульков и сумок, покрытых жирным слоем пыли.

Вздыхнув, девочка вывалила содержимое пакета на мятую после ночи пуховую перину. На скомканный несвежий одеяльник ворохом из пакета выползают кишки ношенных капроновых колготок. Теперь главное – найти те самые. Любарылась, надеясь на удачу, но паника от страха опоздать начала постепенно накрывать её волной и замораживать движения.

Проверялись одни колготки, другие, третьи. На этих – крупная, с обрывками ниток, дырка на коленке, эти со стрелкой, спускающейся ручейком вниз, к самым пяткам, эти тоже в побегах рваных стрелок, которые заметит даже слепой.

Вот! Нашла, что надо! Заштопано только на правой ноге, у самого паха, но это не страшно, под юбкой не видно; на пальцах дырок нет, и это круто. Сегодня физкультура: с дырками на стопах в раздевалке лучше не позориться. Хотя ещё было б лучше, если б физрук заболел. Но это вряд ли. Этот бородатый громила здоров как конь.

– Сколько?..

– Без пяти.

Ответив на вопрос Рашель, Дарья засунула сотовый в карман ветровки, висевшей на спинке стула, и снова повернулась к сидевшему позади неё Тимону.

Одноклассник беспорядочно ковырялся в учебнике биологии, чтобы найти и порассматривать в потрепанной временами книге иллюстрации, изуродованные большой фанта-

зией его предшественников да наплевательским отношением к учёбе.

Найдя очередной размалёванный чернилами рисунок, Тимон неопределённо хмыкнул и пихнул локтем в бок своего соседа Илью Жваника. Тот, склонив голову, заглянул в книгу Тимофея и, скорчив гримасу, усмехнулся.

Тимофей развернул учебник к Даше.

– Я вижу. Повезло тебе с биологией! – посмеялась девочка. – Чьей, интересно, книжка была в прошлом году?

Предположив под владельцами измученного учебника пару знакомых лоботрясов постарше, Дашка посмотрела на форзаце библиотечный вкладыш, но ничего информативного не обнаружила.

В помещение быстрым шагом вошла, здороваясь на ходу, Виноградова Камилла – харизматичная и жизнерадостная десятиклассница, уважаемая абсолютно всеми ребятами. Тимона, Илью и Дашу обдало смесью свежего воздуха и сладких цветочных духов.

Повесив на крючок под партой свой вместительный симпатичный рюкзак и сняв длинную нежно-фиолетовую кофту, Камилла с лёгкой элегантностью поправила свою роскошную, до поясницы, каштановую шевелюру и присела к своей закадычной подружке – самой популярной девочке в классе Анютке Рашель.

Обменявшись с подружкой приветственными поцелуями в щёчки, Камилла вполборота повернулась к остальным и,

кокетливо подёрнув плечом да слегка закинув назад голову, с нарочитым волнением выдохнула:

– Я чуть не проспала! Если б вы знали, как мне не хотелось встать!

– Ой, я тоже еле встала! – тут же поддержала Рашель.

Тимофей и Дашка понимающе рассмеялись. Сидевшие на соседнем ряду, позади Камиллы и Анечки, три подружки-отличницы, они же актив класса и правая рука классного руководителя – Уварова Ира, Нина Гончаренко и Инна Таран – отвлеклись от светской болтовни с другом Тимона – долговым и худощавым блондином Сысоевым Матвеем.

– Я смотрю, хорошо ты потанцевала вчера, – с ироничной улыбкой беззлобно подметила Ира Уварова, степенная высокая брюнетка с короткой стрижкой. – Середина сентября, учиться уже пора после лета, а вы до глубокой воскресной ночи колбаситесь на танцполе, чтобы утром понедельника с мучениями жопу от кровати отрывать!

– Я с невыученными уроками в клуб не хожу! – свысока парировала Виноградова.

– Мы вчера долго, слишком долго шли домой, – поддержала подругу Аня Рашель. – Да, Мотя?

Сысоев усмехнулся:

– А я вам говорил, что те две жестянки были лишние! Кто вам, дурам, виноват, что в каждом тёмном кусту да закоулке маньяки чудились!

– Ой, да ты громче всех ржал, местных собак по пути сво-

им ржанием переполошил!

– Они вчера обкурились? – пихнув Сысоева под руку, тихо, чтобы никто не услышал, спросила миловидная Гончаренко Нина, командир класса.

– Нет. Выпили лишнего. Мы с Ильёй проводили их с «Торнадо» домой, – пояснил блондин. – Всё равно все живём почти рядом, а на улицах темно, давно за полночь уже. Бросишь разве девок?..

Нина неопределённо кивнула и стала слушать вместе с остальными сквозь взбалмошный гвалт Рашель и смех Виногоградской рассказ, как девочки пёрлись домой по улицам, на которых не горел ни один фонарь, а Сысоев их заботливо провожал с ещё двумя ребятами до самого дома.

Каждый понедельник, начиная с седьмого класса, дружный коллектив 10 «А» обсуждал дискотеки в самом популярном местном танцевальном клубе «Торнадо». Сюда стекалась молодёжь со всех четырёх школ и даже с соседних населённых пунктов. Клуб представлял собой двухэтажное здание со двором, огороженным высоким кирпичным забором, и располагался в самой гуще центрального парка.

Дискотеки проходили на выходных. Пока вечера были не слишком холодными, толпа молодняка танцевала на асфальтированной площадке под открытым небом – летнем диско-дворе, в полумраке, оглушённая басами огромных колонок, под всполохами светомузыки. С наступлением холодов открывался первый этаж. Там дополнительно располагался

ресторан-бар, в котором так замечательно затаривалась алкоголем пришедшая покуражиться детвора.

«Торнадо» как истинное детище 90-х был местом вседозволенности, веселья и новых знакомств, случавшихся под хиты групп «Руки Вверх!», «Scooter», «АТВ», «Пропаганда» и много кого ещё.

Тимофей посмеивался с Камиллы, куда-то сбежавшей вчера с танцпола от назойливого ухажёра. Оказывается, соблазнительная девочка спряталась на втором этаже, в коридоре с гостевыми номерами, которые любили снимать прямо во время дискотеки особо страстные влюблённые парочки.

– Не собиралась я с ним танцевать, а тем более гулять! – игриво возмущалась кареглазая Камилла. Цену себе горячая красавица очень даже знала. – На нём было сто одежек, у него потели руки, и ещё воняло!.. Я увидела под свитером аж три футболки!

Тимофею нравилась Камилла. Он периодически с ней заигрывал, она отвечала ему тем же, но до отношений дело не доходило, и, видимо, такой расклад обоим устраивал.

Маленькая и сутуловатая Лёвочкина Надя, услышав со своей первой парты первого ряда обсуждение вчерашней дискотеки в «Торнадо», рьяно подскочила с места и подбежала ближе, чтобы вклиниться в разговор со своим мнением да поучаствовать в и без того активном диалоге. Шустрая и вездесущая, прилипчивая отличница тут же, совершенно без надобности, начала подхихикивать и заискивающе улы-

баться с лицом знатока.

Лёвочкину в 10 «А» недолюбливали, но открыто свою неприязнь не выражали. Просто сторонились слегка. Надька любила подхалимничать перед учителями и стучачить Валентине Борисовне, но давала списывать тем, кого уважала и побаивалась. Поэтому заводила и главный закулисный лидер класса Тимофей, его друзья и прихлебатели Надю особо не обижали. Списывать-то нужно. Но, чтобы не понизить своё достоинство в своих же глазах и не потерять авторитет в классе, Тимон и его команда все же – в назидание и для страха другим – за нехорошие Надькины качества прилепили ей кличку «Редиска». На прозвище Лёвочкина реагировала очень болезненно, поэтому, дабы не рассориться с ней и не нарваться на разборки с её вездесущими родителями, обзывались вскользь и нечасто. Чтобы Лёвочкина, имеющая склонность зарываться да заноситься, помнила своё место.

– Близнюк и Тарасова опять вчера в хлам напились, – наклонившись поближе к Тимофею и Илье, прошептала, желая посплетничать, Бутенко. – Видел?..

Школьник отрицательно качнул головой, прибавив, что не обратил внимания на эту девчачью четвёрку, занимавшую сейчас две предпоследние парты в первом ряду. Они держались в классе дружелюбно по отношению ко всем, но больше особняком. Четыре добрые подруги, завсегда и местных дискотек, баров и ресторанов – Света, Юлия, Катя и Вика. Вместе пили и курили, вместе гуляли, вместе клеили маль-

чиков.

– Селиверстова была слегка подшофе. Лыткина – пьянее. Тарасова сидела совсем пьяная и красная. А Близнюк настолько напилась, что сползла со стула под стол, и какой-то парень подошёл и пинал её руку, а она не реагировала! – Даша осуждающе посмотрела на четвёрку, сидевшую через ряд и занятую исключительно собой, хотя накатить спиртного Бутенко и сама была не прочь.

Лёвочкина в этот момент вставила слово, что знает, почему не было на дискотеке Исаковой и её парня, хотя об этом никто не спрашивал.

Когда покрасневшая Люба, тяжело дыша после пробежки по утреннему осеннему холодку, влетела в кабинет биологии, оставив чуть позади себя Ларису Гавриловну, задумчиво протиравшую на ходу огромные роговые очки, грянул звонок. Видя степенно идущую к своему месту невысокую сухонькую биологичку, подростки, прекращая свою многоголосую какофонию, рассаживались по местам.

Любино место было не занято. Даша Бутенко, её соседка по парте, официально назначенная классным руководителем, на радость Любе, не пересела к своей закадычной подруге Варе Илютиной и не позвала на Любино место пригласившегося одноклассника.

– Тебе не повезло сегодня насладиться приятной компанией, припёрлась Пospelова, – ехидно и зло заметил Тимо-

фей, произнеся фамилию Любы с ярко выраженным презрением.

Бутенко ничего не ответила. Лишь улыбкой дала понять, что его мнение о стрёмной соседке ей откликается.

На Любу, растрёпанную и красную, с прерывистым дыханием, напролом спешившую к своей парте, сразу уставились все участники обсуждения дискотечного закулисья. Люба от этих взглядов – отстранённо-насмешливых, а порой и недобрых – предпочла бы при возможности провалиться под пол, но не встречаться с ними.

Стесняясь, девочка сняла тёплую шерстяную кофту, присела и, робко оглядываясь да смущаясь, полезла в ранец за принадлежностями. Она тихо поздоровалась с Бутенко, попутно уловив за спиной соседки брезгливый взгляд Сысова. Даша приветливо кивнула своей тёмно-русой головой в ответ и, считая болтовню законченной, повернулась к дуэту Тимона и Жваника спиной.

– Да куда ты прёшь?!..

Стул, едва подвинутый Любой назад, получил сильный пинок по перекладине между железными ножками, заставивший всё тело девочки вздрогнуть от толчка и упереться грудью в стол. Испуганно повернувшись, школьница взглядом зацепила Жваника, пялившегося на неё исподлобья.

Радость Любы от факта собственного свободного места, не успев обосноваться в душе как следует, болезненно потухла. Когда эти двое сидят прямо за спиной, а не как обычно на

галёрке, подальше от тебя, занимаясь своими пацанячьими делами, что-то обсуждая или окучивая Камиллу с Анькой, – это нехорошо. Оставалась надежда, что Лариса Гавриловна, опытный педагог лет пятидесяти, но не особо требовательный и строгий, способна сегодня удержать дисциплину в 10 «А».

Пялясь агрессивно-вызывающе на пугливую одноклассницу из-под своих густых рыжеватых бровей, Жваник прекрасно знал, что Пospelова Люба сдачи не даст. Особенно когда поблизости сам Тимон. Потому что Степанченко Тимофей не переносил на дух Пospelову Любу. Не просто не переваривал, а не считал за человека. А с Тимофеем, острым на язык и имевшим много друзей, все знали – лучше не связываться.

Начался урок. Пospelова сидела, затравленно сжавшись из-за позادي расположившихся недоброжелателей, и потихоньку оглядывала класс.

Повернув голову направо, с тоской посмотрела на свою бывшую подругу Катю, разменявшую их крепкую дружбу с пятого класса на шальную компанию Близнюк и Тарасовой. Катя осторожно, чтобы не поймала учитель, что-то шептала Юле: наверное, рассказывала свежую серию «Бeverли Хиллз». Кате, конечно, интересно с ними, она ведь всегда хотела общаться с девочками, которым родители не запрещают гулять поздними вечерами в центре и ходить на дискотеки в «Торнадо».

Окинула взглядом сидящую спереди, чуть правее, пару Рашель – Виноградова. По всей спине Камиллы раскинулась её густая длиннющая грива. Короткие волосы крашенной в блонд Рашель были собраны в весьма куцый хвост. Люба искренне не понимала, почему на Ане все мальчишки помешались, но такой популярности по-девичьи завидовала, не признаваясь себе в этом. Виноградова лихорадочно повторяла тему, потому что всерьёз относилась к биологии с химией и уже планировала учёбу в медицинском университете. Люба, наблюдая из года в год за их дружбой, тосковала.

Камилла вдруг обернулась, весело переглянулась с Уваровой и Гончаренко, а затем, поймав на себе взгляд Тимона, игриво подмигнула ему. Он в ответ усмехнулся, довольный таким заигрыванием.

– Повторяем, – сухо бросила Лариса Гаврииловна, недовольно взглянув на перешептывавшийся класс из-под старушечьих огромных очков с роговой оправой, не подходивших ей совершенно по возрасту и делавших лицо несуразным. Женщина отмечала в журнале отсутствующих.

– Поделишься учебником? – Бутенко, получив в ответ поспешно-одобрительный кивок соседки, подтянула книгу на середину парты и подвинулась поближе.

Картавцев Игнатий сегодня, впрочем, как и всегда, был занят привлечением внимания большеглазой Юлианы Близнюк. И это хорошо – Юля сидела через ряд от Любы на последней парте. Туда же унесло и Картавцева.

Игнат бегал за Близнюк преданной собачкой с тех пор, как год назад она перешла из элитной школы № 1 в их школу № 7 – вторую по крутости в станице. Он заведомо уселся впереди своего объекта вожделения и, постоянно поворачиваясь к Юлиане (можно подумать, она вот-вот куда-то исчезнет), заглядывал красавице в лицо с подобострастно-подхалимским выражением.

Люба стала недолюбливать Картавцева, когда он в угоду Степанченко начал доставать её. Можно подумать, в классе после этого к нему стали относиться лучше, чем к ней.

Картавцев приглушённо заржал от шутки, показавшейся смешной только ему. Его некрасивое лицо с вечно бегающими выпученными глазами, в которых мелькали нотки безумия, оскалилось по-звериному. Только оскал этот был зверя затравленного, готового укусить только затем, чтобы доказать народу, что он не травоядное, а плотоядный. Вот только настоящий хищник никогда никому ничего доказывать не будет. И такой хищник в классе был лишь один – Степанченко Тимофей.

«Следующий русский – значит, можно выдохнуть! Степанченко и Жваник ни за что не сядут там за моей спиной... Илютина сто процентов припрётся на русский! – размышляла Пospelова, вспомнив об ещё одной глубоко не любимой персоне из 10 «А». – Надо быть самоубийцей, чтобы прогулять урок у собственного классного руководителя! Это не Екатерине Алексеевне наврать с три короба, что тебе плохо

или бабушка заболела».

София и Вера (девочки сидели вместе на первой парте второго ряда) обе сегодня в школе. Жаль. Обычно, если одна отсутствовала, Люба подсаживалась к другой на уроках со слабой дисциплиной. Подальше от буйных и зло настроенных одноклассников. Дружила школьница и с нелюдимою зажиточной отличницей Софией, и с такой же тихоней, как и она, Верочкой.

– Блясюк здесь?..

– Вы неправильно опять произнесли мою фамилию, Лариса Гавриловна, – тихо упрекнула Юлиана, моргнув своими огромными, как у коровы, карими глазами.

«Такая примерная! – грустно улыбнулась Люба. – Кто бы подумал, что эта примерная хорошистка пьёт как сапожник, дымит как паровоз и бесстыже таскается с кем попало!»

– Вы тоже постоянно неправильно произносите моё имя, но я вам за это не выговариваю, – приподняв бровь, в ответку проворчала педагог.

– А что мы в вашем имени коверкаем? – оживился класс.

– Я понял! – выкрикнул Картавцев, и 10 «А» тут же в любопытстве затих. – Мы говорим Вашу фамилию «ПерепиВчай», а надо «ПерепиВчай»!

Учительница улыбнулась, переждала, когда взрыв хохота утихнет, и ответила:

– Вы постоянно забываете букву И.

– Где?!

– В моём отчестве. Я Лариса Гавриилловна, а не Гавриловна. Тут Илютина?

Никто не знает, почему Илютиной нет. Ребята тут же включаются и спрашивают у Бутенко Даши. Она отпирается, мол, не знает, где эта попрыгунья, которая никому не отчитывается. Ну и что, если они подружки?..

Лариса Гавриилловна высказала Дарье, что пора взять Илютину под контроль. Девушка смутилась. Сколько можно ей высказывать за дружбу с Варей? В конце концов, Дарья этой шалопайке в насадки не записывалась.

Илютина, конечно, припёрлась ко второму уроку. Она пришла под конец биологии, но заходить в кабинет не захотела, а встала у одного из огромных окон вестибюля второго этажа. В разноцветных резиновых сапожках – последнем пiske моды (надетых совершенно не по погоде, а ради показухи), в джинсах с рваной коленкой, подпоясанных ярко-голубым, с тиснёным узором и вычурной золотой бляшкой ремнём, Илютина красовалась нарочито в самом проходном месте, чтобы её заметили и подошли почесать языком все самые популярные старшеклассники. На шее Вари небрежно был повязан длинный шарф из тонкой шерсти с бахромой. В руках – джинсовая куртка. В этом году на юге России сентябрьские утренние часы выдались на редкость холодными и свежими, почти морозными.

Моднее и вычурнее Илютиной в классе не одевался никто.

Валентина Борисовна каждый Божий день, лицезрея Варьку, что специально для заметности шаркала модной дорогой обувью в быстром семенящем шаге, оглядывала девчонку с ног до головы придирчиво-оценочным взглядом, в котором читалась смесь неодобрения с чисто взрослым ханжеством.

Дело было в том, что Илютина Варя выделялась не только одеждой. Она была крайне избалованной и кичливой особой, не знавшей тормозов. Мама Варвары ни в чём дочери не отказывала. Более того, родительница не только остро чувствовала перемены в обществе, но и шагала с ними в ногу. Не каждый взрослый был в те годы способен в этом маленьком кубанском городке на такое чутьё. И учителя в том числе. Варя соответствовала молодёжным тенденциям, что проповедовались с экранов телевизоров внезапно хлынувшей в постсоветское пространство западной культурой.

Люба могла Варваре только завидовать. Ведь в её семье всё было по-другому.

Двери кабинетов по звонку распахнулись, и толпа орущих радостных подростков хлынула в коридор. Школьный воздух тотчас же наполнился матерной бранью, бесноватыми воплями и многоголосым ржанием.

Илютина увидела Бутенко в толпе. Подпрыгнув на месте от радости и оживлённо помахав, Илютина поспешила к ней, – такая вся яркая, маленькая – шаркая ногами в быстром торопливом шаге и улыбаясь во весь рот. Столкнулись в бурных объятиях две девчонки, две закадычные подруж-

ки-одноклассницы, будто не виделись они не со вчерашней воскресной тусовки, а целые долгие трудные годы... Варя начала тискать да обнимать Дашу, здороваться звонкими поцелуями в губы.

К подружкам подошли Близнюк, Тарасова, затем троица Гончаренко, Таран и Уваровой. Поцелуйный треск в щёки и губы звонче зазвучал из этой душистой девчачьей толпы.

– Что интересенькое было на биологии?.. Спрашивала про меня училка?.. Ой, да пошла она в жопу!.. А Валя на урок заходила?..

Илютина трещала как сорока. Это её особенность – получать информацию быстро, на лету, не заботясь о деталях. Самое главное, что интересовало Варьку, – конечно, осведомлённость Валентины Борисовны о её прогуле. У классрука не забалуешь, если попадёшься. Поэтому прогуливать уроки даже у самых лояльных и бесхарактерных учителей осмеливались единицы, в которые и входила безбашенная Илютина.

Гончаренко Нина с тонкой ноткой сарказма любопытствовала, почему Варвара пропустила урок. Проспала?

– Ой, Нинель, ну ты что, зайка?!.. Еле встала с дивана от похмелья после дискотеки – так кружилась голова! Я вчера даже до своей кровати не доползла, так и бухнулась в зале... Мы до пяти утра после закрытия «Торнадо» с Вальком и Лёликом курили на тех пеньках... Помнишь, каких?.. Пеньков, а не пацанов!.. Они на углу моей улицы и Красной. Мы с тобой по этим пенькам в шестом классе прыгали... И совсем

не поспала...

– Ты ж моя бедная! – присюсюкивая в лицо подружке, сыронизировала Бутенко, и одноклассницы посмеялись по-доброму над Илютиной.

Варя бахвалилась да любовалась собой и этим пересказом своих ночных приключений одновременно. Никто из компании не знал, кто такие эти Валёк и Лёлик. Но зато все знали, что Варвара Илютина – очень общительный и легкий на новые знакомства человек, что ей море по колено, дай поболтать да посплетничать. Благодаря такой невероятной открытости и полному отсутствию комплексов Илютину знала чуть ли не вся станица.

– Короче, вам по секрету расскажу: меня вчера такой офигенской новой дурью угостили! – заговорщически наклонив свою маленькую коротковолосую перегидроленную головку с кучей заколочек, стала шептать Варвара. – Знаете, что за шмаль?..

– Совершенно не хочу знать, что вы там курили да нюхали! – обрезала её Ира Уварова.

Обычные сигареты потребляла большая часть класса. Проще было перечислить, кто не дымил. Курить было стильно и круто. Затягивались музыканты в своих клипах, пуская чудные клубы дыма. Курили в модных зарубежных сериалах актёры, изображавшие молодёжь. Мода на курение пришла в эту южную станицу вместе с телевидением и отголосками веяний из крупных городов. А вот лёгкие и не очень нар-

котики в скрутках и всякие сомнительные смеси были для школьников пока пугающим и запрещённым. Илютина, не знаящая ни в чём отказа, ныряла в любую авантюру с головой. Ей в классе эту безбашенность снисходительно прощали, но по её стопам топтать ко дну никто не собирался.

Позади одноклассников, шумевших вокруг Илютиной и Бутенко, медленно шла Пospelова Люба и внимательно слушала чужую болтовню. Она старалась не вклиниваться в эту стайку и не обгонять девочек, боясь кого-нибудь ненароком толкнуть да обратить на себя внимание. Попутно ей слышался диалог:

– Может, нам повезёт, и Валентины не будет?..

– Ага, мечтай!..

– Я видела, как её с утра муж к школе привёз.

На русском Валентина Борисовна, конечно, спросила, кого нет вообще и кто не был на первом уроке. Но Илютина только зря тревожилась, потому что тему пропусков первого урока классрук сегодня глубоко копать не стала.

Глава 2.

– Папа, я помою голову?

– Мой, конечно, если надо. Главное, не простудись...

Смотри, холодной водой не вздумай! Чайник вскипяти, дверь в котельную прикрой да полотенца взять с собой не забудь, – ответил Любе отец, торча в проёме окна и выдыхая сигаретный дым в маленькую квадратную форточку.

Любин папа, Василий Михайлович, был заядлым курильщиком. Никакие сигареты, кроме «Примы», не признавал, непонятно почему: то ли экономил, то ли привык. Только эти – дешёвые, без фильтра, в квадратной красной упаковке, вонючие и горькие.

Курил он обычно либо сидя на ступеньках дома, либо в открытую форточку окна кухни, стоя на скамье, приставленной к батарее у окна и опираясь одной коленкой на подоконник. Когда папа курил, то полностью погружался в себя, думая свои заветные думы.

Василий Михайлович вообще много думал. Люба не помнила, чтобы он когда-либо оживлённо поддерживал разговор или был многословен.

Кроме сигарет, любимым занятием Любиного отца было чтение местных газет и книг да просмотр по ящику сводок новостей. Отец никогда не пропускал новости на ОРТ, слушал внимательно и раздражался, если эмоциональная мама

начинала влазить и бурно высказывать своё мнение, оспаривать ведущего или критиковать. Папа, в отличие от мамы, спокойно воспринимал информацию, и, когда передача заканчивалась, выключал телевизор. Больше он сам ничего не смотрел.

Потом, уже поздно вечером, от нечего делать, папа и мама бурно за чаем с вареньем обычно обсуждали лидеров страны, по их простому сельскому мнению, продавших иностранцам Россию, пьяницу-президента да какого-нибудь блудливого американского сенатора.

Только сегодня родители Любы обсуждать ничего не будут. Мама опять задержалась на железнодорожной станции, где работала товарным кассиром. Шёл уже десятый час вечера, а калитка до сих пор ещё не издала протяжный ржавый скрип несмазанных петель, переходящий в громкий железный грохот удара двери о столб.

Люба, переживая каждый такой вечер за заработавшуюся маму, все же не стала испытывать судьбу. Надо пользоваться моментом, пока можно прикрыться разрешением папы. Девочка зажгла газ и поставила чайник.

Горячей воды в частном доме Пospelовых не было. В котельной – малюсенькой комнатке возле кухни-гостиной – был уродливый, с ржавыми пятнами на месте сколов эмали, рукомойник с ему под стать убогим краном. Это чудовище держалось на железных прутах, вбитых в стену, а под ним тянулись канализационные трубы, уходившие в дыру в

деревянном полу. У этого рукомойника-умывальника, единственного на весь дом, вся семья умывалась, чистила зубы, мыла руки, посуду (если ели в доме, а не в летней кухне), отскребали от грязи уличную обувь да стирали нижнее бельё и носки. Раковину редко кто чистил, и она стояла на своих страшных подпорках и сверкала своим сальным, грязно-жёлтым налётом и мокро-серым осадком на дне, у слива. Именно в этом рукомойнике, поставив на него сверху таз, Люба собиралась помыться, пока мама не имела возможности её за это отругать.

Поспеловы купались по воскресеньям в бане, которая находилась внутри летней кухни. Там для ежедневной гигиены было слишком холодно, а больше помыться полностью было негде.

Ванна в хозяйстве была. В самом доме, в котельной. Там же, где торчал отвратительный рукомойник для всех возможных нужд. Ванна красовалась в котельной как диковинный реквизит, редкого – для ванны тех времён – бирюзового цвета (и где только мама в СССР её откопала!), не подключённая ни к воде, ни к септику. Бесплезная, бесхозная и ненужная. В ней хранили всякий хлам: мешки с засушенной травой, не пригодившиеся в хозяйстве тазики и рис, полный долгоносиков. По ночам в ванну скатывались несчастные тараканы и, не имея ни единого шанса выбраться по скользким эмалированным бокам, окочуривались на дне лапками кверху. Их сушёные трупы находились добрыми десятка-

ми, когда кто-либо из родителей лез за травой для бани.

Стоя на цыпочках в коряво-изогнутой позе над тазиком в раковине, Люба торопливо промыла свои волосы и, отжав воду, обернула их двумя полотенцами. Осталось высушиться феном, имевшимся в хозяйстве, правда, дувшим очень слабыми потоками горячего воздуха. Если поспешить, то сухой голова будет к маминому возвращению. «И почему, – сокрушалась Люба, – я не сообразила помыться раньше!»

Грохнула, а затем протяжно скрипнула калитка. Люба поспешно выдернула из розетки вилку фена и спрятала его в трельяж. Она из комнаты слышала, как мама вошла в коридор, разулась и прошла в зал, где начала о чём-то устало говорить с отцом. На часах – без пятнадцати одиннадцать.

Глубоко вздохнув, школьница потопала навстречу.

Александра Григорьевна обернулась, услышав позади себя звук открывшейся коридорной двери, и посмотрела суровым взглядом покрасневших от усталости глаз.

Мама еле держалась на ногах. Лицо осунулось за день проверки огромного количества накладных, счетов, квитанций и табелей, а тело выдавало желание упасть незамедлительно в кровать безо всяких подготовительных ко сну процедур.

– Голову помыла?! – в голосе звучали тяжёлые ноты глубокого неодобрения и недовольства.

– Нет, мамочка, что ты!!! Просто мокрыми руками пригладила, чтобы башка не казалась такой грязной! – поспеш-

но выдохнула Люба свою заранее подготовленную оправдательную речь.

– А ну, подойди-ка!..

Школьница повиновалась. Женщина попробовала наощупь волосы. Они были чуть влажными и ничем не пахли. Дочь сообразила помыться хозяйственным мылом.

– Смотри мне! Купаться надо только в бане! В жаре. Иначе простуду подхватишь и менингитом заболеешь! Будешь потом в дурке от боли выть и на стенку лезть. Все, кто моются в ванной, заболеют рано или поздно. А тебе черепушка умная да здоровая пригодится! Кому больная нужна будешь?..

Люба кивала, соглашаясь с каждым маминым словом. Сегодня удача была на её стороне, и завтра не придётся собирать сальные патлы в ненавистный хвостик. Это была маленькая Любина победа.

Шла большая двадцатиминутная перемена. Время питания в школьной столовой и для личных нужд. За это время школьники успевали покурить, сбегать за жвачкой и лимонадом в неподалёку стоящий ларёк, купить жареных семечек у бабулек, плотным рядком усевшихся на табуретках с тазиками товара прямо возле забора, у входа на территорию школы.

Директор, учителя и, в особенности, уборщицы кляли на чём свет стоит и предприимчивых бабок, и их горячие, только со сковороды, солёные семечки. Вся школа – то тут, то там

– была заплёвана подсолнечной шелухой. Шелуха была в батареях, на подоконниках, на полу и ступеньках, под партами и даже на полках шкафов в кабинетах. Школьники покупали хрустящие семена подсолнуха – и грызли, грызли. Бабушки, распродав один таз, шустро тут же бежали жарить другой, чтобы ко следующей перемене быть во всеоружии.

Директор неоднократно гонял бабок от забора – они сначала садились чуть дальше, а потом возвращались. Это были 90-е – каждый выживал как мог.

Уборщицы в раздевалках проверяли детские карманы и выбрасывали найденные семечки. Щелкунов, пойманных в школе с поличным, одаривали щедрой бранью, всучивали веник с совком и заставляли подметать место преступления. Всё было без толку. Семечковая война не имела ни конца ни края. И такая война шла во всех четырёх школах южного городка.

Люба, поев в столовой, подошла к столику с выпечкой и купила на собранные чудом гроши свою любимую сдобную булочку с хрустящей посыпкой. Работники столовой невероятно вкусно пекли. И если у Любы удачно гремело в кармане несколько монеток, в ароматных столовских пирожках школьница себе никогда не отказывала.

Урок химии, следовавший сейчас по расписанию, был одним из ненавистных для Любы занятий. Девочку раздражали предметы, которые она не понимала. Для неё такие уроки были временем, потраченным зря. Проголутать, читая книги в

библиотеке, такие уроки нельзя, заняться на них своими делами – тоже нельзя. Сидишь, молишься, чтоб не спросили, и моргаешь глазами.

Химия проходила в восточном крыле второго этажа. Небольшой коридор этого крыла – без единого окна, очень плохо освещённый и глухой – слыл местом, где неблагоприятными школьниками свершались плохие поступки. Темнота коридора, его аппендиксное строение, удалённость от учительской, директорской и проходных светлых зон, малое количество кабинетов притягивали сюда, в самый конец, всех желавших темноты, тайны, закулисных шалостей и сокрытия совершённых грехов.

Люба не любила этот коридор. И было за что. Здесь особенно её обожали задирать дружбаны Степанченко, а двое из его шайки на этом месте её в прошлом году как-то весьма больно, от нечего делать, побили.

Сегодня в тёмной клоаке было весьма людно и шумно. Кроме Любиного класса, столпившегося у дверей кабинета химии, у противоположной стены скучковался 10 «Д», шумный, весёлый и очень дружный.

«На прошлых неделях их здесь не было», – подметила Люба и призадумалась.

Главное – не стоять здесь, в коридоре, одной. На этой перемене тут настолько людно и громко, что никто и не заметит, как тебя, грушу для битья, в место потемнее толкает или тащит группа нехорошо настроенных школьников, что-

бы всласть поглумиться.

Люба начала осматриваться и столкнулась взглядом с Тимоном. Этот чернобровый шатен как всегда стоял окружённый своей свитой и другими мальчишками из класса. Большая часть коллектива 10 «А» дружила с Тимофеем, а оставшимся он позволял с собой дружить. Сейчас мальчишки – Люба сразу это поняла – обсуждали её. Все парни, как один, продолжая щёлкать семечки, уставились на Пospelову – кто-то с ехидной усмешкой, кто-то с отвращением, а кто-то, как Крюков и Мережко – с лёгкой иронией.

Люба, зная, что оскорбляет взор Тимона даже своей тенью, старалась всегда, как могла, на глаза ему не попадаться. Но в данный момент ей явно не повезло.

– Убогая, аж зенки кровью обливаются! – намеренно громко говорил Степанченко, язвительно и зло глядя прямо в лицо смотревшей на него и хорошо всё слышавшей Любе, прекрасно зная, что доставляет девочке своими словами невероятную боль.

– Местное пугало! – поддакнул Илюша Жваник и брезгливо оскалился. – Если б эта чувырла осталась последней бабой на земле, я б предпочёл откинуться!..

– Я б зашил следом! – поддержал, скривившись от омерзения, Сысоев. – Стопудняк, у Пospelовой дома зеркала нет. Если б хоть раз себя в нём увидела, больше б наш класс своей рожей позорить не пришла!

Люба от услышанного съёжилась. Слова ребят заставили

голову девочки втянуться в шею, шею – в плечи, плечи – в позвоночник, а затем и весь корпус тела вжаться в пол коридора в надежде стать невидимкой.

Она боялась Тимона. Ожидая от него с ужасом каждый день порцию свежего хамства, ровесница про себя неистово молилась о пощаде. Тим не выносил Пospelову, но ему стоило только начать. Остальное цунами негодования выражала его братия.

«Нельзя оставаться одной! – крича, метнулась мысль-истеричка в голове Любы. – Встань куда-нибудь!»

Позади Тимоновой кучи занимали друг друга лёгкой болтовнёй, делясь по кругу семечками (навверняка пацаны у них взяли), Лёвочкина, Виноградова, Рашель, Селиверстова и Лыткина. Эти девочки сторонились её, но не отталкивали. Люба робко подошла к собравшейся кружком компании. Они её заметили, но место в круге давать не спешили.

Чуть сбоку молча стояла отличница Лаврентьева София. Пospelова протянула сдобу.

– Будешь?

София отрицательно качнула головой. На звук повернулась любопытная Виноградова.

– Хочешь булочку? – предложила Люба от нечего делать уже ей. Камилла усмехнулась, оценивающе взглянула на еду и отказалась. Фигуру бережёт.

Благодаря повороту Виноградовой в девчачьем кружке у самой стены появился просвет, чтобы встать. Люба аккуратно

но вклинилась и продолжила предлагать плюшку остальным.

– На кой всем паришь несчастную, никому не нужную булку?! – высмеяла тихоню Лёвочкина. – Жуй сама! Никто брать у тебя её не собирается!

– Правильно и делает, что делится, а не жрёт в одно рыло, да ещё демонстративно, у всех на виду! – одёрнула Надю разозлившаяся Камилла. Лёвочкина, сконфузившись, притихла, покраснев и опустив очи долу, так как отлично поняла, что «жрёт в одно рыло демонстративно» адресовано ей.

Люба, испытав моральное удовлетворение от красной физиономии зарвавшейся Редиски, мысленно поблагодарила Камиллу.

– ...хоть и богатая, а никому не нужная, – донеслись до Пospelовой слова Илютиной. Она развлекала своим трёпом трио Уварова – Гончаренко – Таран и тоже щёлкала семечки, плюя кожуру на пол. Девочки вчетвером смотрели на ровесницу и улыбались.

«Ну вот, опять! – расстроилась Люба. – Обсудить больше некого?»

– Что уставилась, Пospelова?! – с вызовом рявкнула Варвара. – Себя узнала?!..

Илютина прекрасно знала, что скажет безответная Люба на этот прямой вопрос.

– Нет...

– Тогда нехер тарашиться на приличных людей!.. Это невежливо! – выпалив, Варя повернулась к посмеивающему-

ся трио и расхохоталась.

Любина проблема была в том, что она совершенно не умела защищаться: не могла, не знала, боялась, более того, совсем не понимала – как это, защищаться. Как это – не дать себя в обиду, отвесить сдачи. Ей казалось, что если начать обороняться, возвращать обидчикам всё, что те делали и говорили, станет ещё хуже и гаже, чем было. Что перетерпеть – единственный путь спасения и выживания в средней школе номер семь.

К сожалению, Пospelова не догадывалась, насколько такая тактика ошибочна. Что если терпеть и молчать, травля не прекратится. Но и откуда взять защиту, помощь, девочка тоже не знала.

Лёвочкина (на радость Любе) переместилась к другой стенке и стала оживленно триндеть с Исаковой Алесей. От последней разило за весту тяжёлым сигаретным дымом и «ароматами» школьного туалета, смешавшимися с запахом хлорки. Духи, напшиканные сверху всего этого амбре, привязавшегося к одежде одноклассницы, явно выкурившей не одну папироску, ситуацию не спасали.

«Исакова неплохо так опоздала сегодня на первый урок литературы. Вообще страху не знает!» – одновременно восхищаясь и порицая, подумала Люба. Мама Алеси на собрания не особо ходила и язвительно-осуждающие замечания от Валентины Борисовны воспринимала равнодушно.

«Интересно, а предки Лёвочкиной знают, что Алеся и На-

дя снова общаются?» – пронеслась в Любиной златорусой головушке мстительная мысль. Мама в прошлом учебном году, придя с последнего собрания, посмеивалась, что круглая отличница Лёвочкина в результате закадычной дружбы с распутной троечницей Исаковой сильно упала в оценках, чем изрядно обеспокоила и Валентину Борисовну, и своих, имевших тщеславные планы на будущее дочери, ушедших родителей. Девочкам было строжайше запрещено кентоваться. И вот те на! Новый учебный год, а эти кумушки снова вместе судачат!

Вообще не разлей-подружки Лёвочкина и Исакова представляли весьма колоритный дуэт. Надя – маленькая, щуплая, сутулая, одетая строго и скромно, за пятёрки готовая загрызть – в глазах учителей выглядела эталоном нормальности и правильности. Алеся же носила наряды раскованные: колготки-сеточки, обувь на высокой платформе либо на каблуке, мини-юбка, кожаные штанишки в обтяг на кривоватых ногах, кружевные полупрозрачные кофты с глубоким вырезом; в ушах – куча серёжек, тёмный макияж. Плюс абсолютно попустительское отношение к учёбе и нормам приличия. Черт поймёт, что их сближало! Но комично было смотреть, как в школьном коридоре простенькая, совсем ещё девочка Лёвочкина Надя стоит и глупо хихикает рядом с Исаковой, целующейся в засос со своим бородатым парнем, старше подруги лет эдак на десять. И Люба вообще не понимала, что заставляло Надю торчать подле этого показушного разврата,

краснея, как Сеньор Помидор.

Перемена постепенно подходила к концу, и людей в коридоре всё прибывало и прибывало. Одноклассников интересовало, будет ли у них химия, так как 10 «Д» припёрся сюда за тем же. Суетливые Виноградова и Рашель уже сбегали к стендам проверить расписание на наличие изменений, но ничего ценного не нашли. Некоторые оптимисты размечтались, что класс отпустят, и тогда они пойдут да поклянутся на физ-ру к обожаемому Александру Анатольевичу, а потом свалят по домам.

«Лучше пусть не будет и химии, и физ-ры!» – в надежде закатила глаза Люба, не выносившая спортивные игры и эстафеты, с которыми плохо справлялась. Школьница видела, как некоторые одноклассницы лелеют ещё и (кроме мечты об отсутствии урока) совместные посиделки с 10 «Д», здесь и сейчас, в одном кабинете. В глазах девочек это выглядело так зажигательно!

10 «Д» слыл с лёгкой руки учителей не таким замечательным, как «А», потому что в нём собралось немало шалопаев, грубиянов, забияк и тому подобных нарушителей порядка. Но был и солидный костяк. Худшим по выходкам гремел 10 «Г» – по слухам, на их уроках происходил полный караул.

Поспелова толком ни с кем из 10 «Д» знакома не была. Признавала в лицо из этого класса только Семёна Фарафанцева, закадычного друга Тимона, и то потому, что хата этой

белобрысой рожии находилась вместе с Любиным домом на одном переулке.

Зато «Д» изобиловал красавчиками. Потенциальными, так сказать, женихами. Женихи эти, конечно, являлись харизматичными, задиристыми стилистами с привлекательной внешностью (само собой, под школьной харизмой подразумевались склонность к эпатажу и публичность). На переменах эти сливки мужского общества тусили либо в вестибюлях первого-второго этажей, либо на лестничных переходах, или на улице, под тополями. Ну и, на крайняк, кучковались у единственного школьного туалета, в самом конце двора, чтобы погалдеть да покурить. Главное, у всех на виду, привлекая девичье внимание своей популярностью и цветущей юностью.

«Наверное, к сортиру убежали точить лясы Илютина с Бутенко», – оглядываясь по сторонам, размышляла тихоня. – «Почему Виноградова с Рашель торчат здесь, в тёмном коридоре, а не кокетничают где-нибудь на видном месте, остаётся загадкой».

Раздалась трель звонка. Учитель химии открыла дверь и выпустила подростков 10-х «А» и «Д» в кабинет. У «Д»-шек не было какого-то урока, и химичка подобрала их, дабы не болтались без дела, мешая своим ором и трёпом образовательному процессу.

– Они будут с нами? – спросил кто-то из Любиных одноклассников. Видимо, надеялся, что ученики из «Д» ошиб-

лись, или же удостоверился, что на химии точно будут свежие интересные лица.

Чужаки, стесняясь, поспешно шли на галёрку, смещая «А» к передним партам. Мест, разумеется, не хватало, и старшекласники садились по трое, а то и четверо, теснясь и прижимаясь, оглядывая присутствовавших с нервным любопытством. В соседних кабинетах клянчились стулья. Стоял грохот и скрип. Оба класса от балагана только выигрывали: не будет ни фронтального опроса, ни лабораторной. Столько человек за раз не проконтролируешь и не проверишь. Приигрывала учитель, взявшая в обузу шестьдесят тел разом.

Влетели, пропахшие насквозь сигаретным дымом, ненадёжно приглушённым духами и жвачкой, Илютина и Бутенко. Галёрка уже забилась, так что кумушки вынуждены были подсесть к первым партам. «Так вам обеим и надо!» – злорадствовала Люба.

– Слышь, давай махнёмся! – знакомый голос заставил школьницу обернуться. Позади мостились, поменявшись партами с девочками из соседнего класса, Тимофей, Сысоев и Жваник.

«Неужели чтобы унижить меня при посторонних?!» – задергалась тихоня. Паника нарастала и смешивалась со злостью и гневом.

– Поспелова и Федотова, валите на наше место, а мы пойдём на ваше, слышите?! – толкнул её в бок Сысоев.

«Ага, понятно! Хотят быть ближе к Виноградовой и Ра-

шель, усевшихся впереди. Всего-то?.. Да ради Бога!» – Люба и её соседка стали было подниматься, но тут уже их одёрнула химичка, которой изрядно надоели шебуршания двух коллективов.

Позади с досадой цыкала невезучая троица. Заигрываниям с Камиллой и Анюткой не бывать, ха-ха! Прелестницы как раз вертелись, словно заведённые, перед Любиным носом, высматривая потенциальных ухажёров. Обе, возбуждённые фактом совместного урока с другим классом, подпрыгивали на стульях от радости, что могут поразглядывать клёвых мальчиков в рабочей обстановке.

Тихоня не могла разделить их ажиотажа. Парни, облюбованные смелыми кокетками, по своей натуре походили на Степанченко Тимофея, внушавшего Любе одновременно и страх, и надежду понравиться. Правда, школьница давно поняла, что желание нравиться Тиму в её случае совершенно безнадёжно. А значит, так же безнадёжно по отношению ко всем подобным популярным красавчикам. Поэтому зажатая девочка лишь аккуратно наблюдала за красавчиками да следила, чтобы они её за этим (сохрани Боже!) не поймали.

– И-и-и-и-и! – взвизгнула, подпрыгнув, Рашель Аня, вцепившись в руку Камилле от распиравшего восторга. Камилла тут же обернулась к двери, облизав губы. Её узкое, скуластое лицо оживилось. Брови взволнованно взметнулись вверх над широко открытыми накрашенными глазами.

В кабинет с опозданием, распахнув рывком дверь, вошла

небольшая компания чужих мальчишек (скорее всего, куривших на перемене за туалетом) и вальяжно пошла по-над стеной к забитой битком галёрке.

Поспелова изумлённо огляделась: словно по приказу, все девочки, замерев, таращились на жемчужину пацанской компании – сногшибательно красивого брюнета.

Стройный, с узкими бёдрами, хорошо очерченной мужской талией и широкими плавными плечами, юноша был одет в однотонную чёрную футболку и светлые джинсы, немного потрёпанные у передних карманов, в зоне колен и уже изрядно потерявшие цвет, но не опрятность, подпоясанные самым обыкновенным кожаным ремнём. Смуглая кожа аппетитно желтила, но не выглядела грязной, а, наоборот, на фоне большинства белокожих школяровставляла парня эдаким цветным экзотическим фруктом. На высокой шее покоилась насмешливая голова. Утончённые, можно сказать, даже породистые, черты лица. Средней полноты, изогнутые, словно натянутый лук, губы, кончики которых глумливо подрагивали вместе с бровями, густыми и чётко очерченными. Брови рисовались изящными дугами над большими, будто бездонными, чёрными глазами, внешние уголки которых тянулись кверху, отдавая чем-то азиатским. Густой пух длинных закрученных ресниц подымался медленно вверх-вниз, делая умный взгляд юноши бесцеремонно-бесстыжим, с примесью авантюризма. В левой мочке чуть оттопыренных аккуратных ушей красовались два крошечных серебряных

кольца, а в правой – серьга-гвоздик. С серьгами парни разгуливали только на экране телевизора, а мальчики этой школы не позволяли себе прокалывать уши, поэтому нахал выглядел на фоне других ещё более безбашенным и вызывающим. Запястье правой руки обвивал в несколько обхватов самодельный браслет-цепь, оплетённый толстой чёрной нитью. Щетина над верхней губой, щеках и точёном подбородке была сбрита – мальчишка за собой явно следил в отличие от большей части Любиных одноклассников, разгуливавших на глазах у всей школы с портящим лицо цыплячьим пушком.

Парнишка, войдя, притормозил на пару секунд и – придирчиво, нагло – осмотрел сборный коллектив. Он явно чувствовал себя в неуклюжей суতোлке вольготно и самоуверенно. По-королевски.

Протолкнув широкоплечего красавца слегка вперёд, дабы освободить проход, вошёл его брат-близнец. В чёрных, с оттюженными стрелками штанах и тонком шерстяном тёмно-синем свитере. Такой же смуглый, жгучий, яркий и красивый.

Братья были похожи как две капли воды: точёные овалы лица, выразительные пушистые глаза и аккуратные носы с едва заметной горбинкой. И одновременно их легко можно было отличить. Близнец тоже выглядел человеком гордым, но не склонным к авантюрам и вызывающим замашкам. Если в первом брате с ходу читалась гордая наглость, то во вто-

ром наоборот – гордая степенность. От него веяло спокойствием и сдержанностью.

У второго близнеца не проколоты уши. Густой смоляной волнистый волос коротко и опрятно подстрижен, безо всяких модных штучек. Тогда как у вошедшего первым брата верхние пряди отпущены длиннее нижней части затылка да висков и выборочно покрашены жёлто-пшеничным цветом – явно кустарно, любителем, решившим поиграть в парикмахера.

Второй близнец не стал рассматривать сидящих. Лишь быстро оценил обстановку, поправил рюкзак на плече да пошёл к задним партам. Первый – будто по негласной команде, словно очнувшись – двинулся следом.

Оба брүнета выделялись среди старшеклассников не только яркой внешностью, но ещё и потому, что были цыганами. Только вот цыганами они являлись весьма нестандартными, чем и приковывали жадное внимание местных ровесников.

Парни, во-первых, отличались скульптурно-породистыми чертами лиц от приевшихся здешнему населению станичных цыган, попрошайничавших на рынке да у автовокзала: круглолицых, щекастых, безвкусно пёстрых нерях, с выпученными кучерявыми глазами, густыми широкими бровями да кудрявой головой, невежественных и лукавых. Братья выглядели чистоплотно, одеты сдержанно, но современно.

Во-вторых, близнецы учились – Люба видела мальчиков

в коридорах и во дворе постоянно. Цыганские же местные дети в школы и детские сады не ходили никогда.

В-третьих, они просто казались другими. Чужими. И внутренним духом, и манерой поведения – что притягивало и цепляло одновременно.

Аня Рашель, Виноградова Камилла, да и другие девочки любовались близнецами да провожали их взглядами до галёрки. Там сидевшие приглашали их расположиться рядом: братьев явно в «Д» уважали и любили. Ровесницы посмелее сустились, пододвигались и приветливо улыбались, стремясь заинтересовать собой.

Люба восторга сверстниц от опоздавших на урок цыганских парней не разделяла. Их мужская красота была, бесспорно, видна ей, но тихоня не позволяла себе заинтересоваться ровесниками или, что ещё хуже, влюбиться. Потому что строго воспитанная Пospelова Любовь сторонилась да опасалась восточных и кавказских выходцев, в немалом количестве переехавших на юг России в 90-х годах.

С самого раннего детства мама вдалбливала ей в голову держаться подальше от цыган, турок, армян, грузин, лезгин, греков и других похожих народов. Потому что, по мнению родительницы, такие жаркие горные товарищи ничего доброго и полезного порядочной светлой русской девочке не дадут. Более того – испортят репутацию, исковеркают жизнь, опозорят! Сама Люба, наслушавшись жутких нотаций, уже и не знала, принадлежит ли эта тревожная неприязнь лично

ей, её душе и мыслям, или является собственностью мамы, боявшейся за ещё не случившиеся выборы дочери да стремившейся их удавить в зачатке тотальным контролем. Именно благодаря суровой позиции Александры Григорьевны тихоня расценивала вздохи-метания сверстниц по восточным мальчикам (а также общение и дружбу) как плохое воспитание, неуважение к девичьей чести, откровенное непотребство да распущенность. Лишь оставаясь наедине с собой, Пospelова с горечью признавала, что на самом деле завидует чужой свободе и праву выбора.

Кроме предвзятого отношения к иным национальностям, приобретённого от настороженной мамы, Люба ещё чувствовала, что эти двое такие же, как Степанченко Тимофей, – хищники. Хищники сильные, агрессивные. А она – слабая, не способная за себя постоять. Тимон, близнецы-цыгане да им подобные опасны для неудачников вроде неё. От таких людей (жизнь Пospelову жестоко научила) нужно держаться на достаточно безопасном расстоянии ради сохранения душевного равновесия.

Химик и не думала надрываться на два класса. Она попросила достать двойные листочки, открыть учебник на странице 28 и решить задачи под номерами 2, 4, 7 и 9. Оценки пойдут в журнал. Не успеете – ваши трудности.

Хитрый и правильный ход со стороны педагога. Оценок по химии всегда мало, исправить – сложно. Пусть весь урок

вместо интриг, хулиганства да болтовни школота пыхтит над формулами и не надеется свалить задарма.

Началось шебуршание в портфелях, зашелестели страницы. Кабинет нервно, но приглушённо зашумел. Каждый искал у кого списать, так как детей, талантливых в химии, были единицы даже в «А» классе.

Понимая, что сильных учеников затуркают, не дадут совершенно работать, учительница предупредила, что пойманных на списывании и нарушении дисциплины ждёт двойка в журнал без возможности исправления. Десятиклассники притихли.

Люба была слаба в химии. Ей легко давались русский язык, литература, история, английский, но не точные науки. Правда, Поспеловой сегодня повезло: рядом сидела дружественная Федотова Вера, а впереди – Камилла, настроенная к тихоне более-менее нейтрально. Вера сколько-нибудь могла решать химические задачи, а Виноградова в предмете вообще слыла асом.

Перед Поспеловой замаячил высокий шанс списать хотя бы на тройку. Вот только гордыня не позволяла сдирать открыто, когда в кабинете сидит шестьдесят человек, и львиная часть из шести десятков озирается, крутится, тыкает соседей да шёпотом пытается дозваться до тех, кто подальше. Уж больно Любе, и так совсем не уважавшей себя, не желалось выглядеть в глазах чужаков ещё одной тупицей и слабачкой. Пусть её способности знали в «А», но показывать

чужим свою бездарность тихоня не собиралась. Девочка вырвала из тетради черновой лист, на котором, низко склонившись, принялась строчить тарабарщину, напоминавшую химические уравнения только присутствием элементов из таблицы Менделеева. Со стороны можно было подумать, что школьница, корпящая над листком, согнувшись в три погибели, реально соображает. Нет, не просто соображает, а является неоспоримым химическим гением!

– Виноградова! Виноградова! – позвали позади.

Одноклассница не оборачивалась.

– Твою мать!.. Камилла! – снизошёл Тимон.

Брюнетка степенно повернулась.

– Чего надо?

– Охренела?!.. «Чего надо»! – передразнил девочку Степанченко. – Списать дай!

– А что мне за это будет? – прищурившись, поинтересовалась красавица.

Илья и Матвей, пригнувшись, заржали.

– В смысле «что будет»?.. Вконец охренела?!.. Списать дай, говорю, крыса ты!

Камилла бы с удовольствием попререкалась на равных с зарвавшимся одноклассником, если бы ненароком не заметила, как с галёрки за ней наблюдают чужаки из 10 «Д». Степанченко надо было спустить с небес на землю во имя своего же имиджа.

– Да пошёл ты, Кабан!.. Заткнись! – зло кинула Виногра-

дова и стремительно развернулась, колыхнув своей густой каштановой гривой.

Степанченко от возмущения задохнулся и побледнел. Кличку «Кабан» ему прилепил какой-то станичный старшак, которого Тим, по слухам, боялся. За какие качества парнишку наградили кликухой, в классе никто не знал. Шатен это погоняло, естественно, не любил и готов был подраться с любым, кто в подражание врагу смел его так обозвать. Поэтому позывной за Тимоном заочно висел, но Кабаном никто шатена в 10 «А» не величал. Так что Виноградова только что совершила невиданный прецедент.

С галёрки раздался глумливый хохот. Смеялись явно со Степанченко, ядовито и издевательски. Кто-то выходку Камиллы очень даже заценил.

Люба не смогла сдержать любопытства и обернулась.

Закинув руки за голову и вальяжно покачиваясь на стуле, смеялся цыган с мелированными волосами. Сидящие рядом с ним мальчишки – явно его друзья – тоже во весь рот скалили зубы.

Степанченко сжался ещё больше.

«О-о-о-о-о!.. Да этот цыган круче Тимона!» – с удовольствием отметила Люба. Впервые она видела обидчика столь скукоженным и напуганным. Тихоня, наслаждаясь зрелищем, злорадствовала.

Химичка, услышав ржанье парней, оторвалась от проверки тетрадей и посмотрела на источник шума.

– Сэро, ты сегодня хочешь получить «два» и выйти вон за дверь?!.. Дисциплину решил мне тут нарушить?!

Цыган не стал торопиться с ответом на предъявленную претензию. Он буквально несколько секунд будто пораздумывал над сказанным в свой адрес, потом весело глянул на химичку и размеренно, немного оттягивая каждое слово, вкрадчиво произнёс:

– Никак нет, Марья Игнатьевна!.. Разве я могу?..

– Очень надеюсь, – смягчив тон, быстро ответила покрасневшая и смутившаяся Мария Игнатьевна. Зная, что подростки видят неловкость, не подобающую даме бальзаковского возраста, педагог быстро переключила внимание на другого брата. Тот, лишь слегка отвлекшись на замечание, адресованное Сэро, сосредоточенно продолжил работать над проверочной, тихо советуясь с коротко стриженной белобрысой девочкой-соседкой.

– Имир, повлиял бы на родственника-повесу, что ли!.. Когда брат возьмёт с тебя пример и начнёт, наконец, учиться?!..

Имир медленно поднял голову, задумчиво посмотрел на преподавателя и, неопределённо пожав плечами, снова занялся делом.

– Под строгую опеку взял бы братца, а?!.. Как пионеры когда-то делали! – не сдавалась химичка, видимо, надеясь, что занятый проверочной близнец включится в разговор.

Имир снова отвлёкся от работы и серьёзно, без тени улыбки на лице, ответил:

– Ну так то ж было «когда-то». Смысла нет поступать, как давным-давно никому не интересно.

Огорошенная, учительница потеряла дар речи. Умник добавил:

– А когда Сэро начнёт учиться, мне лично дела нет. У него своя голова на плечах имеется.

Поспелова с такой безапелляционной наглости далась диву.

«Какие, однако, любопытные!.. Имя у крашеного смешное!.. Интересно, как прикальваются с его чудного имени?.. Сэ-э-э-ро-о-о-о!» – протянула школьница, хихикнула, огляделась и поняла, что смешно только ей. Когда Мария Игнатьевна обратилась к парню по имени, никто вообще не среагировал. Одноклассники явно Сэро уважали.

Люба тоскливо позавидовала черноглазому мальчишке. Ну как с настолько странного имени и не смеётся никто! Разве такое бывает?!..

Время урока неумолимо испарялось вместе с шансом списать.

Сэро надоело бездельничать. Надо обеспечить себя в журнале любой оценкой повыше двойки.

Друг рядом рисовал синей пастой какую-то ересь – явно клал на суету большую кучу равнодушного дерьма.

Другие два соседа уже списали, но решение оказалось неправильным, и теперь они дёргались в поисках лучшего.

Брат содрать не даст. Имир в этом плане вредный и принципиальный по отношению к любому, а к близнецу – в особенности. А если и даст, то Сэро придётся отбывать, и немало. Имир выставял за списывание родственнику цену высокую, чем ещё больше отбивал желание обращаться за халявой в учёбе. Сэро клянчил у Имира, только когда совсем прижимало, но старался, чтобы «прижимало» как можно реже. Впрочем, Сэро всегда находил у кого списать. Наглости и обаяния парню не занимать, плюс ему никто никогда не отказывал. Цыган благотворителей ни под каким предлогом не обижал, даже покровительствовал им.

На четвёртой парте первого ряда, примерно на расстоянии двух метров смуглокожий мальчишка заметил школьницу из параллельного класса, яростно корпевшую над проверочной. Сгорбившись от неистового труда над задачами, робкая девчонка не поднимала головы. Золотистые волосы чуть ниже плеч закрывали лицо, локти прижаты к туловищу. Ноги спрятаны под сиденье стула. Длинная, ниже колен, тёплая юбка, застёгнутая под горло голубая блуза с кружевным старомодным воротником. На ногах – чёрные глухие некрасивые туфли с низким широким каблуком.

«Зубрёжница стопудово! – хмыкнул про себя Сэро. – А строчит-то как снайпер! Пятёрку верняк получит... Вот ты-то мне, дорогуша, сейчас и нужна!»

– Девушка! – на полутоне, ласково и заигрывающе, позвал Любу брюнет, наклонившись вперёд.

Ноль реакции. Не слышит.

– Девушка! – чуть громче и медленнее выдал юноша. А затем, рассчитывая избежать внимания Марии Игнатьевны, бросил уже быстро, отрывисто.

Начали оборачиваться все десятиклассницы: и рядом сидящие, и даже те, что подальше. Кроме персоны, к которой непосредственно цыган обращался. Химичка подняла голову – Сэро затих. Не услышать точно было невозможно!

– Тимон! – тихонько присвистнул повеса. Степанченко обернулся и вопросительно кивнул.

– Девчонка, что сидит впереди, шарит?..

Люба, шокированная, догадалась, что речь идёт о ней. Узнала бархатный низкий голос брюнета.

«Блин, да как можно ему дать муть, что в черновике настрочена?!.. Чтоб цыган потом меня где-нибудь за углом пришиб?!» – тихоня насторожилась и сгорбилась сильнее.

– Кто?.. Вот эта?! – Тимофею очень не понравилось, что ровесник обратил внимание на Пospelову. Такое в планы не входило. Ещё не хватало, чтоб у груши для битья появился покровитель. – Да она конченная, убожество, мля!..

– Мне плевать! – обрезал его на полуслове Сэро. – Какое дело, какая она, если девка шарит?.. Позови!

Тим, сглотнув, подчинился. Протянул руку к спине Пospelовой и постучал слегка пальцами.

– Эй, Люба, слышишь?.. Обернись, тебя зовут!

Девушка чувствовала, что привлекла слишком много вни-

мания. Она еле дышала – красная, с расширенными от напряжения зрачками. Тело задеревенело. Бессильные руки прилипли к парте. Ноги окоченели и приросли к полу. Челюсти, склеенные, сжались – вот-вот заскрежещут зубы. Повернуться и посмотреть в лицо смазливому наглому брюнету, тем более улыбнуться девочка попросту не могла. Привыкшее к насмешкам сознание решило, что, если ответить на зов, порция унижений обеспечена.

Мельком обернулась Рашель, кинула насмешливый взгляд на красную Любу. Следом повернулась Камилла. Брюнетка посмотрела оцепеневшей Любе прямо в глаза – зло, смеясь, брезгливо. Она презирала трусость тихони: как можно не использовать такой шанс?! Находчивая Виноградова молниеносно схватила свою тетрадь с работой и, соблазнительно улыбнувшись, передала Сэро.

– Держи! Я всё уже решила и проверила!

– Спасибо! Буду должен! – полушёпотом ответил обрадованный мальчик, благодарно подмигнув.

– Если что, обращайся! – Камилла излучала высшую степень приветливости и обаяния. И тут же не упустила возможность щегольнуть. – У меня «пять» по химии. Всегда могу помочь!

Сэро усмехнулся – намёк понят. Многие девчонки старались ему угодить. Кроме высокомерной глухой овцы с четвёртой парты первого ряда, выставившей его дураком: «Тебе это даром не пройдёт, сучка, вот увидишь!»

Ерик протекал через весь городок и был его достопримечательностью. Мама Любе говорила, что река создана искусственно и служит для спуска воды с рисовых чеков.

На одном из берегов почти в центре города расположился песчаный пляж. С зонтиками, парой катамаранов и советским дневным кафе с мороженым. В начале 2000-х это кафе переделают в ночной бар с небольшой танцевальной площадкой.

Летом пляж забит до отказа: с мостика молодежь прыгала в реку, кто-то брал на прокат катамаран – все плескались, купались и ныряли с открытыми глазами в мутную воду. Жарили шашлыки.

Забавно, что в метрах пятидесяти от пляжа росли буйно камыши, паслись коровы и рассекали воду стаи гусей и уток. Купающихся живность не смущала. Некоторые люди плавали тут же, среди камышей и домашней птицы, не обращая внимания на обилие помёта на берегу.

На пляжном отрезке река была быстрой. Дальше же – вверх и вниз по станице – течение становилось медленным, тягучим. Мутная тёмно-зелёная вода густо покрывалась ряской, к её поверхности со дна тянулись пушистые ветки речных водорослей. По всей длине Ерика, где бы Люба ни бывала, росли ивы. Они крючились своими могучими стволами, будто пытаясь дотянуться до воды, и свешивали ветвистые космы прямо на гладь реки.

Большая часть Ерика пряталась в тени плакучих ив. Цвеля ряска, шелестели робко камыши. В тёплые дни, прогретшись вдоволь под солнцем, плодовитое горластое войско лягушек запевало причудливые серенады.

Комары гудели роем вплоть до середины ноября. А в особо урожайные на своё кусачее племя годы давали жару не только прибрежным жителям, но и всей станице.

Река протекала вблизи каждой из четырех школ. От Ерика до Любиной седьмой школы нужно было пройти пару кварталов. Здесь свешивались в реку деревянные мостки рыбаков. Ближе к центру, где стояла элитная школа №1, берега укрыли бетонные плиты, спускались к воде цивилизованные каменные ступеньки.

Зимой в редкие кубанские морозы река промерзала. На льду местные катались на санях, а кто-то просто бегал без коньков в своё удовольствие. Пару зим в водоёме гостили два лебедя, что стало большим событием в станице.

Несмотря на явную заболоченность, местами Ерик был довольно глубоким и опасным. Потонуло в нём немало людей.

Люба подошла к пешеходному железному мостику и стала любоваться осенью, наслаждаясь облачной погодой. Торопиться ей после уроков некуда, поэтому юная особа решила проложить путь вдоль затянутых ряской берегов.

Свежий ветер слегка охлаждал уставшую голову и разгорячённое тело. Тут, на юге, зима наступала медленно и дол-

го. Да и зимой-то её назвать сложно; скорее, сквозь все зимние месяцы тянется дождливо-протяжная осень, переходящая сразу в тёплую зелёную весну. И снег здесь не обязательный атрибут, а, скорее, редкая краткосрочная диковинка.

Посмотрев назад, на пройденный участок набережной улицы, Любовь увидела толпу пацанов приблизительно в метрах двухстах и порадовалась, что от этих подозрительных личностей, может быть, знавших её, прикрывала речная ива своими густыми ветвями, развевающимися от ветра.

И, возможно, путь из школы домой для пятнадцатилетней девочки стал бы одним из приятно-уединённых, расслабляющих душу. Только вот в оценке медленно бредущей компании Люба не ошиблась. Выдрессированное чутьё человека, привыкшего предупреждать опасность, её не подвело.

Среди компанейской кучки были братья-близнецы из 10 «Д». И осмотрительный Сэро, привыкший глазеть по сторонам да подмечать любую мелочь, а не пребывать в душевных раздумьях, сразу заметил среди колыхавшихся ветвей неуютную зубрёжницу. Тихушная стрёмная девка, с русыми, чуть ниже плеч волосами, в пёстрой мохнатой вязаной кофте ниже бёдер а-ля «бабуля носила» и плиссированной шерстяной юбке ниже колен, стояла у начала моста, возле железных перил, покачиваясь слегка.

«Ну и наряд!.. Фу, отстой!.. Ни одна уважающая себя деваха такое бы не напялила!» – презрительно скривился десятиклассник. Парень ещё злился, что серая мышь не дала вчера

списать. Пусть и не буквально сказала «нет», но притвориться глухой... Откуда заносчивость? Они раньше не пересекались даже невзначай. С чего ей выкобениваться? Ущемлённое достоинство полыхнуло, требуя крови и мести. Злость смешалась с вредностью и азартом. Цыган решил отыграть-ся. Здесь и сейчас.

– Погнали! – скомандовал Сэро и быстрым шагом пошёл к мосту. Мальчишки, до этого лениво передвигавшие ноги в угоду интересной беседе, будто очнулись и дружно пошли за заводилой.

– Что случилось? – спросил кто-то из компании. Брюнет не ответил. Цыган шёл впереди, не сводя хищного взгляда с отвратно одевшейся девицы.

Люба в глубокой задумчивости смотрела на течение, не замечая толпу, что спешила по её душу. Ветер баловался с причёской, бросая пряди прямо в лицо. Девочка убрала руки с перил, поправила заигравшиеся с ветром волосы да ляпку рюкзака на плече, затем медленно пошла к другому берегу.

– Эй ты, чудила!.. А ну стой, сказал! – гаркнул Сэро грубо, чисто по-мужицки, видя, что жертва уплывает, и, дабы притормозить девку, залихватски засвистел.

Поспелова, пугливо обернувшись на бесцеремонный окрик, увидела цыгана и ватагу да обомлела со страху. В порыве надежды, что орали всё-таки не ей, школьница пошла было дальше, но хабалистый свист развеял надежды избежать диалога, обещавшего быть весьма неприятным.

«Что ему надо?!.. Злитесь?!.. Почему?.. Что плохого я сделала?!» – лихорадочно перебирала все свои поступки и слова Поспелова, но ничего предосудительного не выявила. Только раздутое чувство вины долбило молотком по дрожащему сердечку, ожидая расплаты непонятно за что.

Сэро догнал ровесницу, резко остановился в сантиметрах тридцати, нависнув, сердито дыша. Люба, встретив гнев чёрных глаз, поняла, что дела швах. Скорее всего, будут бить. Банда Степанченко девочку поколачивала не раз: как слегка, так и по-серьёзному – синяки долго сходили с юного тела. Учёная Поспелова, запомнив назубок, что от кучки агрессивных парней не может прилететь ничего хорошего, в ожидании града ударов по рёбрам и животу инстинктивно вжала голову в плечи, а руками плотно обхватила грудь.

Рядом притормозил Имир. Остальные мальчишки столпились вокруг Любы и Сэро полукругом.

– Как тебя там зовут?! – грубо бросил повеса, скорчив брезгливую гримасу, и смерил развязно зубрёжницу взглядом с ног до головы. Поспелова скукожилась и покраснела.

Испуг стрёмной девки мальчишку насмешил и одновременно оставил в непонятках. То, что дура задёргалась на пустом месте, когда хулиган не приступил к развлечению, вызвало отвращение и только больше драконило. Пугливых закомплексованных дев, занудных, строящих из себя праведниц под ханжеским воспитанием благочестивых мамаш, Сэро не переваривал. Повеса разозлился и захотел унизить ро-

весницу побольнее.

Потерянная от страха школьница выдавила своё имя.

– Значит, типа Люба, – подытожил Сэро, бесцеремонно наклонился ниже и хищно заглянул в серые глаза отчаявшейся жертвы. В них читалась суть девчонки: человека поломанного и уже уставшего, хотя жизнь только начиналась. Брюнету дошло, что девка ожидает любую подлую выходку, так как видит перед собой редкого морального уroda и цену ровеснику уже определила. Хотя в зрачках сквозила немая мольба на помилование, зубрилка не находила смысла сопротивляться.

Сэро мало когда кого жалел и с зарвавшимися девочками не церемонился. Но сердце почему-то ёкнуло, отозвалось на молчаливое отчаяние сверстницы, на её внутренние раны. Цыган внезапно понял, что отчего-то жертве сочувствует, и неожиданно смягчился. Расхотелось издеваться над внешним видом тихони и манерой поведения, передразнивать, стращать, загонять в угол и козлить насмешками. Однако, почувствовав, что перегорает, он всё же спохватился и вернул себе прежнюю жёсткость, хотя изначально планированная схема надругательств и стёба теперь казалась совершенно лишней.

– Шаришь в химии, так? – нашёлся остывший мальчик.

До Поспеловой дошла причина наезда. Осознавая конфуз ситуации, школьница решила сказать правду о своих реальных успехах в предмете. Вокруг – куда не кинуть роб-

кий взгляд – стояли высокие спортивные хулиганистые мальчишки и бесцеремонно её рассматривали.

– Будешь мне давать списывать, поняла?! – Сэро сделал ударение на первом слове, угрожающе наклонившись к дрожащему Любиному лицу ещё ниже. – Домашние, проверочные, лабораторные – да похрен, что!.. Пишешь себе и отдельно катаешь шпору мне. Всегда! Я забираю. И наплевать, оглохнешь ли ты в следующий раз или несварение словишь! Не хочешь проблем – не беси меня, усекла?.. Своё я должен получить. Вопросы?..

– Вообще-то я плохо понимаю химию, – созналась жертва, огорошенная требованием цыгана.

– Опять стала тугой на ухо?! – рявкнул в ответ десятиклассник. – Встряхнуть, чтобы мозги прочистились?!.. Я сказал: будешь давать домашние. Вообще все работы, блин!.. Потому что вчера кто-то некстати оглох, догадываешься?.. Отрабатывай косяк и больше не нарывайся, коза!.. Вкурила наконец, мать твою?!..

– Да, конечно, очень хорошо! – ровесница послушно закивала. Поняв, что налипла, она тем не менее выдохнула. Всё-таки ожидала от стычки гораздо худших последствий.

Грубиян, едва получив утвердительный ответ, пошёл дальше, специально толкнув девушку плечом побольнее. Компания, немного поглазев на Любу, двинулась за ним. Пospelова поймала внимательный, холодный взгляд Имира, съёжилась со стыда и поспешно отвернулась.

Отойдя на десяток шагов, Сэро резко обернулся.

– Я скоро подойду, так что готовься, кукла!.. Будешь с пустыми руками – живьём закопаю! Это ж ты услышала?! – напоследок с вызовом кинул ей цыган и теперь уже пошёл своей дорогой окончательно.

Люба торчала на берегу ещё минут двадцать, не в состоянии пошевелиться от шока, и неотрывно смотрела вслед ватаге парней, среди которых заметно мелькали две высокие черноволосые фигуры, пока бравая компания не повернула за угол перекрёстка.

– Зачем тебе списывать у неё химию? – нарочно спросил Имир у брата, когда они попрощались с последним другом из попутной компании.

Сэро, услышав вопрос, будто проснулся. Припомнил пугливое лицо – миловидное, белокожее, с пухлыми алыми губами и розовыми щёчками. Девчонка наверняка по наивности восприняла наезд всерьёз и будет теперь каждый день ходить с тетрадкой по химии в школу да тратить урочное время на дубляж проверочных. Ха, так и надо дуре! Нефиг было вчера притворяться инвалидом.

– Как зачем? – лукаво усмехнулся повеса. – Чтобы стать отличником без лишних усилий. Хочу, чтоб моя прелестная фотка висела на Доске Почёта рядом с твоей! Ты ж хрен дашь списать, братишка!

– Понятно, – улыбнулся Имир, не скрывая иронии. Близ-

нец знал брата как облупленного. Сэро плевать на учёбу. Тем более на химию. А вот играть на девичьих нервах – другой вопрос. Тут наглец церемониться не любил и не стеснялся использовать свою привлекательность на полную катушку.

– В курсе, что это дочка дяди Васи? – словно невзначай продолжил разговор умник.

– Кого? – не понимая, поморщился цыган.

– Василия Михайловича. С отцом на станции работает. Ты с ним пару раз летом здоровался, когда разгружать вагоны приходил. А её мать, Александра Григорьевна, в товарной кассе сидит. Когда мы только переехали и встряли без вещей и денег, она огромные коробки пряников и халвы приносила.

Решив добить впечатлённого открытием брата, Имир пошёл до конца.

– Припомнил, да?.. Мама Любы помогла нашим родителям оформить документы и вернуть вагон с вещами, украденный в пути. Отца на станцию взяли благодаря её рекомендации. А ты, добрая душа, дочку кошмаришь вшивой химией, нахрен тебе не сдавшейся!

Сэро притормозил и задумался. Переезд на юг с севера России несколько лет назад дался его семье очень тяжело. Ибрагимовы остались без имущества из-за чужой оплошности да плохо сделанной работы. Цыгане были благодарны в то время всем, кто не отказал в помощи на незнакомой земле, – особенно Пospelовым.

Перепуганная, дурно одетая зубрилка предстала перед по-

весо́й в ино́м све́те.

Глава 3.

До самого дома Любу преследовала сцена с наглым цыганом и его неприятной братией.

Шагая по заросшему изломанному тротуару, девочка тревожно прокручивала в голове раз за разом весьма агрессивную предьяву ровесника. Взбудораженная, тихоня планировала избежать столкновений с выходной мамой, закрыться в комнате, залезть в кровать и, прикрывшись чтением книжки, хорошенько подумать. Нужно переварить случившийся на реке базар, в перспективе обещавший нехило усложнить жизнь.

В веранде обнаружилось несколько пар чужой обуви – в доме нежданные гости.

Все кресла и диваны зала оказались заняты. Люба давно привыкла к старшему поколению, часто гостившему у них, поэтому, войдя, широко улыбнулась.

– Кто к нам пришёл?! – громко воскликнула Зинаида Александровна. Эта седовласая опрятная старушка жила за пару кварталов от Пospelовых в кирпичном домишке с большим ухоженным огородом. – Любушка! Какая ж ты красавица стала! Иди ко мне, расцелую!

Мама, сидевшая рядом с бабой Зиной, оглядела подростка строго, озабоченно.

– Как дела в школе, дочь?

– Все хорошо.

– А учёба?

– Всё хорошо, – опять дежурно ответила Люба, а потом, чувствуя, что ждут большего, пояснила: – Получила пятёрки по литературе и истории.

– Молодец какая! – хором похвалили старушки.

Подросток, двигаясь по кругу, позволила пожилым женщинам крепко себя обнять. А потом подбежала к широкому креслу, из которого привстала самая обожаемая старушка – бабушка Тася. Девочка буквально нырнула в тёплые объятия, вдохнув свежесть шерстяного голубого платка и пушистой кофты. Таисия прижала ребёнка к себе щедро, нежно и с большой любовью, которой пятнадцатилетней девочке так мало перепало.

Люба на пару мгновений забылась и позволила царившим в душе тревоге, неразберихе и озабоченности проявиться на своём лице. Баба Тася, посмотрев на потемневшее личико большими пушистыми чёрными глазами, сразу всё заметила. Она посадила девочку рядом с собой и тихо, чтоб другие не слышали, спросила:

– Почему моя яхонтовая перепёлочка опечалилась?.. Что тревожит?

Школьница, опустив грустный взгляд, наклонила голову на бок.

– Кто-то обидел?.. Ну же, посмотри на меня, ясноглазочка!

Юная Пospelова не привыкла делиться переживаниями, что копились в душе, проживая невзгоды молча. Но во взгляде бабули не было ни порицания её хандры, ни осуждения, ни чёрствости и безразличия, прикрытых фальшивым участием и обывательским интересом. Таисия искренне переживала, и Люба, увидев её равнодушие, едва не расплакалась. Женщина ещё крепче обняла, поглаживая девочку по русой головке.

– Ой, посмотри-ка!.. Прижалась! Соскучилась!.. Люба, а ну оторвись от Таисии Фёдоровны, совесть имей!.. Мать родная, что ли? – стыдись, укорила Александра Григорьевна.

– Не ревнуй, Сашенька, у тебя доченька ещё маленькая, а наши дети давно уже выросли, внуков нарожали да дорогу к нам забыли! А кто-то уже и детей своих похоронил, – ответила Акулина Никитишна.

– Верно! Всё верно! – поддержали, вздыхая, другие.

– Юная доченька, но созрела! Скромница! И воспитанная! Старших чтит, – похвалила Любу Анастасия Петровна, давно овдовевшая и успевшая похоронить двоих сыновей. – Одета степенно... Всё прикрыто. Не то что современная молодёжь!

– Ой, ни говори! – подхватила горячую тему Зинаида Александровна. – Как суббота или воскресенье, топают на танцы мимо моего дома девки разукрашенные, юбки едва срам прикрывают, ноги голые, сиськи вывалят, сигареты во рту! Ох, бесстыжие! Что нарожают за нацию эти беспутные?!

– А матершинницы-то! Да разве мы в своё время такое позволяли?!.. Помню, как я, молодницей будучи, мимо старших проходила: голову склоню и глаз не подымаю! Во мне родители уважение воспитывали! Отец (Царствие ему Небесное!) строго говорил: «Смотри, не опозорь, дочка! Не посрами честь семьи!». Слова отца да матери Законом Божьим были! А родители современные куда глядят и что воспитывают?!..

Для женщин, оставивших в прошлом молодость, поверхностная беседа зашла в хоть и затёртое до оскомины, но излюбленное русло.

«Хорошо, гости пришли: мама после смены развеется, выговорится, отдохнёт», – согрелась мыслью Люба и, выглядывая из-за Таисии Фёдоровны, улыбнулась.

– Распоясалась станица! Льётся к нам, русским, чужая грязь с экрана телевизора, похабщина всякая! Разве было так во времена Союза?.. Развращают, губят молодежь!

– Какая станица?!.. Городские уже мы как полгода, забыла, старая?

– Ой, точно! – всплеснула руками говорившая. – Батюшки! Не привыкли люди быть горожанами, вот по-старому и величают.

– Город, ага! Село селом! Как были деревней, так и останемся.

– Да не такая уж мы и деревня, – перебила собеседницу бабушка Тася. – Станица крупная, плодovitая: поля, хлебо-

завод, комбинат, маслосырзавод...

– Был, – закончила за неё с горькой усмешкой Анастасия Петровна. – Развалили, обокрали всё, что непосильным трудом народ создавал! Э-э-эх, чёртовы ворюги, сволочи продажные!

– Ты, Шурочка, молодец, доченьку правильно воспитываешь! Хорошая жена да хозяйка будет. Вон как расцветает! – быстро сменила нежелательную тему Акулина Никитична, малознакомая Любе женщина. Её сын был в составе нового поколения людей бизнеса и криминала. Присутствующие об этом прекрасно знали.

Анастасия Петровна подмигнула покрасневшей от комплимента девочке.

Мама, поджав губы, вздохнула:

– Да уж! Главное, хоть бы кто замуж взял!

Школьница потускнела и опустила взгляд. Рука непроизвольно потянулась потрогать, потереть шею, спрятанную в волосах.

– Разве можно с дочкой так говорить, со своим дитём?! – возмутилась Таисия. – Чужих не упрекают, а ты – родную... Конечно, выйдет Люба замуж и будет очень-очень любимой!

После сказанного бабушка обняла девочку крепко-крепко.

– Твои слова да Богу в уши! – угрюмо откликнулась Александра. – С меня лишь воспитание.

Какая тёплая была Таисия Фёдоровна, как приятно пах-

ла чистой старостью, искренней добротой и уютом! Именно уют – мягкий, нежный, семейный – чувствовала от бабули подросток. И поэтому тянулась к ней больше, чем к другим взрослым. Любины бабушки давно ушли из жизни.

Бабушка Тася с незапамятных времён часто гостила в доме Пospelовых. Никогда не оказывалась она источником худого слова, чёрствого отношения или недоброго взгляда. От старушки веяло тёплом и любовью такой силы, что семейство тоже начинало улыбаться и лучиться. Мама расслаблялась и отдыхала от бесед с этой женщиной, хмурые тучи с её лица исчезали.

Таисия Фёдоровна была воцерковлённым, глубоко набожным человеком. Но Любину семью она в церковь не зывала. Принести освящённый кулич, пахнущие ладаном просфоры и церковные свечи для поминания усопших или очищения дома – запросто. Укорить в безбожии – нет, не такой была покрытая платком бабулечка с длинной седой косой. Люба ни разу не была в церкви, а местного батюшку с кадиллом видела лишь на похоронах, но к вере относилась тепло благодаря бабе Тасе.

Дочь Таисии давно умерла. Остался сын – ровесник Любиных родителей – постоянно лечившийся в доме душевнобольных. Павлик – блаженный, наивный и очень добрый мужчина с разумом мальчишки, бывал пару раз у Пospelовых, зная, что здесь уважают его замечательную мать и в куске хлеба не откажут.

– Мама тебя любит, – шептала тихонечко Любе в ушко Таисия Фёдоровна. – Очень-очень! Просто боится. Такова участь родителя: оберегать родное дитя. Саша многое перенесла, когда старшенькую потеряла.

Едва Люба услышала о Лене, то вновь почувствовала тягучую серую тоску, поднимающуюся из глубины живота и подступающую к горлу. Разговоры о сестре при посторонних на переулке Солнечном № 27 обыкновенно не поднимались.

Остальные гости не замечали перешёптываний между подростком и Таисией Фёдоровной. Дискуссия про невоспитанную, гулящую, ленивую молодёжь была настолько животрепещущей, что, втянувшись, старушки и Александра Григорьевна не могли остановиться.

– Первостепенная задача матери, – шумела одна из женщин, – чтоб дочь не скурвилась, родителей не опозорила! А современные мамки что?! Куда смотрят?

– Сами курицы по молодости были и дочек растят ленивых, бестолковых! Вон, моя соседка тому пример! Одна прожила, всё пила да плясала, дочку нагуляла. Девка выросла, о будущем не думает, учиться не хочет. Только о плясках мысли! Таскается с парнями, потом забеременеет, как мамка, от кого попало!

– А мужикам дети не нужны! Только нам, матерям, – горько вздохнула Анастасия Петровна. – Мужичьё что? Отлюбился и пошёл своей дорогой. Хозяйство да воспитание отпрысков – на женщине!

– Помни, деточка! – обратилась Зинаида Александровна к школьнице, свернувшейся калачиком на коленках бабули Таси. – Женщина должна всё по дому уметь! Хозяйкой, здоровьем сильной. Работать, чтоб семью обеспечить: себя да детей, а то и мужа!

– Мужчина неработающую жену попрекнёт куском хлеба, – произнесла Акулина Никитишна. – Я жизнь прожила и не такое видела!

– Дочери обо всём этом долдоню, – вставила хозяйка. – Учись, дабы потом куском хлеба себя и внуков обеспечить могла. На мужа надеяться – гиблое дело! Он сегодня с тобой, а завтра с другой. И голову береги, спину закрывай. Ходит молодежь по холоду: капронки, юбочка... Тряпочка, а не юбочка! Куртка едва почки прикрывает!

– А потом лежат в дурке, молодые, с болями! – поддержала маму Зинаида Александровна. – Половина дурдома с менингитом. Вот, Шурочка, хороших, заботливых матерей, как ты – единицы! Воспитываешь дочку всем нам на радость: порядочную, невинную и умненькую!

– А красавица-то какая! – цокнула языком сидящая возле матери старушка, и все остальные следом заохали да заохали, восхищаясь молодостью и внешними данными пятнадцатилетней девочки.

«Эх, если б мнение бабушек разделяли одноклассники! Да и другие ребята, – загрустила десятиклассница. – А то только знакомые старушки и хвалят! Зачем мне их слова?

От них легче не становится».

Других гостей, кроме пожилого поколения лет за семьдесят-восемьдесят, годящихся Александре Григорьевне в родители, Люба в своём доме особо не знала. Её семью мало куда приглашали – в основном, родственники на редкие юбилеи. За пятнадцать лет Люба была на паре свадеб, на нескольких днях рождения. Всё. У мамы не было друзей или близких с детьми приблизительно Любиного возраста. Даже внуки родственников да маминых пожилых подруг были старше тихони. Таким образом, девочка оказывалась одинокой внутри круга своей семьи и её окружения по причине своих юных лет.

К слову, с родственниками Поспеловы особо не взаимодействовали. Из соседей дружили лишь с семьёй Чумаков, забегавших на чай посплетничать. Больше гостей не было. Ещё приходила изредка одна железнодорожница – весёлая заводная отчаянная женщина себе на уме. Мамина коллега, с которой у Александры Григорьевны были хоть приятельские, но странные отношения.

Хозяйка повела бабушек в гостиную пить чай с мёдом, а Люба под предлогом невыученных уроков удалилась в свою комнату.

Оставшись, наконец, одна, девочка уселась на кровать и стала думать, как избавиться от опасного и дерзкого Сэро. Мысли вертелись роём.

«С цыганом стоит постараться разойтись по-хорошему. Мне не нужны новые гонители и насмешники. Он закусил, что я не дала списать, хотя Виноградова подбросила ему свою готовую работу. Наверняка же пятифан получит! Зачем тогда отыгрываться на мне, блин?!»

Люба напрочь забыла, что вчера окостенела от страха и не нашла сил обернуться. Это было на уровне чувств и эмоций, а не осознанных действий и слов. Поэтому Пospelовой не доходило, что её трусливое поведение выглядело демонстративно-высокомерным и задело самолюбие звавшего парня.

Скрипнула калитка. Люба выглянула в окно и увидела удаляющуюся Таисию Федоровну. Только её одну. Богомольная старушка никогда не злоупотребляла временем гостеприимных хозяев.

Ход усталых от дневной суеты мыслей постепенно поплёлся дальше – к размышлениям о 10 «А».

«У меня очень дружный класс. Только не по отношению ко мне», – Люба затосковала. – «Почему я всем не нравлюсь? Со мной никто не хочет дружить. А я бы с удовольствием со всеми общалась, но ведь ребята не хотят. Не удивительно! Будь я на их месте, тоже держалась бы подальше».

Школьная пора – праздник юных жизней, на котором Пospelова оказалась чужой. Её ровесники наслаждались беспечностью, молодостью, весело проводили время, встречались, ругались, знакомились. В общем, кайфовали от жизни и не парились. Все, кроме Любы.

Тихоня не разделяла интересы сверстников. Не курила, не встречалась с мальчиками и – самое страшное преступление с точки зрения одноклассников – не ходила на дискотеки. Проще говоря, слыла трезвенницей и праведницей, что было совершенно не модно. И ей самой это не нравилось.

Поспелова неимоверно много читала, глотала книги одну за другой – как классику, так и других жанров. Кроме неё в классе не зачитывался литературой и не просиживал в библиотеке выходные напролёт никто вообще. Вместо этого ребята тусили на танцах и активно общались.

Девочка будто застряла на межпограничье, между юностью и взрослением, пока сверстники строили отношения и интересовались, какое место занимают в обществе. Люба же совсем не выросла и была чужой на этом празднике жизни. С ней лёгким и ветреным ровесникам было скучно разговаривать, и Люба это с горечью понимала. Общаться с ней, по мнению Любы, было как общаться с бревном, вросшим в землю. Его, это бревно, не сдвинешь. Как ни поливай, не пустит побеги, не зацветёт. Бревно сухое и не интересное.

Именно сухой и старомодной видела себя на фоне ровесников подросток Люба Поспелова.

Когда поздно вечером бабушки, напившись чаю, наевшись и вволю позлословив, ушли, хозяйка зашла к дочери в комнату, присела на кровать и погладила читавшую школьницу по щеке. Люба обняла маму.

– Что в школе нового? Женихи появились? Кто-нибудь ухаживает?

Тихоня знала, о ком идёт речь. Одна семья из 10 «А» больно уж нравилась маме. Женщина приглядывалась к Мише, Любиному однокласснику, считая его выгодной партией.

Лично подросток сама не знала, как относится к Михаилу Крюкову и нравится ли он ей вообще. Девочка просто молчала и слушала рассуждения мамы на этот счёт, обещая вести себя хорошо, чтобы Миша и его родители не подумали плохо о Любе и её воспитании.

«Да Бог его знает, что у Крюкова вообще в голове! О чем он сам и его мама думают и чего хотят!» – недоумевала школьница, но вслух не произносила. Товарный кассир не догадывалась, как выстроены отношения внутри 10 «А» и какое место в иерархии коллектива занимает её дочь. У матери были свои видения на этот счёт – и точка.

Люба и Александра Григорьевна общались достаточно доверительно. Но сегодня тихоня твёрдо решила не посвящать родительницу в стычку с цыганом. Мама (девочка точно знала) не побежит защищать дочь. Более того, странный сумбур с хулиганом вызвал бы много вопросов к поведению самой Любы и лишние обвинительные разговоры. Хоть школьница ничего предосудительного и не совершала.

Вдобавок Григорьевна очень не любила нерусских и по возможности сторонилась их. Узнает мать, что нахал на мосту – цыган, проблем не оберёшься!

Сэро с начала перемены стоял в тени за открытыми дверями столовой и аккуратно наблюдал за чудаковатой девчонкой из 10 «А».

Вот зубрилка взяла порцию и уселась за несколько мест от одноклассниц. Хмурая. Нелюдимая. Лучше подойти, когда она доест и выйдет из столовой. Иначе дура шуганётся и диалог может не склеиться.

После слов Имира о Пospelовых цыган испытывал лёгкое чувство вины перед Любой, попавшей под его мстительную горячую руку. Парень вроде бы и не ощущал угрызений совести – стрёмная девка сама напросилась. И в то же время юноша воспринимал себя поганцем, который обидел того, кого обижать не стоило. Налёт на деваху постоянно крутился в мыслях и вызывал не очень приятное послевкусие, вынуждавшее напрягаться. В голове проносилось, как мама, узнав о его некрасивой шутке над робкой дочерью Пospelовых, отчитывает и укоряет. Ещё меньше десятиклассник хотел попасться под руку отцу: тот, спокойно, без жалости, скажет всего пару слов, но приятного будет мало. От представленной сцены парнишка вздрогнул и невольно поморщился.

Сэро пытался игнорировать навязчивые мысли, но они совсем обнаглели – лезли в голову и лезли, отравляя всё беспечное и весёлое внутри.

Мальчик решил извиниться. Очень не хотелось этого делать, ведь зубрилка тоже некрасиво повела себя на уроке хи-

мии. Но как-нибудь он всё-таки извинится. Или хотя бы делает вид.

Люба мыла руки после еды в одном из школьных умывальников, врезанных в стену коридора перед входом в столовую. Здесь было всегда очень темно и шумно. Сзади толкались желающие попасть к крану или просто балующиеся от переизбытка дури.

Ещё один урок, английского языка, – и домой. Только окончившееся черчение оставило пренеприятный осадок и безвозвратно испоганило настроение на весь день.

Предмет вёл бесхарактерный, абсолютно безобидный седой мужчина в очках, который не держал дисциплину в классе. Да и не пытался её держать.

10 «А» единственное, что не делал на черчении, – не ходил по потолку. И то потому, что это было физически невозможно. Во время урока обрывались занавески, гремели стулья и парты, многие вставали с мест, пересаживались, ходили и бегали по классу. Летали бумажки и всякий мусор. Виногорадова со Степанченко подрались, потому что он бросал зажжённые спички ей в волосы. Коллектив вертелся, ржал, визжал и вместо черчения страдал откровенной дрянью.

Сбоку от Любы, на соседнем ряду, уселась Близнюк Юлиана с подружкой Светой Тарасовой, и вслед за ней, своей королевой, приполз Картавцев Игнат. Мальчишка весь урок стремился превзойти самого себя, чтобы рассмешить

Юльку и Свету. Кричал гадости безответному учителю, травил несмешные анекдоты, напрашивался к Близнюк в гости. Фантазии попасть в дом к кудрявой красавице-брюнетке, как и проводить её или сходить на прогулку были абсолютно безнадёжными – Юлиана избегала слабаков. Это больно ударило по самооценке неудачливого ухажёра. Тут кривляка подметил сидевшую в метре Пospelову и решил сменить тему.

– Пospelова! А Пospelова!

Люба посмотрела на Картавцева.

– Что, на свидания никто не зовёт? – скалясь, выкрикнул

Игнат и злорадно заржал.

– И никто встречаться не хочет?

Люба молча смотрела на него.

– Глянь-ка, не отвечает! – повернулся к хихикающим девочкам Картавцев и начал, демонстративно и гадко кривляясь, передразнивать тихоню.

У Любы на глаза навернулись слёзы. Она отвернулась. Только слышала, как Картавцев громко говорит Юлиане:

– Да кому она нужна, сдохнет старой девой, монашка кривая!

Слёзы больше не смогли держаться в глазах и потекли по лицу. Люба глубоко вздохнула, пытаясь подавить рыдание, иначе станет ещё хуже.

«Молодец, Картавцев! Прыгаешь на мне, чтобы заработать очки! Bravo! Только Близнюк всё равно с тобой встречаться не будет, когда есть богатые взрослые мальчишки на

джипах или понторезы с первой школы!» – девочка ещё раз вздохнула и засунула обиду глубоко внутрь. Она поплачет дома. Здесь не место. В ушах будто сквозь вату гудел шум распоясавшегося класса.

Поспелова закрыла воду и протяжно выдохнула. Мерзкое воспоминание после черчения не отпускало, поднималось тяжёлым комом к горлу и начинало душить. На этой неделе ей говорили много гнусностей, но эта была последней каплей. Челюсти болезненно сжались, и Люба, чтобы расслабить сдавленную грудную клетку, втянула с шумом воздух через нос. Сердце бешено колотилось.

«Ненавижу тебя, Картавцев! Когда-нибудь поплатишься за все подлости, мерзкий уродец!.. Надо успокоиться, посмотреться в зеркало: вдруг лицо или глаза красные... Никому не покажу, что больно. Пусть даже не надеются!» – Люба собралась пойти к выходу из коридора, граничившего с вестибюлем первого этажа. Слава Богу, в её группе по английскому не было ни Игната, ни Юлианы с Тарасовой. Хотя девочки ей ничего плохого не говорили, лишь хихикали, тихоня ненавидела и их.

– Тетрадь принесла? – вкрадчиво шепнули ей в ушко.

От неожиданности Поспелова резко обернулась и чуть не столкнулась лбом с цыганом, подкравшимся слишком близко. Старшеклассник незаметно следовал за ней с момента выхода из столовой и стоял за спиной, пока она, погрузившись в мрачные думы, мыла руки.

– Не принесла! – взбеленилась школьница, не ожидая от себя такой ярости. Внутри заклобуилось всё, что подросток пыталась подавить после черчения, и на наглого красавца терпения не хватило. Гнев, что её подленько поймали в момент душевной слабости, наконец заставил Любу защищаться.

– И не принесу. Не рассчитывай! – жёстко чеканила ровесница, шумно дыша носом и смело глядя в насмешливые чёрные глаза.

Сэро растерялся: из пугливой терпилы на мосту стрёмная девица переобулась в воинствующего ботана. Наблюдательный юноша подметил, что зубрилка явно не в духе: глаза болезненно красные, побелевшие губы поджаты, на бледных щеках красные пятна. Лицо человека, старающегося не расплакаться из всех сил.

– Почему? – брякнул повеса, озадаченный резким отпором.

– Потому что ни черта не соображаю и сама списывала на уроке! Зря требуешь домашку – пользы будет ноль! Я бездарь в химии, понимаешь? – девушка созналась неожиданно, но грубо и прямо. Пospelовой стало плевать, что беседа с цыганом пошла не по плану, придуманным вчера во избежание новых проблем.

– Что-то не верится, – нахмурился Ибрагимов. – А что ты тогда на листке строчила как невменяемая?

– На листке?.. Ааа!.. Писала свои девичьи секреты, – вы-

крутилась Люба.

– Какие? – с любопытством прищурился брюнет.

– Не твоё пацанячье дело!

– Ммм!.. Ясно. Секреты твоего девичьего развратного сердца? – пошутил нахал, развеселившись с дурацкого диалога.

– Сам развратный! – вспыхнула, оскорбившись, Пospelова. – По себе людей судишь?

– Да нет! Просто читал, что самые развратные именно монашки, в число которых ты иходишь, – парировал цыган, придирчиво оглядев тихоню с ног до головы. И тут же понял, что зубрилка комментариев приняла близко к сердцу. Девушка потемнела, нахмурилась и замолчала. С миловидного лица исчезли все эмоции, кроме горькой, неподдельной обиды.

– Чего надулась? – посерьёзnel парнишка. – Расслабься! Я просто пошутил!

Школьница развернулась и быстро пошла прочь через вестибюль в зону младших классов. Сэро, недоумевая, посмотрел ей в спину, а потом решил пойти следом, расталкивая толпящихся учеников. Догнал он Любу в конце второго коридора, на повороте у лестничной площадки возле большого и малого спортзалов. Брюнет подрезал ровесницу на ходу и перекрыл дорогу.

Люба дёрнулась было обойти, но Сэро не позволил. Юноша без обиняков взял тихоню за запястье и указал на маленький пятачок под лестницей, ведущей к актовому залу.

– Слушай, это... Не обижайся на неудачный подкол! Поговорим? – цыган огляделся. – А то стоим на проходе.

Поспелова, не сказав ни слова, послушно ушла за парнем на площадку под лестницей. Школьники встали напротив друг друга. Ибрагимов изучающе глазел на сверстницу. Та, не выдержав бесцеремонного взгляда, отвернулась.

– Ты не прям монашка. Даже симпатичная! – наконец заговорил он. – Одеваешься, правда, не очень. Без обид, врать не буду.

Цыган развёл руками. Люба покорно промолчала.

– Вообще-то я не за химией подошёл, – продолжил Сэро. – Это так, к слову пришлось. Разговор надо было как-то начать.

Поспелова удивилась и заинтересованно подняла брови.

– Не нужна она мне; в моём классе всегда есть у кого списать. Твои предки на ж/д работают?

– Да, – удивилась школьница снова и тут же с подозрением поинтересовалась. – Откуда знаешь?

– Я знаю всю твою семью, – усмехнулся парень. – И мой брат – тоже. В общем, моя семья знакома с твоей.

Люба живо представила, как категоричная Александра Григорьевна общается с цыганским родом, и недоверчиво поморщилась.

– Мой папа тоже работает на ж/д, – продолжил пояснять Сэро. – Поезда составляет. Когда мы только переехали, моя мама, Лала, подарила твоей матери бусы из камней. Голубых,

с прожилкой.

У тихони перед глазами пробежали родительские украшения: золота и бус было много, но женщина ничего не носила. Любе нравилось ожерелье из мелкого янтаря и ещё одно, из крупной отшлифованной бирюзы. Значит, бирюзовые подарки цыганкой... Вот так дела! И мама ни разу дочери о цыганском подарке не сказала!

– Раз наши семьи формально знакомы, предлагаю общаться в неформальной обстановке, – цыган обаятельно улыбнулся и нахально подмигнул. – Пойдём сегодня вместе домой? Я живу почти рядом с тобой, в десяти минутах ходьбы, на соседней улице. Знаешь, где Степанченко обитает? Вот!.. Мой дом через пару дворов от его хибары. Согласна?

Поспелова краем глаза увидела, как мимо прошли Виноградова, Рашель, Лёвочкина и Крюков. У Любиной группы английский проводился рядом с лестницей, в малюсеньком кабинете, что расположился возле спортзала и раздевалок. Во время урока десятиклассники слышали перестук мяча, учительский свисток и вопли группы поддержки. Камилла, чуть замедлив шаг, задержала томный взгляд на спине Сэро. Она не заметила одноклассницу, спрятавшуюся за высокой фигурой цыгана.

«Интересно, как бы Виноградова переварила, что я стою общаюсь с парнем, на которого она положила глаз?» – Поспелова мстительно ухмыльнулась, но, опомнившись, стёрла улыбку с лица.

Сэро пытливо смотрел на неё, терпеливо ожидая согласия. Люба вспомнила сегодняшнее черчение, Близнюк, Тарасову и других популярных девочек в классе. Их беспечные лица хороводом пронеслись перед её внутренним взором.

«А почему бы и нет?» – подумала тихоня, а вслух произнесла: – Согласна. Только пойдём вдоль реки, хорошо?

– Как скажешь! – Сэро, получив желаемый ответ, одарил девочку лучезарной улыбкой, развернулся и скрылся за поворотом.

– Дай списать! Люба?.. Ау!.. Что, не слышишь?!

Поспелова очнулась от толчка. Бывшая подруга Лыткина Катя и её соседка по парте Селиверстова Вика, сидевшие напротив, смотрели на тихоню преданными щенячьими глазами.

Так было всегда, почти на каждом английском. С пятого класса. Лыткина с Поспеловой тогда ещё дружили.

Обе девочки – Катя и Вика – перешли в «А» после окончания начальной школы. Их мамы работали здесь же: Катина – секретарём, а Викина – завхозом. Новенькая Лыткина сразу сдружилась с Поспеловой: обе были тихими и скромными, что их сближало.

Вика – красивая стройная высокая блондинка, с большими голубыми как небо глазами, сразу нашла своё место в классе. Оно было весьма почётным и уважаемым. Рыжей и конопатой Катерине пришлось тяжелее. Неуклюжей тол-

стушке безумно хотелось быть в круге крутых мальчиков и девочек, с которыми тусила Селиверстова. И чтобы попасть в этот круг, Кате одного общения с Викой было недостаточно.

Поспелова была для тщеславной Лыткиной подружкой со скамейки запасных. На людях Катерина сторонилась тихони. Чудная Поспелова, дальше библиотеки никуда не ходившая, являлась совсем не той компанией мечты, в которой хотела блистать рыженькая девочка. Поэтому наедине с Любой Катерина была милой и открытой, а в присутствии других уже стремилась изо всех сил показать, что у неё с Поспеловой мало общего.

Когда в «А» перевелись яркая Юлиана Близнюк и общительная Света Тарасова, дружбу с Любой Катя окончательно прекратила. А вот списывать клянчить не перестала. Училась Лыткина слабо, перебивалась с тройки на тройку, как и её подружка Вика. В их группе сильных хорошисток Близнюк и Тарасовой не было – не спишешь у товарок по выпивке и танцполу. Зато была Поспелова с круглой пятёркой по английскому. И Катерина, напоминая честными щенячьими глазами наивной Любе о былой дружбе, клянчила и домашние, и переводы, и готовые диалоги. А тихоня, всё ещё надеясь, что рыжая одноклассница снова будет дружить, каждый раз велась и давала списывать.

Поспелова, когда позволяла Катюхе скатывать, конечно, понимала, что её используют, но, устав быть в классе гони-

мой одиночкой, всё надеялась, что Лыткина снова будет общаться с ней как раньше.

– Любонька! Миленькая! – шептала Катерина, с опаской озираясь в сторону англичанки, сначала ласково, потом требовательно: – У тебя же есть домашняя, знаю! Поделишься?

Люба, полностью погружённая в думы о Сэро и предстоящей прогулке до дома, не слышала заискиваний бывшей подруги. Поспелова зыркнула невидящим взглядом на лопатавшую Лыткину, неопределённо пожалала плечами и отвернулась.

Катя недоумённо посмотрела на Вику. Та лишь непонимающе приподняла брови. Тихушница никогда не отказывала, и ровесницы использовали её всякий раз, когда требовалось. Нельзя позволить распоясаться замечательной безотказной кормушке.

– Эй, Люба! – сменила Лыткина заискивающий тон на раздражение. – Я могу очень сильно обидеться! Этого хочешь?

Ноль реакции в ответ.

– Эй!!! – Катя грубо тыкнула Поспелову ручкой в бок.

– Да что тебе надо?! – довольно громко буркнула Люба, резко повернувшись на неприятный укол.

– Что у вас происходит?! – учительница, среагировав на шум, посмотрела на пригнувших головы и покрасневших Селиверстову и Лыткину. – Готовы обе? Повторили? Слушаю.

Люба за сорок минут урока успела настолько переволноваться, что пришла к мысли: идти домой с популярным брюнетом у всех на виду – плохая идея. Её стали во всю терзать страхи, ведомые только ей одной.

Девочке начало чудиться, что на каждом углу, из каждого двора, её, идущую с Ибрагимовым, видят мамины знакомые, знакомые их семьи – всевозможные престарелые тётушки и кумушки – и судят, судят! Осуждающе качают головами, возмущённо поджимают губы и с омерзением отворачиваются. А когда она вернётся, наконец, домой, мама уже будет знать все лично ей донесённые возмущения неравнодушных, возьмёт хлыст и начнёт лупить Любу со всех сторон за принесённый позор да гнать по улице на потеху соседям.

За пятнадцать лет своей совсем ещё короткой жизни Поспелова Любовь неоднократно испытывала на теле пренеприятнейшие ощущения от побоев свежей крапивой, веником, лозой, черенком лопаты, ну и, конечно, ремнём, как же без него! Маму злить нельзя.

Прогнав в беспокойной голове все возможные нехорошие исходы от прогулок с цыганом – пусть даже обаятельным и приличным, пусть даже знакомым с родителями – и накрутив себя въевшимися в тело страхами, Люба решает сбежать от попутчика окольным путём.

Главный вход в здание школы только один. В него заходят все, кто зашёл в школьный двор как с восточной калитки, так и с западной. Люба жила на западе, как и Сэро. Значит,

чтобы убежать от цыгана, нужно обойти центральный вход и выйти через восточную калитку. Мысли хоть и бегали, как тараканы от включённого света, но так же быстро выстраивались в логический список шагов, которые нужно совершить, чтобы уйти домой одной.

После звонка с английского тихоня прошла до конца крошечного коридора и вошла в совершенно пустой большой спортзал. В нём располагалась дверь на улицу, которая (если Любу не подвела память) обычно открыта в тёплые деньки, дабы выводить школоту на уличные спортплощадки.

Дверь в кабинку физруков была приоткрыта, но Любу, пробегающую тихонько, словно мышка, через зал к выходу на улицу никто не заметил. Иначе бы хорошенько обругали за хождение по крашеному полу в уличной обуви.

Выходная дверь от толчка протяжно скрипнула. Тихоня обернулась на дверь каморки, где раздалось ржание физруков – они не слышали. Поспелова вынырнула во двор и, озираясь, побежала к восточной калитке. Она вела в противоположную сторону станицы, которая Любе была совершенно незнакома. Но сейчас, чтобы избавиться от Сэро, пройти стоит только тут.

Выйдя с территории школы, старшеклассница пошла обходным путём. Улочками и проулками, весьма малознакомыми. Главное – выйти к речке. Она сделала огромный крюк и увеличила время пути домой минут эдак на сорок. Но это было для Поспеловой мелочью по сравнению с избавлением

от весьма неприятных объяснений с мамой.

Вдруг Любе в голову закралась весьма отрезвляющая мысль: «А если Сэро вообще не ждал меня? Наверняка забыл, пока травил байки с приятелем или ухлёстывал за какой-нибудь смазливой девицей. Может, поприкалывался опять, как с домашними по химии, а провожать не собирался! И торчать у главных дверей даже не думал. Зачем настолько клёвому парню беспонтовая мочалка?»

Поспелова, шокированная обидной реальностью, остановилась.

«А я, лохушка наивная, уши развесила! Сделала огромный крюк, лишь бы на глаза ему не попасться! Господи, наивная курица! Чуваку просто похрен! Дура я, дура!» – школьница, огорчённо замотав головой, едва не расплакалась.

Подросток тяжёло призналась себе, что, на самом деле, была всё это время счастлива от одной мысли, что у главной двери ждёт её – именно её – один из самых популярных и желанных парней в школе. И это счастье, несмотря на побег от брюнета, подсвечивало изнутри и грело, грело... Трезвая мысль обнулила это состояние до полного серого уныния. И вернуть блаженство вновь никак не получится.

В конце узкой извилистой улицы сквозь ветви деревьев виднелся просвет с водной гладью. Река! Как хорошо! Люба вздохнула: делать нечего, да и менять что-то поздно – и вышла к воде.

Школьница прошла малоизвестный квартал вдоль берега,

пока не заметила родной перекрёсток реки со знакомой до оскомины улицей, по которой девочка постоянно ходила в школу. Впереди маячил облюбованный Пospelовой пеший железный мост, почти укрытый ветками ив. Ещё минут тридцать пешком – и она будет дома.

Позади мелкие дорожные камни зашелестели из-под бегущих ног.

Люба повернулась и потеряла дар речи. Сердце упало в пятки. Догнавший тихоню Ибрагимов немного запыхался от бега, смолистые волосы растрепались. Юноша остановился, отдышался, пригладил ладонью шевелюру, поправил на плече рюкзак и с претензией уставился на смущённую ровесницу.

«Чёрт! Откуда он вылез?!» – истерично подумала не ожидавшая такого расклада Люба.

К подросткам не торопясь приближались ещё двое: Имир и какой-то низкорослый кудрявый блондин в красной толстовке.

Все четверо встали в глубоком молчании. Люба опустила голову и искоса поглядывала на мальчиков. Сэро, недовольно приподняв бровь, глазел на неё как на вредного котёнка.

– Почему пошла окольной дорогой через восточный выход? – требовательно спросил цыган.

Пospelова не знала, что ответить, и чувствовала себя крайне глупо. Понимала, что сбежать без объяснений –

некрасиво. Как комментировать побег? Сказать, будто не поверила на слово, и выставиться ещё большей идиоткой? Стоит ли вообще честно объясняться? Голова как назло ничего умного придумать не могла.

Наблюдая немой пристыженный взгляд девочки, Сэро заговорил:

– Если не хотела со мной идти, могла бы просто отказать. Я бы понял и не навязывался. Второй раз меня лохом выставляешь!

Люба смутилась. Такая простая мысль ей и близко в голову не пришла.

– Мы долго ждали у входа. Потом заглянули в кабинет английского, затем – в твой классный. Решили, что просто прошляпили. А ты через спортзал свалила.

– Почему это через спортзал? – сгорая от стыда, выдавила девочка, надеясь оправдаться.

– Ты только что появилась с другой стороны Ерика. Мы шли по главной улице и засекли, – ответил ей вместо брата Имир, указав рукой назад. – На той половине реки есть проулок. На него возможно выйти лишь через восточный обход. Знаю, потому что так ходил. Раз ты не прошла через главный вход – значит, вышла из спортзала. Я прав?

Люба окончательно почувствовала себя последней душой. На английском ей казалось, что придуманный план побега никто разгадать не сумеет. Однако выяснилось, что некоторые территорию вокруг школы знают получше и просчитать

путь тихони тоже запросто могут.

«Надо как-то объясниться. Но если вякну, что боюсь мамы, они примут меня за лохушку. И оскорбятся, узнав, что я не хочу появляться среди бела дня с цыганами», – паниковала юная особа.

Сэро явно злился, не понимая, зачем ровесница устроила балаган. Для него, привыкшего разговаривать четко, прямо и по делу, побег был поступком нелогичным, странным и папахивающим откровенным сумасбродством.

Девушка виновато просмотрела на Имира. Показалось, будто парень читает её мысли – настолько пронизательным был его взгляд. Близнец догадливо усмехнулся, иронично глянул на Сэро и с улыбкой произнёс:

– Я бы тоже в отместку смылся тридевятью дорогами после вчерашнего прессинга из-за химии, на которую тебе по факту плевать!

Сэро возмущённо уставился на Имира. Тот прыснул со смеху:

– Тебе отомстили, братан! Прими это и расслабься! Нравится или нет, но вы квиты!.. Меня, кстати, Имир зовут, – обратился близнец уже к девочке. – Приятно познакомиться!

– Взаимно! – обрадовавшись, спешно ответила Пospelова. – Люба!

– Я в курсе. Знаком с Василием Михайловичем и твоей мамой. Александра Григорьевна работает в товарной кассе, а дядя Вася – на строительном кране водителем. Мой папа

(может, знаешь – Алмаз зовут) поезда составляет.

– Такой высокий, чёрный, с небольшой бородой, немного седой?

– Да! Раз помнишь нашего батю, то стоит считать нас знакомыми, согласна? – приветливо улыбнулся школьник.

– Согласна! – послушно закивала головой сверстница.

Имир повернулся к кудрявому невысокому блондину, моргавшему белёсыми ресницами больших голубых глаз.

– А это общий друг и просто клёвый мужик Паша! Знакомьтесь!

– Привет, Люба! – улыбнулся тонкими губами Павлик, показав мелкие кривые клычки. – Я из четвёртой школы. Пацанов пришёл поведать.

– Втроём ждали? – сообразила тихоня.

– Ну да. Прикольно получилось, как ты удрала! – рассмеялся Павел.

– Неудобно вышло, – сконфузилась девочка. – Больше не буду, извините.

Имир насмешливо фыркнул:

– Да ладно! Брату пойдёт на пользу. Хоть кто-то от него убежал.

Сэро скорчил недовольную гримасу, но всё же усмехнулся от подкола близнеца. Имир и Паша переглянулись да рассмеялись. Люба тоже смущённо улыбнулась. Напряжение постепенно отпускало, уступая место робкой надежде на приятную компанию.

– Всегда на выходных в библиотеке сидишь?

Поспелова вопросительно посмотрела на Имира. Ребята медленно шагали вдоль реки. Всю дорогу тихоня общалась с близнецом и Пашей. Сэро молчал, вставляя редкие реплики в чужой непрерывный диалог.

Павлик оказался суетливым пацаном с быстрой речью. Простой, открытый, он весело шутил и разговаривал с Любой будто с хорошей давней знакомой. Это и радовало её, и немного пугало. Девочка привыкла искать везде какой-то подвох.

Имир же был учтив, корректен в выражениях и соблюдал рамки приличия. Люба чувствовала от парня уважение и некоторую дистанцию, которую цыган держал по отношению к дамам. Такого поведения от мальчиков-ровесников в адрес прекрасного пола и уж тем более себя Поспелова не видела никогда. Перепалки, шутки, задирания, даже драки были нормой среди девчонок и пацанов её возраста.

Близнец выглядел каким-то другим. Не таким, как все. Очень умным. Эрудированным. С чувством собственного достоинства. И хладнокровным. Люба ощущала в Имире сталь и крепкий стержень сильного характера, как и в Сэро. Но в повесе читались интрига и азарт, а в брате – жёсткость и холодная расчётливость.

– Я отношу на выходных в отдел абонемента старую литературу, беру свежую и постоянно замечаю тебя в читальном

зале за кучей книг, – пояснил Имир. – Когда бы ни пришёл. В любое время. Зал посещаю только в будни, после уроков. Мне нравится работать в тишине.

– Не думала, что кто-то в библиотеке может меня заметить, – покраснела Люба. – Из нашей школы в читалке крайне редко кого вижу. В основном, незнакомые ребята. Просто мне нравится читать. В зале энциклопедии и журналы, которые на вынос не дают. Сижу листаю. А на неделю беру в абонементе.

– Понятно, – удовлетворённо хмыкнул брюнет. – Что предпочитаешь? Любимые книги, авторы?

– Сейчас перечитываю в который раз сборник Гоголя «Вечера на хуторе...». Нравятся истории оттуда. Ещё гоголевского «Вия» люблю и «Страшную месть» (её вообще до дыр затёрла)! Проглотила многое у Кира Булычёва. Обожаю детективы про Настю Каменскую от Марининой.

– Ни фиги себе! – воскликнул восхищённо Паша. – У нас вкусы совпадают! Тоже «Вечера» Гоголя люблю, «Повести Белкина» перечитывал. Детективы – святое! С творчеством Агаты Кристи и Конан Дойля знакома?

– Пару трудов одолела.

– Мне Стивен Кинг зашёл. Ужасы пишет. Читала? – поинтересовался Имир.

– Да, люблю! Летом «Оно» в руки попала. Так впечатлилась, что с наступлением сумерек боялась во двор выходить! Мальчишки приснули со смеху.

– «Оно» я тоже переварил. С какими ещё его творениями перезнакомилась?

– А Донцову знаешь? – вклинился, не утерпев, Паша. – Хоть что-нибудь? Она прикольная!

Имир добродушно фыркнул.

– Да ладно! Ты Донцову летом читал! Брал у меня книжки! – пожурил цыгана блондин.

– Мы с тобой много чем меняемся, что ж такого?

– Ну Донцову-то читал?

– Было дело, – согласился Имир. – Пойдёт от скуки.

– Ещё Лавкрафт жуткий! – вставила Люба, подняв кулак с оттопыренным большим пальцем. – Рекомендую!

На углу двух крупных улиц – Шевченко и Таманской – подростки попрощались.

Мальчики пошли дальше, по Шевченко, к дому Ибрагимовых. А Люба свернула на Таманскую и, пройдя метров пятьдесят, ушла с асфальтированной главной улицы на петляющий, посыпанный щебёнкой небольшой переулок, именованный Солнечным. Тут под номером 27 прятался в обилии густых деревьев её отчий дом. Огромный, из белого кирпича, с большими окнами в нарядных занавесках.

Поспелова впервые имела удовольствие общаться с ровесниками, которые читали взапой так же, как и она. То же, что и она. Девочка чувствовала себя будто заново рождённой, с нуля открывшей новый неизведанный мир, где ей было уготовано место среди равных. Нашла, возможно, друзей! На-

стоящих! И это одухотворяло школьницу жить, зажгло огонь внутри, согрело душу и заставило светиться от счастья. Настолько воодушевлённой Люба ещё себя никогда не чувствовала. Только бы судьба не обманула вновь её надежды на преданную истинную дружбу!

Парни, попрощавшись с тихоней, некоторое время смотрели ей вслед, а потом молча пошли к дому близнецов.

Первым тишину нарушил Сэро.

– Кажется, будто всю дорогу говорила твоя копия, – подметил он, обращаясь к брату.

– Диво-то какое! – съехидничал в ответ умник. – Впервые в жизни Сэро встретил не любительницу пьяных танцев и потискаться в кустах, а фанатку детективов и ужастиков. Или ты по её манере держать себя подумал, что Пospelова сутки напролёт на горохе в углу молится?

– Признаюсь, такая мысль меня посещала, – улыбнулся повеса.

– Здорово она от тебя смылась! – не удержал язык за зубами Паша. – Впервые такую отчаянную девку вижу! Причём смылась не чтоб внимание привлечь, а потому что идти с тобой не захотела...

– Отвали, Пахан! – недовольно отмахнулся Сэро.

– Ну тебе ж не всё равно. Мог бы и не догонять...

– Я сказал, отвали!

– Да ладно, чего злишься?! Я ж пошутил!

– В жопу иди со своими шутками!

– Люба порядочная, как и её отец, – задумчиво вполголоса сказал Имир. – Лично мне дядя Вася очень нравится. Он тоже немало читает. Дадо и Михалыч, как чай пьют в перерыв, много о чём говорят. Дочку его есть за что уважать.

– Мне Люба понравилась. Простая такая! И пугливая почему-то. Стесняется, дёргается, – встрял Паша, шагавший вприпрыжку впереди братьев. Затем блондин обернулся к Сэро и, глядя на друга снизу вверх, предложил: – Приводи её в компанию! Туда, к моей школе. Она пацанам понравится, вот увидишь! Весело будет!

Глава 4.

Ресторан-бар «Торнадо» работал без выходных, а его танцполы – по пятницам, субботам и воскресеньям. Самой многолюдной дискотека всегда была в субботу: на площадке не протолкнуться, возле бара не было ни одного свободного стула, а в ресторане столики, смотрящие прямо на танцпол, бронировались ещё с будней.

Молодежь со всей округи приходила сюда потанцевать, познакомиться, себя показать.

Ранние осенние вечера на юге очень тёплые. Ещё жужжали комары; их, кровососов, конечно, мало осталось, по сравнению с летом, но их сентябрьское назойливое пищание раздражало всё так же. Пока не наступили холода, в «Торнадо» работала летняя танцплощадка – широкий асфальтированный двор под открытым небом, огороженный высоким забором из красного кирпича, с массивными коваными воротами. Во дворе, по углам небольшой сцены-подиума, стояли мощные, в человеческий рост, колонки. Под короткими навесами, наверху, по периметру всего двора – множество маленьких, чтобы музыка равномерно звучала по всему помещению. Музыка настолько равномерно и громко звучала, что в период работы летнего танцпола – поздняя весна, лето и ранняя осень – танцевальный репертуар «Торнадо» было слышно за десятки километров от источника.

На сцене рядом с большими колонками располагался пульт диджея. Диджеем человек, ставивший музыку, назывался условно – чисто по провинциальным меркам. Его диджейство заключалось в том, что парнишка тупо включал с кассет да компакт-дисков популярные хиты как по программе, так и по оплаченному заказу.

В последнюю сентябрьскую субботу Сэро не собирался упускать возможность потусить на дискотеке. Пока летний двор «Торнадо» открыт. Зимний танцпол в разы меньше, толкотня, сутолока. Хотя и в летний всегда набивалось неумеренное количество молодёжи – не развернёшься. В диско-клубе лимит на пропускное количество желающих потанцевать не имелся.

Почти стемнело. Станичный парк, примыкавший к территории клуба, плохо освещался. Пьяная молодёжь постоянно была фонари, а местная администрация не спешила менять лампочки. То тут то там видны были компашки весело ржущих молодых людей: где-то курили, кто-то передавал по кругу бутылку с пойлом, кто-то бравадно орал похабную чушь. Слова поставленной диджеем песни группы «Руки вверх» рокотали на весь парк. Чем ближе к грохоту музыки, тем больше жужжащих людских кучек.

Сэро внимательно осмотрелся, стараясь разглядеть в темноте знакомые лица. Имир не захотел никуда идти. Он не был завсегдатаем «Торнадо» и приходил сюда нечасто, лишь когда желал побыть в танцевальной сутолоке. Обещали по-

дойти Паша и Денис с девушкой. Если парочка вдруг опять не поссорится из-за ревности или по какой другой ерунде.

Из тени деревьев навстречу Ибрагимову вынырнул Павлик.

– Салют! Давно ждёшь? Ден где?

Кудрявый коротыш пожал цыгану руку и махнул в сторону кованых овальных ворот, из которых постоянно сновала уйма разгорячённого народу.

– Внутри. Лена очень хотела танцевать. Истерить уже начала. Он и повёл её.

– Вот как! Пойдём пошукаем контрамарки.

Ворота как раз открылись и из-за двери вышли парень с девушкой.

– Привет! Уходите? – обратился к паре цыган. У него было редкое чутьё на нужных людей.

– Да, уходим, а что? – сдержанно ответил парень, а девушка покосилась на Сэро и слегка улыбнулась.

– Контрамаркой не поделишься, брат? Я деньги потерял: видимо, из кармана выпали, пока за сигаретами лазил. – Ни капли не стесняясь вранья, Сэро уверенно посмотрел в лицо парню. Потом – на девушку, заигрывающе. Лишь уголки губ лукаво чуть дёрнулись вверх.

Ребята отдали свои контрамарки.

– Благодарствую, родные! Спасибо! От всей души! Всех благ! – цыган и блондин раскланялись и нырнули за дверь.

В глаза ударили цветные лучи мельтешащей цветомузыки,

поверхностно освещавшие душный полумрак и выхватывавшие из него фигуры танцевавших. Проход перегородил громила на контроле: Сэро и Паша сунули ему под нос выпрошенные контрамарки и растворились в дёргающейся толпе.

Из колонок гремела «Крошка моя». Сэро почувствовал дискотечный экстаз и будто опьянел. Всё его стройное мускулистое юное тело запело, задвигалось вслед музыке, волнами, вместе с танцующими мальчиками и девочками. Эмоции драйва, танца наполняли и отпускали. Плясавшие ритмично прыгали, переминались с ноги на ногу, покачивали задранными вверх руками, трясли головами – словно в гипнотическом пульсе сливались люди, разноцветные всполохи, полумрак, осенний опьянявший воздух и гремевшая музыка. Пахло сигаретным дымом, вспотевшими подмышками, алкоголем и сонмищем без меры вылитых на одежду парфюмерных ароматов, смешавшихся в хаотичный клубок, который невозможно было уже разобрать на отдельные композиции.

В большинстве танцевали девочки. Парни стояли вдоль стен и глазели на барышень: кто-то любовался танцующей подругой, кто-то присматривал вариант на вечер, а некоторые просто бесцеремонно глазели на юные свежие девичьи формы, подчеркнутые вызывающими, довольно откровенными нарядами.

Многие мальчишки стеснялись, считая танцы чисто женским занятием. Из парней танцевали десятки, если не еди-

ницы. И эти танцующие парни были, конечно, лучшими: они двигались динамично, в чувстве ритма, плавно, наполненные сексуальной энергией молодых тел и силой уверенности в собственном обаянии. Сэро был одним из таких. Он отдавался с головой танцу, песне, музыке. Его дико красивая внешность притягивала внимание, уверенность и обаяние очаровывали девочек, и они, словно мотыльки, стремились составить ему пару в подтанцовке, улыбались, кокетничали, мечтая заполучить притягательного черноглазого юношу.

Кто-то дёрнул цыгана за плечо. Сэро, будто вырванный из гипнотического транса в реальность, очнулся и повернулся назад, по направлению к источнику раздражения.

Зелёный луч осветил Лену, девушку Дениса. Девочка, призывно улыбнувшись, тут же повисла на брютете. Её губы в приветственном поцелуе коснулись его губ, задержавшись на них пару неприличных для дружбы секунд.

Сэро аккуратно отстранил Лену. Огляделся.

– Где Ден?

Лена повертелась, нарочито поправляя на стоящих торчком грудях глубокий вырез синтетической кофты.

– Только тут был! Мы ходили курить. Зашли. Увидели у стенки Пашку, потом – тебя! Я пошла звать тебя, а Денис остался трындеть с Пашей! Куда они делись?! Может, на улице попёрлись?! —орала она Сэро в ухо, пытаясь перекрычать рёв колонок.

– Тогда пошли проверим!

Лавируя между телами, Сэро и Лена вынырнули с танц-пола в парк. Сквозняк обдал вспотевшее тело мальчишки. Неподдалёку наводила подозрительную суету разгорячённая толпа. К ней постепенно подтекали любопытствующие. Доносились выкрики, брань.

– И чё хлебало прижал, а?!..

– Сам ты прижал рыло, чмо!!!

– Чё вякнул, тварь?!.. Фига пялишься?!.. Зенки вытаращил и ржал!.. Предьявы есть, а?!.. С хрена лупился, спрашиваю?!..

Сэро узнал голос Дениса и нырнул в ядро собравшейся разборки. В круге из нервно суетившихся пацанов, схватившись за грудки, топтались, крича оскорбления, Денис – друг цыгана, одноклассник Паши – и какой-то неизвестный тип. Рядом с Денисом мельтешил Павел. Увидев брюнета, он обрадовался и подскочил с докладом.

– Я и Ден общались у стены, а Ленка пошла к тебе. Тут Ден увидел этого, – Паша раздражённо кивнул в сторону оппонента. – Тот что-то говорил своим и ржал. А Ден подумал, что про него, и быканул! Хрен их расцепишь!

Сэро усмехнулся.

Драки возле «Торнадо» были таким же непременным последствием дискотек, как пьянство и случайные половые связи.

В основном, танцевать приходили несовершеннолетние.

Более взрослая молодежь: студенты и старше – сидела в ресторане и глазела на вертевших задами девчат. Разгорячённые же школьники, опьянённые беспрепятственно продаваемым в баре и ларьках алкоголем, куражом и собственным максимализмом, очень любили сбросить напряжение, устраивая выяснения отношений по любой причине, даже ерундовой. Разборки, крики, оскорбления, драки давали ощущения власти, удовольствия, адреналина. И крайне редко сцепившиеся расходились миром.

Чаще всего стычки заканчивались избиением, нередко толпой на одного, нанесением повреждений разной степени тяжести. Кто-то после таких налётов оказывался калекой. Был, говорили, случай, когда парня с девушкой забили в парке до полусмерти. На танцплощадке дежурили наряды милиции из нескольких сотрудников. Но что могли сделать пятьдесят милиционеров на несколько сотен взгорячённых распоясавшихся подростков?

Денис Коробкин, высокий плотный русский парнишка, очень любил быть в центре разборок и зачастую становился их зачинщиком. Сейчас, нависнув над противником мощными плечами, он свирепо сверлил того серо-зелёными глазами, стремясь, наконец, завязать желанный мордобой. Дрался Коробкин очумело, не зная пощады, но выбирал грушу для битья с умом – он предпочитал боевые ранения, но не проигрыш.

Сэро натуру дружбана давным-давно распознал и пре-

красно понимал суть сыр-бора. Денис пристал к пацану от нечего делать, лишь бы покуражиться. И Сэро в этом балагане участвовать не собирался.

– Эй, Ден, браток, остынь! – цыган взял крепкой хваткой за плечи обоих парней и расцепил их. Чужак отлетел к своему окружению. Денис было дёрнулся в сторону врага, но Ибрагимов, надёжно держа руку приятеля около локтя, остановил его.

– Товарищ просто отдыхает. Как и ты. Зачем портить прекрасный вечер друг другу?

– Я не позволю какому-то хлебососу с меня ржать!

– Никто с тебя не ржал, урод! Мы вообще своей компанией стояли, никого не трогали, когда этот козёл к нам подскочил! – пояснил пострадавший явно для Сэро, увидев в цыгане дипломата-решалу.

– Слова подбирай, а то я тебе зубы посчитаю! – остудил Ибрагимов. – Пожмите друг другу руки и разойдитесь с миром.

– Пошёл лесом, обрыган! Щас нахрен грабли сломаю! – рывкнул Коробкин на парнишку, протянувшего было руку.

Похлопав по плечу Сэро, шатен, шумно вдохнув грудью прохладный осенний воздух, двинулся прочь.

– Ты нормальный?! Какого лешего на рожон полез?! – кинулась на него Ленка.

Денис отпихнул Лену в сторону, сделал ещё пару шагов и остановился. Потом повернулся к шедшему чуть позади

цыгану и по-дружески обнял его.

Лена вдруг восторженно завизжала и побежала здороваться к стайке дымевших девиц.

– Вечер только начался и обещает быть весьма приятным. А ты уже с каким-то лохом свару устроил. Не поздоровавшись со мной. Вот как тебя, Ден, после этого называть?

– Ай, да брось, братан! Забудь! – Денис прикурил и смачно затянулся табачным дымом. – Уже накатило?

– Не собирался даже.

– А ты, Пахан?

– Не-а.

– Трезвенники чёртовы! – Коробкин щелчком отправил непотушенный окурок в траву. – Пошли вовнутрь!

Внутри гремела и плескалась энергия танца и соблазна. Девчонки, на каблуках-шпильках, в обуви на высокой платформе, в мини-юбках, шортах под ягодицы, в коротких обтягивающих платьях, с оголённым упругим декольте, извились в такт попсе, демонстрируя стоявшим у стен парням свои прелести.

Весь танцпол выглядел как товарная лавка: девочки красовались, выставляя, так сказать, товар лицом; парни глазели и выбирали. Юноши постарше и молодые мужчины, сидящие за ресторанными столиками и барной стойкой, тоже приглядывали себе товар. Девочки-подростки это прекрасно знали да стремились изгибаться и вилять телом ещё больше. Там, за ресторанными столиками, можно было подце-

пить кавалера посолиднее – при машине и деньгах. Чтобы потом, смело глядя подружкам в лицо, хвастаться подарками или джипом, подъехавшим к воротам школы встречать после уроков.

– Смотри, – толкнул локтем цыгана Денис. – Видишь вон ту, с красными волосами, в кофте с кошкой? Ничего так, да? Я б её трахнул!

На сцене возле диджея танцевало несколько девочек, желавших привлечь максимум внимания. Туда, на возвышение, лезли самые уверенные: тебе видно весь зал, и тебя весь зал тоже видит.

Песня группы «Иванушки International» закончилась, и девчонка, с покрашенными в рубиновый цвет волосами, в белой футболке с изображением кошки и обтягивающих джинсах, прыгнула со сцены и пошла к уборным – воды попить, скорее всего. Денис метнулся, распахивая толпу, наперехват. Сэро наблюдал, как отвязный Коробкин встал у девчонки на пути, что-то сказал, а затем взял за шею и страстно, взасос, поцеловал.

Девчонка не сопротивлялась. Коробкин развернулся и пошёл назад, к Сэро.

– Говорит, парень есть.

– Ты тоже встречаешься, не забыл?

– Ну и что? Я верным быть никому не обещал.

– Против такого весомого аргумента не попрёшь! – Ибрагимов, расхохотавшись, хлопнул Коробкина по плечу и по-

шёл в самую гущу толпы.

Диджей поставил песню Отпетых Мошенников «Люби меня, люби», и мальчики вдоль стен зашевелились. Самые аппетитные девочки махом были разобраны на пары, невыбранным же пришлось уйти в сторону и, сложив руки, смотреть на прилепившихся друг к другу ребят. Кто-то, чтобы не чувствовать себя неловко, выскочил на время медляка покурить. Некоторые весельчаки ради смеха объединились в однополые пары. К Сэро метнулось несколько девушек, но он им учтиво отказал, намекнув жестом, что идёт в сторону туалета.

И так плотная толпа на танцполе увеличилась чуть ли не втрое. Люди в парах буквально тёрлись как друг об друга, так и о соседей по площадке. Это создавало некоторые неудобства. Хотя разгульную натуру Сэро это мало смущало: он во время танцевального угара специально заходил в гущу теснившейся, ошалелой от ора музыки разгорячённой толпы и аккуратно вытаскивал из карманов и сумок деньги да сигареты (которые за пару рублей потом поштучно толкал нуждавшимся в школьном туалете).

Сэро медленно и незаметно протискивался через девушек и парней, погружённых в нежный мотив песни и в объятия, ловко и осторожно обчищая карманы и сумочки. Ему нравился этот криминальный экстрим: на красивом лице не мелькало даже тени от заинтересованности кражей или суеты – взгляд направлен в сторону туалета, а если жертва дёр-

галась, то цыган изображал на обаятельном лице извинения и по-детски наивно, обезоруживающе улыбался. Чем снимал с себя абсолютно все подозрения.

Едва Ибрагимов по окончании своего крестового похода закрыл дверь туалетной кабинки, как начал оценивать награбленное. Ненужная ерунда типа помад и ключей летела в унитаз или мусорку. Ценное пряталось в потайные карманы джинсов, подшитые изнутри. Он ещё ни разу не попадался, хотя парнишке уж очень хотелось оказаться в подобном переплёте. Проверить себя и свои возможности – как он выкрутится из щекотливой ситуации. Шальная натура, уставшая от лёгких побед, просила больше драйва, больше экстрима, ещё больше всплесков адреналина.

Улов был весьма неплохой: в руках оказалась целая зарплата, презервативы, жвачка, немного конфет, пара золотых колец и несколько начатых пачек сигарет. Сэро предусмотрительно засунул все сигареты в одну наиболее дешёвую пачку и вышел вон.

Песня почти завершилась. Коробкин сладострастно тёрся о девку с рубиновыми волосами, которая пять минут назад заявляла, что несвободна. У стены стоял Паша – он редко кого приглашал на медляк. У Сэро было ощущение, что Павел ходил в «Торнадо» только потому, что цыган его с собой звал. Паша любил музыку, но к пьяно-угорелой толкотне относился с недоумением и лёгкой ноткой отвращения. Пряма как Имир. Отбитые книжные проглоты, блин! Сэро подхва-

тил Пашу, и оба нырнули в свежую осеннюю ночь.

Тут, на воздухе, было почти пусто. Щас грянет быстрый музон, и часть гостей бара выползет наружу. Мальчишки закурили от нечего делать, задумчиво глядя по сторонам. Их молчание нарушил вспотевший, разгорячённый Коробкин, державший за талию красноволосую партнёршу.

– Пацаны, знакомьтесь! Наташа!

Наташа поздоровалась и без грамма стеснения уставилась сначала на Пашу, а затем на Сэро. Цыган задержал наглый взгляд на её лице. Подростки словно друг друга прочитали: казалось, будто их роднило некое внутреннее бесстыдство.

– Мы с Наташей пойдём покурим. Там, в тишине. Так сказать, познакомимся поближе! Вы, если что, нас не видели, – Коробкин подмигнул друзьям и потащил в полумрак за угол забора хихикавшую и оборачивавшуюся в сторону Сэро девушку.

– Чувствую, опять ругань будет, – вздохнул Паша. Цыган согласно кивнул.

Не прошло и десяти минут, как к ним подлетела Ленка в сопровождении нескольких девушек. Она явно была вне себя: девчонку трясло, глаза выпучены, грудь от частого шумного дыхания вздымалась, не в силах успокоить хозяйку.

– Где этот козёл?! Ну?.. Чего молчите?!.. Говорите же!!!!.. Это так подло! Девочки видели, как он сосался с какой-то шмарой!!! Тискал эту тварь!!! Где?!

«Опять двадцать пять!» – пронеслось в Пашиных мыслях.

Он смотрел на одноклассницу не мигая. Ему было стыдно и неудобно, как будто проступок Дениса совершил он, Павел Овчинников.

Ленка и Денис учились в одном классе с Пашей и встречались уже около года. Одноклассники называли их страстной парой, и эта самая несчастная страстность заключалась в постоянных стычках между Коробкиным и его девушкой. Они могли целоваться врасос посреди школы, у всех на виду, а через пять минут так же, у всех на виду, крыть друг друга отборным матом, а то и драться. А потом, на следующей перемене или через пару дней, опять пошло тереться друг об друга, изображая невиданную любовную любовь. Во время ссор Лена пыталась несколько раз использовать Пашу в качестве группы поддержки, и тому стоило немалых сил сохранить нейтралитет.

Сэро же разборки парочки развлекали. Ему нравилось наблюдать, как выкручивался Денис, и для этого повеса нередко специально выдавал Коробкина со всеми потрохами, себе на потеху. Цыган обставлял всё таким образом, что выглядел всегда совершенно не при чём, хоть Денис, почёсывая поцарапанную щёку или укушенное плечо, чувствовал, что без посторонних козней не обошлось.

– Слушай, мы действительно не знаем, где он, – уверенно ответил Ибрагимов, и тут же, как ненароком, воровато глянул в сторону угла, за который убежали легкомысленный друг с девицей.

Лена инстинктивно посмотрела в ту же сторону, затем с подозрением покосилась на bruneta. Ему этого было и надо – крючок заглохен. Тогда для пущей убедительности повеса изобразил мимолётный испуг и ещё раз опасно кинул взгляд вбок.

Школьница пулей полетела к повороту кирпичного забора, заглянула за угол – и исчезла из виду. Девки-приятельницы бросились по пятам.

Визг и маты не заставили себя долго ждать. Сэро растянулся в коварной ухмылке и быстрее пошёл к источнику шума, чтобы насладиться цирком самолично.

В полумраке возле росших у забора деревьев Ленка и Наталья, пыхтя и лягаясь, таскали друг друга за волосы. Коробкин поднялся с земли и, обнаружив ладони и джинсы в чём-то мерзком, стал поспешно вытираться о кирпичи и стволы. На грызню сбегались отдохавшие.

– Ты-ы-ы-ы!.. Конченная вонючая потаскуха! Шлюха! Мерзавка! Дешёвая стерва! Что, уродина гнилая, никому нахрен не сдалась, да?! К чужим парням стрёмное сопло подбиваешь?! – задыхалась от ярости Ленка.

– Да пошла ты! – На голове красноволосой от укладки не осталось и следа, с губы текла кровь; девушка разъярённо крикнула обтирающему руки об забор Денису: – Кто эта королева?!

– Блин, я, кажется, в чьё-то гавно влез...

Ленка кинулась на шатена:

– Урод! Променять меня на эту мочалку?! Щас глаза выцарапаю!!!

Коробкин схватил испачканными руками запястья девушки и швырнул вбок.

– Отвали, тварь! Я из-за тебя весь в дерьме!

Лена истерично расхохоталась.

– Так тебе, кобелю, и надо!.. Сволочь поганая! Ненавижу! всю жизнь испортил! Почему она с ногами висела на тебе?! Какого хрена сосался и лапал за сиськи?!.. Радуйся, курва! – обратилась она уже к сопернице. – Теперь этот кусок дерьма – твоя проблема!

Девушка развернулась и побежала в слезах вон из толпы.

Примчавшиеся на шум зеваки пытливно переговаривались, желая посмаковать подробности. Наталья отряхнулась от мусора (видимо, из-за внезапного налёта Ленки упала в траву) и поправляла когда-то накрепко уложенные лаком волосы. Денис протянул руку, чтобы вытянуть из её волос сор. Наталья отстранилась и ударила наотмашь его по лицу.

– Катись, говноед! Мог бы предупредить, что припёрся со своей мартышкой! Не хочу тебя знать!

– Ну и проваливай, шлюха крашенная! Сама не лучше! Вали! Мне насрать! – орал обиженный Коробкин вслед ушедшей девушке.

– Жив? – вволю насмеявшийся Сэро вышел из тени, чтобы изобразить заботливого друга. Денис с недоверием уставился на цыгана и Пашу.

– Как Лена меня нашла?

– Понятия не имею, – рассеянно дёрнул плечами цыган. – Мы с Паханом были могилой... Мля, Денисыч, от тебя во-
нзает!

Ибрагимов неторопливо шёл домой по дороге от территории школы № 4. Она была не меньше седьмой школы, но находилась на окраине станицы возле старого кладбища. Паша говорил, что во многих кабинетах окна с видом на могилы, и он иногда вечером видел зеленоватое свечение прямо над свежими захоронениями. Наврал как пить дать!

Цыган после любовных разборок не стал оставаться в «Торнадо», а проводил с Пашей испачканного Коробкина домой. Шатен жил за школой № 4.

Коробкин был злой как чёрт. Проклинал обеих девушек на чём свет стоял.

– С Наташкой был такой шанс покувыркаться! Она б и ртом поработала, отвечаю! – сетовал Ден. – А Ленка, курва, всё испортила! И ладно б сама безотказно давала, так нет же! Выпендривается время от времени! За неделю пару раз рукой пошалила, и на этом отбой! Шлюхи чёртовы!

Попутчики молчали. Настолько грязные речи были не в духе Дениса. Старшеклассник просто очень злился, и мальчишки это понимали, хоть их и не впечатляло слушать поток словесных помоев.

Когда оба приятеля уже попали к себе домой, Сэро выдох-

нул. Наконец-то остался один! Ему было не стыдно за свои козни. Денис Ленку не любил, а Ленка не любила Дениса. Чего их жалеть?

До улицы Шевченко топать от четвёртой школы очень далеко. Цыган не напрягался, ему нравилась ночная прогулка.

Было уже за полночь. Светила полная луна. Станица спала. Ленивый ветерок освежал усталую голову.

– Сэро! Подожди! – девичий голос вдруг позвал брюнета.

Из ворот тёмного спавшего дома к нему быстрым шагом шла укутанная в халат Ленка.

– Я сидела на лавочке за забором, думала о сегодняшнем... Тут вы втроём прошли... Решила подождать, когда ты назад пойдёшь, домой.

– Зачем? – цыган знал ответ, но вопрос всё же задал.

– Знаешь, Сэро, Денис как бы классный... Он весёлый, симпатичный, бешеный... Но я не особо его люблю, наверное...

– Тоже мне открытие! Думаешь, никому не видно?

Девушка смутилась.

– Да ладно, не заморачивайся, окружающим всё равно.

Скоро помиритесь. Пока!

– Ой, стой, не уходи!

«И не собирался. Ну давай, доигрывай до конца». Повеса догадался, чего девчонке надо, но решил не помогать. Пусть говорит и делает всё сама. Цыган соорудил непонимающее лицо.

– Звучит не очень, но я стала с ним встречаться, потому что хотела быть ближе к тебе... Ты мне очень нравишься, – Лена обвила руками шею юноши и потянулась за поцелуем.

«Во врёт!.. Ты, зайка, клеилась к Имиру, но он даже разговаривать не стал! Братец очень разборчивый. А Ден понял, что с тобой легко договориться. Решила, будто можешь управлять Коробкиным. Ага, закатай губу!.. Сейчас же врешь не мне, а себе».

Рассудив мотивы девушки, брюнет отстранился.

– Лена, ты зла на Дениса, но я использовать себя для мести не дам. Спокойной ночи.

Сэро, прислушиваясь, быстрым шагом пошёл прочь. Позади раздались шлепки тапок об асфальт – Лена бежала следом.

Ибрагимов на это и рассчитывал. Старшеклассник повернулся, якобы нехотя дал повиснуть на себе.

Ленка начала целовать, говоря, что ей от него ничего не нужно, что не ждёт отношений. Мол, давно безответно любит. Хочет побыть с ним хотя бы раз. Только здесь и сейчас.

Школьники ушли с дороги в тёмную высокую траву. Сэро, уворачиваясь от поцелуев, упал на спину. Ленка села сверху. Захлебываясь желанием, задрала свитер, бешено стала целовать смуглый живот. Цыган расстегнул пряжку ремня, потом – молнию. Принудительно толкнул голову Лены вниз. Ровесница повиновалась.

«Учись, Коробкин, девушек уговаривать», – усмехнулся

Сэрo и закатил глаза от удовольствия.

Солнечный переулок, где стоял Любин дом, брал начало от широкой Таманской – одной из центральных улиц станицы. Въезд в переулок был совершенно незаметным: с асфальта, в густоту деревьев резко шёл вбок завиток узкой гравийки, спускавшейся в низину.

Извилистая проезжая часть Солнечного была сплошь в мелких впадинах да крупных выбоинах. После дождя они превращались в сборище луж. В слякотные дни прохожие, петляя, наивно старались сохранить незаляпанной одежду и обувь. Переулок вился так, что пешеход мог узреть только близлежащие дома, но с каждым изгибом дороги ему открывался новый вид.

По обеим сторонам переулочка высились добротные дома из красного и белого кирпича. Перед постройками – приусадебные участки, организованные хозяевами под личные нужды. Пестрели и благоухали огромные клумбы да лужайки с деревьями, что склонились под тяжестью плодов. Кто-то вырастил тополя, а некоторые засаживали участок сезонными корнеплодами или зеленью. Но и, разумеется, были, по меркам переулочников, незначительные хозяева, у которых просто росла трава. А самые нерадивые вообще траву не косили, чем оскорбляли взор культурных соседей – любителей побелённых деревьев и разноцветных клумб.

На весь переулок было лишь три двухэтажных дома. Один

принадлежал состоятельным пасечникам. Другой – красный, простоватый и некрасивый, с требовавшим покраски забором, – семье мотоболистов. Третий двухэтажный дом, тоже банальный и скучный, только белый, был в тупиковом конце переулка и будто прятался за маленькой ржавой калиткой да обвисшим проволочным забором. Там жил странный худощавый лысый мужик с тяжёлым взглядом на суровом лице. Люба всего пару раз видела его, въезжавшего и выезжавшего из вечно открытых ворот дома на бежевом, повидавшем жизнь, жигули. Потом мужик пропал и дом пугающе опустел.

Остальные строения были просторными да одноэтажными, квадратов в сто – сто пятьдесят, с треугольными низкими крышами и прятавшимися под коньками крошечными чердачными окнами. Крыши украшали жестяные водосточные системы с резными узорами.

В больших соседских окнах можно было разглядеть кружевной тюль и расшитые портьеры, на подоконниках – помпезные статуэтки да живые разросшиеся цветы в горшках. Окна – лицо дома. И лица соседских домов не изволили смотреть на прохожих грязными кружевами, измятой и перекрученной портьерной тканью – примета нерях и раздолбаев. Каждую складку на занавеске разглаживали. Хозяйки даже выходили из дома намеренно посмотреть – не виднеется ли в убранстве окон неопрятный подвох, незаметный изнутри.

Любин дом красовался почти возле въезда, вслед за угловым домиком и огромным огородом бабы Клары. № 27 будто выныривал из-за угла чужой огородной сетки.

Придомовой участок Пospelовых – самый большой на переулке. На нем родители задолго до рождения дочери посадили двенадцать деревьев. Их стволы и ветви круглый год прятали дом от взглядов посторонних и одновременно притягивали их.

Дело в том, что № 27 (нумерация шла от тупика, всего строений было 28) полностью отличался от остальных зданий. Крыша не треугольная, как у всех соседей без исключения, а трапециевидная. Значительно тянувшийся в ширину и в высоту, в глазах прохожих дом выглядел замком на два этажа. На самом деле, второго этажа не было. Под массивной крышей прятался необъятный чердак. Окна его Пospelовы украсили занавесками. Прохожие, не догадываясь об обмане, благодаря тюли принимали второй этаж за жилой, и не понимали, почему там никогда не горит свет.

Солнечный переулок выглядел маленьким, зелёным, цветущим, петляющим и невероятно уютным. Особенно когда распускались плодовые деревья. Улица тогда покрывалась благоухающими бело-розовыми лепестками. К концу сентября густая зелень только начинала желтеть, признавая приход осени.

Никто не любит понедельники, и Люба не была исключе-

нием.

Выпив стакан молока на скорую руку, она с любовью расчесала волосы, блестящие после вчерашнего купания в бане, оделась-обулась и выскочила в прохладное утро последнего сентябрьского денька.

До окончания четверти – три недели. Три недели потерпеть, и целых семь прекрасных дней она не увидит противные рожи одноклассников. В библиотеку, слава Богу, ребята не ходят, а она не бывает там, где тусуются они.

Времени этим утром у девочки было с запасом. Можно не торопиться, шагать в школу, погрязнув в думах. Жаль, утренний туман скоро начнёт оседать – примета ясной солнечной погоды, жаркого сухого дня. Солнце Люба уже давно не любила. Ей нравился дождь и снег. Последнего на Кубани в жизнь не дождёшься.

Тихоня постаралась закрыть калитку без шума, но эта железная гадость всегда скрипела так, будто с момента создания специально, из вредности, записалась в ряды стукачей. Хотя благодаря её натужному скрипу Пospelовы всегда знали, что кто-то зашёл во двор.

«Когда вырасту, сбегу отсюда. Обязательно уеду. Буду жить там, где много дождя и снега. Одна. Никого не пушу! Поселюсь в маленьком доме на горе, как в сказочных фильмах про эльфов и гномов. Буду сидеть у окна с кружкой горячего чая, укрывшись вязаным пледом, и читать. Или смотреть на дождь. И никто не будет меня трогать. Здорово-то

как!»

– С добрым утречком, сестрёнка!

Из покрытых туманной ватой садовых зарослей выплыл цыган. Парень полчаса ждал выхода Любы, прислонившись к стволу огромной тенистой алычи, и уже стал подозревать, что Имир специально подшутил над ним, дав описания не того дома.

Люба, обомлев, уставилась на повесу выпученными от ужаса глазами. Она инстинктивно обернулась – вдруг кто из родителей наблюдает за занавеской. А может, соседи смотрят?

– Твою мать! – выругалась десятиклассница, напрочь забыв о культуре поведения. – Ненормальный?!.. Специально подкараулил в который раз?!

– В смысле?! – возмутился обескураженный Сэро. – Я не караулил! Просто ждал. Скучно одному в школу топать. Решил, раз ты неподалёку живёшь – значит, компанию составишь. Мы вроде с пятницы официально знакомы. Эй, чего такая злая?

Люба проигнорировала его шуточный тон и опять нервно уставилась на окна. Надо уходить.

– Валим! Быстро!

Сэро повиновался, удивившись поведению девчонки снова. Пугливая зубрилка превратилась в неотёсанную командиршу. Юноша попытался дать себе внятный отчёт, что его на Солнечный 27 занесло, но не смог. Он поправил высокую

горловину свитера на быстром ходу, чтобы стыдливо прикрыть синяки на шее.

Брюнет сегодня не ночевал дома. Вторую ночь подряд ему было не до сна. На выходных с четырёх часов утра парень на рынке помогал маме с тяжёлыми сумками, ставил палатки, развешивал да раскладывал товар. Руслана не смогла подменить Лалу: сестра подрабатывала, практиковалась в кафешке соседнего городка, готовила торты и выпечку. С субботы на воскресенье Сэро проспал всего час.

Когда рынок зашевелился, Лала дала сыну денег на конфеты для семьи. Особенно для младших: Розочки, Соны и Яноша. В кондитерском ряду цыган столкнулся с Натальей – несостоявшейся интрижкой Коробкина. Её рубиновые волосы были собраны в хвост, лицо без косметики выглядело милым и детским. Кокетка подошла к ровеснику поздороваться и спросила, помнит ли он её.

– Что за тупой вопрос! Это вчера было. Такое не забудешь! Как тебе с Деном обломалось, – съехидничал брюнет.

– Грубиян! – девушка оскорбилась и отвернулась.

– Ну да! Тебя побили ни за что, а грубиян я!

Сэро знал, за что зацепить и как подкатить. Вот подростки уже сидят на лавочке в парке, щёлкают семечки. Через час – во всю целуются. Повеса обещал прийти вечером, взял адрес и пошёл назад, на рынок, помочь Лале убрать палатки и товар.

Наташа училась в одиннадцатом классе школы № 1. Жи-

ла в покосившемся домике вместе с сестрой и одинокой матерью. Сестра ушла к парню, мама – к новому хахалю. Всю ночь Сэро и Наталья резвились на её старенькой односпальной кровати, потом смотрели телек – и так по кругу. Им было горячо и хорошо. Наташа любила без стеснения, от всей души, да и Сэро не церемонился.

Ибрагимов вернулся в отчий дом на рассвете, чтобы переодеться и взять рюкзак. Парнишка перелез через забор и осторожно постучался в окно своей комнаты. Рядом была спальня младших, очень не хотелось разбудить чутко спавшую детвору.

Из-за занавески вынырнул сонный Имир.

– Открой! – шёпотом попросил Сэро.

– Что говоришь? – притворился непонимающим близнец. – Не слышу!

– Всё ты слышишь, брехун! Впусти меня!

Имир, хитро прищурившись, показал на свою шею:

– Что у тебя здесь?

– Что у меня здесь?! – испугался Сэро и начал ощупывать себя.

– Фу-у-у! – Имир притворно скривился. – Знаешь, топай-ка через дверь! Вдруг ты заразный!

И резко закрыл занавеску, довольно усмехнувшись.

– Блин, какого хрена?! – психанув, Сэро пошёл к веранде, молясь, чтобы отец не запер вход на ночь. Объясняться с родителями повесе не хотелось, но ему повезло – дверь была

открыта. Дадо уже встал покормить животину да птиц.

Мальчик сразу направился в ванную смыть чужие запахи и пот ночи. Зеркало испортило настроение, показав хозяину засосы на шее – жёлто-синие, с фиолетовым отливом.

«Чёртова Наташа! И успела же! Почему я не заметил? Как попался? Лохудра за это обязательно ответит!»

Когда Сэро, помывшись, вышел, Имир подтягивался на штанге, врезанной отцом в стены под потолком. Из своей комнаты выскочила Руслана, поцеловала близнецов по очереди. Посмеялась с синяков на шее повесы:

– Как тебя замечательно комары покусали, родной! Сладко-то было?

Красавец состроил удручённую гримасу. Придётся добрую неделю ходить в водолазке или свитере под горло да злиться, что умудрился опростоволоситься.

Подростки уже выходили из переулка. Сэро хотел было поравняться с Любой, но заметил, что тихушница мигом сбегает на несколько шагов вперёд. Ровесника это поначалу задело. Цыган, злясь, придирчиво оглядел со спины спешившую Любу и понял, что странная деваха своим поведением опять его забавляет.

– Куда летишь, грубая? Где твоё «доброе утро»? – подколот молчунью Ибрагимов, не желая играть по чужим правилам. – Не нравится приятная мужская компания с утра пораньше? Ааа, понял! Поела чеснока и боишься меня дыханием убить, нет?.. Я люблю чеснок, если что.

– Помолчи, пожалуйста! – коротко буркнула Пospelова, не оценив иронии.

– Ну знаешь, это невежливо, – с досадой отозвался попутчик.

– Сэро, прошу! – пискнула школьница на ходу срывающимся голосом. – Объясню позже, обещаю! Иди, будь добр, подальше от меня... Пожалуйста!

Старшеклассники молча вышли из переуллка, пересекли Таманскую и повернули за угол. Пospelова резко остановилась.

– За тобой следит ревнивый жених? – недоверчиво предположил брюнет.

– Нет, конечно! Фу-у-у!

– Ну да, на тебя не похоже, – насмешливо согласился цыган. – Хотя всё может быть.

Люба боязливо осмотрелась по сторонам, потом, выдохнув, стыдливо подняла взгляд на Сэро, ждавшего объяснений.

– Прости, пожалуйста, мне очень неудобно! – Девочка, робко поджав губы, ещё раз заглянула в лицо парню, решая, стоит ли ему доверять. – Я скажу, но ты не смейся! Не станешь же смеяться? Тебе, кстати, не будет жарко в закрытой тёплой кофте? Погодка обещает быть весьма солнечной...

– Вот уж нет, не будет! Переживу как-нибудь! – оборвал тихоню Сэро, попытавшись глубже спрятать шею в ворот зимнего свитера. Чёртова Наташа! – Ты хотела объяснить

своё некрасивое поведение. Я, между прочим, оскорбился!

– Не надо обижаться, пожалуйста! – начала оправдываться Люба, восприняв всерьёз насмешливый тон собеседника. – Просто больше ко мне домой не приходи.

– Это ещё почему? Вот сейчас уже я конкретно оскорбился, знаешь ли! – опять попутал от неожиданности Ибрагимов.

Десятиклассница обречённо вздохнула.

– Мои родители очень строгие. *Очень*, понимаешь?.. Мне запрещено ходить в гости к ровесникам без разрешения. Меня не пускают на дискотеки, в том числе школьные. Круг общения строго контролируется мамой. А если, не дай Бог, увидят с мальчиком...

– Так я ж знакомый мальчик! Твои предки знают моих!

– Ну и что?! Меня накажут! – выкрикнула Люба, отчаявшись донести яркому заметному пацану всю катастрофу своего положения. Сказать популярному школьному красавцу, что он цыган и это главное его преступление, тихоня не решилась бы даже под дулом пистолета. – Не хочу быть наказанной! Совсем! Тебе можно доверять?

Ибрагимов изумлённо слушал объятую страхом Любу и давался диву. Парень не мог представить, чтобы в его семье или круге общения, даже просто среди знакомых были настолько жёсткие рамки. Он, Руслана и Имир ходили куда хотели, общались с теми, к кому душа лежала, и со своими ошибками разбирались самостоятельно. Родители практиче-

ски ни в чём их не ограничивали. И так же было у друзей. А тут хрень какая-то! Цыган решил, что зубрилка нагло при-
вирает, дабы от него избавиться, и закусил удила.

– Не хочешь со мной общаться, так?

Люба не ответила, засмотревшись на собеседника. Смуглолицый. Вороные волнистые густые волосы с бело-жёлтыми крашеными прядями. Аккуратные, чуть оттопыренные уши. Угольно-чёрные брови, лукавые глаза цвета смолы с длинными закрученными ресницами. Правильный нос и фигурный насмешливый рот с белыми ровными зубами. Красив до неприличия, гад! А ещё не требовалось особых умственных способностей, чтобы понять, насколько Сэро хитер и опасен. Если она сейчас скажет «нет», где гарантия, что цыган не станет мстить?

– Хочу. Конечно, хочу! – поспешила доказать обратное девочка, и тут же прибавила: – Только вот отлупленной быть не желаю.

Брюнет хмыкнул.

– Понял. Так и быть, договорились – я могила! Больше к тебе домой не приду. Довольна?

Люба облегчённо улыбнулась. Ибрагимов плутовато – в ответ. Ровесник протянул тихоне руку в знак примирения, а та, сначала запутавшись в выборе нужной для пожатия ладони и насмешив цыгана, ответила взаимностью.

Большую часть дороги подростки молчали. Им, таким разным, не о чем было толком говорить. Сэро вспомнил, как

легко Люба болтала с Имиром, и позавидовал брату. Поспелова совсем не задавала вопросов, только приветливо отвечала на его. А школьнику практически не о чем было спросить: ни общих интересов, ни общих знакомых. Ибрагимов ощущал себя на редкость некомфортно и недоумевал, какого лешего ему вообще сдалась стрёмная девка, хотя для себя уже давно всё решил.

Дома мальчик выяснил, что, оказывается, не раз слышал об отце Любы от родителей. Алмаз уважал коллегу, часто упоминал, приносил с работы взятые у Поспелова газеты и книги – литературу дяди Васи читала вся цыганская семья. Несколько лет назад предки Любы через свои связи помогли Алмазу устроиться на ж/д, что было для Ибрагимовых колоссальным подспорьем. Больше цыганского мужчину с высшим образованием и приличной трудовой книжкой никуда в 90-е годы, к сожалению, не брали.

Чуть позже Лала стала ездить в Турцию за товаром на продажу, но поначалу цыганской семье, переехавшей из холодной суровой Сибири на тёплый юг, пришлось крайне тяжело. Поспеловы помогли Ибрагимовым продуктами и вещами, чем немало облегчили жизнь. И Сэро, слушая уважительные слова о Василии и Александре во время семейных посиделок, даже не догадывался, что вот эта зажатая сутулая стрёмная девка – их дочь.

Парнишка понимал, что чувствует по отношению к Любе благодарность за прошлую помощь своим. Попутно сума-

сбродная дурёха веселила ровесника умением сбить с толку и поставить в тупик. Объевшийся девичьим вниманием, Ибрагимов от души забавлялся и неосознанно тянулся к ученице 10 «А» за новой порцией чудачеств, списывая своё праздное любопытство на зачатки спортивного интереса. Зубрёжница оказалась крепким орешком, и проницательный Сэро, чуткий на мотивы других людей, так и не перестал удивляться с её прошлых выходов по отношению к себе.

На повороте дороги, шедшей напрямик к школе, Люба неожиданно остановилась, замолчала и опять начала пугливо озираться по сторонам.

Сэро заинтересованно стал ждать. Скептически приняв объяснения тихони насчёт строгих родителей, цыган подозревал, что, возможно, Пospelова – любитель блефа и очко-втирательства – специально вводит в заблуждение, чтобы он плясал по её правилам. Юноша решил дождаться, когда школьница расслабится и станет играть свою роль хуже.

– Сэро, можно попросить тебя пойти ещё раз навстречу и выполнить несколько просьб? – робко молвила старшеклассница и покраснела как варёный рак.

– Смотря какие просьбы. Сначала озвучь, а я уже решу, как поступить, – резонно ответил брюнет.

– Хорошо. Ты сказал, что собираешься ходить со мной в школу...

– Когда получится, то да.

– Тогда, когда мы будем ходить вместе... Если я вдруг

подам знак... – Любе тяжело было подобрать нужные слова. Она понимала, насколько бредово её просьба будет выглядеть в глазах общительного, уверенного мальчишки. – Ты отходишь и держишься подальше. Ну-у-у, типа отдельно идём.

– Зачем?! – возмутился старшеклассник, ожидавший чего угодно, только не этого. – Бред какой!

– У папы и мамы много знакомых... Могут увидеть... – промямлила Пospelова, сторя от стыда пуще прежнего.

– И?! Просто идёшь с человеком, приятно беседуешь. Что криминального?!

– Ты же мальчик...

– Я в курсе. С рождения им являюсь.

– А меня дома будут ждать расспросы и неприятный разговор!

– И какой же разговор?!.. Дочь, тебя видели идущей с парнем! Значит, шла в кусты, гаражи, в чужой дом заниматься странными делишками? Колешься, куришь, бухаешь, подрабатываешь проституцией? – высмеял ровесницу Ибрагимов. – Ересь полная! Перебарщиваешь, детка! Выставляешь родаков насквозь от мороженными! Зачем тебе это надо? Выдумай что-нибудь попроще и правдивее!

Расстроенная Люба с горечью посмотрела на красавчика и, чувствуя подступающие слёзы, опустила голову.

– Знаешь, Сэро, я подозревала, что ты будешь смеяться... Попробую объяснить. В позапрошлом году выпало много

снега, помнишь? Он не таял где-то недели две, может, больше. Мороз, сугробы огромные, тротуары завалены, дороги узнавались только благодаря бороздам от колес машин. Я едва вышла из дома. Гребла по Таманской, проваливаясь в снег. Рядом остановился близкий друг брата, взрослый мужик. Он меня пожалел и подвёз до школы. А когда я вернулась вечером, то получила взбучку от родителей на целый вечер. От стыда и подозрений мне некуда было деться...

Люба с ужасом осознала, что опрометчиво доверяет одно из неприятнейших воспоминаний едва знакомому человеку, причём парню, да ещё и школьному заводиле с кучей друзей. Но глупый рот не слушался её и совсем не хотел закрываться.

– Предки решили, что друг братана тебя поимел? – договорил за растерявшуюся сверстницу Ибрагимов. – Типа сама напросилась, потому что в машину села?

Люба не моргая смотрела в умные чёрные глаза, не в состоянии произнести позорное «да». Если Сэро расскажет эту историю шутки ради кому-нибудь из приятелей, в школе её просто загноят. Позволив себе так разоткровенничаться, девочка теперь мечтала разбить голову о бетонные плиты под ногами, только б всё изменить и забрать сказанное назад. Но было уже поздно.

Насмешливое лицо брюнета, ранее смотревшего на школьницу с недоверием, посерьёзнело. В обсидиановых пушистых глазах исчезли смешинки.

– Извини, – хмуро произнёс Ибрагимов, пытаюсь избавиться от мерзкого послевкусия чужой личной истории. – Конечно, пойду навстречу. Не хотел тебя обидеть.

– Я не обиделась! Всё хорошо, – поспешила заверить его обрадовавшаяся Люба. – Мои родители не злые, не подумай! За пять лет до моего рождения у мамы на руках от опухоли умерла в мучениях старшая сестра. Мама тяжело это пережила, и теперь боится меня потерять, потому что я поздний ребёнок. Понимаю их и стараюсь не расстраивать. Всё, что мама делает, – для моего же блага.

– Я тебя услышал. Хорошо. Будет по-твоему, – мягко поддержал тихоню парень. – Пойдём?

– Ещё кое-что...

– Опять?! – насторожился цыган, не успев расслабиться, и принялся мысленно бранить себя за праздную любознательность и страсть к авантюрам.

– Возле школы мы расходимся и в школе не общаемся.

– А там-то почему?!

Девочка по-щенячьи умоляюще на него воззрилась.

– Божечка укуренный! Ладно! В школе притворяемся незнакомыми! Хорошо-хорошо! – без боя сдался цыган и закатил к небу очи. – Чума, блин, на мою пустую черепушку!

Азартная натура Ибрагимова наконец проснулась и взяла своё. «Чем дальше в лес, тем больше забавы, однако!» – усмехнулся школьник, предчувствуя, что взбалмошная зубрилка в будущем его интересно и необычно развлечёт.

За квартал до школы Сэро заметил одноклассников и присоединился к ним. Парень вёл непринуждённую беседу, не забывая невзначай поглядывать на отставшую Любу. Тихоня брела одна, глубоко задумавшись.

«Даже не смотрит, глянь-ка! Идёт мечтает!» – ухмыльнулся десятиклассник. – «Любопытная особа. Что-то здесь нечисто! Запрещено общаться с пацанами до такой степени, что к воротам на пушечный выстрел не подойдёшь? Пещерный домострой! Впервые такое вижу! Либо дешёвая брехня, либо вся семейка чокнутая! А если коза решила надурить? Но нафига? Или не обманула? Нет, не верю, чтобы папин товарищ был так жесток с дочерью!»

Сэро решил, что время расставит всё на места. Старшеклассник раздал приветствия, затем примкнул к галдевшим приятелям, собравшимся под школьными тополями. Обернувшись, юноша напоследок проводил взглядом стройную девичью фигурку, скрывающуюся за массивной входной дверью с потоком других школьников, и непременно решил поболтать с ровесниками из 10 «А» да разузнать у них, что за птица эта Люба Поспелова.

Глава 5.

Илютина Варвара невзлюбила одноклассницу Пospelову с начальной школы.

Блондинка жила с мамой, бабушкой и старшим братом неподалёку от ж/д и автовокзала в домике, который будто построили в яме – так резко земля уходила вниз от тротуара. Дом был настолько мал, что человек среднего роста, стоя у стены, оказывался выше оконного наличника. Некрашеное, небеленое, без растительности, тускло-бесцветное, строение совершенно не радовало глаз. Если б не подметённый двор, можно было подумать, что здесь обитает последняя голытьба. Хоть и низенький, домишко тянулся в длину, поэтому четырём членам семейства Илютиных хватало места – у каждого имелась своя, пусть и небольшая, комната.

Отца девочка не знала, как и старший брат – дети родились от разных мужчин. Мама Вари – полная живая женщина – трудилась бухгалтером и в своей работе слыла асом. Особенно в финансовых махинациях. Стараясь замаскировать причастность к преступным делишкам, бухгалтер одевалась скромно и однотипно. Чего не скажешь о дочери: у девочки шкафы ломились от дорогих модных нарядов, в коридоре и чулане обувь занимала все полочки, количество сумочек, заколочек и украшений не поддавалось счёту. Варю мать любила и ни в чём не отказывала.

Дом Илютиных постоянно был полон гостей: бабушкиных, маминых, брата и друзей самой Вари. Общительные, открытые, лёгкие на подъём, Илютины легко находили общий язык со всеми, с кем желали общаться.

Маминой лучшей подругой являлась тётя Тоня – напарница Пospelовой по товарной кассе. Антонина, весёлая хохотушка, постоянно жаловалась на Александру Григорьевну, на её нетерпимость, грубость, вспыльчивость и пренебрежительное отношение, хоть и уважала как профессионала. Илютины мать и бабушка поддерживали расстроенную Тоню, ругая на чём свет стоял вредную и требовательную коллегу.

Варя, научившись у старших не стоять в стороне, если обижают своих, слушала и запоминала, а в школе пристально наблюдала за Любой. Одноклассница ей не нравилась: в начальной школе Варю одевали скромно, зато у Пospelовой были самые красивые платья, кофточки, туфельки. Любу наряжали с иголки, как маленькую принцессу.

Ещё Антонина говорила, что Пospelовы выстроили огромный дом на переулке, где все строения стоят один краше другого. Женщины охали да причитали, как Любе повезло. Такую богатенькую, хоть и с физическим недостатком, всегда замуж возьмут (ни тётя Тоня, ни мама Вари в браке не были). Варя вспоминала эти слова, когда некоторые ребята, приходя в гости, подсмеивались над скромным жилищем. Особо грубые называли её дом спичечной коробкой. Девоч-

ка, сильная духом, не показывала обиды и шутила вместе с насмешниками. А после каждый раз спрашивала родительницу:

– Мама, почему бы не купить хату побольше? У нас же много денег! Зачем живём здесь?

– Что ты, доченька! Дом – моё прикрытие. Приедут из органов, посмотрят, зайдут – и сразу поймут, что живём на одну зарплату. Лишнего нет, тем более незаконного. Тебе что, вещи какой не хватает или на расходы добавить?

– Причём здесь это?! Мы выглядим как нищие! Приятели ржут с нашей хибары! Надоело!

– Пусть смеются! Когда поступишь в один из лучших университетов страны, они захлебнутся от зависти! Я дам тебе, милая, всё, что захочешь, и квартиру в Краснодаре куплю! А может, и в Москве. Нужно немного потерпеть!

– Зачем?

– Чтобы срок давности документов истёк.

– Пока грёбаный срок истечёт, меня из-за нашего курятника замуж крутой жених не возьмёт!

«Сколько ни ходи на дискотеки, сколько ни общайся, всем нужны жёны побогаче. Не хочу остаться одна, как мама! А Пospelову возьмут. Гадская мышь! Хотя кому эта помалкивающая целка-кривошея нужна?»

Физический недостаток Любы и её замкнутость – единственное, что успокаивало Варю. Ей было отраднo, что Пospelова в классе не нравилась многим, и Илютина старалась

при любой возможности ухудшить положение и без того пугливой девушки. Она поддерживала с руками и ногами любую выходку Тимона и его свиты в адрес Любы. И сейчас, перед уроком физики, Варвара не переминула вывести разговор в сторону ненавистной одноклассницы, болтающей в стороне с глубоко не интересными тихушницами Верой да Софией.

– Тим, смотри, какая Пospelова довольная! – язвительно запела Варвара. – Стоит лыбится! На кофте пуговку верхнюю расстегнула! Влюбилась, наверное!

– Да кому обезьяна нужна?! – недовольно обрезал Варю Тимофей и с досадой уставился на предмет своих насмешек.

– Зачем она вам?!.. Забудьте, смешные! – Даша Бутенко попыталась отвлечь внимание двух главных затейников 10 «А» от ничего не подозревающей Любы. – Илютина, блин, сколько я говорила! Ну какие у Пospelовой могут быть женихи? Разве можно познакомиться с парнем, не посещая дискотеки? Сидя дома?

– Без понятия, Дашунь! Чего тогдамышь довольная? Наверно, какому-то лоху подзаборному сгодилась. Что думаешь, Тимон? – с издёвкой продолжила Варя, не желая отказываться от развлечения.

Люба, учувя надвигающуюся неприятность, внезапно посмотрела на компанию, где стояли Илютина и Степанченко. Румяное личико посерьёзнело, улыбка потухла.

Варя и Тим, поймав затравленный Любин взгляд, ехидно переглянулись да – зло и громко, напоказ – прыснули от сме-

ха. Тихоня потемнела и отвернулась, будто ничего не видела.

– Варька! Прекрати, говорю! – зашипев, толкнула подругу Дарья.

– Да я и не начинала! Ой, смотри, Пospelова расстроилась, хоть и притворяется! Богатые тоже плачут! Всё же хорошо, что мышь в «Торнадо» не ходит, а то б меня при её виде вечно блевать тянуло! – выкобенивалась на публику разнузданная блондинка.

– У неё очень строгая мать, – решила вмешаться за бывшую подругу Лыткина Катя. – Любу просто никуда не пускают.

– Это не мои трудности! – отмахнулась Варя. – Зато нашей классной мыши есть чем заняться в четырёх стенах.

– В потолок пялиться? – схохмил Тим.

– Или шарaxаться в своей махине из угла в угол, пугать барабашку. Так и дни пройдут, пенсия наступит...

Степанченко с Варей опять, весело переглянувшись, издевательски расхохотались.

– Примерно так и есть, – чуть улыбнувшись, решила согласиться Катя, мельком глянув в сторону тихони.

– Чё, колымага реально по углам сутками болтается?! – заинтересовался Тимон.

– Не совсем. Она пашет по дому как папа Карло. Особенно летом.

– Да, я свидетель! – вклинилась Камилла. – Там летом целый консервный завод!

– Откуда знаешь? – подпрыгнула Варя.

– Я же раньше бывала у неё в гостях, как и Катя. Летом сколько приходила – Любка вечно сидит перебирает несколько тазов чего-нибудь. Яблоки или вишню, огурцы, например. Потом сама банки закручивает.

– Ой, трудяжка, надо же! Пара тазиков, – Варя, хмыкнув, изобразила руками диаметр крупного салатника.

– Неее, Варюнич! Тазов во-о-о-т таких!!! Огромных! Железных!

– От работы кони дохнут, – Илютина нахмурилась, не желая мириться с трудолюбием ненавистной ровесницы.

– Вот Пospelова и выглядит, как моль полудохлая, – заметил Тимофей, а потом прыснул: – Ни хрена ж семейка прожорливая!

Компания оценила хохму и залпом заржала.

Пospelова слышала всё-всё, до единого слова, и не понимала, что плохого в домашнем труде и зачем Камилла подлила масла в огонь. Хоть высмеивала Любу не Виноградова, девочке всё равно было обидно. Ведь когда тихоня приходила в прошлые годы в гости к брюнетке, то нередко попадала на Камиллиных родителей, консервировавших дары лета. Да, Виноградову в отчем доме никто пыхтеть над тазами не заставлял, но это же не значило, что нужно докладывать Илютиной и Степанченко, как проходит каждое Любино лето.

«Им смешно, потому что они тунеядцы. Бездельники, не

способные себя обеспечить хорошей домашней едой на зиму. Ни на что не способны, ничего не умеют. А потом зимой тратят лишние деньги на некачественную заводскую еду и дорогущие, пропитанные насквозь химией заграничные овощи да фрукты», – пронёсся ветром в мыслях подбадривающий мамин голос.

Ученики 10 «А» с лёгкой руки Илютиной, Лыткиной и Степанченко считали Пospelову девочкой богатой лишь потому, что на переулке Солнечном под номером 27 красовался огромный белый дом.

Не каждая семья в советское время, канувшее в прошлое, могла позволить построить больше, дороже, лучше, чем у соседей. Этот огромный дом – детская мечта мамы, которая когда-то хотела, чтобы вся семья, её дети жили вместе, рядом. В молодые годы женщина занимала высокую, весьма почетную должность на ж/д и получала хорошую зарплату. Александра Григорьевна могла при помощи связей достать дефицитные качественные материалы, оплатить работу строителям.

№ 27 вырос быстро. Любиному брату, Саше, было тридцать лет, и отчее гнездо было его ровесником. А потом наступили девяностые годы. СССР распался. Прежний мир рухнул. И жизнь семейства Пospelовых навсегда изменилась вместе со всей страной.

«Получается, конкретно эта кучка меня ненавидит за большой двухэтажный дом?» – недоумевала школьница. –

«Можно подумать, они живут хуже, или у них денег меньше! Мне, что, теперь ненавидеть Илютину за сто одежек, а Лыткину за то, что её мама – школьный секретарь? Я должна мечтать нагадить в душу Степанченко, потому что у него есть два старших брата?»

Тихоня искренне не понимала ребят. Она, конечно, гордилась родовым гнездом. Что хотя бы в этом преуспела в классе. Но разве это богатство? Или счастье?.. У Варвары – куча друзей, её многие знают и уважают. У Тимофея – дружная весёлая семья. А у Кати такой чудный опрятный домик, чистенький, побелённый и весь цветущий!

Как Любе нравилось жильё Лыткиных! Своё искреннее восхищение она не раз выражала бывшей подруге. Иметь то, что было у ребят – большое счастье. Разве здесь Люба оказалась богаче их? Нет, ни капельки. От осознания этого Поспелова расстраивалась куда больше.

Прогремел звонок. 10 «А», громыхая стульями, лениво вывалился из кабинета физики и поплёлся, влившись в ревуший гомон тел, на другой край второго этажа, к своему классному руководителю Бортник Валентине Борисовне.

Между собой 10 «А» называл её Валею или Валентиной. Никаких прозвищ и кличек. К классруку, а также учителю русского языка и литературы школьники относились с почтительным уважением, смешанным со страхом.

Бортник школьников напрямую не оскорбляла. Но тех,

кто ей по какой-либо причине не нравился, могла периодически жестоко, больно кусать и высмеивать, не выходя за рамки литературного языка и норм педагогической этики. Остальным при этом сразу становилось понятно, что ученик или ученица попали в опалу, но поймать педагога за язык и предъявить прямую претензию по факту было весьма сложно.

Причин, по которым ребёнок мог не понравиться строгой, авторитетной, всеми уважаемой учительнице, было немало. Каждый мог попасть из угодных в неуютные в любой момент. Чаще всего Бортник не переносила ленивых, бедных и слабых людей. Сама она слыла хозяйкой в приличной состоятельной семье, с приличным состоятельным мужем и приличными воспитанными детьми. Поэтому классрук 10 «А» бедняков свысока считала лентяями, лентяев – неудачниками, а слабаков не переносила на дух. Глубокое презрение Валентина Борисовна выражала мимикой или жестами: брезгливо морщила нос, презрительно поджимала губы и оглядывала предмет раздражения холодным злым взглядом.

В железных рукавицах учительница держала не только классы, но и родителей. Никто из пап и мам не рисковал даже взглядом показывать претензии, дабы не оказаться униженным при всех на собрании. Валентина могла отчитать любого родителя за его чадо так, что взрослому человеку хотелось потом как минимум исчезнуть подальше от позора.

Педагог очень любила дорогие подарки и другие матери-

альные знаки уважения и внимания (кстати, именно таким способом можно было выползти из отверженных). В завершение описания суровой матроны можно лишь добавить, что Бортник Валентина Борисовна была одним из сильнейших учителей в школе, и к ней, как мухи на мёд, стремились попасть все тщеславные и целеустремленные классы, рассчитывавшие на высокое качество знаний и строгую дисциплину.

10 «А» в полном составе махом добрался до кабинета №19. Перемена между физикой и русским коротка, а на уроки Валентины Борисовны опаздывать вредно для душевного здоровья. Это знал каждый школьник, имевший удовольствие учиться русскому языку и литературе у классрука 10 «А».

Старшеклассникам пришлось толпиться под дверью и выжидать, так как класс, находившийся в кабинете, ещё не окончил урок.

Дверь, громыхнув, резко отлетела в сторону, чуть не прибив Жваника с Картавцевым, умудрившихся встать прямо за ней. Из проёма хлынули школяры.

– Какой класс там был щас? – суетился кто-то у Любы за спиной.

– 10 «Д»! Что, сама не видишь?! – буркнули в ответ.

У Пospelовой ёкнуло в груди. Тот, о ком она подумала, не заставил себя долго ждать.

Сэро вышел из кабинета почти сразу за первыми, спешив-

шими на перемену раздолбаями. Немного притормозил на проходе, занятый болтовней с беловолосой одноклассницей. Та играючи хлопнула его ладонью по груди, он ответил лёгким шутливым щелчком по вздёрнутому девичьему носику. Школьница зажмурилась и показала ему язык.

Камилла уверенно вышла из стоящей ватаги навстречу цыгану и приветливо поздоровалась.

– О, привет! Как делишки? – дружелюбно ответил он.

Тихоня замерла, забыв дышать – настолько сильно хотела, чтобы черноглазый красавчик её увидел.

Брюнет аккуратно озирался по сторонам, не забывая улыбаться Камилле. Едва нашёл Любу, встретился с ней глазами – тут же отвернулся. Будто совсем её не знает и знать не собирается. Как и договаривались.

Поспелова удовлетворённо выдохнула, едва улыбнувшись. Теперь у неё есть пунктик, в котором Камилла может ей завидовать. Хотя зная Виноградову, её целеустремлённость, а ещё уверенность и обаяние... Люба помрачнела.

Одноклассники начали постепенно заходить в почти освобождённый кабинет.

Валентина Борисовна с кем-то спорила. Возле толпились подростки из «Д». Ученики «А», проходя рядом, начали тормозить из интереса. Вокруг учительского стола уже собралось больше дюжины ротозеев.

Люба хотела было пройти на свой третий ряд готовиться к уроку, но тут заметила в просвете тел знакомую фигуру,

сидевшую прямо напротив Бортник.

– Ибрагимов, последний раз повторяю: оценку за сочинение исправлять не буду.

– То есть Вы, Валентина Борисовна, отрицаете, что неверно исправили два слова?

– Что значит «неверно исправили»?!.. Придумал, что существительные пишутся так, как тебе хочется, а теперь пытаешься оспорить?!

– Это не существительные, а наречия. В разговорном стиле используются редко.

– Ну так кто виноват, что ты засунул в свою работу редкие наречия?

– Я их (повторю Ваши же слова) засунул, чтобы избежать повторов. И проверил написание. Они, кстати, довольно активно используются в художественной литературе. Вы учили брать синонимы, чтобы обогащать письменную речь, не так ли?.. Или я опять намеренно ввожу Вас в заблуждение? – последнюю фразу Имир произнёс с лёгким сарказмом. Насмешка мелькнула едва уловимым блеском в чёрных глазах и тут же исчезла.

Поспелова, забыв обо всём на свете, метнулась в гущу спора.

– Во даёт! – восхитился Матвей Сысоев.

– Да-а-а-а! И не говори! – поддакнул шёпотом Жваник Илья, вылупившись на Имира словно околдованный.

Защищавший свою работу цыган сидел за первой партой

напротив Валентины Борисовны в спокойной, расслабленной позе и никуда не торопился. Подле малодушно топтались Крюков Миша и Лёвочкина Надя, боясь потревожить оккупанта, что совершенно не обращал на них внимание. Имир явно плевал, что занял чужое место, что кому-то надо приготовиться к уроку. Миша и Надя робко смотрели на Ибрагимова в надежде, что он вдруг заметит их и посторонится. Но у Имира на лице было написано, что он не встанет, пока не добьётся своего.

Парень наклонился к рюкзаку и достал невзрачную толстую потрёпанную тетрадку. Пролистав до нужной страницы, он передал её Валентине Борисовне.

– Это черновик сочинения. Вот те самые наречия с выпиской из толкового словаря. Здесь, – школьник перевернул лист и ткнул пальцем, – данные словаря, которым я пользовался: авторы, номера страниц, год издания. Тут словарные статьи к наречиям. Как видите, пометки «устаревшее» нет. То есть за это Вы оценку, как в прошлый раз, снизить уже не сможете.

– Ни хрена себе педант! – шокированно шепнула Бутенко Илютиной.

– Тем не менее я глубоко сомневаюсь в правдивости твоих слов, Ибрагимов. Мне нужно свериться с коллегами. Если я не уверена в их написании, то как ты можешь знать?

– Значит, Вы всё-таки не знаете написания этих наречий и не знали, когда проверяли мою работу? Соответственно,

исправили наобум?

– Всё, хватит! – рывкнула, разозлившись, педагог, попавшая в собственный капкан. – Урок начался! Зря тратишь моё время! И освободи место – дети сесть хотят!

От приказного, грубого, повышенного тона Люба и одноклассники съёжились. 10 «А» боялся классрука: с Валентиной Борисовной шутки были плохи, а последствия этих шуток – тем более.

Ибрагимов проигнорировал агрессивно-вызывающий выпад учительницы в свой адрес и остался совершенно хладнокровным. Лишь чутка усмехнулся и иронично прищурился. Подобные споры с учителями (особенно с Валентиной Борисовной) явно были для него не в диковинку. Видимо, уже не в первый раз Имир сталкивался с предвзятым отношением к себе, в том числе и через оценки.

– Подождут. Не хотите признать вторую оценку заниженной, верно? Если Вам неудобен, Валентина Борисовна, этот разговор, я могу, чтобы не тратить Ваше рабочее время, спуститься вниз, в кабинет завуча, и посоветоваться там. Разумеется, покажу ей также выписки из словаря. Если будет нужно, и сам словарь из районной библиотеки сегодня принесу. Такое решение нашего спора Вас устроит?

Педагог угрюмо уставилась на парня. Такой расклад ей совершенно не нравился.

«Надо же, Имир как бетонная стена! В обиду себя точно не даст», – поразилась Люба.

– Хорошо, исправлю на 5/5. Если ты сказал, что пишется так, Ибрагимов, значит, правда. Что поделаться, поверю на слово! – с каменным лицом снисходительно выдала матрона.

Тихоня заметила, как Камилла и Аня Рашель недоумевающе скривились. Если классрук изначально знала, что цыган прав, стоило ли устраивать сыр-бор?

– Имир я. Напоминаю на всякий случай, – спокойно, мягко, не моргнув и глазом, ответил русоведу десятиклассник. – Вы постоянно забываете моё имя, Валентина Борисовна.

Люба вздрогнула. Бортник очень «любила» забывать не только его имя.

– Хорошо, *Имир*. На днях согласую с завучем да исправлю оценку в журнале, когда найду время. – Вне себя от злости, педагог была готова удушить нахала.

– *Завтра*, Валентина Борисовна. Завтра перед уроками я подойду в учительскую и попрошу завуча показать исправленную оценку с вашей подписью и печатью директора. Вы же можете, как обычно, забыть и не вспомнить. Особенно к концу четверти перед выставлением итоговых.

Такой диалог, бесспорно, был верхом наглости для всех присутствовавших школьников. Но это была наглость, не выходящая ни на миллиметр за рамки культурного поведения и полностью в границах подчинения ученика учителю. Проще говоря, Имир вёл бой с Валентиной Борисовной её же методами.

«Где он так говорить научился?» – оторопело изумлялась

Люба. Сейчас в её глазах Имир оказался не то что примером для подражания, а чуть ли не революционером. Представить, что она отстаивает себя перед учителем подобным образом, девочка была не в силах. Невозможно! Близнец стал для ти-хони страшным, пугающим и недостижимым сразу.

Ибрагимов поднялся с места, взял черновик и пошёл к вы-ходу. Ребята из 10 «Д» – видимо, его товарищи – двинулись следом. Любины одноклассники не сводили с цыгана ошара-шенных, восхищённых глаз, неуклюже освобождая путь.

Имир поравнялся с Пospelовой, замершей в немом зача-рованном ужасе. Чёрные пушистые глаза приветливо заис-крились. Губы едва заметно дрогнули в улыбке. Их взгляды пересеклись, а спустя пару мгновений отличник отвернулся.

Школьник, остановившись у двери, повернулся.

– До свидания, Валентина Борисовна. Всего хорошего! – И вышел вон, не рассчитывая на ответ.

Педагог, покосившись на выход, нехотя процедила: «До свидания».

10 «А» ещё топтался возле учительского стола, будто по-битый или сонный.

– В чём дело, класс?!.. Звонок уже был?!.. Чего тогда ждём?!.. Тетради открыли, записываем число и тему урока! – Бортник резко встала и, поджав губы, зло оглядела подрост-ков. Ученики, тихо достав принадлежности, начали писать, побаиваясь поднять взгляд на взбешённого классного руко-водителя – слишком высок был шанс после разборок с цы-

ганом оказаться козлом отпущения.

– Хочу испечь песочный торт по рецепту из журнала: он на фотке такой аппетитный! – Аня Рашель, до сих пор не прикоснувшись к макаронам с котлетой, размахивала молодёжным глянцем перед носом у всех, кто сел с ней за один столик.

«Почему она не ест? Котлета такая вкусная! У мамы они не такие мягкие и сочные», – Пospelова покосилась в тарелку Рашель, затем осмотрела блюда других девчонок. По правде говоря, Александра Григорьевна вообще не пекла котлет, а Люба уж очень это мясное блюдо любила.

Пустая посуда была только у неё, Селиверстовой Вики, Светы Тарасовой и Гончаренко Нины. Остальные девочки за столом едва притронулись к школьной еде. Будто считали выше своего достоинства доедать макароны и котлету. Или делали вид, будто не голодные, потому что боялись фигуру испортить. Кто-то несчастную котлету надкусил и бросил, что для Любы было сущим святотатством, издевательством над едой. В столовой готовили очень вкусно, а порции были ничтожно маленькими.

– Принесу торт в школу и всех угощу. Так что завтра приходите пораньше!.. Ау, Любонька! Слышишь меня?

Тихоня подняла взгляд на Рашель и, застеснявшись, неопределённо пожала плечами.

– О чём задумалась? – полюбопытствовала Камилла.

– Вспоминаю, как ты мою семью голодающей с Поволжья выставила, – буркнула Люба, недовольно уставившись на одноклассницу.

– Ой, да брось! Все закатывают банки! В деревне живём! Просто Илютина – белоручка! – ловко отмахнулась Виноградова.

Поспелова, промолчав, обиженно отвернулась.

– Ну ладно тебе, я не специально! – заюлила брюнетка. – Думала, ты не слышишь... Я же не смеялась! Это всё Тимон и Варька! Знаешь же их...

– Оставь. Мне всё равно, – задетая Люба дулась на Камиллу, но решила перевести разговор в нужное русло. – Я просто пребываю в шоке от этого отличника с 10 «Д».

Их столик мгновенно оживился.

– Ещё бы, такое забудешь! – фыркнула долговязая Ира Уварова.

– Наглый, да! На химии с него попутала! Помните, как чувак на химичку наехал? – затараторила умница Нина.

– Блин, ну она тоже хороша!.. Приплела и пионеров, и... Что там вдобавок?

– Потребовала приглядывать за братом, – ответила хорошенькая Рашель.

– Ну вот! Брат, блин, тоже бешеный!

– А прикиньте, если бы близнецы в нашем классе учились?! – насмешливо вставила белокурая красавица Вика.

– У-у-у-у-у-у!!! – сплетницы хором заголосили, выражая

каждая своё: кто-то удовольствие и восхищение, а кто-то – испуг и шок.

– Вы чего, матрёшки?! Окститесь!!! Бедная Валя! – решила вернуть всех с небес на землю заместитель командира, степенная Инна Таран.

– Да ну ладно тебе! Было бы весело! Кто б кого! – озорно расхохоталась Камилла. – Эти двое дадут фору Илютиной, Степанченко и Исаковой!

– А Исакова причём? – усомнилась Гончаренко Нина, круглая отличница и командир класса.

– Я имею в виду, что тот, который наглее, прогуливал бы уроки и клал на Валентину почище Алеси!

– А с чего ты решила, Камилла, что крашенный прогуливает? – аккуратно ввернула Люба, надеясь получить о братьях больше информации.

– Пару девочек из «Д» знаю, – заносчиво задрала подбородок Виноградова. – Говорят, он иногда удирает, а ещё опаздывать любит. Учителя типа ворчат, только с Ибрагимова спроса как с козла молока!

– Иногда – это синоним «редко». Значит, не прогульщик. Просто шалопай, – осторожно вступилась тихоня.

– Ну да, – Камилла призадумалась. – На уроках тихо сидит, вроде.

– Близнецы, говорят, цыгане по национальности, – заметила кудрявая брюнетка Юлиана Близнюк, до этого хранившая важное молчание. – Разве цыгане ходят в школу?

– Не ходят вообще! – поспешила с докладом рыженькая Катя Лыткина, дочка школьного секретаря. – Мама знает личные дела практически всех школьников. У нас учится много цыган! Точнее числятся. Но на уроки не являются! У цыганят справки либо по инвалидности, либо по умственной отсталости. Типа тупые, больные, обучаться не способны. Мама говорила, цыгане специально перед школой детям справки берут. Те школу прогуливают, получают после девятого класса бумажку вместо аттестата. И всё.

– Офигеть! – огорошилась Света Тарасова, правая рука Юльки Близнюк, высокая шатенка с квадратным лицом.

– Я и не знала! – озадачилась Рашель. – Хитрые какие! Вот же ума палата! Мне бы так!

– Анюта, только не говори, – подколола соседку скептическая Ира Уварова, второй заместитель командира, – что тоже хотела бы получить в конце девятого вместо аттестата дурко-справку.

Весь столик захихикал.

– Нет, конечно! Ира, что за глупости? Как ты могла подумать? – покраснела обиженная Анечка. – Я просто в шоке, как местные выкручиваться умеют!

– У «выкручиваний» последствия есть, – спокойно ответила Ане низкорослая толстушка Инна Таран. – Нет аттестата – нет дальнейшей учёбе в техникуме или институте, нет квалификации.

– И нет нормальной работы, – сухо подвела итог командир

Нина.

– Ибрагимовы – тоже цыгане. Да-да! – продолжила Катя. – Но приезжие. Сибирские. У братьев справок нет, они не прогуливают и успешно учатся. Младшие из их семьи – тоже. Учителя в секретарской близнецов часто обсуждают. Кто-то хвалит, кто-то жалуется. Особенно любят полоскать умника, что сегодня перед русским наехал на Валю.

– Значит, тот, который пререкался с Валентиной Борисовной – отличник, а второй, с мелированием и серьгами в ушах, – двоечник? – Люба попыталась вернуть разговор в нужное ей русло.

– Да, спокойный – круглый отличник. На Доске почёта висит, можешь посмотреть! Говорят, начитанный, пипец! Невозмутимый удав, в отличие от брата. Базарит только по делу. Слушок ходит, мол, умник весьма противный на характер, – стала жонглировать осведомлённостью Виноградова. – А крашенный (Сэро зовут) тупо учиться не хочет. Вообще болтают, что Сэро – пацан умный, как брат, много в чём шарит и дофига знает! Когда хочет, учится. Если ленится – кладёт на всё. Но он не двоечник, нет.

– А зачем ты столько всего про Ибрагимовых насобира-ла? – не переминула съехидничать долговязая Уварова.

– Я много про кого наслышана! – отбила намёк Камилла. – Близнецы с большинством в школе общаются. Тайны никакой нет.

– Короче, хамы оба! Что одному хоть в глаза плюй,

что второму! – подвела странный итог Близнюк, толком не участвовавшая в обсуждении.

– Разве Имир – хам? – выпалила Люба. – Просто отстаивал своё по праву! Культурно и уважительно. Не оскорблял никого и не орал.

– Ну да, логично! – поддержали девочки. – Всем бы нам его таланты!

– Откуда имя знаешь? – подозрительно уставилась на тихоню Камилла.

Поспелова, покраснев, быстро отвела взгляд, изобразив полное непонимание.

– Так на химии по имени училка его же позвала, когда про пионеров втюхивала.

– А-а-а, точно! И ты запомнила?

– Я же вроде пока не бабка, – картинно насупилась тихоня. – С памятью всё в порядке.

– Ой, Камилла ревнует! – высмеяла Виноградову Ира. – Люба, теперь держись! Она обязательно ещё какую-нибудь хрень Степанченко да Илютиной «случайно» расскажет!

– Неправда! – вспыхив, рывкнула кареглазая красавица. – Блин, Уварова, бред несёшь! Задолбала! За собой следи!

Глава 6.

Чайник вскипел. Люба подхватила его сложенным вчетверо кухонным полотенцем и стала заливать кипятком в старенький заварник с треснутым носиком.

Александра Григорьевна сидела возле обеденного стола и жадно читала местную прессу. Весьма скучную, по меркам дочери. В районной газете ничего не писали, кроме занудных отчётов администрации, описаний событий вроде посева полей да платных поздравлений какого-нибудь станичника от любящих сослуживцев и родственников.

Люба достала литровую банку мёда и домашнее клубничное варенье, порезала свежий хлеб, только что купленный в маленьком ларьке, который содержала армянская семья, переехавшая в Россию в начале 90-х. Мама и папа ругали этих предприимчивых армян на чём свет стоял, обзывали спекулянтами, воругами, подленькими дельцами. И отправляли всякий раз дочь покупать в треклятом ларьке провизию по мере необходимости. Армянский ларёк бранили и другие соседи, совершенно не замечавшие, что с появлением крошечной железной торговой точки нескольким жилым кварталам больше не нужно из-за каждой мелочи бежать в центр – на рынок или в кооперативные магазины.

Мама, дочитав заметку, вздохнула и отложила макулатуру в сторону.

– Что интересного нашла? – поинтересовалась Люба, разливая густой чёрный чай в высокие белые кружки с потускневшим золотым ободком.

Александра Григорьевна подняла пасмурное лицо и задумчиво уставилась на дочь.

– Что пишут? Да всё то же. Как бездельник-глава на краевом совещании сидел. Ворюга! Всю станицу распродал! Кругом хапуги. Не стыдно им ни на грош перед простыми людьми!

Люба, потупив взгляд, промолчала. Подросток тяжело переносила мрачные монологи матери и отца.

Когда-то, лет за десять до начала 90-х, мама трудилась ре-визором на одной из ж/д веток и неплохо зарабатывала. Проверяющей женщина слыла принципиальной и строгой, наказывала жёстко, однако и о справедливости да сострадании не забывала. После рождения младшей дочери она решила уйти на нижестоящую должность товарного кассира, чтобы больше не ездить в командировки и чаще бывать с семьей. Но ничего не изменилось: семья видела Александру по-прежнему мало, замученной и усталой – хозяйка по привычке отдавалась труду вся, без остатка. Зарплата меньше предыдущей раза в три дала быстро о себе знать. Тем более что Василий Михайлович никогда прилично не зарабатывал.

Вскоре наступили лихие 90-е. Распад СССР. Зарплату многим не платили месяцами. Пospelовы исключением не стали. Не сумев адаптироваться к новой жизни, мысля по

старым советским меркам, родители Любы вдоль да поперёк кляли сообразительных торговцев, новоявленных нуворишей и других предприимчивых людей.

Мир менялся. Кто-то выживал, кто-то жил, а кто-то наживался. Пospelовы смотрели на богатевших и с отвращением осуждали. А Люба молчала и переживала за родителей, всё глубже погружавшихся в злобное негодование.

– Мам, знаешь, в классе считают меня богатой, – подросток робко решила начать разговор на мучительную тему.

– Само собой! – гордо встрепенулась мать. – Красавец-машина! Не зря я его построила! Как будто развал нашей могучей страны предчувствовала. Зато тебе перед людьми не стыдно, доченька! Таких домов в твоём классе нет ни у кого. Ох, сколько анонимок да кляуз на меня из-за строительства в своё время злые люди понаписали! Проверяли постоянно в органах – всё сходилось по зарплате. Порядочность превыше всего! Не то, что сейчас.

– Просто, мам, меня попрекают иногда... Домом... Типа богатая. – Девочка замолкла, собираясь с силами, чтобы произнести болезненные слова: – А никому не нужная. Что замуж не выйду. Буду старой девой.

– Это кто так говорит?

– Илютина.

– Ой, мерзавка завистливая! С её-то сараем! Помалкивала бы!

– Она на дискотеки ходит, а я – нет. Там ведь мальчишки...

– Подумаешь, мальчишки! Не ходила и ходить не будешь! Нечего там делать! Зачем туда приличной девочке таскаться, всем соседям на смех? А если изнасилуют? Или забеременеешь от проходимца? Что люди порядочные скажут? О нас с отцом подумала?!

– Весь класс ходит, – еле слышно прошептала подросток. – И никто не забеременел.

– Тю, глупенькая! Ну это пока. Пусть шлятся. Пусть родители потом за бесстыжих шалав-дочерей краснеют! А на Илютину не обращай внимания: мать замужем не была, что Варьку, что старшего олуха в подоле принесла! Мне по секрету Тоня рассказала.

– Та самая пакостливая напарница, на которую жалуешься постоянно?

– Да. Подстилка начальская. Шлюшка! Тонька разболтала, что Варьку мать зачала от убогого мужика, тьфу! С подобным гавном приличная женщина рядом бы на гектар не присела! Понимаешь, доченька? А ты из-за её слов переживаешь!

– Конечно! Неприятно, что Варя постоянно лезет! У неё много друзей и в нашей школе, и в других. Не хочу быть её врагом.

– Ну что страдаешь на пустом месте? Не обращай внимания, и всё! Пусть проשמандовка Илютина следит за своими короткими кривыми ногами! Одна культяпка короче другой, ха! Или вошь говнистая забыла, что хромает, как битая шав-

ка? Почешет языком да забудет!

«Нет, не забудет! – подумала школьница – «Не понимаешь, мама!»»

– В классе не мы самые богатые, а Лаврентьева Софья. Коренная казачка в пятом поколении! Родители порядочных кубанских кровей, знаю обоих. С отцом хорошо знакома – он меня уважает! – Александра Григорьевна гордо подбоченилась. – И бабушку Соньки да деда знаю. Закоренелые домовитые казаки! Хитрые, злые.

– Соня не злая и не хитрая. Я с ней часто на уроках сижу. Правда, не общительная почти.

Мама пренебрежительно хмыкнула:

– Она не малообщительная, а высокомерная. Натура казачья такая! Уж я-то знаю. Когда после войны мы с мамой (бабушкой твоей), пять малых детей, переехали из-под Костромы на Кубань, ох от коренных хлебнули!

– Смеётся надо мной не только Илютина. Другие тоже. Почему ребята на меня злятся?

– Потому что казачье. Большая половина класса. Коренные кубанцы. Могут балакать. На украинский речь похожа. Сколько помню, злобные гуцулы простых русских, особенно бедных, приезжих, не привечают.

– То есть Илютина – казачка?

– Да ну что ты! Тьфу! Нищета паршивая! У местных фамилии на «– ко» заканчиваются. Гончаренко – потомственная. Таран – тоже. Классрук – ещё та казачка гнилая!

– А Степанченко?

– Да чёрт поймёт! Фамилия породистая, а выходки у семейки – холопские. Помню, как мамашка ко мне в подружки в начальных классах мылилась. Просила, чтобы ты вместе с её сынком в школу ходила. Я наотрез отказала. Стыд и позор, а не семья! Мать с отцом постоянно дерутся. Сослуживица – их соседка – ого-го рассказывает! Пьянки, драки, матерщина! Орут, говорит, клянут друг друга, как напьются. Вся округа слышит. Держись от пацана подальше! Не нужен нам этот Тимофей. Жених курам на смех!

– Да он ко мне любви и не питает...

– Слава Богу! Можно лишь радоваться!

«Ага, мам, можно! Жених, блин! Только мечтать... Если ещё б меня ненавидеть перестал! Я единственная девочка в классе, которую Степанченко удушить голыми руками за здарьсте готов!»

– Виноградова тоже коренная.

– Так у неё ж фамилия не на «-ко» заканчивается...

– Ай, подумаешь, фамилия русская обыкновенная! Казачка она, говорю, Фома неверующая! Знаю родителей и деда с бабкой – кубанцы матёрые!

Люба не стала спорить, лишь растерянно замолчала, обескураженная противоречивыми доводами.

– Выйдешь замуж! У тебя репутация приличная. И Софья выйдет, потому что, как ты, с приданным большим. А на свистелках вроде Илютиной и Рашель... С такими развлека-

ются, но никто не женится.

– Почему?

– Потому что все парни будут знать, что они таскались.

– Но Аня не таскается ни с кем!

– Ага! Рассказывай! Прямо! А кто с армянскими пацанами шляется? Забыла?!

– Мам, в школе много армян. Девочек и мальчиков. – Люба замолкла на секунду. – И цыган. Все ребята между собой дружат, вместе гуляют!

– И ты?! – лицо матери мгновенно сделалось злым, подозрительным, брови угрожающе сдвинулись к переносице, челюсть презрительно сжалась.

– Нет-нет!!! – поспешила разуверить опасно напрягшуюся женщину не на шутку перепугавшаяся Люба. Маму злить нельзя.

Александра выдохнула.

– Ты у меня красивая, хоть и голову вбок держишь. Что поделаться! Все мы неидеальные, конечно. Но в твоём изъяне врачи виноваты!

Люба интуитивно вжала шею в плечи и руками загребла волосы вперёд, на лицо, пытаюсь спрятать физический недостаток.

Мама глубоко вздохнула и замолкла на несколько минут. Глаза женщины заволкло тоской и болью.

– Вот Леночка была красавица! Идеальная моя! Представляешь, Люба, у Лены уже в годик обозначилась изумитель-

ная талия! А личико кукольное! Гости изумлялись: «До чего прекрасна! Ангел Божий!»

Десятиклассница знала о жизни и смерти старшей сестрёнки практически всё. С детства Александра Поспелова постоянно рассказывала младшей дочери об усопшей. Сестра родилась на семь лет раньше Любы, а через два года умерла от злокачественной опухоли, изуродовавшей несчастному ребёнку, измученному адскими болями, всё личико. Не было и недели, чтобы о почившей крохе не вспоминала скорбившая мать.

Школьница с грустью слушала родительницу. Она полностью разделяла материнские страдания, испытывала тоску по почившей, а то и, бывало, скорбела, что сестру Бог забрал. Ведь теперь тихоня совсем одна. Нет у Любы родственной души на всём белом свете. И поддержать некому. Иногда девочку посещала невольная мысль, что лучше бы она не родилась, а вот старшая сестра, наоборот, осталась бы жить! Тогда мама была бы счастлива. Мама бы тогда никогда не грустила.

– Сестрёнка-то не по годам развивалась: умная, смышлённая! Жива бы осталась куколка, если б врачи не уронили. Как она мучалась, как болела! Сколько (если б ты, Люба, знала!) я её по врачам повозила! И в Краснодар, и в Москву. Без толку!

Хозяйка печально, едва сдерживая слёзы, покачала головой и, прикрыв ладонью подёрнувшиеся влагой глаза, отвер-

нулась.

В гробовой тишине Александра Григорьевна и младшая дочь просидели около двадцати минут. Чай остыл. Бутерброды, намазанные сливочным маслом и домашним клубничным вареньем, которое Люба старательно варила прошлым летом, уныло лежали на шербатых тарелках, нетронутые и одинокие.

Товарный кассир очнулась, убрала ладонь с глаз, повернулась к школьнице.

– Самое страшное – похоронить своё дитя. Не должны дети умирать раньше родителей. Не положено так!

– Мама, ты сделала всё, что могла...

Несогласная, Александра затряслась, шумно, прерывисто втянув воздух.

– Как я пыталась её спасти, ты бы знала! Мы с отцом всё продали в доме, вывезли врачам. Голые стены остались в хате. И не спасли! Я на похоронах от горя и плакать не могла. Все слёзы выплакала, пока Леночка жива была...

Люба тоскливо сжалась. Каждый раз, когда поднималась тема смерти старшей сестрёнки, мир будто тускнел, краски природы меркли и превращались в сплошной серо-чёрный оттенок. За всю Любину жизнь этот оттенок скорби и горя так и не исчез из её родного дома. Везде, в каждом родовом закоулке, были его следы.

– Я долго горевала. Пять лет страданий. Каждый день ходила на кладбище, сидела у могилки, – женщина прикрыла

рукой скорбящий рот. – Но после страшного сна перестала. Приснилось, что, притворившись доченькой, злой дух захотел меня на тот свет забрать. Тогда я поняла, что пора жить дальше. Нужно снова родить. Люди отговаривали, осуждали! Одна коллега высмеивала возраст мой, приводила в пример свою невестку. Мол, она молодая, всё детям даст, а ты?!.. А я что?.. Родила тебя, а невестка та на машине разбилась. Двое деток сиротами остались. Так иногда, Люба, жизнь распоряжается!

– Ты говорила, что врачи пророчили кусок мяса родить. Потому что выкидышей и абортотв много было. Да и возраст за сорок... Ты такая сильная, мама! – Люба в порыве нежности и сочувствия рванула к матери и прижалась со всей своей детской пылкостью.

Александра Григорьевна приобняла расчувствовавшегося подростка.

– А папа твой в это время повадился ходить к моей подружке. Та тоже хороша: видя меня на сносях, не выкисающую с сохранения, постоянно клеилась – то крышу ей почини, то забор... Дочерей посылала. Они приходили, Василия с работы ждали, чтоб помогать позвать. Отец всегда всё поперёк делал! Всю молодость, пока Шурик ребёнком был, пропил! Сейчас капли в рот не возьмёт! А тогда постоянно пьяного вусмерть в канавах люди находили! Я всё помню!

– А потом я появилась?

– Да, доченька! Я тебя очень ждала. Нет моей Лены, зато

хоть Люба есть. Спасибо Господу Богу и за это.

Уже прошло больше двух недель с тех пор, как Люба и Сэро вместе первый раз шли в школу.

Ибрагимов сдержал обещание Любе не общаться в школьных коридорах. Не здороваясь, повеса отворачивался, едва замечал её поблизости.

Сначала Любе нравилось, что парнишка так внимательно отнёсся к её просьбе. Она радовалась шансу пообщаться с одним из самых красивых мальчиков в школе, что выпал ей последним сентябрьским утром. Гордилась, что брюнет спонтанно пришёл к её дому, хоть это и могло для школьницы закончиться плачевно. Девочке нравилось само чувство тайны, которую она хранила, и насмешки Тимона первые октябрьские дни пролетали мимо её счастливых ушей.

Раньше Пospelова не позволяла себе обращать внимание на Ибрагимовых, так как искренне считала, что у неё попросту нет шансов заинтересовать подобную категорию парней. Но после знакомства оба брата будто вышли из тени и попадались девушке на глаза практически на каждом шагу.

Вот Имир идёт с каким-то пацаном и спорит о чём-то. А вот Сэро, присев на подоконник огромного коридорного окна, смеясь, обменивается шутками с ровесниками. Выходишь с урока, заходишь за поворот и вновь видишь повесу, который, приобняв за плечи незнакомую Любе девочку, что-то нашептывает той на ушко. А у огромного коридорного ок-

на теперь заседает Имир да ещё несколько парней – склонились над тетрадью и совещаются.

Люба, сталкиваясь с братьями, чувствовала прилив крови к щекам, задыхалась от неловкости, стыдясь себя. Не такая интересная и яркая, как другие. Не носит джинсы и короткие юбки. Не может танцевать в «Торнадо» на выходных, как вольные ровесники. Серая, душная и никчёмная.

К концу второй недели эйфория от утренней прогулки с цыганом сошла на нет. Сэро больше не подходил и в сторону её не смотрел.

Поспелова, глядя на школьников, отирающихся подле брюнета, страдала от приступов самобичевания. Насмешки Тимона вновь стали резать слух и больно ранить. Девочка подозревала, что красавчик из 10 «Д» подурачился. Дружить с ней не собирался. А, узнав мнение других ребят о ней, решил вообще держаться подальше, дабы свой имидж не портить.

Простая мысль, что все тревоги разом можно решить, если подойти к Сэро первой и задать вопросы, в голову к тихоне, привыкшей никому не доверять, постоянно бояться и ждать от жизни только проблемы, даже и близко не закрадывалась.

Люба не догадывалась, насколько ошибалась в цыгане.

Сэро умел владеть собой. Замечая Поспелову, он притворялся занятым, а сам украдкой наблюдал.

Люба была одной из многих, с кем хитрый Ибрагимов

разыгрывал партию. Юноша обращал внимание на каждую деталь: как ровесница поджимает губы, когда он проходит мимо, как пугается его окружения, как холодно игнорирует его флирт с другими школьницами – и лукаво усмехался. Тихоня не ревнива. Но стыдлива и стеснительна. Заметно нервничает из-за шумных компаний —пугается сверстников. Почему, цыган пока не понимал, но и значения не придавал. Рано или поздно всё прояснится.

Во время большой перемены повеса, тусуясь с приятелями на солнечном школьном дворе, увидел Исакову Алесю – ученицу 10 «А», курившую за поворотом здания в тени клёнов. Девушка в гордом одиночестве пускала изо рта струи дыма, оглядываясь по сторонам, дабы не попасться учителям.

Алесю Сэро хорошо знал. Брюнет в прошлом году не раз сидел с ней, её старшим братом и их друзьями за самодельным столом в тёплом гараже, слушал рок-песни под гитару, пил водку, закусывая лимоном с солью. Байкеры уважали Ибрагимова, его лёгкую, компанейскую натуру, зазывали в гости. Парень соглашался из любопытства – посмотреть на круг неформалов. Но, поняв, что ни культура, ни подобный образ жизни его не прельщают, повеса дипломатично свёл общение к минимуму, успев завязать немало полезных связей. Да и хлебать водку с солёным лимоном цыган конкретно устал.

В Исаковой же Сэро признавал человека, что не разбра-

сывается словами.

Ибрагимов подошёл к курившей школьнице. Достав из кармана зажигалку, кивнул:

– Сигаретка будет?

Неформалка улыбнулась, протянула пачку. У Сэро в кармане имелись свои, но зачем тратить впустую, когда рядом – расположенный к общению щедрый человек?

– Задворки туалета, смотрю, не для тебя. – Подмигнул юноша.

– Да ты что, приятель, с ума сошёл?!.. За сортиром воняет дерьмом, внутри от ссанья шары слезятся! Да ну нахер! Пусть там шмалят те, у кого кишка тонка. А я здесь, под деревом, постою, воздухом свежим подышу! – выпалила Алеся и затянулась.

– Не спорю. Ты права, – едва пожал плечами повеса.

Рокерша выкинула бычок в траву, поправила ворот джинсовой куртки, собрала тёмно-фиолетовые волосы в хвост и достала новую сигарету.

– Давно, брат, у нас не был!

– Прости, родная! Работы много.

– Матери помогаешь на рынке, я видела. И бате – на ж/д.

– Не-е-е, пахану редко. – Сэро выпустил струи дыма из ноздрей. – На ж/д Имир – частый гость.

Цыган уже приготовился было перейти к разговору о предмете своего интереса, ради которого он к Исаковой и подошёл, как обнаружил, что тот самый интерес шагает ми-

мо – от туалета в сторону главного входа.

Люба заметила Сэро и Алесю, куривших в тени, – и моментально пугливо сжалась, ещё больше ссутулилась, опустив голову, принялась изучать щербатый асфальт под ногами.

Ибрагимов усмехнулся.

Следом за Пospelовой шли девочки-восьмиклассницы. Одна, знакомая с цыганом, помахала рукой. Старшеклассник эффектно подмигнул в ответ.

– Кого-то закадрил? Впрочем, как всегда! – улыбнулась Алеся.

– Да бывает подфартит.

– Ой, скромник! Бабник ты редкостный! – расхохоталась собеседница.

Сэро, назидательно посмотрев на Исакову, насмешливо произнёс:

– Преступно быть равнодушным к красивым дамам. Порядочный парень никогда не оставит без внимания девушку, желающую пообщаться поближе.

– Ой-ой, джентельмен! – Алеся поощрительно рассмеялась.

– Это из твоего класса же пошла? С волосами по плечи которая? Идёт впереди во-о-н тех троих куриц.

Сэро настолько резко сменил тему, что Алеся растерялась. Неформалка не сразу сообразила, о ком идёт речь, пока не заметила одноклассницу.

– Аааа, эта! Пospelова.

– Что скажешь?

– Ничего особенного. Тебе зачем?

– Приятель интересуется.

– Понравилась?

– Вроде как.

– Ну у него и вкусы!

– Его вкусы – не наши заботы. Он стеснительный в плане девочек.

– Тогда понятно, что пацан в ней нашёл!

– А что так? Какая она, по-твоему? Пospelова, говоришь?

– Да, Люба. В классе ни с кем не общается. Хотя нет: болтает иногда с двумя такими же буками, как сама. С неё многие стебуются – правда, чувиха никак не реагирует. Ей похрен, за что уважаю! Кустарь-одиночка, короче. Постоянно сидит дома. Кто с ней дружил раньше, базарят, типа скучная зануда. Вроде, в большой поляне живёт, и некоторых в классе это бесит. Больше ничего не знаю. А учится ничего так: четыре-пять. Хорошистка, короче, но особо не высовывается.

– Всё?.. Скромно!

– С Пospelовой не общаюсь. Любка нелюдимая очень, рожа кирпичом... И я не замечала, чтобы бабайка хоть с кем-то стремилась найти общий язык! Больше добавить нечего. Спроси лучше кого-нибудь другого из моего класса.

– Спрашивали уже.

– И?

– Всё то же самое говорят. Ладно, счастливо! И спасибо за сигаретку! – Сэро, узнав желаемое, быстро зашагал ко главному входу.

Ибрагимов солгал. Каждый опрошенный из 10 «А» описывал зубрилку по-своему.

Жваник, Сысоев да Картавец за пару сигарет в сортире вывалили на Поспелову оскорбительную кучу помоев, сдав с потрохами источник – Тимофея, на которого важно ссылались. Подростки обзывали девку тормозом, грязью из-под ногтей, кладбищенской страшилой и ущербной овцой, приводя в пример слова и поступки авторитета Степанченко как показательные и логичные. Но ни один из парней, захлёбываясь гадостями, не заметил ехидный огонёк в глазах наблюдательного Сэро, который, в отличие от них, многое понял.

Потом были Виноградова, Илютина и Бутенко.

Варю Ибрагимов подманил сигаретой в курящую компанию парней и не прогадал: девочка очень любила привлекать внимание, особенно мужское. Окружённая ровесниками, Илютина вертелась как уж на сковороде и кокетничала направо и налево.

Сэро от души веселился, наблюдая за вычурно одетой Варварой, острой на язычок, когда после невинного вопроса о Любе жизнерадостная обаятельная девочка почернела в лице, взвилась и понеслась, не контролируя себя, городить насмешки и обзывать Поспелову богатенькой целкой и серой конченной амёбой. Дарья шикала на подругу, пытаясь за-

крыть той рот, но безуспешно. Варя взяла себя в руки и окончательно успокоилась, когда с её хохм и колкостей посмеялись все парни, что стояли рядом. Повесе захотелось добавить перцу и снова понаблюдать, как Илютина потеряет тор-моза, но решил, что услышал достаточно. Особенно от Дарьи, несмело разбавлявшей дерзости блондинки своими нейтрально-положительными оценками. «Ишь какая: и компанейскую удобную подружку потерять не хочешь, и дерьмом других поливать всё-таки совестно», – подумал цыган и презрительно усмехнулся.

Камилла выставила Поспелову как редкостную зануду, скучную, неприятную, зажатую и неинтересную, обосновав свою позицию опытом канувших в прошлое приятельских отношений. У Сэро сложилось впечатление, что Виноградова недолюбливает Любу, но стремится скрыть это по каким-то только ей понятным причинам.

Оценка Алеси оказалась самой нейтральной. И именно этой оценке цыган доверился больше всего.

Сделав выводы, Ибрагимов решил, что пора игру «Я тебя не вижу и не знаю» прекращать. Чего хотел юноша несколькими неделями игнорирования, того добился: девица явно расстроилась и начала переживать. Пора познакомиться поближе.

Расталкивая локтями плотный поток учащихся в переполненном коридоре, десятиклассник догнал удаляющуюся де-

вичью фигурку, чья русая голова то появлялась, то исчезала в бурлящей толпе подростков, наклонился со спины к её ушку и громко произнёс:

– Привет!

Люба резко повернулась, увидела Ибрагимова и жутко смутилась:

– Доброе утро...

– Давно тебя не видел!

Люба помрачнела. Сэро на такую реакцию и рассчитывал.

– Как поживаешь? – как между прочим, продолжил опрос парень.

– Да ничего так... А ты?

– Тоже ничего. Сходим погуляем? – расчётливый мальчик вопросы задавал быстро, чтобы обрадованная его неожиданным вниманием Люба отвечала не задумываясь.

– Да, давай! – расцвела тихоня. – А когда?

– Сегодня после уроков.

– Домой вместе пойдём?

– Нет. Встретимся после занятий и уйдём гулять до самого вечера, – прощупал почву юноша.

– Я так не могу.

– Почему? – парень знал ответ, но хотел услышать собеседницу.

– Мама дома. Ей надо объяснить, куда иду и до сколько.

– Скажи, что со мной пойдёшь. – Хитрый цыган опять закинул провокационную удочку.

– Нет, ты что?! – перепугалась Люба, но, чтобы не потерять выпавшую, наконец, возможность пообщаться с брюнетом, тут же поспешно добавила. – Я что-нибудь придумаю!

– Окей! Жду в три часа. Мост через реку на Таманской. Знаешь это место?

– Конечно, знаю! Недалеко же! – обрадовалась ровесница.

– Вот и договорились! До встречи тогда, – красавец обворожительно улыбнулся и, пройдя вперёд, сразу потерялся в плотной шумной толпе, чтобы не испортить эффект от своего появления.

Не поверив своему счастью, Пospelова, глубоко дыша и сжимая веки широко распахнутых глаз, всю перемену пыталась вернуться в чувства. А ведь она уже начала убеждать себя даже не надеяться.

Девушка громыхнула калиткой и шикнула на залаявшего Туза. Тот, попрыгав перед молодой хозяйкой и повиляв в приветствии хвостом, заскулил, а затем, брякая цепью, заполз в будку.

Мама на огороде рвала пожелтевший высохший бурьян, очищая землю перед вскапыванием на зиму. Копала огород Григорьевна всегда сама: быстро, грубо, по-мужицки. Отец обычно очищал землю, но делал это так, что на поверхности после него невозможно было найти даже былинки. А дальше нетерпеливая Александра брала всю работу на себя: вскапывала две сотки земли за пару-тройку дней, а потом от бо-

ли в мышцах не могла подняться с кровати. И, страдая, ругала последними словами мужа, делавшего всегда тяжёлую работу небольшими порциями, постепенно, но качественно, да дочку-лентяйку, которая, по мнению матери, пошла вся в нерасторопного медлительного тунеядца-отца.

Люба подбежала к женщине со спины, поздоровалась и торопливо приступила к делу.

– Мамулечка, я сейчас поем и быстренько уйду! В библиотеку! Надо доклад по биологии написать! Не обидишься, что я не помогу тебе сегодня?

Десятиклассница тараторила неуверенно, чувствуя стыд за враньё да вину перед согнутой пополам матерью.

Женщина отбросила вырванный куст помидоров в сторону и медленно начала распрямляться, тут же закричав от боли в застоявшейся пояснице.

– Я завтра прополю другой участок, хорошо?

– Ну, что поделать... А о чём ты на выходных думала вместо доклада? О большой и чистой любви? – сурово попрекнула товарный кассир.

Люба покраснела.

– Просто забыла...

– Эх, дурья голова! Иди пиши; учёба – прежде всего.

Ещё издалека, подходя к мосту, школьница увидела пацанячий силуэт, небрежно облокотившийся о перила, и расстроилась из-за тщетной надежды на свой ранний приход.

– Салют! – Сэро улыбнулся подошедшей девушке и кинул взгляд на тяжёлую тряпичную хозяйственную сумку у неё в руке. – Это что? Кого-то из домашней живности утопить решила?

– Нет, – насупилась Люба. – И как такое в голову пришло?!.. Ты рано пришёл, между прочим! А мне нужно кое-куда смотаться по маминому поручению. Подождёшь, пока я схожу? Это в паре кварталов от моста. Вернусь быстро, обещаю!

Ибрагимов оглядел тихоню с ног до головы. Девочка нарядилась так, словно не с парнем гулять собралась, а бегать круги по лужам стадиона. Ношенные, выдавшие виды дешёвые кроссовки. Застиранный спортивный костюм. Уродливая шерстяная водолазка с глухим воротом. Волосы завязаны в хвост, чтобы на ветру не мешались. На лице – ни грамма косметики. Хотя Сэро давно заметил, что Люба вообще не красилась. Видимо, фраза «гулять с парнем» у ровесницы ассоциировалась совсем не с тем, к чему он привык.

– Не собираюсь я ждать! – отрезал юноша. – Прогуляемся вместе. Показывай, куда топать! А что у тебя, кстати, там?

– Замороженная птица. Мы недавно рубили. Курица и пара уток. Мама попросила отнести подруге.

– А-а-а-а, ясно!.. Что сказала матери?

– В смысле?

– Ну, куда идёшь и с кем?

– Ни с кем. В библиотеку, доклад писать.

– А-ха-ха-ха! Ловко!.. И она даже не просекла, что ты не взяла ни ручку, ни тетрадь?

Люба замерла на мгновение и удивлённо оглядела себя.

– Ой! Нет, не заметила...

– Да уж, *внимательная* мама! – фыркнул цыган. – Так что в следующий раз не трудись сочинять отмазки.

Десятиклассница смешалась.

– А мы куда вообще пойдём?

– Ну уж точно не в библиотеку! Прогуляемся в район четвёртой школы. Пахана помнишь?.. Вот будем с ним кайфовать. А ещё я тебя с другими ребятами познакомлю.

Люба не смогла отказать матери отнести гостинцев Таисии Фёдоровне. Отказ мог вызвать вопросы, а школьнице придумывать ответы на них очень не хотелось. Лучше уж краснеть перед красавчиком, чем оправдываться перед мамой.

Подростки подошли к домику – старенькому, но опрятному, утонувшему в деревьях и зелени. Дом от тротуара будто падал в травяную яму вместе со двором и растительностью. Поспелова попросила цыгана встать подальше, а сама, просунув руку в щель калитки и нащупав щеколду, зашла вовнутрь и позвала старушку.

Таисия Фёдоровна вышла на зов из приземистой побелённой пристройки и бросилась обнимать девочку.

– Вот, бабулечка, вам мама передала!

– Ох Сашенька балует! Спасибо ей! Помолюсь за неё завтра в церкви! Хорошая у тебя мама, добрая очень... И ты вся в неё.

Старшеклассница, улыбнувшись, потупила взгляд.

– Пойдём, доченька, пирожком угостишься!

Таисия Фёдоровна завела Любу в пристройку – крошечную летнюю кухню с низким потолком, с побелёнными, без единого пятна, стенами, с газовой доисторической печкой и маленьким столом. Пахло чистотой и старостью. Женщина положила в пакет несколько жареных пирожков из большого, покрытого вафельным полотенцем блюда. Сдоба были румяная, пышная и аппетитно пахла домашним тестом и капустой.

– Пойдём-ка. Ещё кое-что маме передам!

Дом состоял из нескольких чистеньких комнаток с низким потолком и белёными стенами. Старушка провела девочку в зал.

Люба, уже бывавшая в гостях у Таисии Фёдоровны, в который раз зачарованно огляделась. Ни у кого больше Поспелова не видела подобного убранства.

Все стены были увешаны заводными часами и черно-белыми, потускневшими от времени портретами в рамах из потемневшего дерева. Железная кровать со взбитой пуховой периной стояла явно для красоты – на ней точно никто не спал. У высокого кованого изголовья теснилась гора пышных подушек, расшитых цветами вручную да накрытых бе-

лоснежным кружевом. Над кроватью висел ковёр, а на нём – опять потускневшие портреты в потемневших рамах. Пахло чистотой, стариной, почтенным возрастом. Щёлкали ходики, подрагивали гири на цепочках – многоголосое тиканье часов в полной тишине завораживало и пугало.

В комнате было четыре миниатюрных окна с деревянными рамами, крашенными светло-голубой краской. Кружевные, сверкающие белизной занавески спадали с карнизов на пол, пряча от посторонних цветочные горшки. Таисия Фёдоровна взяла с подоконника толстую стопку церковных свечей, завёрнутых в белый носовой платок.

– Держи, золотце! Маме дом освятить: она просила меня.

Подросток оглядела свои маленькие карманы.

– Простите, бабушка, не могу сейчас взять. Некуда положить.

– А я пакетик дам!

– Нет, не надо. Просто по делам иду, боюсь потерять.

Люба, извиняясь, посмотрела на женщину. Если она притащится к друзьям Сэро с пакетом свечей, неизвестно, как они это воспримут. А если умудрится потерять передачу, то придётся оправдываться перед матерью. И библиотекой прикрыться не удастся – мама погонит её туда, да и (не дай Бог!) сама пойдет ругаться. Тогда и выяснится, что тихоня наврала.

Деревья, беспокойные из-за разыгравшегося южного ветра, шуршали ветками по деревянной обшивке дома, били

по стеклам.

– Хорошо, девочка моя, скоро в гости зайду и тогда занесу... А это кто ещё под деревом стоит, за забором? – Насторожившаяся Таисия Фёдоровна отодвинула занавеску. – Что этому лоботрясу надо, интересно?

Поспелова, высунувшись в окно, увидела задумчивого Сэро, опёршегося о ствол тополя, что рос у забора.

– Это мой знакомый. – Решилась открыться школьница.

– А-а-а-а, вот оно как! Гулять с ним, значит, идёшь! Я уж думала, не воры ли? – пожилая женщина бесцеремонно разглядывала ничего не подозревающего парнишку. – Красивый-то! Как бес! Чистый бес! Чернявый, смуглый. Стройный как кипарис. Турок? Может, таджик? Или цыган? Лицо уж больно умное да смышлёное! Воспитание и порода налицо! Армянин? Нет, грек!

Люба, красная как рак, глазела на открыто восхищавшуюся Таисию Федоровну и оторопело молчала.

– Сашенька знает, что ты с мальчиком гуляешь? – старушка подняла пронизательный взгляд на школьницу.

– Нет, не знает! Он знакомый из параллельного класса. Просто... Всего лишь... Не рассказывайте, пожалуйста, маме!!!

Таисия Фёдоровна понимающе глянула на Любу.

– И не думала ничего говорить, девочка моя! Придёт время, сама поделишься.

– Нечего рассказывать! Мы иногда общаемся!

– Общайтесь, милая. Молодые! Только осторожна будь с парнями-то.

Бабушка опять выглянула в окно, чтобы рассмотреть Сэро напоследок.

– Надо же, какой соблазнительный чертяка! Не погулять, будучи молодежи, с таким равно как согрешить! Не бойся, маме не скажу. Жизнь-то, Любонька, одна! Живи, пока живётся. Когда ещё жить-то? ... Вот же смазливый! И где ты его откопала?!

– Да нигде не откапывала, бабушка! Это друг. Приятель. Ничего лишнего!

Люба благодарно улыбнулась старушке, всегда с полуслова понимавшей её. Тихоня наклонилась, чтобы поцеловать низенькую женщину в старческую смуглую щёку.

– Ой, ну ладно, беги скорее! А то, смотри, красавчик заждался!

Дом Павлика оказался раза в три меньше, чем жилище Таисии Фёдоровны. Любе показалось, что многолетние деревья, окружившие хибарку, вот-вот поглотят её – такой крохотной она выглядела.

Паша Овчинников, Коробкин Денис, его девушка Лена (после разборок за стенами клуба парочка вскоре помирилась, как и предполагал Сэро) и ещё двое мальчиков расположились на просторной лужайке возле ворот. Лена, в коротких джинсовых шортах, надетых поверх капронок, в тон-

кой куртке по пояс, в ботинках на высоких каблуках, лениво щёлкала семечки. Парни увлечённо ковырялись в мощном мотоцикле, передавали друг другу инструменты и спорили.

Когда гости подошли, Паша невероятно обрадовался.

– Наконец-то привёл! Уже и просить задолбался! – высказал кудрявый блондин цыгану, а затем повернулся к ровеснице: – Ну привет!

Девочка смущённо поздоровалась. Хозяин начал торопливо представлять новую знакомую остальным.

Поспелова сразу поняла, что глубоко не впечатлила Ленку. Та смерила Любу взглядом, полным недоумения и презрения. Девочка, привычная к такому отношению ровесниц, особо не расстроилась: рядом были весёлый остроумный Ибрагимов и приветливый Овчинников.

Коробкин не понравился госте с первого взгляда. Даже оттолкнул – высокий плотный симпатичный шатен уж слишком бесстыже рассматривал новенькую. Здороваясь, он плотоядно заглянул ей в лицо своими мутно-зелёными глазами, и девочка прочитала в них намерения весьма похабные. Поспелова, не удержавшись, вздрогнула и интуитивно отошла подальше.

Двух других мальчиков звали Конохин Саша и Оглы Илья.

Александр – невысокий дёрганый парнишка, резкий и взбалмошный, с большими зелёными глазами и рыжеватой шевелюрой, прикрытой бейсбольной кепкой, учился с Пав-

лом, Деном и Леной в одном классе.

Второй, Илья, оказался тоже цыганом, только из соседнего городка. Волосы и глаза Оглы не были угольно-чёрными, как у Сэро, – скорее, светло-каштановыми. Кожа смуглая, но без оттенка тёплой желтизны, чуть сероватая – показатель то ли нечистоплотности, то ли болезни.

Илья был степенным хитрым мальчишкой себе на уме. Взгляд, в котором не читалось ничего детского и наивного, выдавал человека прозорливого, бывалого. Мальчик явно знал себе цену, а так же легко определял цену другим. Он, скорее, был больше другом Ибрагимову, чем всем остальным на лужайке.

Паша вынес Любе воды. «Эти двое явно нашли общий язык!» – удивлялся стоявший поодаль Сэро, видя, как легко да непринуждённо болтают тихоня и коротыш. Цыгану хорошо разговорить пугливую девочку не удавалось.

Ден и Сашка, заинтересовавшись, вклинились в громкую эмоциональную трескотню Овчинникова и Пospelовой. Обсуждали нашумевший фильм «Титаник». Люба фильм не смотрела, зато хорошо оперировала фактами, прочитанными в библиотечных энциклопедиях. Парни слушали, удивлялись, поддакивали. Лена не выдержала и тоже влезла в обсуждение, но отвлечь пацанов от эрудированной Пospelовой не смогла. Поэтому угомонилась, замолчала и стала злиться на наивно щебетавшую сверстницу, даже не старавшуюся, в отличие от самой Лены, удержать внимание компании.

Цыгане встали в стороне. Сэро угостил Илью сигаретой. Мальчики внимательно наблюдали за болтливой оравой, сновавшей возле мотоцикла Дениса.

– Что-то новенькое, – произнес Илья, кивнув в сторону Любы. – Где откопал?

– В соседнем классе. – Сэро лениво выпустил струю табачного дыма.

– Не твой вкус.

– Ну да.

Оба замолчали.

– Ленка смешно смотрится. Бесится-то как, смотри! – ехидно заметил Оглы.

– Пусть злится. Ей полезно. – Ибрагимов на секунду замолчал, прищёлкнув языком. – Неудобно ощущать себя хоть и при всём параде, но дурой.

– Зачем эта девка тебе?

– Да так, для разнообразия, чтобы скучно не было.

– Тебе не светит, – сухо констатировал Илья. – Или возиться чересчур долго придётся.

Повеса внимательно посмотрел на приятеля.

– Она целка. По натуре и понятиям. Зачем тебе геморрой?

Не услышав ничего в ответ, Илья добавил:

– Мамка, небось, на дочкины прелести замок повесила и ключ при себе держит! Ты ещё на наличие замка меж ног её не прощупал?

Брюнет, развеселившись от услышанной пошлости, впол-

голоса рассмеялся.

– Говорю же, девка чисто от скуки! Тупо чтобы возле уха что-то жужжало.

Оба опять замолчали. Оглы докурил сигарету и взялся за вторую.

– Она зажатая, как окоченевший труп. Женщиной вообще не пахнет. Я тебя на этом бревне сверху даже не представляю. В такую засунешь – и без хрена останешься!

Молодые люди переглянулись и приснули со смеху.

Люба, услышав шум, обернулась посмотреть на куривших в тени парней. Приятели, не сдерживая улыбок, молча пялились на неё. Не заметив ничего подозрительного, школьница отвернулась и продолжила болтать.

– Имир от неё, вроде, в восторге.

– Имир – в восторге?!.. Да ну, ты гонишь!!!.. Имир и восторг – слова несочетаемые.

– Ладно, не в восторге! Она ему понравилась. Как человек.

– А-а-а, ну если только как человек, тогда понятно! Понравиться Имиру хотя бы чисто по-человечески – задача не из лёгких. А ему мокрица зачем сдалась? Оценками мериться?

– Нет, просто уважает.

– Уважает?!.. Одна новость краше другой! Чего-то я не припомню, чтобы ты уважением к девкам страдал!

Ибрагимов усмехнулся. Илья, как всегда, был меток на

суждения, и сейчас опять попал в точку.

– Может, ты на неё пари с кем-то держишь, а я не в курсе? – задорно подмигнул цыган. – Если что, ставь в известность, могу подыграть.

Сэро, плутовато покосившись на друга, отрицательно покачал головой.

– Твоё дело, брат! Развлекайся. Хотя я бы от этого чуда избавился. Чтобы проблем не было. Правда, начинаю бояться за тебя...

– Почему? – удивился десятиклассник.

– Вкус на баб испортишь.

– А вот это навряд ли! – приснул брюнет.

Оглы по-дружески похлопал товарища по плечу и кивнул на Поспелову.

– Солнце начинает садиться. Кобылку дома с лозиной, случаем, не сторожат?

– Эй, Люба! – послушавшись совета, крикнул цыган. – Иди сюда! Одна.

Девушка несмело подошла.

– Библиотека во сколько закрывается?

– Что?

– Ты же вроде как сейчас в библиотеке сидишь.

– Ой, точно! В семь.

– Пора идти. Прощаемся. – Сэро выбросил окурок и пошёл вместе с тихоней к ребятам.

Небо постепенно серело. Ветер к вечеру совсем утих, лишь слегка шевелил на деревьях ещё не опавшие листья. Солнце, опускаясь к горизонту, прощалось со станицей, оставляя кубанскую землю в распоряжении ночи.

Сэро шёл по тротуару чуть впереди Любы, задумчиво рассматривая улицу, дома и мелькавших иногда велосипедистов с пешеходами. Он почти не разговаривал, отвечал односложно на вопросы собеседницы, оставляя между репликами длинные молчаливые паузы.

Люба не понимала перемены в поведении мальчика. Когда они направлялись к Паше, Ибрагимов задавал вопросы, а Люба отвечала, или наоборот. С горем пополам подростки старались обозначить общие темы. Школьница не пыталась нарушить гнетущее молчание, но в душе переживала и чувствовала себя в чём-то виноватой: вдруг она умудрилась разочаровать друга, только появившегося в её скучной жизни, и новых приглашений погулять больше не получит?

Повеса был остроумен, наблюдателен, любил пошутить над людьми, много кого знал; тихоня же мало с кем была знакома, но зато чертовски начитанна.

Наивность Пospelовой разбивалась о трезвость взглядов Сэро, что цыгана весьма забавляло. Он (пока ровесники шли от дома бабы Таси) чувствовал себя на коне, когда обозначал свой широкий круг знакомств. Но, едва подростки оказались у двора Овчинникова, ситуация перевернулась вверх дном.

Цыгану нечего было добавить, как и всем остальным, о

трагедии в Атлантическом океане. Да, Люба не смотрела фильм к радости Павлика, Дениса, Сани и Ленки (у ребят был шанс вставить хоть какое-то слово), зато весьма эмоционально и образно пересказала все мистические ситуации, связанные с постройкой корабля и спуском на воду, вплоть до крушения – чем немало впечатлила сверстников. Знала историю разбирательств после трагедии и дальнейшую судьбу выживших.

Цыгану оказалось на всё это некуда вставить слово, да он и не пытался. Парню было интересно посмотреть, как Люба поведёт себя среди незнакомых сверстников, – и, к его удовлетворению, девочка не ударила в грязь лицом. Значит, зубрилка нелюдимая лишь в стенах родной школы.

«Вот Имиру было бы сейчас комфортно с этой принцессой!» – недовольно подумал юноша и, вспомнив, как легко тогда брат вывел несуразную ситуацию с Любой в успешное знакомство, почувствовал завистливый укол.

С чего вдруг Сэро ощутил себя не в своей тарелке? Неужели ему вдруг стало неприятно оттого, что стеснительная, нелюдимая домоседка оказалась натурой намного сложнее, чем он сам и все те девушки, с которыми раньше ему доводилось иметь близкие отношения? Брюнет почувствовал раздражение, растущее тяжёлым комом внутри груди, непроизвольно сжал кулаки, опустил голову и состроил злую гримасу.

– Сэро, мы скоро выйдем хотя бы к центру? – подала ти-

хий голос Пospelова, устав пребывать в тяжёлом недружелюбном молчании.

– Что? – очнулся от своих дум ровесник.

– Я не понимаю, где мы. В этом районе никогда раньше не была.

– Да ну?! – изумился цыган. Раздражение тут же улетучилось. – Мы почти подошли к первой школе. А там до твоего дома два квартала! Не сильно уж далеко бродим, подруга!

– Не ожидала, что так близко, – покраснела школьница, попав впросак. – Прости, я плохо знаю станицу. Знакома только с местами, где хожу. Например, центр немного, рынок... Река от Таманской до центра. Дорога к школе и ещё пара путей к ней. Как на ж/д пройти – там ведь мама работает. И папа – тоже.

– Скромно, однако! – улыбнулся старшеклассник, не скрывая доброй иронии. – В районе шестой школы тусила хоть раз?

– Нет.

– А возле старого кладбища гуляла?

– Нет, конечно! Ужас полный!

– Что ужасного? Могилы и деревья.

– Мама говорила, там часто алкаши и нехорошие люди собираются. Людей убивают!

– Я, Имир, Руслана, Пахан и Ден ночью в прятки там играли. Круто было! Жутковато, правда, но только чуть-чуть, – будничным тоном поведал девушке собеседник.

Поспелова впала в шок.

– Мертвых нельзя тревожить, – суеверно прошептала она.

– Так мы и не тревожили, – непонимающе скривился цыган. – Играли, а не могилы ворошили. На спор – кто больше продержится!

– И кто выиграл?

– Денисыч. Он почти до рассвета за памятником просидел!

– Кошмар! – охнула школьница.

– Да нет, ничего кошмарного. Коробкин и не такое может! – Сэро, припомнив что-то, расхохотался.

– Неправильно на кладбище в прятки играть, – осуждающе покачала головой тихоня. – Погост не место для игр.

Мальчик покосился на Любу, почувствовав, что вот-вот собеседница раскроется с очень личной стороны.

– Там усопшие покоятся, а мы, живые, их навещаем, чтобы поговорить, вспомнить, поплакать. Когда уходят навсегда любимые, кладбище остаётся единственным местом, где души живых и мёртвых могут пересечься. Приходишь к родным могилкам, и уже не так грустно. Проведал того, кто никогда не вернётся – только пыль да воспоминания остались – и легче на душе становится. Поэтому на погосте царит умиротворение. Вечный покой. Замечал кладбищенскую тишину?

– Само собой, – мирно ответил цыган, посерьёзнев от Любиного монолога.

– Тогда какого лешего ты со своими друзьями мёртвых тревожишь?! – зубрилка неожиданно рывкнула так, что повеса подпрыгнул. – Скачешь ночью по спящим могилам, покой усопших нарушаешь, вандал чокнутый!

– Чего обзываешься, женщина?! – взбеленился пойманный врасплох брюнет. – За помелом следи, пока я тебе его не открутил!

– Себе открути, варвар! И сам ты женщина! – не уступила Пospelова и тут же замолкла, удивившись своему поведению.

Старшеклассники остановились, в немом изумлении пялясь друг на друга, а потом последовал взрыв хохота. Люба, покраснев от неловкости и зажав смеющийся рот руками, отвернулась к дереву. Сэро, насмеявшись вволю, выпрямился, потянулся, закинув руки за голову, вдохнул-выдохнул. На ржанье подростков откликнулись окрестные дворовые собаки, дремавшие на цепях. Многоголосый визгливый лай убил вечернюю уличную тишину, и школьники, переглянувшись, поняли, что пора бы ускориться, дабы оказаться подальше от псиной какофонии.

У Ибрагимова от раздражения не осталось и следа. Более-менее удалившись от собачьей брехни, пара продолжила разговор, в котором больше не было места для прежних неуютных пауз, неловкости и напряжения.

– Если любишь загадочное и потустороннее, то в нашем городке немало интересных точек. Я много где бывал, могу

показать, – щедро предложил юноша.

– Ты вот так запросто по станице разгуливаешь? – насто-
рожилась попутчица.

– А что такого? Стрёмно ни черта не знать о месте, где
живёшь. Да, любительница библиотечных посиделок?

Поспелова сконфузилась.

– Расскажи, раз весь из себя умный!

– Да не вопрос! – фыркнул ровесник, пропустив обижен-
ный выпад девочки мимо ушей. —Прикольная зона реки
возле шестой школы: густо-зелено, деревья скрюченные, во-
дяные крысы плещутся, вода цветёт, водятся цапли, змеи-
ных гнезд тьма! Слышал, местные видали там утопленников
и болотных чертяк.

– Ого! – оживилась Люба. – Мой дом территориально от-
носится к шестой школе. Как и Степанченко. Валентина Бо-
рисовна, когда ругается на Тимона, всегда в № 6 угрожа-
ет перевести. Маме не нравится эта школа. Мол, рядом пу-
стырь большой, заросший камышами. Людей грабят и уби-
вают, особенно женщин!

– Страсти впервые слышу. Пустырь, и правда, имеется.
Есть возле кладбища кирпичный завод заброшенный.

– В станице кирпичи производили?!..

– Блин, элементарного не знаешь... По ж/д путям если гу-
лять, можно встретить немало жутких ангаров и свалок. Мы
с Деном металлолом на сдачу оттуда таскали. Водонапорная
старая башня за вокзалом – крутое место!

– Мама говорила, что на заброшенных ж/д зонах блатняк привозит людей мучать и убивать...

– Да у тебя куда ни плюнь, смотрю, везде людей убивают! – высмеял тихоню юноша. – Не деревня, мля, а криминальная хроника!

– Но ведь людей убивают действительно, – насупившись, поспорила школьница.

– Где?!.. У соседа пару кочанов капусты с огорода ночью потырят – станичники месяц обсуждать будут, подробности мусолить на каждом перекрёстке! А вдруг мокруха! Да ты что, событие века! Если б реально мочили человек пачками в каждой канаве нашего колхоза, хрен бы кто из хибар после заката шнобель за калитку высунул! Местные б, как минимум, с двумя стволами по городку разгуливали. В «Торнадо», случается, пьяные обезьяны подерутся да кобылы хахаля не поделят – вот и весь криминал. Что, хочешь сказать, я не прав?

– Да прав, вроде бы.

– Вроде бы?.. Значит, постоянно бояться и страсти на пустом месте сочинять тебе всё же удобнее?

– Хорошо, я согласна! Ты прав. Никто в станице никого не убивает! Это всё в другом месте...

– Да твою ж мать-размать! – выругался Ибрагимов.

– Сэро, ну нельзя же быть настолько неосторожным!

– Неосторожным быть нельзя, – одобрил повеса. – Но и с хаты бояться нос высунуть – как-то, знаешь, тоже, по мне,

не очень!

Люба неожиданно резко затормозила и влюблённо уставилась на дерево за забором.

– Вау-у-у!!!

– Что там?

– Яблоки!

– Тоже мне, диво!

– Я таких ещё не видела вживую! Только в американских фильмах! Смотри! Огромные, красные! Вкусные, наверно...

Поспелова не успела моргнуть, как Сэро ловко перепрыгнул через забор, подскочил к дереву, подтянулся на ветке одной рукой, а другой сорвал несколько яблок и бросил на траву.

Девочка не на шутку перепугалась. Видано ли, лазить в чужой огород и яблоки воровать?

– Ты что делаешь?!.. Нельзя так!!! Вылазь оттуда немедленно!.. Слышишь меня?!..

На Любино громкое шиканье отозвалась хозяйская собака. Привязи у животного не было. Зверь забежал на шум в огород, недовольно зарычав, увидел мальчишку, спрыгнувшего с дерева, и с лаем разъяренного сторожила рванулся к нарушителю, чтобы как следует вцепиться острыми зубами в вора.

Собака была крупной, злой да очень быстрой. Но и брюнет оказался не лыком шит. Юноша молниеносно переброшил сорванные яблоки через ограду в траву, шустро подтя-

нулся на заборе и махом его перепрыгнул. Собака, подлетев к решётке, класнула челюстями в пустоту, и, поняв, что разрушитель ушёл, разразилась отрывистой остервенелой собачьей бранью.

Ибрагимов подошёл к краю тротуара, и, не обращая внимания на визжащего дурным голосом пса, поднял из травы два крупных блестящих наливных красных яблока.

На лай пса зажёгся свет во дворе, прямо перед огородом. Низкий мужской голос позвал животное.

– Побежали! – хулиган дёрнул за руку пребывавшую в ступоре школьницу.

Ребята рванули с места и бежали не оглядываясь, пока не минули территорию первой школы и центральную улицу. Сообразив, что вокруг – знакомые места, Люба остановилась, чтобы отдышаться. Тело трясло от испуга и шока.

Сэро, посмеиваясь, подошёл к ней и протянул огромное аппетитное яблоко.

– Держи!

– Слушай, – задыхалась девочка. – Это было опасно! Оно ворованное же, так нельзя!

– Не хочешь его? – лукаво поинтересовался цыган.

Поспелова молча покосилась на яблоко – и взяла плод.

– Красивое какое, надо же... Не знала, что здесь такие водятся!

– В моём огороде два дерева этим сортом плодоносят. За ними отец ухаживает.

– У нас три яблони. Плоды бледные, мелкие, невкусные. И варенье с компотом непонятные, даже не пахнут. А вот мама мельбу любит почему-то. Кроме неё, эти яблоки никто не ест.

Тихоня посмотрела на фрукт в руках и подняла укоризненный взгляд на мальчишку.

– Воровать, знаешь ли, нехорошо.

– Да, нехорошо, – плутовато согласился старшеклассник. – У меня был выбор: смотреть, как ты восхищаешься яблоками и исходишь слюной, или перелезть через забор и угостить тебя ими. Я выбрал второе. Чего смотришь на меня? Пробуй давай!

Люба, укусив плод, поразились, насколько он сочен и вкусен. Яблоко захрустело во рту, брызнув сладким сахарным соком.

– А Имир воровать может?

– Само собой, нет! – посерьёзnel повеса. – Не вздумай рассказать брату, что я лазаю в чужие дворы, слышишь?!

– А что тогда сейчас было? – поинтересовалась Люба.

– Это я захотел тебя яблочком угостить. А ещё то собачье брехло потренировать, чтобы скотина зря хозяйские харчи не проедала. Как ты видела, псина отработала вечернюю похлёбку сполна!

Девочка улыбнулась.

– Твои родители тоже так делают?

– Собак тренируют? – пошутил брюнет.

– Воруют.

– С ума сошла?! – разозлился цыган. – Не вздумай рассказать дома! Если твои скажут на работе Алмазу, что я в чужой огород залез, мне хана! Зачем вообще спрашиваешь?!

– Извини, пожалуйста, – девочка поняла, что перегнула палку.

Ибрагимов недовольно поглядел на Любу, а затем протянул ей второе яблоко.

– Вот тебе ещё! У меня дома полно, объелся по самые гланды.

– Спасибо! Извини ещё раз за глупые вопросы.

– Извинил, можешь третий раз не просить, – небрежно ответил мальчик. – В хате сидишь постоянно и многое упускаешь.

– Говорила уже: мне нельзя на дискотеки и в гости к кому попало...

– На «Торнадо» свет клином не сошёлся. Хочешь, свожу в мои любимые места?

Поспелова изумлённо подняла брови, не поверив родным ушам.

– Хочу, конечно!

– Супер! А ты в благодарность какие-нибудь истории расскажешь. Только надевай удобную обувь, чтобы при шухере убежать легко было.

Услышав последнюю фразу, школьница, насторожившись, нахмурилась.

– Сэро, я не желаю попасть в нехорошую переделку...

Мимо ребят, громыхнув, пронёсся старый велосипед. Девочка узнала в наезднике приятельницу Александры Григорьевны, жившую на соседней улице.

Реальность обрушилась на Любу холодным отрезвляющим водопадом, и школьница не на шутку перепугалась.

Цыган, наблюдая за переменившимся лицом приятельницы, напрягся.

– В чём дело?

– Нас видела мамина знакомая...

– Что на велике щас проехала?

– Да!

– Так она в сумраке ни черта не разглядела!

– Думаешь?.. Я боюсь чего-то...

– Эй, не ссы! Иди домой. Если припрут к стенке, скажешь, что шла с библиотеки, увидела одноклассника, делилась докладом. А вообще лучше заяви, что это была не ты. Мол, тётка обгляделась... Тебя врать научить?

– Нет, не надо. Во вранье, знаешь ли, можно и запутаться!

– Ну как знаешь! Давай состыкуемся через неделю, чтобы убедиться в моей правоте: тётке на велике ты в полумраке сто лет не сдалась.

Тихоня улыбнулась. Сэро одобрительно хмыкнул и заговорщицки ей подмигнул.

Повеса довёл ровесницу до ближайшего перекрёстка возле переулка, попрощался и пошёл к себе домой, довольный

собой и прошедшим днём.

Глава 7.

Люба Поспелова обожала Дашу Бутенко, свою официальную соседку по парте.

Бутенко пришла в «А» в середине девятого класса и спелась с Илютиной сразу. Возможно, потому, что девочки были уже знакомы и пересекались через общих товарищей.

Подруги не разлей вода, Варвара и Дарья не расставались нигде: ни в школе, ни на дискотеках. При этом Даша без Вари оставалась сама собой, а блондинка же без товарки лезла на стену от скуки.

Люба искренне не понимала, что одноклассниц настолько крепко сближало.

Варвара – девочка взбалмошная, беспечная, скандальная и жестокая, болтливая и заносчивая, не знавшая меры в словах и выходках. Ляпнуть физруку, мужику лет тридцати, что после пробежки она матку с яичниками через рот вытошнит, или отвесить, смеясь, молодой математичке, что у той сиськи в неудачном лифчике, для Варвары было делом плёвым. Об отношении к сверстникам, позволившим одёрнуть Илютину или (не дай Бог!) перечить, и говорить не стоило – уж здесь тормоза у Варвары отлетали напрочь.

С Дашей Поспелова мечтала дружить. Люба не видела в соседке ни жестокости и самохвальства Варвары, ни чрезмерной кокетливости Рашель, ни кичливости Виноградовой,

ни эгоизма и удобной отстранённости командирской тройцы.

Дарью в 10 «А» уважали. Чувствовалось в ней нечто крепкое, опорное, заставшее считаться и не сомневаться в её авторитете.

Когда новенькая села с лёгкой руки Бортник за одну парту с тихоней, последняя приготовилась к гадостям и травле. Но Даша оказалась приветливой соседкой и не подумала отстраниться от замкнутой девочки. Наоборот, была весьма мила и с удовольствием общалась с ровесницей на уроках, обсуждала темы или решения упражнений. Дарья могла бы использовать Пospelову и её хорошее отношение для списывания, но почему-то так не поступала, хотя стоило лишь намекнуть. Люба бы не отказала.

На уроках с дисциплиной послабее Бутенко пересаживалась к закадычной подружке Илютиной. Парочка сплетничала, смеялась, миловалась, просто болтала – а прикипевшая к соседке Пospelова ревновала: «Несправедливо! Почему мне не везёт? Чем я не заслужила такую подружку?».

До соседства с Дашей тихоня полтора года по решению классрука делила парту с Тимофеем, и это были худшие времена в её школьной жизни. Тим постоянно дёргал, приставал, обзывался, придумывал клички, портил вещи и (паразит такой!) никогда не отсаживался.

Люба пыталась поговорить с Валентиной Борисовной, чтобы та отсадила её от Степанченко – и оба разговора окон-

чились для девочки неприятно.

Разъярённый Тимон после первой просьбы вместе со Жваником и Сысоевым затащил Поспелову в тёмный пустой коридор и крепко побил, пообещав в следующий раз расправу похлеще за попытку пересесть.

Вторую робкую мольбу Любы, что долго после побоев не решалась попросить пересадку, Бортник услышала. И с того момента жизнь тихони в 10 «А» стала окончательно невыносимой.

Тимон, почитаемый и обожаемый коллективом, мстил пакостными рассказами, сплетнями да надуманными обвинениями. То от Любы воняло псиной, то он брезговал находиться рядом. Не такая одежда, некрасивые ноги, уродливые губы, не сиськи, а сплошное недоразумение. Гадостям не было ни конца ни края.

О сероглазом Тимофее как в открытую, так и украдкой вздыхали практически все одноклассники. Школьницы бредили стать заметными в его глазах, слышать от красавца комплименты, встречаться с жизнерадостным шатеном или хотя бы дружить. Этой чести в 10 «А» достаивались немногие, и с легкой руки неформального лидера за избранной тут же начинали волочиться остальные мальчики.

Когда харизматичный Степанченко провозгласил Поспелову самой стрёмной и худшей девкой, парни его дружно поддержали, а остальные девушки обрадовались, что место страшилы досталось не им. Каждая в 10 «А» желала сидеть

с Тимом, и Люба незаслуженно занимала это место полтора года. Ещё и сама отсесть попросилась. Неслыханно!

Авторитету Тимофея никто не перечил. Кто-то поддакивал, а кто-то отмалчивался. Люба же, став изгоем, покорно терпела: не давала сдачи, не спорила, не дралась, не обзывалась в ответ и не жаловалась. Что бы ни исполнил шатен, родители Поспеловой и её старший брат с разбирательствами в школу ни разу не явились.

Одноклассники чувствовали себя безнаказанными. Они нападали – тихоня не защищалась, не пыталась помириться, льстить, подстроиться, найти общий язык. Только всё больше замыкалась и становилась пугливее, осторожнее, недоверчивее.

Бутенко не участвовала в гноблении Любы. Она улыбалась с некоторых шуток, иногда смеялась, но сама соседку не трогала. Не поддерживала настрой Варвары и Тимофея, хоть и была в прекрасных отношениях с обоими. За это Поспелова была ровеснице очень признательна.

Октябрь оказался не менее жарким, чем сентябрь. Морозная свежесть утра сменялась весьма тёплым, избыточно солнечным днём, переходящим в приятно прохладный вечер.

В школе назначили субботник. Старшее и среднее звенья освободили от уроков на один день, велели прийти в домашней одежде и с хозяйственным инвентарём.

Десятые классы по приказу администрации отправились

облагораживать территорию автовокзала.

10 «А» досталась побелка деревьев и бордюров. Подъехал огромный грузовик с гашёной известью – её разлили в вёдра, принесённые школьниками из домов вместе с кисточками, и ребята пошли трудиться.

Люба не боялась работы и белила с удовольствием. Тихоня представляла, что теперь каждый ствол благодаря ей защищён от личинок и вредоносных жуков. 10 «Д» выпал из поля зрения – они пропалывали клумбы возле третьего съезда.

Утренняя прохлада ушла, и от раскающего осеннего светила всем стало жарко. Станица купалась в искристых солнечных лучах. Вспотевшие старшеклассники начали снимать верхнюю одежду, несмотря на неожиданные и резкие порывы холодного северного ветра.

Возле Любы учащиеся 10 «Б» собирали граблями опавшие листья в кучки. Аромат жухлой травы, осенней ностальгии, печальной свежести стоял в воздухе. От бодрящего воздуха и ласкового солнца девушка затосковала по искреннему человеческому теплу и любви. Потому что объелась с лихвой злобы и грусти, которые заполнили большую часть её короткой жизни.

Поспелова отвлеклась от побелки, услышав голос Дарьи. Та шла с Варей по дороге, покачивая ведрами с жидкой известью да малярными кистями.

– У тебя, Илютина, миллион одежек по хате болтается!

Кофт, штанов и юбок – хоть жопой жуй! Можешь позволить себе преспокойно пачкаться в известке да траве!

– Ой, ладно, зайка, остынь! Придём, когда Валя отпустит, ко мне домой, я тебе несколько джинсиков и спортивных штанишек подгоню!

– Мне не нужно, Варь, твоё! Мне, знаешь ли, дорого моё! Пусть в моём шкафу манатки по пальцам пересчитать, но портить тебе свои шмотки я не разрешала! Какого хера ты, неряха ленивая, машешь метлой направо и налево?!

– Да я никогда не белила! Не царская, знаешь ли, работа!

– Плевать, что ты у нас царица! От известки моё шмотье драить будешь!

– Стиралка отстирает!

– Иди в задницу, дура! Не отстирает! Выкидывать свои вещи я из-за твоей рукожопости не намерена!

Илютина на гневную тираду Даши реагировала заливи-стым смехом. Варя снятую ветровку повязала на поясе, оставшись в тонкой синтетической розовой футболке. Края куртки болтались по ветру, попадали в ведро и пачкались в извести, обдавая брызгами дорогие синие джинсы и фирменные кроссовки Adidas.

Холодный ветер и осенняя жара сыграли со вспотевшими, разгорячёнными от работы школьниками злую шутку.

В понедельник в 10 «А» недосчитались одной трети класса.

Заболела Илютина. Целых две недели Варвара провалялась дома с высокой температурой, соплями и рвущим горло кашлем.

Заболели Тимофей, Илья Жваник и Сысоев Матвей. Простыл Картавцев Игнат, и Близнюк Юлиана четырнадцать дней отдыхала от его удушающего, навязчивого внимания.

А Люба, привыкшая к тяжёлому физическому труду, закалённая огородом и своей не знающей поблажек требовательной мамой, наслаждалась отсутствием главных заводил и обществом Даши Бутенко, которая принадлежала только ей. Они вместе обедали в столовой, болтали на переменах, ходили в туалет, за семечками, в ларёк за жвачкой, шутили и переписывались на листочке во время скучных уроков.

Поспелова от души впервые наслаждалась школьными буднями – казалось, будто счастье, наконец, на её стороне.

Близнецы Ибрагимовы поднялись с постелей ни свет ни заря.

Отец ушёл в ночную смену – требовалось разгрузить два поезда и переставить вагоны. Перед братьями стояла задача покормить хозяйство, почистить загоны и сорвать с верхушек яблонь и груш оставшиеся плоды. Парни всегда с утра следили за животиной, когда Алмаз работал в ночь.

Пока Сэро после возни по хозяйству оттачивал удары и выпады о боксёрскую грушу (сделанную отцом, чтобы сыновья не утратили обрётённые в спортсекциях Новосибирска

рефлексы и навыки), Имир бегал – ежедневный утренний ритуал, выполнявшийся мальчиком в любую погоду.

С ночи до сих пор моросил мелкий холодный дождь. Постепенно светало. Груша, подвешенная на цепь к балке дворового навеса, покачнулась от крепкого удара обмотанного бинтом кулака. Сэро, стряхнув со лба капли пота, услышал щелчок затвора калитки – вернулся с пробежки Имир.

Промокший цыган прошёл мимо брата в сарай и вышел оттуда с лопатой и куском старой мешковины. Калитка тихо щёлкнула ещё несколько раз: Имир вышел на улицу, затем через время вернулся и устремился на огород.

Сэро бросил грушу и последовал за братом. Он догадывался, что могло быть в тряпке, и, как всегда, оказался прав: близнец принёс с проезжей части передавленное тельце кошки, умудрившейся неосторожно перебежать ночью дорогу.

Отличник прошёл в конец участка, к кустам смородины, и начал копать у сетки глубокую яму. Дождь усиливался. Сэро положил кошачий труп на дно ямы, забрал у брата лопату и закопал несчастное животное.

– Ты, смотрю, никогда не перестанешь таскать к нам на огород раздавленных кошек и собак.

– Я тебя не звал помогать. Сам пришёл. Мог бы бить грушу и дальше. – Имир, уже здорово промокший, вспомнил о дожде, накинул капюшон и пошёл к дому.

Сэро удручённо вздохнул и потопал следом.

К ногам прилипли комья земли. Близнецы почистились о

балку, прибитую отцом у выхода с участка, и зашли в помещение.

– В конце квартала стоят три мусорных бака. Мог бы выбросить ошмётки кота туда.

– Нет.

– Наш огород – не кладбище домашних питомцев.

– Сэро, зачем ты мне это говоришь? Причём в который раз. Знаешь, что диалог бесполезен. Трупы передавленных животных не должны оставаться на дорогах и гнить.

– Пусть убирают хозяева...

– Хозяева не убирают, и ты это прекрасно знаешь. Местные вылизывают клумбы от мельчайших сорняков, красят каждую весну перед Пасхой рамы, беседки, скамейки и заборы, клеймят засранцами всех, кто не пидорит хаты, так же, как они. И при всём своём чистоплюйстве ни один станичник не уберёт с дороги или обочины сбитую собаку, кошку или птицу, пока те, воняя, киша опарышами, не истлеют до высохшей шкурки. А шкурка не истлеет до состояния дорожной пыли.

– Но и наш огород – не свалка для трупов! Мы выращиваем здесь овощи, а ты кишки да фарш хоронишь!

– Я сейчас какой глубины яму выкопал?

– Метр – полтора.

– Во время копки не перерублен ни один корень смородины, потому что с умом выбрано место. Ни помидоры, ни огурцы, ни картофель с кукурузой и кабаками не пускают

корни на полтора метра вглубь. Тем более никто не сажает впритык к рабице, а трупы закопаны именно там. Что тебя не устраивает?

– Всё устраивает. – Сэро недовольно и зло смотрел на брата, не зная, что ответить.

Имир залил кипятком кофе в кружках, достал из холодильника еду и поставил подогреваться на плиту.

– Животные тоже имеют право быть погребёнными в землю. Тем более если погибли от рук человека. И хватит пытаться меня переубедить! Всё равно не уступлю... Вали купайся! Через час выходить в школу, а мы ещё не ели. Я пока еду подогрею.

Сэро снял промокшую толстовку да майку под ней и устремился было в ванную, как Имир окликнул его:

– Да смотри, брат! После школы – сразу домой! Надо несколько пакетов яблок и груш на станцию отнести! Я один столько не дотащу, и велик не поможет. Отец коллегам фрукты обещал. В том числе и Пospelовым.

Близнец нахмурился, услышав знакомую фамилию. Имир, усмехнувшись, отвернулся к скворчащей сковородке.

– Вали в ванну давай! Время-то не резиновое, опоздаем.

Сэро было любопытно посмотреть свежим взглядом на предков зубрилки, которых он видел лишь в далёком прошлом, но никакого значения толком этому не придавал. На тех самых Пospelовых, коих Люба боялась до трясушки в коленках. Мальчик всё равно не доверял новой знакомой. Не

может быть, чтобы люди, когда-то проявившие чуткость и отзывчивость к его семье, оказались сухарями по отношению к родной дочке.

Алмаз и Лала отзывались об Александре и Василии как о людях порядочных, добрых и принципиальных. Юноша их оценке доверял. Люба наверняка привирает, только зачем? Повеса к девичьему вниманию давно привык, а многие уловки слабого пола выучил назубок. Да и сам слыл ещё тем интриганом. Но в партии с тихоней двигался вслепую.

«Впрочем, когда увижу старших Пospelовых, всё встанет на места. И если коза, завравшись, решила, что я лох и лёгкая добыча... – злился Сэро. – Если считает, что моё хорошее отношение можно использовать как наживку... Ну что ж, тогда тебе несдобровать, зараза! За брехню ответишь по полной!»

Люба, войдя в библиотеку, окунулась из шумной уличной суеты в полумрак сонных книжных стеллажей. Половицы, недовольные, что их потревожили, закрипели под подошвами девичьих кроссовок. Глухо тикали часы. Занавески на окнах укрывали в темноте сонмища книг, теснящихся в скуке на полках. Пахло кофе, лёгким шлейфом пыли, чистящим порошком и каким-то особым ароматом, который тихоня про себя обозвала «книжным». Такая атмосфера для неё была самой желанной и любимой.

Библиотека всегда казалась школьнице местом загадоч-

ным, полным разных тайн, которые непременно стоило узнать. Правда, Люба боялась, что всей её жизни не хватит, чтобы прочитать, изучить и осознать все-все скрытые, записанные на страницах книг сокровища человеческих умов. Бывало, она даже завидовала работникам библиотеки. Эти люди сидят в сокровищнице целыми днями и могут беззаботно изучать каждую понравившуюся книгу, лишь изредка отвлекаясь на посетителей.

«Чего им жаловаться, что люди начали меньше читать и посещать библиотеки? Наоборот, выгодно! Сидишь – и работаешь, и книжки поглощаешь, и никто не отвлекает. Меньше ходят всякие – меньше мешают увлекаться сюжетом!» – недоумевала школьница.

Библиотекарь подняла голову, приняла прочитанные книги. Люба побрела вглубь стеллажей выбрать что-нибудь свеженькое. Больше трёх книг брать на дом не разрешали – обидно. Пospelова читала быстро, запоем. Могла всю ночь не спать: так погружалась в текст.

Книги для Пospelовой были наркотиком, опиумом. Всего лишь бумага с напечатанными знаками, но девочка, читая, видела другие миры. Сцены менялись, а Люба дышала, страдала, любила и переживала вместе с героями. Содержимое книги прошивало насквозь душу тихони, оставляя отпечаток на её мировоззрении, взглядах и мечтах.

Прижав новое чтиво к груди, Пospelова побрела в читальный зал.

Паша, услышав шаги, поднял голову и радостно улыбнулся. Люба засияла в ответ. Зал оказался пуст: кроме неё, Павлика да библиотекаря, никого не было. Тихоня подседа к подвинувшемуся мальчику.

– Я боялся, что ты не придёшь.

– Ты что, я же пообещала! Рюкзак только домой забросила. Что читаешь? – десятиклассница наклонилась над его половиной стола, прикусив губу от любопытства.

Овчинников взял несколько энциклопедий о космосе и толстый журнал с красивыми яркими рисунками.

– Что это?

– Комикс. Один на весь город. Даже в районной библиотеке нет – проверено!

– Можно?

– Конечно!

– «Сага о лесных всадниках». – Школьница восхищённо разглядывала красочную обложку. – Красиво нарисовано... Тяжёлая!

– Если хочешь, бери... Рад тебя видеть, – сверстник улыбнулся. Тонкие губы обнажили неровные белые зубы с выступающими клычками.

Было в Паше что-то для Пospelовой родное, знакомое, открытое. То, чему начинаешь доверять сразу весь, без остатка. И это было взаимно. Родные души, что ли... Подростки, легко нашедшие о чём болтать в прошлые встречи, в читальном зале пустой библиотеки легко и непринуждённо нашли

о чём молчать. И было им обоим в этом молчании так же славно и уютно, как и в безудержной трескотне.

Вышли школьники из здания, только когда оно закрылось. Позади хлопнула, прощаясь, библиотечная входная дверь.

– Ты, Паш, наверное, отличник? – робко поинтересовалась тихоня.

– Нет, троечник, – равнодушно ответил блондин. – В тройбанах несколько итоговых в аттестате.

– Странно, – изумилась девочка. – Ты умный и читаешь много!

– Я не гонюсь за оценками. Лень. Мама никогда не требовала от меня успехов. Говорит, главное, чтобы сам понимал, что действительно надо. А оценки не стоят, мол, того, чтобы переживать.

– Понятно, – ответила Люба из вежливости, хотя ничего не поняла. Мать, равнодушная к оценкам ребёнка, для неё была явлением весьма странным.

«Троечницы в моей семье быть не должно!» – Александра Григорьевна бдела успеваемость Любы неусыпно, и сохрани Боже опуститься вниз хотя бы с одной тройкой в четверти.

Мелкий холодный дождь, моросивший с утра, к обеду сменился лёгкими облаками на небе. К раннему вечеру облака вконец исчезли, оставив на небосводе чистую лазурь и приветливое октябрьское солнце.

Десятиклассники с добрый час как вышли из читального зала, но всё стояли на перекрёстке под разросшейся туйей,

потому что не могли закончить беседу да распрощаться.

– Люба, приходи в гости сама, если хочешь. Буду очень рад! Необязательно ждать Сэро и его желание тебя привести. Я вкусно вафли пеку. Дорогу запомнила? – Паша, мило улыбнувшись, заглянул подружке в глаза.

Поспелова доверчиво улыбнулась. Она надеялась, что кудрявый как барашек, низкорослый круглолицый парнишка, с белыми, как хлопковый цветок, волосами и круглыми, словно плоски, светло-голубыми глазами, окажется настоящим другом.

– Обязательно приду! – ответила тихоня и тут же стыдливо добавила. – Извини, но вот ко мне нельзя...

– Я в курсе, – спокойно выдал парень. – Родители строгие. Имир рассказал.

«А Имиру откуда известно? Сэро, значит, поделился, – сконфузилась Люба. – Ну и хорошо. Меньше с Пашей объясняться придётся».

– Эй, Поспелова! – раздался громкий окрик со стороны. – Чего тут трёшься, внешний вид улицы портишь?!.. Нельзя тебе из дому выходить, людей пугать!

Подростки обернулись.

Жваник и Сысоев поравнялись с парочкой. Илья злобно скривился в ответ на Любин немой взгляд, а Матвей ехидно, с ног до головы, осмотрел её собеседника. Но, видимо, что-то Сысоеву не понравилось в блондине, что пришлось спрятать ехидство поглубже и отвернуться. Жваник тоже стуже-

вался, но и закончить просто так свою тираду уж больно не хотел:

– Радуйся, обезьяна, в понедельник мы будем школе! По нашим предварительным ласкам соскучилась, правда?.. Хорошо живётся без нас в классе? Слишком спокойно, да? – бросил одноклассник напоследок, и оба пацана, скалясь, быстро исчезли вдали.

– Тебя в классе обижают? – недовольно поджал губы Паша.

– Нет-нет, неправда! – задохнулась Пospelова. Страх разоблачения собственной ничтожности в школьной среде дал о себе знать.

«Почему упыри вылезли именно сейчас?! Они же болеют! Какого чёрта по домам не сидится?.. Паша перестанет со мною дружить! Побрезгует водиться с девкой, которую гноят!» – мысль потерять едва обретенного друга приводила Любу в панику.

Добрый и улыбчивый Овчинников, будучи на полголовы ниже сверстницы, маленький и щупленький, остроплечий, немного сутулый, выглядел раздражённым и обеспокоенным.

– Твои одноклассники обзывались!

Девочка промолчала, до боли сжав пальцы в кулаки, и отвернулась, что было воспринято Пашей как знак согласия.

– Ты им что-то сделала?

Ровесница нехотя повернула перепуганное личико к блон-

дину. Посмотрела честно, открыто. В серых глазах отражалась внутренняя горечь человека, не знавшего хорошего отношения.

– Нет, ничего не делала, – еле слышно произнесла школьница, покачав отрицательно головой.

Паша замолчал минуты эдак на две, задумчиво смотря в ту сторону, куда смыло дружбанов Тимона.

– Ненормально так человека оскорблять, даже если он глубоко не нравится! Злые эти двое! Очень злые! У тебя не класс, а гадюшник!

– Нет, наоборот. Дружный, компанейский, – поспешила заверить в обратном тихоня. – Можешь у Сэро спросить.

– А Сэро, кстати, в курсе, что тебе в школе покоя нет? – поинтересовался Овчинников.

«Чёрт! И кто меня за язык дёргал?» – спохватилась Люба.

– Нет! Вот ему точно знать не стоит! – быстро затараторила она. – Позорище! Пашенька, не говори Сэро! Пожалуйста-пожалуйста!

– Почему? – здорово удивился он, видя в цыгане решение Любиной проблемы.

– Потому что я прошу! Ничего приятного не выйдет! Пожалуйста...

Павлик промолчал. Ровесник думал вмешаться, заступиться за девочку. Он злился и негодовал, потому что был уверен – в хамских поступках двоицы виноваты лишь вседозволенность и безнаказанность.

«Почему предки не заступятся? Кому обосралась их строгость, если дочке в школе житья нет? Невозможно же в гнилой обстановке учиться!.. Если сболтну Сэро, придуркам настанет капут. Любе стоит дать чутка понять, что кентуется с Ибрагимовыми – и ад закончится! Но Имир сказал, что она стесняется пересекаться с ними у всех на виду... Блин, ядрёна хрень! Сама себе яму роет, не используя настолько шикарную крышу, как близнецы!»

Овчинников, осмысляя произошедшее, метался между желанием помочь и девичьей просьбой не говорить о случившемся никому.

Подводить Любу блондин не хотел. Но получалось, что, выбрав вариант рассказать, или, наоборот, – промолчать, он всё-таки её подведёт.

Девчонка не сводила взгляда с задумчивого лица собеседника, ожидая его решения.

– Хорошо, – коротко выдал пареньь.

– Обещаешь?

– Клянусь! – Паша улыбнулся и движением руки символично застегнул на рту замок.

Поспелова радостно выдохнула и в порыве души крепко обняла блондина, чем немало смутила его.

В товарной кассе ж/д вокзала пахло лежалой бумагой, старыми лакированными деревянными панелями и чернилами – ароматами государственной суровой конторы.

Здание выглядело невероятно старым, фундаментальным, с настолько высокими потолками и окнами, что посетителям приходилось хорошенько задирать головы, дабы разглядеть тяжёлую массивную железную люстру на мощной, потемневшей от времени цепи.

Щёлкали счёты. Перестукивала печатная машинка. Рядом скучал выключенный компьютер. Товарный кассир Поспелова в ногу с прогрессом не шла, в отличие от шустрой молодой напарницы Тони – та с компьютером была на «ты».

Рабочий стол завален бумагами. Каждая бумажка – с цифрами, буквами, подписями и печатями – лежала на своём месте, подшитая и подложенная туда, где следовало. У финансистов с документами иначе дружба и не водилась. А Григорьевна являлась как раз тем спецом, который в дебрях своей работы плавал как рыба в воде.

Практически всю взрослую жизнь Александра и Василий Поспеловы отдали железным дорогам России, впоследствии получив почётные звания ветеранов труда. На ж/д станции приходилось трудиться много, тяжело. Сколько Люба помнила, родители возвращались после рабочего дня измученные и молчаливые, опустошённые до дна. Особенно мать. Она приходила поздно, уставшая, раздевалась и падала без чувств на кровать. Но и после отдыха женщина оставалась нервной, тревожной.

Умственный труд в товарной кассе изнурял, и тем не менее женщине нравился. Другую профессию Александра Гри-

горьевна для себя не рассматривала.

Лихие 90-е внесли коррективы в жизнь маленькой южной ж/д станции. Шли закулисные грязные распилы и разделы, товарные составы пропадали целиком в дебрях России. Кто из работников не успевал учуять «запах горелого» – оказывался за решёткой.

Работалось страшно, но как ещё семью кормить? Александра могла в товарной конторе до глубокой ночи перепроверять счета и табеля, сортировать накладные, а в выходной, когда её сменяла напарница Антонина, переживала за себя и близких – не подставят ли? Доверять внутри организации, где варились огромные суммы, было некому. Всякий сообразительный да нестыдливый тащил всё, что плохо лежало. Кто – содержимое товарных вагонов, а кто – миллионы через аферы с документами.

Это было страшное время для Александры Григорьевны – работника исполнительного и ответственного. Человека в работе справедливого, порядочного и принципиального. Женщине, не желавшей быть замешанной в закулисных делишках ж/д коллектива, было от чего дрожать: от страха подставы, боязни тюремного заключения и несмываемого грязного пятна на будущем сына и дочери.

Пружина, натянутая от тяжёлой входной двери коридора к наличнику, протяжно затрещала.

Александра Григорьевна отвлеклась от бумаг, чтобы по-

смотреть посетителей.

В товарную контору вошли двое мальчиков-подростков в спортивных штанах и лёгких трикотажных куртках. Головы ребят были покрыты капюшонами, из-под которых смотрели на женщину две пары внимательных обсидиановых глаз. Тот, что вошёл первым, держал большой цветной пакет.

– Здравствуйте! – учтиво поздоровался он и смахнул капюшон с головы.

Оконный свет упал мальчику на лицо. Аппетитная кожа, необычный разрез глаз, правильный, с небольшой горбинкой нос. В аккуратных, чуть оттопыренных ушах красовались серебряные два крошечных кольца и гвоздик. Вперемешку с чёрными волнистыми волосами смотрелись контрастом крашенные пшеничные пряди, порядком отросшие у корней.

Второй повторил за первым. Коротко стриженный, без колец в ушах и крашенных волос. Умные холодные глаза.

«Смуглые! Патлы и зенки будто в дёгте измазали, – отметила с неудовольствием товарный кассир, досадливо поджала губы и подозрительно сощурила глаза. – Попрошайки или мошенники; хотят какую-то дрянь подсунуть! Или украсть что-нибудь. А вдруг наводка?.. Молодчики-то крепкие, статные!»

– Ничего покупать не буду. И дать мне вам нечего! – грубо отрезала она.

У первого по лицу пробежала тень изумления.

– Мы принесли фрукты, как отец обещал, – ответил Имир

совершенно спокойно. Будто не заметил, что его с братом приняли за бродяг.

Сэро шагнул к столу и показал содержимое пакета. Из полиэтиленового недра на Александру глядели наливные тёмно-красные бока яблок и сочная плоть жёлтых груш.

– Груши жёсткие, ещё не дозрели. Дома подержите в тепле пару дней, и можно есть. Яблоки же в самый раз, – пояснил отличник.

Тут Григорьевна сообразила, что к чему, и засуетилась, дабы сгладить неловкость.

– Сыновья Алмаза Иштвановича, значит! – всплеснула она руками и быстро-быстро затараторила. – Так бы с порога и сказали, а то я было надумала! Время беспокойное, а касса, как видите, без решёток, кабинет обычный... А выросли-то! Последний раз видела вас совсем детьми. Вон как вытянулись! Красавцы удалые! Жениться молодчикам пора!

Сэро, смутившись, опустил взгляд и лукаво усмехнулся.

– Белозубые! Оба – вылитый Алмаз!.. Спасибо за яблочки, золотцы, большое! Стоило попросить папку вашего, чтобы к нам на хату принесли... Хотя какая разница? Василь на велосипеде дотащит!

Имир, едва улыбнувшись, к восторженно-торопливой трескотне отнёсся отстранённо-холодно. Он часто приходил на работу к отцу, где не раз сталкивался да здоровался с Григорьевной. Женщина могла давно запомнить сына коллеги, если б хотела. Поэтому пустая болтовня, отвлекавшая от гру-

бой фразы в начале общения, на парня не действовала. Вдобавок цыган помнил вчерашний разговор с Алмазом.

– Зачем тащить фрукты на ж/д, если мы от Пospelовых в десяти минутах ходьбы живём? – удивлялся старшеклассник.

– Потому что Григорьевне так надобно. Думаешь, я не предложил Васе привезти баулы на переулок?.. Жена наотрез отказалась, а она в их доме – главный начальник!

Сэро же впервые напрямую столкнулся с товарным кассиром. Юноша ответил обаятельной улыбкой на словесную очередь женщины, выкручивавшейся из неловкой ситуации, достал одно яблоко из пакета и передал ей.

– Это Вам, угощайтесь! Сладкие очень, Вы оцените!

Пospelова резко умолкла и на секунду застыла. Концы губ, недавно растянутые в улыбке, самовольно поползли вниз, превратив весёлое выражение лица в вымученно-наигранное. Пospelова заставила себя протянуть руку к яблоку. Её кожа на фоне оливкового оттенка руки подростка смотрелась голубовато-бледной.

Григорьевна, осторожно приняв у цыгана плод, положила его подальше, у компьютерного монитора.

– Спасибо большое. Потом съем. – Последовал сухой комментарий.

Александра посмотрела на мальчишку, что подал яблоко, и осознала, что допустила большую ошибку.

Юноша прочитал на её лице всю гамму чувств и эмоций

по отношению к себе и брату. От проницательного Сэро не укрылась брезгливость, с которой женщина взяла у него яблоко. Отвращение, едва близнецы зашли в кабинет, повеса тоже отметил, но дал себе право надеяться, что ему покажется.

Цыган дерзко, зло усмехнулся и кивком указал под соседний письменный стол, приставленный боком к тому, за которым сидела кассир.

– Не стесняйтесь, выкидывайте в мусорку!

Александра Григорьевна от чужой вызывающей прямоты крепко растерялась.

– Просто сейчас я не голодная! – попыталась оправдаться она, попав в неудобное положение.

– Конечно! Я так и понял! – съехидничал Сэро и нахально, по-разбойничьи улыбнулся. – Имейте в виду: мы яблоки и груши трогали, когда рвали. Все-все! Голыми руками! Даже не знаю, как Вы их есть будете!

Цыган поднял руки и, безбашенно пялясь на Пospelову, продемонстрировал свои ладони. Та в ответ лишь озадаченно моргала. Повеса расхохотался.

– Всего Вам хорошего, Александра Григорьевна! До свидания. Нам пора. – Имир решительно дёрнул брата за рукав и быстро вывел за дверь.

Мальчики сбежали вниз по лестнице. Едва оба повернули за угол здания, как отличник остановился и зло толкнул близнеца в грудь.

– Что ты, блин, сейчас плёл?!..

– Я плёл?! – рывкнул брюнет. – Ослеп, Имир?!.. Не заметил, как корова к нам отнеслась? Будто не люди, а гавно под ногами!

– Заметил уже давно! И много чего вприкуску! – парировал отличник. – Но язык за зубами крепко держу! А какого лешего ты хамишь, припёршись на станцию раз за сто лет?!..

– Обалдел?! Мыбра терпеть не может цыган! – злился Сэро, не понимая лояльности брата. – И о ней предки с уважением отзываются? Разве такие помогают, блин?!.. Может, родаки попутали? Ведьма скорей удавится, чем посочувствует нашим!

Умник, видя, как сердится близнец, промолчал. Затем спустя мгновение сдержанно ответил:

– Да, Григорьевна – ещё та злыдня. Тебе не показалось. Но нашей семье реально она четыре года назад помогла. Именно *эта ведьма*, ты не ослышался! Больше скажу: начальника ж/д уломала папу на работу взять, наш потерянный вагон с вещами на границе нашла, едой щедро поделилась и хату по жирной уценке прикупить подсобила. Удивительно противоречивая баба, согласен?

Повеса в полном шоке смотрел на отличника широко распахнутыми от гнева глазами. Имир невозмутимо продолжил:

– Ты не ошибся, братишка – Любина маманя реально брезгует чужими. А в своей хате Пospelова – знатный Сталин в юбке! Всю семью под пяткой держит... Чего пялишь-

ся? Впечатлѐн, да?.. Вот и живи теперь с этим.

Имир отвернулся и пошѐл было дальше, в сторону пассажирских касс и диспетчерской, но, сделав несколько шагов, опять развернулся к близнецу и отрывисто бросил:

– Зато ты теперь знаешь, во что ввязался, когда решил подурачиться с её дочерью.

Чтобы найти отца, близнецы обошли здание вокзала, прошли мимо диспетчерской и повернули в небольшой тамбур перед постройкой хозназначения. У стены, между штабелями досок и труб, расположился стол со скамейками, где устраивали перекур работники-мужчины.

Алмаз и Василий сидели на старых пеньках и курили в тишине, о чём-то задумавшись. Рядом коротал время ещё один железнодорожник, не особо знакомый Имиру.

Старый цыган довольно улыбнулся:

– Мои хлопцы пришли!

Мальчики подошли к старшим и пожали им руки.

Алмаз Иштванович был мужчиной среднего телосложения и роста, в возрасте пятидесяти лет. Смуглый, как и сыновья – от прожитых лет кожа его казалась даже темнее. На голове красовалась шапка смоляных, с серебряной проседью, крупных густых кудрей. Седина прокралась и в курчавую бороду, добавляя внешности некую пикантность. Мужская привлекательность его не потухла, а стала более зрелой. Спокойный и выдержанный, Алмаз выглядел человеком, умуд-

рѣнным накопленным опытом и приобретшим проницательность да чутьѣ на людей. Видимо, молодость его была бурная, полная приключений, и прожил да повидал цыган на своём пути многое, отчего казался взрослее и рассудительнее других. Глубокий острый взгляд с хитрецей выдавал незаурядный ум и образованность.

– Ирины Борисовны в диспетчерской нет. Сказали, что она домой ушла по окончании смены. Куда деть её пакет?

– Оставь, Имир. Как выйдет Ира, я отдам. Молодцы, что управились.

Сэро аккуратно разглядывал дядю Васю. Старше Алмаза лет на десять. Белокожий синеглазый гладко выбритый брюнет. На вид весьма спокойный, сдержанный, лишнего слова не уронит. Во всѣм теле мужчины – позе, выражении лица – чувствовались усталость от жизни, тоска и какая-то нестерпимая мука. У Любы его разрез глаз и брови – тѣмные, тонкие, аккуратные. А вот пшенично-русый цвет волос, овал лица и щѣки – мамины.

Михалыч, заметив, что его изучают, улыбнулся.

– Чего тарацишься, черноглазый?

Взгляд мужчины был добрым и очень тёплым. Сэро смутился, опустил глаза в пол и плутовски улыбнулся.

Поспелов, кивнув на повесу, бросил Алмазу:

– Я этого жука толком и не видел! Имира хорошо знаю – замечательный малый!.. Слушай, вроде близнецы, а не похожи: второй-то жару, небось, даёт в школе! По хитрой морда-

хе видно!

Старый цыган хрипло рассмеялся.

– Имир жару даёт в оценках, а Сэро – в гулянках. Раньше, как и брат, в лучших был, а нынче учёбой не интересуется, давно забросил. Пошёл по *другой* науке.

Мужчины многозначительно переглянулись.

– Ладно, отец, будет тебе на людях меня отчитывать! – выставил претензию Сэро. – Я сюда не для нотаций пришёл!

– Можно подумать, сконфузился! С тебя любые предьявы и взывания к совести как с гуся вода!

– Ага, конечно! – огрызнулся юноша. – Может, я с виду хулиган, а в душе хрупкий и ранимый! И во мне сейчас горько плачет от твоих слов душа поэта!

Отличник, не удержавшись, весело и громко прыснул. А за ним – остальные присутствовавшие.

– Да уж, точно на Имира не похож! – отсмеявшись, подвёл итог дядя Вася. – Брат – сама воспитанность, говорит вежливо и по делу. А тебе, остряку, палец в рот не клади!

– Я сам на себя похож. И палец в рот мне класть не надо. Кто нормальный свои лапы чужим людям в ротовую полость суёт?!.. Да и зачем? Чтоб от лишних конечностей избавиться? В этом я любому могу помочь и более простым способом, – парировал Сэро с детской улыбкой, прикрывшей сталь в голосе. – Хотите яблочко, Василий Михайлович?

– Давай! Погрызу с удовольствием.

Сэро достал из пакета наливное красное яблоко и передал

Любиному отцу. Тот начал его восхищённо разглядывать.

– Красивое-то какое! Будто и ненастоящее, без единого изъяна! словно художник намалевал!

Василий не раздумывая сломал плод аккурат пополам, отдал половинку третьему сидельцу и, широко раскрыв рот, укусил. От уголка его губ струйкой потёк яблочный сок. Поспелов, прикрыв глаза, с наслаждением прожевал, а потом, обтерев подбородок, удовлетворённо хмыкнул.

– Вкусные! Сладкие и сочные. Спасибо, что угостили! Я несколько раз дома садил деревья этого сорта, и они всегда погибали. Не приживаются! В огороде три дерева Мельбы, которые никто, кроме Шуры, не ест. Жена другие яблоки не признает, ну, правда, ещё кислые зелёные любит. А дочка как раз предпочитает большие, сладкие, сочные, красные... Мельбу не кушает: ни свежую, ни в компоте, ни в варенье. Она уж будет угощению очень рада!

Сэро слушал рассуждения Василия Михайловича, опустив глаза в пол, и слегка улыбался. Веки с длинными пушистыми ресницами едва подрагивали. Отвлёкшись от собственных мыслей, парнишка заметил на себе пытливый взгляд Алмаза. Сообразив, что родитель видит сейчас его насквозь, повеса принял отсутствующий вид и отвернулся.

Зайдя в кабинет математики утром понедельника, Люба поняла, что счастливая пора закончилась.

Её место рядом с Дашей заняла внаглую Варвара, вышед-

шая на учёбу после болезни. На парте рядом с небрежно брошенными школьными принадлежностями валялся скомканный носовой платок, капли для носа и какие-то таблетки. Не факт, что всё это было ежеминутно необходимо, хоть Илютина изредка и выдавала приступы мокрого кашля. Медицименты могли быть вытащены на всеобщее обозрение чисто из манеры привлекать внимание.

Позади Вари и Дарьи, вертевшихся да щебетавших после двухнедельной разлуки, уселся Тимон со свитой.

«Подольше поболеть не могли!» – недовольно поморщилась школьница и села на первую парту второго ряда к Лаврентьевой Софье. Вера, соседка Сони, если и болела, то с добрый месяц. Впрочем, как и Софья. Так что здесь место для тихони всегда было – либо с одной девочкой, либо с другой.

Лаврентьева протянула ей шоколадный батончик.

– Спасибо, – улыбнувшись, поблагодарила Люба.

Семьи Поспеловых и Лаврентьевых были знакомы и относились друг к другу с должным уважением, но близко не общались.

Соня, как и Люба, была в 10 «А» кустарём-одиночкой, однако её никто не гнобил и (Боже упаси) не придумывал клички. Семья Лаврентьевых щедро спонсировала школу, а мама девочки когда-то работала здесь учителем труда. Женщина уволилась, став заниматься делами семейными, но к коллегам и в директорский кабинет ходила до сих пор как к себе

домой.

Злые языки поговаривали, что Софья потому и круглая отличница, что предки её дорогие подарки всем учителям преподносят. Люба с этим мнением была в корне не согласна: она часто сидела с Соней и видела её трудолюбие и ум.

В отличие от тихони отличница не страдала от своего одиночества в коллективе. Наоборот, она сама избегала контактов с ровесниками, не стремилась стать кому-то подругой, участвовать в общественных делах или просто в чужой болтовне. Читались в Софье высокомерие, насмешливость к одноклассникам – и ребята это хорошо чувствовали.

Некрасивая, полная, высокая, отличница за своё отношение к другим могла нарваться на неприятности. Но заводилы Степанченко и Илютина боялись связываться – Лаврентьевы слыли одними из влиятельных и богатых людей станции. В период развала СССР отец Сони занимал высокий пост и, используя ум, сноровку, деловой подход и связи, основал несколько успешных предприятий. Сониная мама стала одной из немногих женщин в городке, кто уже сидел за рулём редкой дорогой иномарки. У девочки первой в классе появился сотовый телефон: маленький, с крошечным серым экраном и кучей кнопочек. Позже вслед за Соней сотовый появился у Илютиной, а затем у Бутенко. Больше никто в 10 «А» наличием карманного аппарата похвастаться не мог.

Проще говоря, вокруг Лаврентьевой была пуленепробиваемая броня из учительского коллектива и крутых роди-

тельских связей. Тимона, Варю и других это не подбрасывало, но у них не было выбора – приходилось мириться с недосягаемостью Софии для их острых языков.

В кабинет зашла Екатерина Алексеевна, молодая математичка. Класс лениво встал. «Здрасьте» зазвучало из разных концов помещения кустарными выкриками.

– Приветики, Екатериночка Алексеевничка, любименькая моя! Са-а-а-мый лучший учитель в нашей вонючей школе! Как я по вам соскучилась, слов нет! – вскочив с места, шаркая подошвами ботинок об пол, к педагогу с громким воплем, бесцеремонно распахивая всех на пути, неслась Илютина.

Люба нахмурилась, глядя, как одноклассница повисла на шее покрасневшей математички и начала душить наигранными объятиями и поцелуями. Пospelова недоумевала, почему Екатерина Алексеевна позволяет Варе садиться себе на голову, ведь она всё-таки учитель. Видно же, что Варвара лукавит и врёт. Сюсюкает и подхалимничает, а в кулуарах школьных коридоров кроет нецензурной бранью «Катку» и её преподавание.

– Ой, Катька – беспонтовый препод! Не состоялась и как баба, и как математик! Ни черта объяснить не может! Что ни рассказывает, всё непонятно! Поэтому её и муж бросил, потому что ни рыба ни мясо!

В лицо же Илютина льстила и уже перешагнула ту черту, которую ученик в отношении учителя пересекать не дол-

жен. То ли Екатерина Алексеевна была глупа, то ли наивна и верила фальшивой наигранности Варьки, но авторитет в 10 «А» она давно потеряла. Может, когда стала распивать чай да сплетничать с Тимофеем, Варей и другими ребятами в кабинете, закрытом на ключ. Может, когда повадилась на глазах у всего класса флиртовать с Тимоном, вместо того чтобы держать дисциплину и качественно обучать. А может, когда школьники ловили её курящей за туалетом вместе со старшеклассниками.

В общем, алгебра и геометрия были ещё одними нелюбимыми предметами в Любиной школьной жизни. Здесь сорок минут творилась чертовщина. А ведь Екатерине Алексеевне два года назад достался успешный, хорошо обученный класс после сильного, требовательного пожилого математика. Та держала школяров в ежовых рукавицах одним взглядом, но ушла на пенсию. И «Катка» своим преподаванием умудрилась за короткий срок превратить обученный, дисциплинированный «А» в шалопаев и бездельников.

Математичка что-то мяукала у доски. Её мало кто слушал. Люба зевнула и посмотрела на Соню. Та, не тратя время зря, изучала новую тему в учебнике. Это было лучше, чем пытаться понять «Каткины» сбивчивые потуги.

После невнятного объяснения преподаватель дала задание, которое тоже никто особо выполнять не спешил, и поёрлась к парте Тима, встав там явно для болтовни с учениками. В пылу перешучиваний с шатеном, который неподо-

бающе громко ржала, учительница изредка вспоминала о рабочих обязанностях и тогда пыталась создавать видимость, что следит за классом.

– Даша, знаешь, слушок неприятный гуляет, – донёсся до Любы намеренно громкий ехидный Варин голосок. – Что ты стала с Пospelовой лучшей подружкой! Неужели меня на эту мокрицу променяла?

Мгновенно подключился Тимон:

– Фу-у-у, Даша! Я от тебя такого не ожидал! Кирпич что ли на голову упал? Или глистами заразилась, и они мозги твои съели?.. Лучше буду держаться подальше, а то вдруг тоже начну со всяким мусором общаться!

– Теряешь хороший вкус на людей, Дашуня! – подхватил Матвей. – Эдакими темпами скоро тебя потеряем! Дашка пo-страшнeет, усядетсeя дома, напeялит юбку ниже колен и прe-вратится в монашку!

Задетая за живое, Люба обернулась. Вся пятёрка вместе со стоявшей рядом математичкой ржала, и Даша смеялась вместе с ними.

– Придурки, сбрендили совсем?!.. Я и Пospelова – несоместимое! Не порите чушь! Если мне из-за классухи с ней приходится сидеть, это не значит, что я теперь вдобавок с кем попало дружу! Дебилы, блин!

Тихоня почувствовала, как воздух внезапно закончился в лёгких. Кровь прилила к щекам, в глазах потемнело. Она отвернулась и притворилась, что не слышит ни ржания нена-

видевшей её пятёрки, ни одобрительного смеха Екатерины Алексеевны.

Школьнице было больно и неприятно, что Бутенко при всех, глядя в лицо Илютиной, открестилась от общения с ней. Это обнулило девочку до фундамента школы.

В тот момент Любе стало бесповоротно понятно её ничтожное положение как в 10 «А», так и среди ребят её возраста. Шансов нет. И, чувствуя в который раз боль разбитого вдребезги доверившегося сердца, тихоня окончательно решила, что девичья дружба не про неё писана.

Глава 8.

С тех пор как Александра Григорьевна и Сэро имели честь пренеприятно познакомиться, прошло несколько дней.

Не получалось у женщины стереть из памяти злые огоньки в глазах повесы да всё то, что школьник, ничуть не смутившись, ей высказал.

«Некрасиво получилось с пацанами!» – переживала товарный кассир. – «С Алмазом вместе работаю. А он свой человек на ж/д! Работник хороший, ответственный да человек порядочный. Поддерживает меня в коллективе и в помощи не отказывает. Алмазу доверяют все, даже начальник станции! Если он уже узнал, что я его сына обидела? Сделал нелицеприятные выводы, огорчился?.. Как теперь в глаза ему смотреть?.. Алмаз с Василём приятели – нашли мужики общий язык, так сказать! Лала всегда делает хорошую скидку на рынке, а то и бесплатно отдаёт товар. Надо ситуацию сгладить... Однако сопляк наглый какой! Язык дерзкий прикусить перед взрослым и не подумал! Наговорил пакостей, невоспитанный!»

Александрe стыдно было признать, что пронизательный Сэро её напугал. Всё-таки парнишка сначала поймал её на предвзятости, а затем грубо тыкнул туда носом, как нашкодившего щенка в лужу мочи. Но и спускать наглость мелкого безобразника ущемлённая женщина просто так не хотела.

«Надо погугарить с Алмазом. Скажу, что не желала зла. Вывернуть бы разговор так, чтобы паскуднику наверняка дома по хребту ремнём отсыпали... Хм! А пацаны-то – ровесники Любани! Смазливые, хоть слюни вытирай!» – Как женщина, умудрённая опытом, Григорьевна не могла не отметить диковатое обаяние мальчишек. Особенно того, который наглее. На душе заскребли кошки.

Вечером, проходя мимо диспетчерской, Григорьевна встретила Алмаза. Он только закончил осматривать товарный состав и переходил ж/д пути по направлению к перрону.

– Добрый вечер, Алмаз Иштванович! – выкрикнула Поспелова и пошла навстречу.

Мужчина, приветливо кивнув, махнул рукой.

– Добрый-добрый, Александра Григорьевна! – Ибрагимов всегда был учтив, предупредительно вежлив и обращался к коллеге по имени-отчеству, держа дистанцию. Чёрные, окружённые возрастными морщинами, умные, наблюдательные глаза со спокойной пытливостью заглянули женщине в лицо. – Чем могу быть Вам полезен?

На ж/д Ибрагимов был тише воды да ниже травы. Не вмешивался в рабочие конфликты и ловко обходил попытки затянуть себя туда. Не стремился урвать кусок. Не воровал по мелкому и не позволял себя втянуть во внутренний криминал, будь то кража содержимого товарных вагонов или махинации с документами. «Моя хата с краю – ничем полезен быть не могу. Умом, так сказать, не вышел». Только вот

не каждого такими словами заморочишь. На ж/д смекнули, что цыган – человек грамотный (в личном деле пылился диплом о высшем инженерном образовании), с острым, пронизательным умом и смекалкой. Если б Алмаз влез в кормушку, то дал бы всем на станции фору. Но по каким-то личным причинам Ибрагимов продолжал твёрдо держаться в стороне, чем невольно заставил себя уважать.

– Спасибо большое! Тебе и твоей семье! Мальчики в пятницу принесли сумку с гостинцами. Вкусные! Сладкие! Сок прямо по губам течёт!

– Рады угодить! На следующий год, если желаете, ящик Вам насобираем.

– Ох батюшки, Алмаз, спасибо за щедрость! – всплеснула руками коллега. – До следующего года дожить ещё надо...

– Эх, Григорьевна! Что нам грядущее готовит, кто знает? – усмехнувшись, поддержал Алмаз тему чисто из приличия, зная уже наизусть, какую фразу обронит женщина следом.

– Вот и я о том же, – тяжело вздохнула Пospelова, закатив очи к небу. – Возраст не чтоб жить... Помирать пора!

Шура не заметила тени иронии в глазах цыгана, который не понимал, зачем пятидесятилетняя женщина стремится себя побыстрее похоронить. К чему драма? Молодая ещё. Тем не менее вслух комментарии мужик не отпускал. Нечего переубеждать и раздавать советы другим, особенно если тебя не просили.

Алмаз выжидал, когда Григорьевна перейдёт, наконец, к делу. Наверняка не ради «спасибо» подошла.

– Слушай, Иштванович, я вот что хотела сказать. – Товарный кассир замялась, подбирая слова покорректнее. – Твой сынуля (крашеный, с ушами проколотыми) угостил меня в кассе яблоком. Я сразу есть не стала. Помыть же надо! Старенькая, понимаешь? Чуть что – несварение.

Цыган слегка кивнул.

– А пацанёнок как разобиделся! Подумал, что из его рук есть брезгую! Глупенький! Прямо неудобно, что мы друг друга не поняли. Он потом грубо...

Ибрагимов улыбнулся и договорить коллеге не дал.

– Ах, Сэро-Сэро! Шалопай! Язык за зубами не держится! – мужчина проницательно усмехнулся. – Чуть против шерсти погладишь – сразу клыки скалит, огрызается! Молод, не понимает, что прямота не всегда бывает к месту. Что подметит – тут же выскажет! Я поговорю с ним, Григорьевна! Но ты же знаешь, подростку до всего нужно дойти своим умом. Пока жизнь не проучит – не образумится.

Александре стало неудобно, и она отвела взгляд в сторону.

– Спасибо, что понял. Всего хорошего! – закончила разговор смущённая Пospelова и пошла прочь.

«Алмаз отпрыска приструнивать не будет. Жаль! По сопляку лозина плачет. Избаловал чертей Иштваныч до одури, что малолетки тормозов не знают! Мне, старой кошёлке,

гнуслостей смазливый паразит наговорил, а что с ровесницами тогда позволяет?»

Спохватившись, Григорьевна окликнула смуглокожего коллегу.

– А скажи-ка, близнецы в какую школу ходят?

Цыган обернулся и внимательно посмотрел на неё. Немного помолчав, мужчина спокойно произнёс:

– В седьмую. В десятом классе учатся, как и твоя дочь. Может, даже знакомы наши дети... Или уже дружат.

Товарный кассир поменялась в лице от услышанного, и восстановить выражение бывшего благодущия ей не удалось, что от собеседника не укрылось.

– Вот как! Большие, – еле смогла выдать неприятно шокированная женщина. – Всего хорошего, Алмаз Иштванович!

– И вам приятных светлых дней! – Ибрагимов, улыбнувшись, слегка поклонился.

– Слили предкам, что вчера ты лазила со мной на Ленина?

– Нет.

– Вот видишь! Не всем знакомым есть нужда до твоих приятелей и мест, где ты гуляешь.

Люба по-доброму посмотрела на Сэро. Повеса в ответ задорно улыбнулся. Оба стояли в очереди к раздаточному окошку, зажатые посторонними телами. В общем гудении и шуме было непонятно, кто за кем стоит да беседу ведёт. Чем

Ибрагимов и воспользовался, подкравшись к знакомой тоненькой фигурке со спины.

В столовой были невероятная толкотня и балаган. На улице шёл без перерыва с ночи холодный проливной дождь с резкими порывами сильного ветра. Видимо, от внезапного холода (вчера было + 25) и смены погоды первая смена замёрзла, промокла, продрогла и проголодалась.

Кроме столовой да коридоров тусить старшакам было негде. Не покуришь, на лавочках языками не почешешь, под тополями не покучкуешься – льёт на улице. В столовой, конечно, лучше, чем в коридорах – чай горячий повара бесплатно нальют. Булочки, правда, раскупили ещё на первой перемене.

– Погуляем?

– Сегодня?! – Люба с ужасом воззрилась на пацана. Дождевые волны громко хлестали об окна общепита.

– Нет, конечно! Хотя, может, сегодня хочешь? – отшутился он.

– Не хочу.

– Тогда на днях. Я подойду заранее.

– Куда пойдём?

– Туда, куда и обещал – развалюхи посмотреть. Водонапорную башню заброшенную тебе покажу.

– Вау! А где?

– В парке.

– Нет в парке водонапорной башни. Врешь ты всё!

– Я и «вру» – вещи несовместимые. Особенно по отношению к тебе. – Сэро лукаво улыбнулся и игриво подмигнул.

Люба смутилась.

– Я хожу мимо парка каждый раз, как на рынок топаю. Не видела и близко ничего такого!

Мальчик наклонился и прошептал тихоне на ушко:

– Цветочек наш аленький, видимо, не в курсе, что в городе – два парка?

У Пospelовой от удивления вылезли на лоб глаза.

– Да ну?!..

– Если вдруг станешь ходить дальше, чем библиотека твоя излюбленная находится, обнаружишь много интересного...

– Ой, не ехидничай! Говори по делу.

– Грубиянка!.. Второй парк – на самом краю города, где зона шестой школы и трасса в поля, по направлению на запад. Парк этот заросший и заброшенный. Там нет ни танцпола, ни других заведений. Есть лишь пустующие полусгнившие домики для отдыха да водонапорка, лет десять, вроде, как бесхозная. Пойдём?

– Эй, Сэро, брательник! Возьми и мне порцию! А то меня щас нахрен затопчут! – послышалось где-то сбоку.

Ибрагимов обернулся и засмеялся в ответ:

– Будешь должен!

Люба нервно дёрнулась. Подошла её очередь у окошка. Она, взяв порцию, стала по краю стены обходить шумящую давку.

– Увидимся! – шепнул ей школьник напоследок.

Девочка едва успела кивнуть приятелю, как толпа бесцеремонно оттеснила её прочь и выкинула за свои пределы вглубь помещения.

Несколько дней Люба заморачивалась водонапорной башней и парком на краю городка.

В предвкушении предстоящей прогулки тихоня аккуратно расспросила отца о неизвестном месте, но получила невнятные и даже пугающие ответы: это не парк, а заброшенный кусок леса, и там менты предпочитают убирать всех неугодных.

Для девушки станица была ровно тем мирком пейзажей и дорог, по которым она регулярно ходила. Нелюбопытная до окружающего мира, постоянно витавшая в мыслях, десятиклассница была впечатлена услышанным и от цыгана, и от отца.

Перепугавшись вусмерть от возможности столкнуться с ворами в законе и ментами-убийцами, Любин творческий разум нарисовал кроважидные картины пыток над связанными телами – своим и повесы – да их невнятные мольбы на коленях о пощаде, что не будут услышаны жестокими воротилами.

– Ах-ах-ах-ах!.. И как ты до такого додумалась?! – разве селился Сэро, когда ровесница, стесняясь, с округлёнными глазами спросила о закопанных трупах да продажных мили-

ционерах, рыскающих по заброшенному парку в поисках новых жертв.

Близнецы и Пospelова шустро топали по лужам, напряжённо поглядывая на хмурое тяжёлое небо, обещавшее с минуты на минуту снова разразиться проливными потоками воды. Им пришлось торчать несколько уроков у окна в пустом тёмном коридоре возле школьной библиотеки, потому что снаружи лил как из ведра осенний дождь, а зонтик обманчивым сухим утром взял с собой только Имир.

– Кстати о ментах! Я вчера с дружба́нами после полуночи лазил в центре и на облаву напоролся. Ментяра схватил за куртку, гад! Я вырвался и бежал так, что пыль столбом стояла, ну и след мой, конечно, простыл. Думаю, физиономию мою этот хрен точно не запомнил, ведь я был резвым со страху, как понос! Куртку новую жалко: мама из Турции недавно привезла... Не знаешь случайно, как обновку из ментовки достать? – обратился Сэро к девочке.

– Нет, – озадаченно откликнулась школьница.

– Нашёл у кого спросить! – ехидно рассмеялся Имир. – По-твоему, Люба в ментовку как к себе домой ходит да с ноги дверь в убойный открывает?.. Твоя куртка была – ты и топай в отделение!

– Из ума выжил?! Меня ж оформят!

– И чьи это трудности?! Болтался ночью в парке, на засаду налип? Вот сам и разбирайся! – обрезал близнеца Имир и тут же, хмыкнув, добавил: – Мне вот только интересно, когда,

наконец, мать спалит, что ты новую куртку похерил. Какие басни будешь ей плести?

– Что-нибудь придумаю, – помрачнел Сэро.

– Да кто бы сомневался! – опять поддел брата отличник.

Люба с удовольствием слушала пререкания Ибрагимовых и по-доброму завидовала. Она прекрасно видела, что за несерьёзностью да залихватским настроением одного и нравоучительными остротами да строгой правильностью другого скрываются крепкие тёплые семейные узы, переплетённые настоящей братской любовью. И если придётся, близнецы друг за друга ого-го как постоят!

Втайне Поспелова восхищалась Сэро, точнее, его умению жить и наслаждаться окружающим миром на полную катушку. Тихоня видела, что, даже едва избежав облавы, мальчик кайфовал от произошедшего. Не переживал, не пугался и крестился, а смаковал испытанный ночью драйв. Люба так не умела и не представляла, как можно быть настолько безбашенным.

Сидя дома на кровати с книжкой в обнимку, школьница злилась на дождливую пасмурную погоду и слякоть, не прекращающуюся несколько дней.

Шестая школа... Один номер этого учебного заведения уже её пугал.

Школу № 6 – бывшие конюшни с огромным заболоченным пустырьём, поросшим камышами, с лесными массивами,

цыганскими да турецкими кварталами – Александра Григорьевна открыто презирала и считала заведением для отбросов и маргиналов, впрочем, как и школу № 4. Помойки на окраинах города, в которых отшибленные дети уголовников её дочурку обязательно изнасилуют, и не один раз.

Женщина хотела, чтоб дочь находилась в приличном заведении с приличными людьми. Но в № 1 Любу не отдала: там, где скопилась «вся элита из местных элит», учился когда-то Любин брат. Именно тогда семья Поспеловых сделала нелюбезный вывод: обучаться в престижной школе – значит постоянно носить дорогие подарки учительскому составу и потакать их любому капризу.

Терпение женщины лопнуло, когда одна из учительниц сына попросила её достать билеты на поезд в Москву. В станционной ж/д кассе в 70-х годах билеты в этом направлении можно было по пальцам пересчитать: раз-два, и всё. Поспелова, используя связи, забронировала один билет, но учительница обиделась. Педагог решила, что мать ученика не просто забронирует место (что в то время было сделать весьма сложно), а оплатит ей поездку в обе стороны.

После этого случая Григорьевна перевела сына в № 7, считавшуюся попроще, а позже без раздумий отдала туда же и дочь, проклиная на чём свет стоит остальные три школы.

– А где ей ещё учиться по-вашему?! – неизменно высказывалась женщина, когда её спрашивали, почему Люба ходит так далеко, в № 7, когда до № 1 два квартала. – В первой

учился Шурик, и нам *замечательного* образования «элитного и старейшего в городе учебного заведения» по горло хватило!

Любин брат Саша Васильевич слыл в детские годы разгильдяем и повесой. Но Григорьевна шалостей сына не признавала, хоть из-за жалоб учителей и лупила его нещадно. Тем не менее после каждого применения «воспитательного» ремня она, защищая себя и жестокое отношение к собственному ребёнку, причитала да возмущалась, что во всех злоключениях виноваты только изверги-учителя.

Поэтому дочка и пошла в № 7. Маме тогда казалось, что там не настолько зажравшийся на подарки педколлектив и девочке будет проще.

После пяти дней проливного дождя выглянуло солнце и высушило землю. Температура поднялась до + 18. Октябрь, видимо, решил не подкачать станичников прощальными деньками.

Люба заскочила домой, бросила рюкзак на кровать и не моргнув глазом наврала матери про библиотеку. Сэро, проводивший её до Таманской, тоже побежал оставить ранец и по-быстрому пообедать. Встретиться подростки договорились через два квартала после въезда на Солнечный.

«Вот чёрт! Чтоб вам всем обосраться!» – скривилась старшеклассница, едва калитка, визжа, хлопнула за спиной, а вслух вежливо произнесла:

– Здравствуйте!

– Здравствуйте!.. Добрый день!.. Приветствуем! – понеслось разноголосие с лавочки напротив.

Эта чёртова лавочка принадлежала семейству Петуховых – Лидии Ивановне и Михаилу (отчества его Люба никогда не слышала). Сия почтенная супружеская пара была примерно одного возраста со старшими Пospelовыми. Она завуч в школе № 1, он ассенизатор.

Показательно благочестивые и приличные, Петуховы считали себя порядочными донельзя людьми и образцовыми хозяевами. И неудивительно: оконные рамы и добротный забор сияли свежей краской, подстриженные деревья сверкали побелкой, а пышная клумба пестрела многообразием цветов. Поэтому в честь собственного чистоплюйства и непогрешимости они смело и уверенно обзывали засранцами всех, чьи участки выглядели хуже. Мусор со своего двора подбросить «засранцам» тоже не забывали.

Но главным украшением хаты Петуховых была именно лавочка. Почтенное семейство протирало сиденье задницами в любое свободное время, беззастенчиво пялясь на прохожих. Завуч и ассенизатор бдели и знали всегда, кто когда пошёл на работу, кто как выглядел, а также всех приезжих и гостей. Едва к воротам соседей подъезжала какая-нибудь машина, Петуховы бросали все дела и выбегали присесть на наблюдательный пост, дабы быть в курсе последних новостей.

В крупных городах роль сплетников и контролеров чужой

жизни выполняли бабки у подъездов многоэтажек. А в маленьком новоиспеченном южном городке – соседи на лавочках у калиток частных домов. Редки были в кубанских станицах хаты, возле забора которых не красовалась бы скамейка – для сплетен, посиделок да разглядывания прохожих. Чужих или своих – не важно.

Дядю Мишу другие соседи часто ловили во дворах за выскиванием чего-то ценного – проще говоря, воровством. Хитрый Михайло, пойманный с поличным, умело прикидывался дурачком, и бесстыжее стервятничество сходило ему с рук.

Вечерами же тёплыми и погожими на лавочке Петуховых собиралась целая ватага. Таких же бдительных, добропорядочных и жадных до сплетен станичников, как и хозяева. Толпа сальными глазёнками разглядывала прохожих, а потом бурно и грязно обсуждала, охая и ахая над чужой жизнью.

За эти качества: заносчивость, воровливость, жажду копошения в постороннем грязном белье – не выносила соседней юная Люба. И такими были не одни Петуховы. Просто именно в данном семействе столь отвратительные черты расцвели особо буйным цветом. Девочка мечтала уехать с перулка подальше от злых, болтливых людей, прикрывающих гнилое нутро фальшивой добродетелью.

– Зачем вы с ними общаетесь и сидите на их лавочке, если недолюбливаете и осуждаете? – спрашивала Люба роди-

телей.

– От соседей никуда не денешься! Не переезжать же с насиженного места! – пожимала плечами мать. – Почему ты решила, что я недолюбливаю Петуховых?

– Постоянно же на них ругаешься! – опешила дочка.

– Ну и что?!.. Не хвалить же! Петуховы всегда знают всё обо всех. А я тоже в курсе быть хочу. Предупреждён – значит, вооружён!

– А зачем всё о других знать?

– Глупая! Вырастешь – поймёшь.

Но Люба не понимала. Смысл общаться с неприятными людьми ради сплетен? Так важно было быть порядочными и правильными в глазах посторонних. Мол, какая разница, чего хочешь сам и о чём мечтает твой ребёнок – главное, чтоб соседи оставались при хорошем мнении.

– В школу идёшь, Любонька? – принеслось фальшиво-ласковое со стороны лавочки.

«Типа не знаете, что я с восьми утра учусь, стервятники!»

– В библиотеку заниматься, – произнесла старшеклассница вслух и скромно потупила глазки.

– Ай да молодец!.. Золотце!.. Умница какая!.. Отличница небось? – с нотками ласковой фальши нахвалила её свора и попыталась прицепиться с ненужным разговором вновь.

– Нет, я хорошистка.

– Значит, скоро будешь отличницей!

– Да-да!

– Хорошая девочка, из семьи порядочной!

– Скромница такая!

– Молодец!

– Ага, умница, это точно!

«Хорошо, что я и Сэро договорились не встречаться возле моего дома. Вот бы злословия было! – выскочила перепуганная мыслишка в девчачьей головке, что склонилась низко под неусыпным прицелом нескольких беспардонных пар глаз, пялившихся с лавочки.

«Япона мать!.. Какого лешего тебя принесло?!» – цыган, остановившись, недовольно косился на Наташу, бурно машущую ему рукой.

Та самая интрижка на одну ночь – с рубиновыми волосами, оставившая месяц назад на шее парня кучу замечательных фиолетовых засосов – узнала издалека любовника и, несколько раз прокричав имя юноши, спешила наперерез. Ибрагимов бы сделал вид, что не признал, и не стал бы ни останавливаться, ни тем более ждать, когда Наташа подойдёт, если бы не отзывчивая суетливая Люба.

– Там девушка! Метрах в пятидесяти! Тебя зовёт! – при тормозила тихоня, уставившись на Наталью, размахивавшую конечностями.

– Обозналась, наверное! – пожал плечами старшеклассник и двинулся было мимо.

– Сэро-о-о-о-о-о-о!!!.. Сто-о-о-о-й! – надрывала глотку яр-

кая красавица.

– Да нет же! Тебя кличет! – наивно хлопала ресницами Поспелова и глупо тарасилась на одноразовую интрижку брюнета, что торопилась их догнать.

«Хорошо, Любаня! Постоим-подождём. Сама напросилась», – скептически хмыкнул повеса и натянул на лицо приветливую маску.

– Фу-у-х, еле догнала! – Наташа старалась отдышаться. – Ну привет, красивый!

Девушка обвила шею брюнета и принялась грубо напрашиваться на крепкий долгий французский поцелуй. Сэро чуть ответил и тут же отстранился, насмешливо поглядывая на спутницу.

Люба, оторопело уставившись на парочку, покраснела как варёный рак. Потом неловко притворилась, будто разглядывает дерево.

– Привет, Наталья. Устала меня догонять?

– Вот и нет, не устала! – проигнорировала язвительный подкол та. – Давно тебя не видела! Не заходишь в гости, в станице не пересечёмся никак, в «Торнадо» почему-то не появляешься... Наверно, ту ночь и мою тёплую кроватку позабыл?

Щёки неопытной ученицы 10 «А», едва остыв, по новой вспыхнули алым пламенем, и тихоня со стыда взмолилась Богу помочь ей раствориться в воздухе.

Наташа игриво заглядывала цыгану в лицо, нежно погла-

живала руками юношескую грудь и плечи. Сэро бы жёстко отделался от постылой зазнобы да всыпал по первое число за разукрашенную синяками шею, но рядом стояла Пospelова. А повесе шибко не хотелось, чтобы тихоня на первых порах их знакомства прознала про истинное его поведение по отношению к брошенным любовницам. Парень решил при ней своею горячностью пока не светить.

Ната же, видя отстранённость брюнета, переключилась на его спутницу. Симпатичная, но комплексы налицо. И выражение на унылой мордахе как у несмышлёного зверёныша. Не может Ибрагимов спать с глупой боязливой неумехой.

– Это кто?

– Хорошая знакомая, – брякнул повеса чисто для галочки.

– Да ну?! – зло ухмыльнулась рыжая.

Сэро заметил ревнивые нотки, но и бровью не повёл.

– Люба, это Наташа. Наташа, это Люба. Приятно вам познакомиться, девочки!

Пospelова поздоровалась и робко улыбнулась новой знакомой. Та ответила оценивающим холодным взглядом. Наталья не увидела в тихоне угрозы для отношений с цыганом. А Люба, привыкшая к высокомерным девичьим разглядываниям, осталась внешне абсолютно спокойной.

– Чего глазеешь? – цыгану хотелось побыстрее избавиться от одноразовой интрижки, которая раздражала его своей надоевшей слащавой физиономией.

– Я соскучилась. Придётся ко мне сегодня?

– Не приду. Учиться надо. Можем встретиться на выходных в «Торнадо».

«Тебе надо учиться? С каких пор?! Вот жулик!» – разгневалась Пospelова, услышав откровенное враньё.

– А конкретнее можно? Я так давно тебя не видела! – девушка опять повисла на ровеснике, будто случайная капля мёда на щеке сладёны.

Ибрагимов отодрал прилипчивую кокетку и бесцеремонно отодвинул в сторону.

– Пока не скажу. Занят очень. Учусь не покладая рук.

«Враль ты редкостный, Сэро!» – ещё больше оторопела неравнодушная Люба.

Цыган ради потехи распрощался с доставучей знакомой весьма откровенным поцелуем, от лицемерия которого пострадавшая ученица 10 «А» едва сквозь землю не провалилась. Когда же Ната отошла на приличное расстояние, Люба поинтересовалась:

– Она в какой школе учится?

– В №1, в одиннадцатом классе.

– Ничего себе! Там же вся крутизна обучается!

– Глупости! С чего ты взяла? – у Сэро перед глазами проплыл убитый покосившийся домик Натальиной семьи.

– От мамы много раз слышала!

– А-а-а-а, понятно! – зевнул брюнет. – Верь своей маме побольше.

Пospelова, ничего не поняв, замолчала и подумала о дру-

гом. Поклонницы постоянно окружали Сэро в школе и давно намозолили тихоне глаза. «Одна, вторая, третья, десятая... Теперь эта Наташа! Вешаются на него, выпендриваются, из кожи вон лезут, преследуют. Со счёту сбиться можно! А со мной он чёрствый как сухарь. Видимо, стрёмная я. И слава Богу! Меньше проблем!» – размышляла Люба, проглотив горький укол обиды в самую сердцевину своей девичьей самооценки.

«Мля, неужели домашние зубрилки не интересуются ничем, кроме книжек?» – раздумывал повеса, убедившись, что стыдливая Пospelова не ревнива. А значит, не охотится за ним и в душу залезть не хочет. Брюнет опять удивился, насколько ошибся в оценке. В тихоне нет ни капли интриги. Честная и такая простая! Даже скучно становится.

- Сколько идти ещё?
- Сколько надо. Будь терпелив, мой друг!
- Хотел сказать «подруга», верно?
- Точно, подруга! Ты же девочка!
- Да неужели?!

Сэро отвернулся, чтобы скрыть довольную ухмылку. Ему нравилось задевать Любу.

Подростки топали уже час по обочине Таманской. Пospelова глазела по сторонам да удивлялась, что станица настолько огромная. «Не зря в город переименовали!» Тихоня поняла, что не любознательна и совершенно оторвана от ре-

альности.

Ребята прошли корпуса отделений городской больницы, район общежитий для нуждающихся и малоимущих (Люба раньше думала, что за больницей и общагами ничего нет), минули немало кварталов с частной собственностью. Но вот последние редкие хатёнки кончились, и дорога ушла в поля.

Вокруг – куда бы школьница ни посмотрела – колосилась высокая трава да текла асфальтом вдаль дорога. Автомобили мимо почти не проезжали. Люба начинала думать, что попала в параллельный мир после апокалипсиса, где остались на Земле лишь она да Сэро.

Небо заволокли тёмные тучи. Контраст их черноты с выбивавшимися стрелами солнечных лучей и кусками яркого лазурного неба создавали непередаваемый ландшафт.

– Красиво! – не удержалась от комментария впечатлённая Пospelова.

– Ага, – немного подумав, лениво согласился ровесник. – Смотри! Там наш пункт назначения. Мы почти на месте.

Впереди дорожное полотно поворачивало, и на этом повороте стоял щёткой густой лесной массив. Мрачный и пугающий. От темноты, непролазной поросли из веток и кустов веяло присутствием злого рока. Школьницу опять посетили мысли о кровожадных ментах и дикарях-уголовниках.

Подростки застыли у обочины и задумчиво уставились на лес.

– Может, не пойдём? – робко мяукнула Люба.

– Не-е-е, дорогая! Столько шлёпали, все кеды истоптали! Погнали, осталось дело за малым!.. Или кишка тонка? – съехидничал Сэро.

Любу задело за живое. Подумать, что она трусиха? Не дождётся.

Девушка, задрав острый подбородок, нырнула в полувысохшую поросль сорной травы да зашагала напрямик к опушке. Сэро, глядя на сверстницу, что старательно продиралась к деревьям, усмехнулся. Провокация удалась.

– Эй, ты куда?.. Что, прямо через дебри пролазить собралась?

Поспелова обернулась и непонимающе уставилась на цыгана.

– Вход там! – пояснил Ибрагимов, махнув вправо.

Вход оказался довольно широкой протоптанной дорожкой, которую когда-то посыпали ракушкой. Ребята прошли в чащу. Мир будто потух. Слышались лишь шелест деревьев да оглушительное карканье ворон.

– Как орут! – оторопело проронила тихоня.

– Вороны здесь зимуют, как и в центральном парке. Посмотри, все вершины в гнёздах!.. Предупреждаю: к упавшему воронёнку не подходи. Вороны могут за своих напасть стаяй и крепко поклевать. Даже покалечить! Глаз выколоть или лицо порвать. Череп пробить. У них клювы крепкие. Грецкие орехи на раз-два разделявают.

Люба хотела было оспорить приятеля да упрекнуть за вра-

нѐ, но, глянув в серьёзное его лицо, поняла, что он не шутит.

– На землю возле деревьев внимательно посмотри.

– Что там?.. Фу-у-у!!!.. Батюшки!

В траве прятались полуистлевшие трупы ворон.

– Почему столько дохлых птиц?!

– Специально травят. Подбрасывают корм с ядом, чтобы больно не плодились. Ну и менты, когда приезжают отдыхать, неиспользованные патроны на ворон тратят. Я тут часто гильзы нахожу.

– Значит, милиция здесь действительно тусуется?

– Весной пикники устраивает. Но не у входа, а подальше, в лесу. Этот заброшенный участок пару лет назад администрация передала под патронаж местному отделу. Рано или поздно они наведут порядок.

– То есть свидетелей и уголовников здесь не мочат?

– Ну как сказать... Очевидцем не был, утверждать не буду, – Ибрагимов загадочно улыбнулся.

– Серьёзно?

– Конечно.

– Ты же за подобное меня высмеял при Имире, выставив фантазёркой и трусихой!

– Стоп, подруга! Плюс-минус дословно цитирую: «Нас схватят менты, замучают, а потом замочат». Верно?

– Да, но...

– Ты боялась идти, потому что выдумала, будто нас поре-

шат, так?

– Да, так.

– А я сказал сейчас, что не был свидетелем, как милиция здесь уголовников казнит, верно?

– Ну да...

– Какие претензии?

– Да ну тебя! – растерялась Люба, утратив логическую нить разговора.

Сэро рассмеялся.

– Смотри, вон башня виднеется!

Деревья стали редеть. Подростки вышли к небольшой поляне с пожухлой травой по пояс. На пустынном участке маячили редкие стволы берёз с остовами гостевых деревянных домиков, почти разрушенных, разобранных мародёрами. Чуть дальше виднелись корпуса покрупнее, из кирпича.

У противоположного края поляны красовалась водонапорная башня высотой с четырёхэтажный дом, из железобетона и красных кирпичей. Сверху сооружение обшили деревом, местами отвалившимся. Почти под крышей чернели маленькие оконца, в некоторых уцелело стекло.

– Видишь на верху её два выступа? Один повыше, другой пониже?.. Это балконы. Были. Железные перила давно на металлолом спёрли. Мы там, бывает, с Коробкиным сидим и на город смотрим.

– А как вы туда забираетесь?

– Сейчас увидишь.

Школьники подошли вплотную к башне. Она сурово нависала и, казалось, недовольно гудела. Точнее, гудел ветер внутри неё.

Сэро обошёл строение по кругу. Добрался до входа, дверь в который давным-давно выломали и спёрли. Нырнул в полумрак. Девочка нерешительно потопталась снаружи, а затем прошла следом.

Башня оказалась полой внутри. Пахло плесенью, отхожим местом. На стенах маячили надписи краской. «Валя + Коля», «1983 г.» – и другие мыслительные потуги. Тихоня их разглядывать не стала. Мрачно и темно. Жуть жуткая! Впечатлений надолго хватит.

– Лестницу и бак давно распилили и спёрли на металлолом местные барыги и алкаши. Приглядишься: по кругу на стенах есть выступы железобетонных плит. К ним лестница раньше крепилась. По выступам я с Деном на балконы и взбирался. Ну что, полезли?

– Куда?!

– На балконы.

– Ты что, я боюсь!.. А вдруг упаду и что-нибудь сломаю?

– То есть оставишь себя без красивого вида на город, даже не попытавшись рискнуть?

– Это опасно!

– Ну как хочешь! Я не настаиваю. Можешь подождать внутри башни. Здесь ночующие бомжи часто ссут. Запашок чувствуешь?.. Что, не хочешь?.. Тогда снаружи в траве поси-

ди. Только в какашку чью-нибудь не влезь!

– Ну знаешь ли!!!

– Да, знаю! – Сэро запрыгнул на первый выступ, и, держась за торчавшую из стены петлю арматуры, шагнул на второй. – Выбор у тебя невелик.

Люба стояла в полной нерешительности и крутила озадаченно головой. Сидеть одной внизу – вариант не очень.

– Подожди меня!

– Чего?! – повеса оставил позади уже треть пути до балкона.

– Какой ты шустрый!

– Так если б ты не тормозила, то рядом бы была! Шевели булками, Люба!

Девочка задрала ногу и встала на первый выступ.

– Ой!..

– Сбоку, в стене, везде арматура торчит, видишь?.. Держись за неё.

– А если упаду?..

– Ты хочешь упасть? – цыган, держась одной рукой за арматуру, упёрся ногой в стену, откинулся телом назад и стал покачиваться на высоте, как обезьянка на цирковом канате.

– Нет!

– Тогда не падай.

Сэро подумал, что ему стоило страховать пугливую девочку, держась позади. Ведь он изначально так и планировал. Да ну нет! Цыган почувствовал поднявшийся клубок из

вредности и раздражения. Парень злился, но не осознавал до конца причину своих чувств. У него так и чесался язык за- деть тихоню острым словцом или поступком, съехидничать.

– Цепляйся за арматуру и переставляй ноги с порожка на порожек. Они довольно хорошо выступают, можно спокойно двумя ногами опираться. Видишь: ничего ужасного! Больше страху нагнала!.. Да, забыл: вниз не гляди, чтоб голова не закружилась.

– А если посмотрю?

– Я тогда на твои похороны приду пирожки кушать. Мне нравятся с яйцом и луком, если что!

– Какой ты злой!

– А ты любительница глупости спрашивать. Говорю же – смотри вперёд!

– У меня перед лицом только твоя спина маячит. Точнее, задница. – Люба, спохватившись, смутилась донельзя и покраснела.

– Ну так любуйся на неё: тебе же лучше! – расхохотался юноша. – А вот и балкон!

Тихоня догнала мальчика и вошла в проём. Балконную дверь тоже спёрли.

– Как высоко!

У школьницы спёрло дух. В лицо ударил порыв прохладного ветра. Он гудел вокруг тела, бил в лицо, игрался у ног, покачивал верхушки деревьев, развевал волосы, поскуливал внутри башни.

Сэро сел на край выступа, свесил ноги, застегнул куртку. Здесь, наверху, было холоднее, чем внизу. Пospelова подошла мелкими шажками, боясь посмотреть вниз. Мальчик, обернувшись, это понял и подал руку.

– Присаживайся рядом.

Перед подростками развернулся как на ладони вид на город. Разноцветные крыши домов. Здания больницы. Пятиэтажки в центре. Кроны центральных парковых деревьев, в которых прятался «Торнадо». Вдалеке маячил элеватор, а это, на секундочку, другой край станицы.

– Ух ты!!!

–Нравится?..

– Не то слово! Будто другой мир! – старшекласница задохнулась, подбирая слова для объяснения чувственной гаммы, что испытывала.

Сидя на выступе балконной плиты в заброшенной, постепенно разрушающейся башне, Пospelова ощутила, что давно не жила, не чувствовала. Что застряла в одиночестве и тоске внутри собственного внутреннего мира. Что № 27 на солидном переулке Солнечном незаметно стал её тюрьмой. Школьница, переполненная впечатлениями, вдруг чётко и ясно осознала, что очень хочет жить. Жить ярко, горячо и страстно, пылая, как свеча. Лучше прожить вот так, испытать новое, увидав прекрасное, познав неизведанное, чем всю одинокую и никому не нужную жизнь сидеть в большом несчастливом доме размеренно и неизменно одинаково.

Старшеклассники довольно долго молча глазели с высоты по сторонам в полном очаровании. По небу плыли тёмные кучерявые облака. Ветер ворошил волосы.

Первым молчание нарушил Сэро.

– Я здесь часто сижу. Когда с Деном, когда один.

– Понимаю, тут красиво! Не боишься приходить сюда?

– Зачем бояться?.. Поверь, на поляне редко кто бывает!

Когда нужно подумать хорошенько в тишине, это место – самое то.

– А как же бомжи с алкашами?

– Пустырь. Далеко от цивилизации. Украсть нечего, милостыню не у кого просить. Тусить невыгодно у башни, короче.

– Ты же мне втёр, что бродяги всё внутри зассали!

– Это запах сырой земли и плесени. Ну и готы да шестая школа сюда таскаются иногда... Думаешь, что я тебя обманул? – предугадал цыган следующую фразу приятельницы. – Зато сейчас знаешь, что могла бы упустить, пойдя на поводу у собственной трусости. Вот эту всю красоту!

Юноша широко раскинул руки и упал на спину. Пospелова осторожно легла рядом.

– Имир тоже сюда ходит?

– Редко. Он любит поезда. Брат ходит помогать отцу на ж/д. Берёт книгу, бутерброды. Как с работой управится, уходит по рельсам к лесополосе, садится и читает. Нравится ему, где поезда носятся, сидеть.

– Мне тоже поезда нравятся. – Закатила от удовольствия глаза Люба.

– Да?.. И чем же?

– Они могучие, сильные! Шумят.

– Ах-ха-ха-хах!

– Чего смеёшься?

– Мечтательница ты!

– А ты нет?

– Нет! Жить надо реальностью.

Ибрагимов снова сел и замолчал. Люба поднялась следом, но разговор продолжать не стала.

Поляна шумела от ветра. Трава колосилась, обнажая обломки железобетонных плит, скопища останков кирпичей, какие-то железяки. Девочке показалось, будто в одном месте притаилось мутное забродившее небольшое болотце. Зброшенный колодец, наверное. С лягушками, гадюками и чертями.

– Наверняка в таком уединённом месте нечисть водится, – протянула задумчиво старшеклассница, нарушив созерцательное молчание.

Юноша очнулся от дум и вопросительно уставился на собеседницу.

– Болотная и лесная нечисть, – пояснила Люба. – Болотник, черти, бесы, утонувшие покойники, водяные и лесные духи, блуждающие огоньки, стрыги...

– Что-то новенькое! – оживился Ибрагимов. – Где набра-

лась, неженка?

– В детстве славянской мифологией увлекалась.

– Ну?

– Нечисть обитает в первобытной природе. А эта поляна будто одичала. Много развалин. Вон там – болотце. Возможно, глубокое. Пустая башня. Везде остатки кирпичной кладки. Вот я и подумала, что в парке давно существует другой мир, неподвластный человеческой логике и прогрессу. И может быть опасно, потому что нежить не любит, когда вторгаются в её владения. Захочет наказать.

Сэро иронично приподнял брови, прищурил глаза, но вмешиваться в монолог соседки не стал.

– Например, наваждение наслать. Когда будем спускаться, бесёнок притворится ступенькой, ты ногу поставишь – и провалишься! Вот смотрю на поляну: трава высокая, и, если б не ветер, даже с высоты не увидела б торчащих железяк да подозрительной, явно глубокой лужи. А ведь о железки можно споткнуться, упасть и крепко разбиться. Место будто предупреждает, что чужакам не радо, и демонстрирует опасности.

– Да, согласен, железяки зачётные! Покажу их на днях Коробкину. Вдруг удастся вытащить да на металлолом сдать. Я бы и не заметил, если б не ты. Спасибо!

– Знаешь, почему я хотела увидеть водонапорную башню? – Люба хмуро взглянула на иронично настроенного парня.

Ибрагимов вопросительно наклонил голову.

– У Стивена Кинга (писатель американский) есть роман «Оно». Весьма жуткий! Имир и Паша читали, подтвердят. «Оно» – чистое зло, пришедшее на Землю из других миров. Без имени. Питается страхами. И охотится, в основном, за детьми. Чего боятся дети? Того, чего не понимают. Зброшенных мест, больных людей, смерти, клоунов...

– А клоуны причём?

– Потому что против смеха и веселья всегда кошмар и ужас. В книге клоун-людоед – один из обликов зла. «Оно» всегда заманивало людей в стоячую тухлую воду: канализация, брошенная водонапорная башня. Где нет движения, обновления, жизни. В книге героям здорово досталось именно в водонапорке: дети столкнулись с призраками и всякими кошмарами...

– Поэтому ты и заинтересовалась парком? Думала поздороваться со жмуриками и нечистью?

– Нет, конечно! То есть, не совсем... Хотела почувствовать атмосферу.

– Брошенных зон?

– Да. И, глядя на буйство природы над останками человеческого обитания, я понимаю, почему зло в книгах и даже в верованиях оказывается не земным... Есть нечисть, образовавшаяся от людей: младенцы, брошенные на голодную смерть в лесу, ожившие покойники, вурдалаки, оборотни, русалки, кикиморы... А есть нежить, у которой нет чело-

веческих корней. Так откуда она взялась на Земле тогда?.. Кинг, между прочим, многие образы и мотивы взял у Лавкрафта (я его раньше читала: в классах шестом-седьмом). Помню, одолела «Зов Ктулху» и сильно перепугалась.

– Почему?

С лица Сэро уже слетела насмешливая ирония. Люба говорила проникновенно, с поразительным убеждением, демонстрируя богатую начитанную натуру. А тишина и дикая заброшенность места, солнце, собравшееся к закату, порывы шального ветра доделали остальную работу с воображением парня. Цыган целиком включился в Любин монолог. Мурашки чувственно начали бегать по коже, зрачки замороженных глаз постепенно увеличивались. Юноша замер и обратился весь во внимание.

– Потому что в работах Лавкрафта прослеживается чёткая идея: зло прибыло на Землю задолго до появления людей. Оно умеет манипулировать большими массами, находясь в мёртвом сне в гробницах древнего города-кладбища на дне мирового океана. У зла есть имена: Ктулху, например. Это космическое древнейшее божество. Опасное и совсем не доброе. «В своей обители в Рльехе мертвый Ктулху спит в ожидании своего часа». Возможно, именно чужеродное зло и создаёт нечисть из людей на этой планете.

– Понятно. Хотя нет, не понятно! А кого ты в начале перечисляла?

– Когда?

– Когда говорила про болото: черти, потом ещё что-то...

– Болотники – покровители болот, людей стараются утопить. Блуждающие огоньки светятся в темноте, заманивают человека в трясины. Стрыги или стригои – карпатские вампиры, вылазят из могил по ночам. Карпаты – горы на границе Украины и Румынии (могу ошибаться: не сильна в географии). С Карпатами много преданий связано, особенно мистических. Граф Дракула родом из Карпат. Он румын. Читал Брэма Стокера?

– Так, знаешь что?!.. Хватит с меня страшилок! Довольно уже жути нагнала! Как можно такое читать?!

Люба неопределённо пожала плечами.

– Мне нравится. Люблю мистику и детективы. Тебя же прикалывает провоцировать милицию в парке поздно ночью, а потом, сверкая пятками, драпать. И я, заметь, не осуждаю!

– Это реальная ситуация в реальной жизни! А ты намолола полную жуть! Бессонницей случайно не страдаешь после ужастиков?

– Хорошо, больше рассказывать не буду. Извини. – Люба поняла, что много разговаривает. Ей стало неудобно за собственную болтовню.

Сэро вскочил, отряхнулся.

– Пошли быстрее отсюда! Солнце потихоньку садится. В темноте не увидим выступов и петель – тяжело спускаться будет. Да и по лесу с поляной в сумраке топтать не очень приятно.

Спускались школьники в полном молчании. Ибрагимов пошёл немного вперёд Любы для подстраховки: всё-таки на зубок знал стены, а ей осталось только повторять. Но на всякий случай впечатлившийся парень проверял каждые петлю и выступ – вдруг бесовское наваждение, мало ли.

Вернувшись после посиделок на балконе водонапорки, Люба в веранде обнаружила обувь брата – дорогие, начищенные до блеска кожаные ботинки – и незнакомые чёрные туфельки на шпильке с острым носиком.

В коридоре пахло сигаретным дымом да смесью духов, сырокопчёной колбасой, цитрусом, алкоголем. Из комнаты брата раздавались смех и приглушённое звучание зарубежной романтической мелодии.

Александр (мама называла сына Шуриком) с родителями не жил, но комнату за собой держал. Там хранились некоторые его вещи и самое святое – дорогой японский музыкальный центр. Мощный, с двумя колонками! В тяжёлом советском комод с четырьмя огромными ящиками лежали сотни кассет, сложенные в определённом порядке. А в бельевом шкафу, что был вмонтирован в проём стены, – полчища DVD-дисков.

На Солнечный №27 Шурик приезжал редко, но метко: когда хотел побыть наедине с музыкальным центром и записать сборник понравившихся хитов или когда ругался с очередной женщиной.

Женщин у брата было много. Женился Александр лет в двадцать, будучи в армии, на дочке генерала. Родился совместный ребёнок. Через четыре года совместной жизни Шурик ушёл от жены и вернулся к родителям. После сходил с то с одной дамой, то с другой и проживал на их квартире.

Брат Любы не был иждивенцем. Он имел высокий доход от собственного бизнеса, ездил на крутой иномарке, дорого одевался – в общем, был при деньгах и слыл завидным женихом. Женщины Сашу любили – из любого бара да ресторана он непременно выходил с новой спутницей. Более того, Люба у школы иногда встречала вишнёвый джип брата, в котором тот ждал окончания уроков очередной любовницы-старшеклассницы.

Если сегодня родственник привёл в отчий дом разовую интрижку, значит, он разошёлся с сожительницей и с неделю будет жить здесь, пока не появится новая. Родители не запрещали старшему сыну таскать в хату сомнительных дам для плотских утех и претензий не предъявляли.

Женщины Шурика – все до единой, будь то первая жена, сожительницы или любовницы – совершенно не нравились Александре Григорьевне, да и понравиться ни при каких условиях не могли. Мама уверенно и безапелляционно считала, что сын выбирает лишь меркантильных ленивых потаскух. Плевать, что у девушек – приличное воспитание, образование, хорошая работа, собственное жильё. Шлюхи – и точка!

Каждый раз, когда комната старшего брата оживала, Люба чувствовала себя в родном доме чужой. Мама годила сыну, потакала его желаниям, стирала одежду, готовила любимую еду и требовала такого же отношения от младшей дочери.

– Учись на брате, доченька, мужчине годить! Одежда должна быть начисто выстирана, комната убрана, а еда приготовлена та, какую мужик любит! Ты обязана работать, а не зависеть от него. Детей здоровых рожать и ничего взамен не просить. Не зарься никогда на деньги мужа! Умей угождать, ни в чём не отказывать и быть полезной! Тогда мужчина ни к кому не уйдёт и дети без отца не останутся!

Мнение, желания и чувства Любы при этом никого в доме не интересовали. Слово Шурика для матери было законом. Будто хозяином дома был не отец и даже не мать, а брат. И всё крутилось вокруг него. А Люба тушевалась, пряталась в своей комнате, в двери которой (в отличие от комнаты брата) замка не было. К дочери старшие заходили без стука, резко открывая дверь, не то что к сыну.

Ощущение движения жизни, воли и радости, что поселилось в сердце школьницы от прогулки с Сэро, стало серым и болезненно стухло. Сколько времени пройдёт – час или больше – когда тихоня, стыдясь пройти по коридору, услышит из спальни Шурика ритмичный скрип кровати и поставивания? А завтра после школы ей как всегда по требованию матери придётся убирать территорию брата от объедков да мусора после бурной, страстной ночи.

Люба прошла в гостиную, поздоровалась с родителями, смотрящими телевизор, быстро перекусила и закрылась у себя в комнате.

Сидя перед учебником и раскрытой тетрадью, девочка никак не могла взяться за уроки. Она блаженно прикрывала глаза, и воспоминания рисовали облачное небо, закат, порывы свежего ветра, вид на город и ступеньки водонапорной башни. Школьница чувствовала запах Сэро. Брюнет пах целой смесью; тихоня разделила её на ароматы свежепожаренной молодой картошки, сдобной булочки с изюмом, лавандового туалетного мыла и мускатного ореха.

Поспеловой нравилось, когда её новый приятель улыбался. Зубы ровные, белые. Губы изогнутой, чётко очерченной формы. Улыбка манящая, уверенная и нахальная. Каждый раз, когда Ибрагимов по-доброму улыбался, язвительно усмехался или заразительно смеялся, Любино сердце ёкало и бухало вниз, и девочка в смущении отворачивалась. Что-то было в пацанской улыбке одуряюще колдовское для зажатой тихони. Школьница закрывала глаза – улыбка появлялась, и ритм девичьего сердца устраивал канонаду, а душа ликовала.

Нет-нет, старшеклассница не покушалась на сердце повесы: она была настолько не уверена в себе, что даже мысль о пробной попытке постараться понравиться Сэро душилась на корню. Ибрагимов позволил тихоне с собой общаться, пригласил уже второй раз погулять, не отвернулся после её позорных откровений о семье... Люба зажмурилась от на-

хлынувшего стыда, поморщилась, сжала челюсть и, сторбившись, втянула голову в плечи.

«Чёрт дёргал за язык, когда я посвятила Сэро в мерзкую историю с мужиком, подвёзшим до школы! Опозорила себя, разболтав про мамины запреты ходить на дискотеки и общаться с парнями. А сегодня ужасиками грузила. Нафиг ему нужна эта информация? Разве идеальные девочки рассказывают подобную чушь мальчикам? Виноградова, Илютина и Рашель могут мёртвому понравиться, потому что умеют поддерживать беседу и кокетничать. Какая же я глупая и отсталая!»

Дверь в комнату со скрипом распахнулась. Люба, будто проснувшись, вернулась в реальность и уставилась на вход.

– Уроки учишь?

– Да, мамуль. Что-то нужно?

– Поговорить с тобой хотела. О нашем, о женском. Как в школе дела? – Александра Григорьевна прошла в комнату и присела на кровать.

– Всё хорошо! – Подросток насторожилась.

«О нашем, о женском» могло означать только одно: наставления да поучения по вопросам девичьей непорочной чести и достоинства, вреде отношений с парнями до брака, а ещё подозрения да попрёки в непристойном поведении – постыдные, унижительные, грубые и неприятные до слёз. Никогда беспрекословно послушная Люба не давала почвы для подобных замечаний, боясь расстроить родительницу хоть в

чём-то, но тем не менее всё равно оказывалась без вины виноватой.

«Мама узнала про Сэро? Про прогулки с ним вместо библиотеки? Что я вру? Как я была в районе школы №4? Или про сегодня? Что делать?!»

Ответ пришёл сам да именно такой, как учил находчивый Сэро: врать и выкручиваться. Школьница съёжилась на стуле и виновато, словно щенок, посмотрела на хмурую мать.

Александра, будучи в тяжёлых думах, пугливую реакцию подростка расценила как признак девичьей невинности и благопристойности.

– Миша как к тебе относится? Внимание обращает?

Тихоня, перекрестившись в мыслях, выдохнула. Крюков был сильным уважаемым хорошистом. Нет, не лидером и главным красавчиком, как Тимофей. Крюков таковым стать не стремился, да и озорным забиякой не был. Рыжеволосый и конопатый, он придерживался нейтралитета и трудолюбиво учился, чем заслужил почтение в глазах педагогов.

Александре Григорьевне нравился Михаил, и она видела дочь замужем непременно за ним. А что такого? Семья Крюковых – уважаемая и порядочная. Отец – пожарник, мать – швея, трое детей (Миша – средний), все прилично воспитаны. Дом хороший. Не такой большой, как у Поспеловых, но и не хибара. Если Миша женится на Любе, то чего ещё матери для счастья дочери надо? Он тихий, спокойный – такие мужья и нужны! Мужа надо выбирать не по любви, дабы по-

том локти кусать да в подушку плакать, а по расчёту, чтобы замужем тихо, спокойно да удобно было. Не красавца, дабы гулял потом от жены, а обычного. С лица воды не пить. Неприметно жить вместе и детей растить – тихое семейное счастье дорогого стоит!

– Хорошо относится, мам. Внимание? Обращает. Наверное.

– Наверное?

– Мы особо не сталкиваемся. И сидим на разных рядах.

– Ну и что?!.. Люба, вы в одном классе учитесь! Быка надо брать за рога! Хороших женихов быстро разбирают! Пока ты телишься, его Виноградова или эта Рашель подцепят!.. Замуж не хочешь удачно выйти?!

– Хочу. Просто... Кажется, он мне не нравится.

«Конечно, Крюков мне не нравится: он некрасивый и занудный! Я ему не нравлюсь тоже: Миша уже который год таскается за Аней Рашель. Тем более он ржёт надо мной с шуток Степанченко! Да, уверена, Крюков меня за девушку не считает, как и остальные мальчики в классе».

– Сделай, чтоб понравился! Выпендривается она! Парень порядочный, хороший, симпатичный. Или любви большой хочешь?.. Который тебе, доченька, раз повторяю: большая любовь плохо заканчивается! Сколько про свою молодость рассказывала, помнишь?.. Без ума влюбилась в самого красивого одноклассника! А он, скотина, будучи помолвленным со мной, бесстыже таскался налево! Я подушку слезами на-

сквозь промочила, долго от обиды плакала. Так же хочешь?

– Нет, мамочка, не хочу!

– Слушай родную мать! Разве я плохое посоветую? Держись от красавцев подальше, а Крюкова бери на абордаж! Проси Бортник посадить вас вместе, предлагай ему домой вдвоём ходить. Клянч, наконец, помощь с уроками (дурой притворяться выгодно). Женщине вредно быть умной. Мужики не любят, когда бабы хоть в чём-то их лучше. Чтобы не остаться в старых девах да выйти замуж, глупенькой прикинуться полезно. Поменьше говори, побольше Мишу слушай и хвали! Поняла?

– Да, мам.

– Миша светленький, как мы. Масть нашу, как говорится, не испортит. Никаких чёрных в нашем роду! От них – одни неприятности!

Люба вздрогнула и с тоской подумала о Сэро и Имире. Близнецы относились к ней лучше, чем весь «русский» класс.

– Не все чёрные плохие, – робко высказалась девочка.

– Не все, само собой! Есть единицы порядочных нацменов.

– Кто такие нацмены? – спросила тихоня значение слова, которое за пятнадцать лет здорово намозолило ей уши.

– Национальное меньшинство. Так их в СССР называли и волю не давали! Союз рухнул, и они распоясались! Едут к нам всякие армяне, турки да узбеки с казахами, рабочие

места отбирают, землю занимают... Помню, как мой родной брат (Царствие ему Небесное!) смолоду жениться на Настьке хотел! Папа её аварцем был, а мама – турчанкой. Красивой Настасья была, как икона! Волос чёрный, густой, кучерявый, глаза огромные, ресницы как крылья бабочки... Бабушка против была. Говорили всей семьёй: «Лёня, масть испортишь! Будут дети чёрные курам на смех!». Еле отговорили: не женился, слава Богу.

Люба много раз слышала эту историю. Несчастливая Настя, со слов матери, долго за дядей плакала, замуж так и не вышла, постепенно зачахла и лет в тридцать умерла. Дядя Леонид женился на русской девушке Капиталине, которую подсунула семья, – не по любви, а по требованию. Она была светленькой, как бабушке и хотелось, но всё равно любимой невесткой не стала. Прожили в браке Леонид с Капой как кошка с собакой, родили двух дочерей. Помер дядька от сердечного приступа в тридцать три года, пережив первую любовь всего на пару лет.

– Ты тоже с брюнетом встречалась, мама.

– С Юркой, что ли? – у Григорьевны от воспоминаний смягчилось лицо и нежно закатились глаза. Она любила пересказывать дочери события бурной молодости по много раз. – Отец его табасаранских кровей. Да, Юра чёрный был, красивый! Невысокий. Я специально каблучки одевала, чтоб выше быть. Мне так хотелось позлить его, только он не злился совсем. Нравилась я ему!

– А он тебе?

– Ну, он мне... – Товарный кассир вздохнула. – Как сказать...

– Как есть.

Женщина, медленно подбирая слова, заговорила.

– Юра умный был, перспективный, чернявый и красивый, как царь! Все девки хотели Юру заполучить, но он ухаживал только за мной. Жениться мечтал. А я дурачилась! Мать ругала, что чёрный он, но кто её слушал?

Товарный кассир замолчала.

– Юрочка должен был предложение сделать, но опоздал на поезд. А я, королева, разозлилась и отомстила! В тот вечер Василь (на ж/д работали вместе; давно приглянулась я ему, только он мне не по сердцу был) подошёл и говорит: «Поженимся?». Я с психу согласилась. Не явился в срок – выйду за другого!

Комнату проглотила давящая тишина.

– Через пару дней Юра вернулся, а я помолвлена... Он так плакал, так плакал!

– Ты могла разорвать обещание папе! Почему не сделала?

– Вредная и капризная была, – неопределённо дёрнула плечами женщина. – Сама переживала очень, но видела мучения Юры и злорадствовала: «Вот тебе! Будешь знать, как на поезд опаздывать!». Юра и с Василём разговаривал. Отец сказал, что не держит меня, пусть сама решает. Вот я и решила, что раз слово дала, то забирать назад нечего.

– Не жалела потом? – Люба с сочувствием глядела на мать, что погрузилась в грустные воспоминания, склонив низко печальную голову с короткой перманентной стрижкой.

– Жалела! Тосковала! И Юра тосковал. Потом женился один раз, второй. Всё неудачно. Я Шурика родила. Дом строить начали. Прошое, ничего не вернуть! Да и не надо. Вон мы с Василём, что, плохо живём?.. Душа в душу! Шурика вырастили! Осталось тебе ума дать.

Люба смущённо улыбнулась.

– Надеюсь, ты с парнями лишнего в школе не позволяешь? Родителей не позоришь?

Перемена темы была настолько неожиданной, что у Любы от удивления вылезли из орбит глаза.

– Нет! – ошарашенно выдавила десятиклассница.

– Смотрю, щёки розовые, пылают. Лицо округлилось, будто отёчное. Влюбилась? Или с кем на ветру обнималась-целовалась? Не беременна часом? – Александра смотрела на подростка грозно, строго, не принимающим никаких «но» взором. А перед глазами у женщины стояли близнецы – сыновья Алмаза. Особенно бесстыжий нахал с разбойничьей улыбкой.

Люба боязливо подогнула под стул ноги и, сгорбившись, вжалась в сиденье, пытаясь испариться вон.

– Только опозорь! Принеси попробуй в подоле! Я за срам перед порядочными людьми тебе на одну ногу встану, а другую – оторву!

Ох сколько раз девочка слышала за прожитые годы эту фразу! Григорьевна произносила её всегда непримиримо, жутко, враждебно. Так и звенело между слов: «Убью без суда и следствия, помилования не будет!» Десятиклассница фатально верила в намерения родительницы, поэтому мальчиков остерегалась как огня.

– Нет, мама! Я не беременна и ни с кем не целуюсь! – трусливо оправдывалась школьница, чувствуя абсолютную вину за то, что позволила усомниться в своём целомудрии.

– Дочь, платье берегут снову, а честь смолоду! Народная мудрость проверена не одним поколением! Подальше держись от нацменов! Они на русских никогда не женятся, только пользуются, позорят и брюхатят! Много чёрных в старших классах?

– Армяне, вроде, есть. Мальчики и девочки.

– Кучей своей собираются небось?!

– Нет, со всеми общаются. Армяне открытые, компанейские. С ними все дружат!

– Только проститутки с ними якшаются! А цыганских парней много?

Григорьевну волновало одно: знакомо ли её дитя с Алмазовыми пострелами. Но Люба интуитивно, не зная о стычке матери и Сэро в товарной кассе, сообразила, как надо ответить.

– Не замечала, мам! Ни одного не знаю.

Тихоня состроила честнейшее лицо.

– Ну и слава Богу! – Александра радостно выдохнула и облегчённо взмахнула рукой.

В коридоре грохнула дверь спальни брата. Раздался женский смех. Потом дверь ещё раз хлопнула, и всё утихло.

Проводив Пospelову, Сэро встретился с Коробкиным, который поджидал друга на железобетонных ступеньках у берега реки. Оба парня до самой ночи сидели у водной глади, покрытой ряской, курили да вели разговоры о своём, о пацанском.

Денис опять поругался с Леной. Она на днях узнала про очередную его интрижку из параллельного класса и подралась с соперницей до крови и крепких синяков прямо в школьном коридоре. Сегодня как раз их всех с родителями к директору вызывали. Приятного было мало.

– Чтoб леший эту тупую корову побрал! – ругался Денис. – Какого ей надо постоянно драться?! Ну узнала и узнала, дальше что?

– Бросил бы ты её и жил своей жизнью, – решил дать совет Сэро, слушавший возмущения приятеля вполуха.

Денис бросал Лену за вспыльчивость и назойливость. Лена бросала Дениса, проклиная за неверность и обиженно причитая. Расставания обоим школьникам хватало на пару – тройку недель. Затем Лена возвращалась, кокетничала и заигрывала. Не теряя времени даром, Денис просил прощения за своё поведение. Девочка тоже извинялась и обещала

больше не истерить. Порочный круг из подарков, поцелуев, любви да нежностей, а потом новая интрижка – новая истеричная драка, порой даже между ними обоими.

– Новую тёлку уламывать долго придётся, – подумав, возразил Коробкин.

– Да уж как-нибудь уломаешь! – съехидничал цыган. – Озабоченный придурок, блин! На черта тебе безмозглая Ленка?! Дура тебе даже не нравится!.. Ой, только не надо прикидываться валенком! Нахрен мартышка не сдалась, не заливай! Чисто как собачку комнатную держишь, лишь бы рядом болталась.

– Я к ней хорошо отношусь! – попытался оправдаться шатен. – На днях денег дал на шмотки и в рестик в центре несколько раз водил. Всё заработанное потратил!

Коробкин подрабатывал в автомастерской дяди. Парень хорошо разбирался в ремонте машин, техники, умудрился даже починить старый отцовский мотоцикл, бесхозно валявшийся в сарае (папаша да старший брат уже восемь лет сидели в тюрьме).

– Нахрена этой курице хорошее отношение?!.. Ленка раскатала губу, что твоё тулово будет у неё на поводке. А ты постоянно выставляешь её дешёвкой, таскаясь за каждой упругой задницей и смазливой рожей!

– А что такого?!.. Я женился? Нет!.. Гуляю, с кем хочу и где хочу!

– Так и обозначь дуре! Свободные отношения.

– Говорил! Она визжала как резаная: я не дырка на одну ночь!

Сэро, не удержавшись, расхохотался.

– Придурки вы оба!

– Кто бы говорил! – огрызнулся шатен. – Играешься с кра-
лями, потом кидаешь!

– Не кидаю, а расстаюсь за ненадобностью, – деловито па-
рировал цыган. – Я ни с кем не обозначаю себя в паре и
встречаться не предлагаю. У меня нет девушки.

Старшеклассники недовольно покосились друг на друга.
Денис задумался, прикусив губу.

Было в их дружбе что-то нездоровое. Неправильное.
Неправильной была манера обоих парней пускать девушек
по кругу. Друг от друга – и обратно. Денис мог познакомиться
с дамой, но шуры-муры с ней заводил Сэро. А бывало,
цыган приводил в компанию подружку, а забирал её Денис. В
душе Коробкин чувствовал себя хуже Ибрагимова: не таким
обаятельным, не настолько привлекательным – и злился. В
отместку шатену хотелось отбить у самоуверенного цыгана
подругу. Но не ту, что легка на помине. А такую, на которую
брюнету будет совсем не всё равно. И когда эта девушка уй-
дёт к Денису, цыгану станет очень больно. Обидно до слёз и
неконтролируемого желания кого-нибудь убить.

Коробкин знал, что Ленка вздыхает по Сэро. Парень под-
метил это давно, когда впервые привёл в компанию одно-
классницу, чтобы познакомиться с друзьями. Тогда сверстни-

да раскисла от близнецов и напрочь забыла о нём. Сначала она попыталась соблазнить Имира, но умнику понравиться – неисполнимая задача. Имир холоден и на чары девушек не падок. А Сэро... Цыган повода никогда не давал, но как же, блин, Ленка украдкой пожирает его глазами!

Денис, почувствовав прилив ярости, сжал кулаки. Сэро заметил и напрягся.

– Ты чего?..

– Да так! Вспомнил, как отца с братом судили.

Давно стемнело. Зажёгся неподалёку от подростков фонарь. Мимо прошаркала запоздалая тётка с авоськами. Денис вытащил пачку сигарет, угостил цыгана. Парни прикурили и затянулись.

– Имир не курит, – зачем-то упомянул Коробкин известный факт.

– Ну да. Ты это к чему?

– Да так, к слову! Ты тоже, вижу, не в привычке.

– Хочу – курю. Не хочу – не курю. Поговорить больше не о чем?

– А Люба курит?..

– Кто? – Сэро оторопел.

– Люба. Девочка, которую ты к хате Пахана приводил. Дымит?

– Нет, не про неё.

– Оно и видно! Приличная. В «Торнадо» ни разу не видел. И в других местах – тоже. Домашняя мышка? Хорошо

учится и маме не перечит?

Сэрро не ответил. Денис внимательно посмотрел на него и рассмеялся.

– Впервые тебя в компании с такой вижу. Не твоё совсем!
Ибрагимов затаился и выпустил струйку дыма.

– Чего молчишь?!.. Где откопал принцессу?

– Тебе какое до неё дело?!

– Зачем грубишь?!.. Я просто спросил! Ответить западло?

Цыган закатил глаза, будто устал отмахиваться от надоедливой мухи.

– Она из параллельного класса. Он считается типа отборным.

– «А» что ли?

– Да. У нас был совместный урок химии. Проверочная. Просил списать. Люба не дала. Я позже наехал, чтоб неповадно было.

– Обидел?

– Нет. Не особо старался.

– Да ну?!.. Ты – и не постарался! – Ден озорно пихнул приятеля.

– Отвали, мля!

– Отвалил уже. Дальше что было?

– Потом мне стало стыдно. Подошёл извиниться. Так и познакомились.

Коробкин загоготал будто умалишённый.

– Чё ржёшь как конь?!

– Не могу вкурить! Головой, братан, ударился?!.. Подобное поведение – вообще не про тебя!

Сэро почувствовал себя неудобно. Слабым. Дену карты в руки давать нельзя.

– Видишь, я для тебя раскрылся неожиданно с другой стороны. Оказалось, Имир её знал – наши родители знакомы. Вот я и попёрся играть в дипломатию, пока от бати пилюлей не отгрёб.

– А-а-а-а, теперь понятно! Она хорошенькая, эта Люба: сиськи, жопа – всё в зачёте! Сочная! Я уж думал, ты влюбился!

– Фу-у-у! Нет уж!.. Она чересчур заумная и правильная. И холодная, как бревно.

– Ну ты и ляпнул!

– Мне всё равно, как я ляпнул. Она чисто для потехи. Чтоб под ухом что-то жужжало. Так сказать, нестандартное баловство.

– А Имир что?

– Хорошо относится. Люба ему нравится. Чисто как человек.

– Ясно всё с тобой! Ну и ладно – компашку нашу разрядит. На дискотеку в субботу её приводит.

– Она не ходит на танцы.

– Так пусть придёт уже!

– Не придёт. Родаки не пускают.

– Ещё бы! Такой пирожочек!

– Слушай, какой ты всё же озабоченный! – разозлился цыган. – Сказали олуху: её не пускают! Чего надо?!

– Э-э-э! Охолонь, братэлло! Не нервничай! Я пошутил, вкуриваешь?.. Просто так приводи её к нам тусить. Никто не желает этой Любе зла! Сказал лишь, что симпатичная. Тебе ведь девка не интересна, вот я и полюбопытствовал!

Коробкин понял, что нащупал болевую точку. Сэро так раньше не реагировал. Парни вдвоём обсуждали сальности, клеили девок, страховали друг друга. Прежний Ибрагимов с зазнобами расставался легко и равнодушно. А тут как-то неожиданно.

«Ну и хорошо! Подумаешь, тихоня. Завалить проще простого! Не умеешь ты, Сэро, порядочных домашних мышек уговаривать!» – затянувшись с наслаждением никотином, усмехнулся Денис.

Повеса вернулся домой около полуночи. Многие на улице уже отдыхали – свет в окнах мало где горел. Мальчик осторожно зашёл во двор, боясь потревожить сон своих.

Смазанная калитка лишь слегка щёлкнула. Собака учуяла хозяина, загремела цепью да завиляла хвостом. Парень почесал мохнатого сторожилу за ухом и подошёл к входной двери. Не заперта. Значит, родители не ложились ещё.

Точно, на кухне горел свет. Мальчик, разувшись, тихо прошёл туда.

– Привет. Не спите?

Отец, сидевший за столом, отвлёкся от чтения книги и снял очки.

– Ну привет, красавец! Нагулялся?.. Несколько дней родного не вижу! Улица совсем сманила!

Лала разделявала свежезарубленную утку. Цыганка по-доброму улыбнулась и с любовью посмотрела на сына.

– Помочь, мам?

– Зачем?.. Почти закончила. Осталось на части поделить. Отец порежет, и в кровать пойдём... Рада тебя видеть! Купайся да спать ложись.

– Имир спит?

– С улицы основной свет горел?

– Вроде, нет. Не обратил внимания.

– Ну, значит, или спит, или книгу читает под светильником.

– Как в школе успехи? – со скупой улыбкой поинтересовался Алмаз, внимательно глядя на отпрыска. – Если не спросить, постесняешься в известность поставить.

– Все хорошо, дадо. Знаешь же, я не ходок учиться. Ума Боженька не дал, – слукавил хитрый мальчишка. – По части учёбы лучше к Имиру.

– С Имиром давно всё понятно. Пытливый к знаниям уродился! – отец иронично хмыкнул. – А ты сменил вектор по *другой* науке. Вконец загулял, прям как в шестом классе.

– Ладно, спокойной ночи! – решительно свернув неудоб-

ный разговор, подросток подошёл к матери, обнял, поцеловал в щёку, затем приветливо кивнул отцу и развернулся было к выходу.

– Да, Сэро! Спросить у тебя хотел кое-что! – заявил напоследок Алмаз.

– Что? – нахмурившись, поинтересовался старшеклассник. – Спрашивай!

– Молодец, что яблоки на станцию отнёс.

– Ты уже нас благодарил, спасибо. Это ж неделю назад было! Или даже больше...

– Вот я и решил *лично тебя* ещё раз похвалить!

Повеса насторожился. Батя лишнее слово не обронит. Нехорошо.

– Девочки тебя в школе любят, знаю. И не только в школе!

– Конечно, знаешь! – засмеявшись, вставила мать. – Сам таким в молодости был!

– Помолчи, Лала, у нас мужской разговор, – сухо оборвал жену Алмаз.

Молодая цыганка тут же насторожилась и с тревогой уставилась на сына.

– Я, Сэро, выяснить хочу – ты девушек, надеюсь, не обижаешь?

– К чему эти вопросы?

– К тому, что надо. Отвечай! Ни мне, ни матери дурные новости снова вдогонку не нужны!

– Не обижаю! – разозлившись, юноша попытался дога-

даться, откуда ветер дует.

– Точно?

– Да! Лучше прямо говори, в чём дело, а не гоняй кругами!

Пристальный взгляд старшего цыгана спокойно буравил красивое лицо подростка. Сэро, чувствуя раздражение, смело уставился на родителя в ответ, рассчитывая понять причину странного диалога.

Ибрагимовы любили своих детей и позволяли им жить да расти так, как хочется. Но слово Алмаза в доме было законом. И сохрани Боже расстроить главу семьи! Сэро, разгульный хулиган, хоть и любил да почитал родителей, но давно умудрился выйти из-под их контроля. Только отца пока остерегался.

– О чём речь, Алмаз?.. Что случилось?! – не удержалась встревоженная мать, помня о былых подвигах своего безбашенного ребёнка.

Глава семьи не шелохнулся.

– Последний раз повторю вопрос. Девочек из десятых классов в школе не обижаешь?

Повеса хитро усмехнулся. «Яблоки. Десятые классы... Ха! Не дождётесь!»

Сделав наичестнейшее лицо, парень самоуверенно посмотрел на отца.

– Дадо, заверяю: даже и не думал никого обижать! – талантливо изобразил непонимание он.

Бывалый родитель сделал вид, что не заметил актёрской игры находчивого отпрыска.

– Рад, сын! Веди себя с девочками прилично. Особенно с тихими и домашними. Спокойной ночи!

– И вам не хворать! – Сэро, слегка поклонившись, развернулся и пошёл в свою комнату.

Имир, укрывшись одеялом, читал книгу под лучами светильника.

– Ты отцу рассказал о Любе? – едва закрыв дверь, резко задал вопрос близнец.

– Нет. Зачем? – Имир непонимающе уставился на него.

– Так и думал! Чёрт побери, ну что за придурочная машина!

Глава 9.

– Уверена, что это хорошая идея?! – прокричала Аня в ухо подруге сквозь рёв музыки.

– Конечно! У меня все идеи хорошие! – насмешливо ответила Камилла, низко наклонившись к Рашель. – Сегодня даже второй пришёл, а я его здесь редко вижу!

Имир и Сэро, окружённые весёлой нетрезвой толпой, не догадывались, что стали предметом волнений для двух закадычных подруг. Парни непринуждённо переговаривались, кайфуя от диско-тусовки в приятный субботний вечер.

Ещё утром старшекласники подводили итоги первой четверти и убирали классные кабинеты, а вечером уже всю гуляли. Зимний закрытый танцпол «Торнадо» был переполнен. Настроение в помещении витало особое: осенние каникулы дарили целую неделю свободы от школы! Чувствовались в ребятах, пришедших покуражиться, жажда удовольствия и радость отдыха.

Анютка бы ни за что не полезла кадрить понравившегося мальчика в большую незнакомую кучу, состоявшую к тому же сплошняком из парней. Но самоуверенную Виноградову не остановить: девочка, продравшись через танцующие тела, уверенно нырнула в чужую пацанскую компанию и подскочила вплотную к братьям. Сэро отвлёкся от трёпа и вопросительно уставился на брюнетку.

– Привет, как дела? – Камилла кокетливо улыбнулась цыгану, не забывая приветливо поглядывать по сторонам.

– Привет, Камилла! – дежурно ответил Ибрагимов. – Отдыхаешь? Одна?

– С подругой Аней! Ты её знаешь.

– С Рашель?.. Ну да, знаю! – кивнул повеса и, потеряв интерес, отвернулся к своей тусовке.

– Я подошла с предложением! – быстро отчеканила красавица. – За тобой должок, помнишь?

– Ну? – усмехнулся Сэро, лукаво сощутив чёрные глаза. – Говори!

– И ты не должен отказать!

– Ах-ха-ха!.. Как скажешь! Но первый и последний раз, Камилла! – поставил своё условие старшекласник.

– Все медляки, которые будут ставить сегодня, – мои! Хочу, чтобы ты танцевал со мной. Только со мной! – уверенно выдала наглая брюнетка, глядя на ровесника в упор.

Виноградова и Ибрагимов переговаривались, наклоняясь к ушам друг друга из-за рёва вокруг, нечаянно соприкасаясь лицами, что создавало лёгкую эротическую интригу.

Сэро, услышав требование, посмотрел нахалке в глаза и, высоко оценив её смелость, одобрительное усмехнулся:

– Как скажешь! Так и быть, сегодня отработаю и учту на будущее!

Камилла, довольная, заулыбалась:

– Буду ждать с нетерпением следующего медляка, Сэро!..

А пока оставлю вас, мальчики! Подруга ждёт.

Наслаждаясь произведённым эффектом, бойкая старшеклассница, не оборачиваясь, ушла прочь, растворившись в скачущей толпе.

– Получилось?! – спросила переживавшая Рашель, когда подружка вернулась.

– Естественно! – самоуверенно заявила та. – Когда Ибрагимовы пойдут на улицу, мы незаметно выйдем следом типа по делам, а сами незаметно присоединимся к их компашке! Надо со всеми из их тусы познакомиться! Из какой школы вон те пацанчики?

– Не знаю! Из четвёртой, наверное... Слушай, это не будет слишком навязчиво? – встревожилась осмотрительная Рашель.

Камилла, презрительно фыркнув с неуместной в сердечных делах осторожности, насмешливо уставилась на подружку.

Когда Рашель пришла учиться в их шестой класс, мальчишки на ней помешались. Белобрысая Аня нравилась абсолютно всем и не прилагала для этого никаких усилий. Одноклассники предлагали ей встречаться, а некоторые – по несколько раз. Обаятельный и всеми желанный Тимон вообще провозгласил её самой красивой, постоянно говорил комплименты и заигрывал. За Рашель ухаживали парни из параллельных и одиннадцатых классов, в том числе и самые популярные в школе. Аня никогда не знакомилась первой и

никому ничего не предлагала – с ней знакомились и ей предлагали.

Камилла была другой. По-своему обаятельной и харизматичной. Яркой и уверенной. Не менее популярной. Но Виноградова никогда не ждала: она сама брала быка за рога. Сэро ей нравился, и неудивительно: наглый, красивый и азартный – подростки были в чём-то похожи. Устав после спаренной химии ходить загадочными кругами подле повесы и его приятелей, ретивая брюнетка решила впредь не тянуть kota за хвост и сама сделала первый шаг на сближение.

Рашель симпатизировала Ибрагимовым, но преимущество расчётливо отдавала Имиру. Чуткая блондинка видела в умнике опору и перспективу. Отличник явно понимал, чего хочет от мира и как к желаемому прийти. Но толковый, подающий большие надежды Имир, к разочарованию местных кокеток, по сторонам не смотрел, а поклонниц держал на дистанции.

Сэро тоже восхищал юную прелестную Аню, но заодно и пугал. Осторожная девочка инстинктивно чуяла в повесе охотника за головами и понимала, что битый нахал непременно сломает и использует. Просто пококетничать и поиграть с опасным ровесником, держась на расстоянии, не получится. Поэтому Аню смущала пробивная деятельность самоуверенной подруги в сторону безбашенного цыгана.

Близнецы были вкусной изюминкой любой толпы – что в школе, что за её пределами. Можно, конечно, за ними пово-

лочиться заодно с раззадоренной Виноградовой, но Аня не на шутку переживала, что жеманные игры в малознакомой пацанской толкучке могут кончиться нехорошо. Блондинка припомнила, что видела в баре Варю с Дашей и Тимона, да решила непременно с одноклассниками состыковаться для поддержки. Мало ли!

– Останешься до закрытия или уйдёшь с Паханом? – Сэро, выйдя с компанией на свежий воздух, затянулся никотином. Фонари заливали жёлтым светом уличную темноту, выхватывая из мрака фигуры гуляк.

– Ещё не решил, – признался Имир, внимательно и аккуратно оглядывая людей по сторонам.

– Девочку не хочешь подцепить? – невинно поинтересовался брат, хитро прищурившись.

– Замечательное предложение! От тебя другого и не ожидал! – рассмеявшись, парировал близнец. – Только та категория дам, которая по вкусу тебе, не по душе мне. Перебыюсь.

– Ну да! – поддакнул рассеянно повеса. – Будут девки время твоё драгоценное тратить!

– Время – деньги. А между девками и девушками разница есть. Тема закрыта! – обрезал Имир, затем оглянулся: – Любина одноклассница вышла за нами следом. Скоро к тебе подойдёт под идиотским предлогом. Медленными танцами не отделаешься, брат. Ещё пойдёшь Камилле навстречу – не заметишь, как женатым окажешься. Эх, люблю свадьбы!

– Не дождёшься, – нахмурился Сэро. – Я, по-твоему, на лоха походить стал?

– Нет, не стал, – спокойно ответил отличник. – Но и цыпа не лыком шита.

К братьям подошли Коробкин с Леной. Парочка буквально прилипла друг к другу, оба сладострастные и довольные. Сэро криво усмехнулся: надолго ли?

– Приветики, красивые! – глупая улыбка натянулась на лице взбалмошной Лены от уха до уха.

– Привет, – вежливо отозвался Имир да пожал руку Денису. – Давно тебя не видел! Как жизнь?

– С маман в тюрягу ездили. Весь день в вонючем автобусе проколбасились, – сурово выдал шатен. – Тюрьма стоит, родня сидит. Живут в клетке потихонечку.

Отличник понимающе кивнул. Денис не был хорошим другом Имира. Парни, скорее, по-приятельски общались и не более. Но чуткий на чужое горе цыган понимал, каково на душе Коробкину. Каково мальчишке с гадкой семейной славой в школе и в городе, среди знакомых и родственников. Ден был сильным человеком и боль никому не показывал, но отличник видел, как ему тяжело, и искренне сочувствовал. Шатен в Имире это ценил.

Сэро не разделял сочувствия, что сдержанно проявлял брат к судьбе Дениса. Былого не воротишь. И семью с прошлым из жизни не выкинешь. Надо жить с пятном дальше, без оглядки назад.

Ибрагимов задумчиво отвернулся и неожиданно столкнулся взглядом с Наташей, оказавшейся в паре метров от него в компании нескольких стрёмных подружек. Бывшая любовница, словив удачный момент, тут же призывно улыбнулась.

«Ядрёна мать! Сегодня вечер преследований?!.. И давно тут торчишь да пялишься?!» – разозлился Сэро, сухо кивнул в ответ на открытую улыбку девушки и равнодушно отвернулся.

Наташе это совсем не понравилось. Она бросила бычок в сторону и направилась напрямиком к цыгану. Наплевать, что рядом стоит этот Денис и его курица.

Девушка подошла к Ибрагимову со спины и, грубо схватив за локоть, силой развернула к себе.

– Не рад меня видеть, смотрю?!

Повеса не успел сообразить, что ответить, как подпрыгнула Ленка.

– Чего надо, шалава?!..

– Отвали! – отмахнулась Наталья.

– Отвали?! – Ленка угрожающе двинулась к рыжей. – Ты лапала моего парня, теперь подкатываешь к моему другу?!.. Я тебе мало волос повыдирала?.. Ещё по морде хочешь?!

– Следить за своим парнем надо было! Не особо ему нужна, раз сам к другим клеится! И храбрость свою в жопу себе засунь! Твоими ударами только детишек щекотать!

– Остынь, э?.. И за языком следи! – включился Коробкин.

– Так, стоп! Остыньте обе! – рывкнул Сэро, сообразивший, что вот-вот будет драка, решив взять дело в свои руки. – Наташа подошла ко мне, Лена! Я с ней и должен разговаривать.

– И какого чёрта она к тебе подходит?!

– А какого чёрта тебя это волнует?! – парировал старшеклассник. – Кто ко мне подходит, тебя не касается!

Лена, обиженно закусив губу, замолкла и сдулась. Имир, саркастично поглядывая на происходящее, молча наблюдал.

Цыган повернулся к Наталье.

– Что хотела?

– Поздороваться. – После нападок Лены пыл девушки по-утих.

– Тогда привет! – улыбнулся парень. – Пора бы тебе со всеми познакомиться, как считаешь?

Ната, огорошенная предложением, неопределённо пожала плечами.

– Это мой брат Имир.

Девушка подавила изумление. Мало ей собственной одержимости красивым брюнетом, ещё, оказывается, и второй есть! Гулять с цыганом, не страдающим ни стеснением, ни предрассудками, ни комплексами, Нате понравилось. Хорошо было обоим, и равных нахалу у неё ещё не было.

Имир поздоровался, холодно и свысока оглядел ровесницу. Наташа смекнула, в чём братья не похожи. Близнец – юноша гордый, требовательный и разборчивый.

– Это Денис. Вы знакомы. Правда, неудачно! Поэтому второй шанс, – весело подмигнул Сэро.

Коробкин неловко усмехнулся, слегка смутился, но приветствие отвесил.

– Ну и напоследок наша Лена – девушка Дениса! Знакомьтесь...

– Не буду я с шалавой знакомиться! – взвизгнула Ленка. – Лучше уйду домой, чем со шмарой в одной компании тусить буду!

– Уходи, никто тебя здесь не держит, – спокойно среагировал Ибрагимов.

Лена, не веря своим ушам, уставилась на него. Потом – на Дениса.

– А ты чего молчишь?!

– А зачем мне возмущаться?!.. Было и было, – лениво ответил тот, а затем обратился к другу: – Значит, Ната – теперь твоя девушка?

– Нет, мы не встречаемся, – отрезал цыган. – Но близко познакомиться уже успели. Можешь считать нас просто приятелями.

Наталья, не успев обрадоваться, махом стухла. Коробкин, видя её реакцию на ответ Ибрагимова, с удовольствием позлорадствовал: «Так тебе и надо! Уверен, спала с ним! Думала, что твой теперь?.. Ага, шас! Проще зайца научить курить, чем Сэро обязать».

– Все знакомы, отлично! – оглядывая ребят, весело поды-

тожил цыган. – Идём танцевать!

Едва все зашли внутрь, как диджей объявил медленный танец. Ибрагимов, помня про обещание, подошёл к Камилле и пригласил её.

Девушка прижалась к цыгану, обвила его шею руками. Он бережно взял её за талию. От Виноградовой несло чём-то фруктово-сладким.

– Хорошие духи! – произнёс похвалу юноша на ушко партнёрше. – Мне нравится их запах.

– Спасибо! – оценила комплимент красавица и не осталась в долгу. – Ты тоже вкусно пахнешь!

– Нравится запах сигарет? – пошутил Сэро.

– Нравится запах клёвых, симпатичных парней, – нежно прошептала ему на ухо Камилла, а потом загадочно заглянула в умные чёрные глаза.

«Да-а-а, далеко пойдёшь, крошка!» – усмехнувшись, заметил брюнет. Ему понравился ответ ровесницы. Настолько пробивных девиц цыгану встречать ещё не приходилось.

Наталья стояла одна, никем не приглашённая, смотрела на находчивую Камиллу, прильнувшую к Сэро, и злилась: «Я разве дешёвка какая-то? Почему не позвал *меня* танцевать? Думаешь, один такой на всём свете? Или у меня поклонников мало? Быстро замену найду!». Тщетно пытаюсь вернуть себе уверенность, отвергнутая девушка была готова расплакаться.

Рядом топталась недовольная Лена. Денис ни в какую не захотел танцевать и попёрся опять курить на улицу с другими парнями. Только не шатен был причиной её глубокой досады. Ибрагимов после спонтанной близости на обочине игнорировал её напрочь. И это обижало девочку. Да, она обещала ничего взамен не просить. Да, красавчик соизволил подпустить её к себе. И что, по итогу, вышло? А вышло, что теперь Ленка для повесы – пустое место. Зачем так жестоко?.. Оказывается, Сэро втихомолку тусил с рыжей курвой, а сейчас танцует с какой-то облезлой мочалкой. Девки вешаются на цыгана, а он плевать хотел. Меняет подруг, как носки!

Лена болезненно сжалась, подняла грустный взгляд на Наташу – и увидела похожую гамму чувств. Нащупав в бывшей сопернице общую проблему, девушка неожиданно решила объединиться.

– Чё мы у стенки трёмся, как целки бракованные?! – толкнула шатенка плечом горемычную соседку. – Пошли покурим?.. Вдвоём, чисто женской компанией!

Наталья, подумав, кивнула, и девчонки пошли к выходу. Бывшая вражда начала превращаться во взаимно выгодную дружбу.

– Отлично выглядишь! Впрочем, как всегда. Я от тебя тащусь, – елеино шептал Тимон на ушко Ане, обнимая её нежно за талию.

Застеснявшись, блондинка захихикала и уткнулась напудренным аккуратненьким носиком в надушенный свитер одноклассника.

– Правда, что тебе Крюков опять встречаться предложил?

– Ага.

– В который уже раз. Снова отказала?

– Да.

– Злючка! – засмеялся Степанченко. – Бедный Крюков!

Рашель горделиво фыркнула.

– Неужели наш пай-мальчик Миша тебе так не нравится?

– Он мне просто друг.

– А я тебе тоже просто друг? – томно произнёс Тимон, нагло посмотрев в голубые большие глаза. Аня смутилась.

– Чуть больше, чем друг...

– Тогда ты просто обязана со мной встречаться, – мальчик потянулся к Аниным губам и поцеловал. Рашель ответила взаимностью.

– Я подумаю, хорошо? – облизав после поцелуя губы, девушка снова спрятала своё лицо в свитер шатена.

– Хорошо. Буду ждать, – дежурно ответил парень.

Степанченко не был влюблён в Рашель и не собирался с ней строить отношения. Ему попросту нравилась игра, которую за ним повторяли, словно одержимые, неуверенные одноклассники: «Предложи встречаться Ане». Если Рашель согласится быть его девушкой, то пацаны как в 10 «А», так и во всей школе удавятся от зависти.

Рашель не собиралась встречаться с Тимофеем, хотя ей льстили его ухаживания. Тимон публично провозгласил её самой красивой, регулярно потчевал комплиментами. Девочке нравилось быть желанной всеми, но ничьей. Аня хотела себе в пары достойную партию – юношу перспективного и надёжного, из порядочной семьи. Такого, как её папа. И Тимон под эти критерии не подходил.

Медляк закончился. Тим решил угостить Рашель коктейлем. У стойки бара сидела и развязно хохотала беспечная транжира Илютина, окружённая недолговечными приятелями, скорыми на халяву. Варвара порядком опьянела и не следила ни за манерами, ни за языком.

– Опа, смотрите, кто идёт! Любовная парочка! Потраха-лись, да?

– Варя!!! – покраснела Рашель, прячась от насмешливых взглядов окружающих. – Прекрати!

– Чё ты мелешь, Илютина?!.. Вали домой протрезвей! – грубо отвесил сдачи Степанченко. – Эй, бармен, налей малолетке кефира!

– Себе налей, придурок! – захохотала распоясавшаяся школьница. – Упустил Виноградову! Она Ибрагимова клеит!

– Или он её, – равнодушно бросил Тимон. – Кто кого. Хоть бы все зубы об него не обломала.

– Бесись молча, Тим! Прошлёпал своё, лох ушастый!.. Красивая пара, пипец! Вся школа на Камилку и Сэро будет

плялиться, вздыхать и завидовать!

– Курва облезлая! С чего решила, что эти двое встречаются?

– Тимоша, ты даун или ослеп?! Парочка третий медляк танцует!

– И что?!.. Может, цыган ей проспорил? – спесиво приснул одноклассник.

– Э-э-э-э, нет!.. Когда выйдем с каникул, нас ждут большие перемены! В школе на одну сладкую «Твикс» станет больше!

Последнюю реплику Варвара театрально проорала, потянувшись на барном стуле, но, не удержав равновесия, грохнулась вниз. Сидевшие рядом люди с насмешкой и презрением глазели на пьяную школьницу, барахтавшуюся на полу.

Степанченко подхватил одноклассницу под руку и помог подняться. Та по-дружески чмокнула его в щёку и, шатаясь, побрела прочь.

– Что Сэро в этой мочалке нашёл? – закинула удочку Лена, покосившись на Наталью.

Рыжая, поморщившись, отвернулась. Ровесница усекла, что задела за больное.

Девочки сидели на лавочке под фонарём и наблюдали за Сэро и Камиллой, что стояли неподалёку и заливисто хохотали.

– Она красивая, – прервала молчание Ната. – Яркая. И

богатая, думаю. Вещи на ней хорошие.

– Да, есть такое. Холёная обезьяна! Сэро овцу с компанией ещё не познакомил. Так что, наверно, чучело с ним ненадолго. Так, на одну ночь. Шлюха, короче!

Хорошо, что задиристая Виноградова не могла услышать свою оценку из уст Ленки. Иначе б вцепилась в подружку Коробкина и хорошенько отделала. Шатенка и представить не могла, насколько Камилла умела за себя постоять.

– Не думаю, что она шлюха, – отозвалась тихо Ната, задевая комментарием. – Просто он ей нравится. Я её понимаю. Сэро такой красивый и обаятельный!

– Влюбилась в него? – вкрадчиво спросила Лена, наворотив уши.

– Нет, – увильнула рыжая. – Мы познакомились после потасовки с тобой и провели хорошо время. А потом Сэро стал меня игнорить.

– Обидно, – погрустнела Ленка. Ситуация до оскомины знакомая.

– Тоже в него влюбилась? – мстительно поинтересовалась Наталья.

– Нет, конечно! – поспешила разуверить её сверстница. – Что за глупости?!

– Только о нём и говоришь. Будто твой парень – Сэро, а не Денис.

– Не мели ерунды! Я слежу за составом компании, чтобы чмошные марамойки в наш общак не пролезли! От вида

этой мохнатки меня блевать тянет, и я своему чутью доверяю! Лучше ты, чем она! – Лена раздражённо вздрогнула. – И чем та заумная мышь!

– О ком речь?

– Да как-то привёл к нам Сэро одну чучундру... Кикимора редкая! Зубрилка горбатая, короче. Весь вечер умничала, всех пацанов выбесила! – Лена, естественно, приврала, но так было намного легче вспоминать о Любе. – Мы от её занудства чуть не сдохли! Надеюсь, страшила больше в тусовке не появится!

Нату посетила смутная догадка, но, не будучи уверена, девушка решила промолчать.

– Тебя поздравить?

– С чем? – хитрая Камилла притворилась дурочкой.

Ученицы 10 «А» столкнулись у большого зеркала в женском туалете «Торнадо». Дамам всё-таки нужно проверить собственную неотразимость да губки помадой подкрасить.

– Ты и Ибрагимов теперь вместе? – Лыткина Катя подпрыгивала от любопытства.

Довольная собой и произведённым фурором, Виноградова, хмыкнув, интригующе закатила очи.

– Ой, в секретиках держишь, Камилла! Только мы догадались! Он лишь с тобой танцует, офигеть!!!

В глазах тщеславной Кати, жаждущей попасть в сливки школьного общества, Камилла Виноградова стала настоя-

щим идолом. Рыжая Лыткина в экстазе готова была растрепать всему свету, что за везучей одноклассницей ухаживает сам Ибрагимов из 10 «Д». Конечно, повеса влюбился – Камилла богатенькая, красивая и отчаянная! Все крутые пацаны хотят такую цыпочку!

Катерина от восторга готовилась из кожи выпрыгнуть, лишь бы подружиться с Виноградовой. Чем крепче – тем лучше. С успешными нужно обязательно быть на короткой ноге.

– Короче, Камилла! – Юлиана Близнюк, улыбнувшись, положила руку той на плечо и подмигнула. – Поздравления от нас с Катей – ты отхватила большой куш! Вся школа узавидуется!

Виноградова снисходительно улыбнулась и вышла из туалета прочь.

Наташа не выдержала душевных мучений, выждала, когда Сэро останется один, и подскочила.

– Надо поговорить!

– О чём? – хитрый парень изобразил непонимание.

– О нас с тобой. О наших отношениях!

– У «нас с тобой» нет и не было отношений. Говорить не о чем, – отрезал цыган и пошёл прочь.

– Сэро, стой!

– Ну?

– Ты меня использовал?!.. Тупо трахнул?! – заорала Ната

на весь парк, готовая расплакаться. – Какой же ты козёл и сволочь!!!

– Что-о-о?! – цыган махом впал в ярость. Красивое насмешливое лицо стало злым и будто окаменело.

Девушка испугалась, но свою линию гнуть не перестала.

– Почему делаешь вид, что между нами ничего не было?.. Избегаешь меня! Не ври, я же вижу!

Потеряв над собой контроль, Наталья говорила громко, и, хоть за стенами «Торнадо» былолюдно и шумно, её возмущения окружавшие отчётливо слышали. На подростков начали с любопытством таращиться. Сэро это не понравилось. Быть участником публичного спектакля под названием «Выясняю отношения с девушкой» цыгану не улыбалось.

– Хорошо. Пошли поговорим! – старшекласник двинулся искать подходящее место для объяснений с бывшей любовницей.

Наталья, шмыгая носом, послушно засеменила следом. Сэро зашёл в здание клуба и по-над стенкой добрался до туалета. Перед туалетами – мужским и женским – был небольшой тамбур с плохим освещением. Здесь редко толпились люди, а грохот музыки не давал толком услышать чужой разговор. Такое место для воспитательной беседы с Натальей повесу устраивало.

– Я тебя внимательно слушаю.

Назидательный тон сбил ровесницу с мысли и заставил почувствовать себя маленьким провинившимся ребёнком.

– Ты меня игнорируешь? Почему? Если я тебя обидела чем-то, то хочу знать, – пролепетала она.

– Во-первых, давай кое-что проясним! Да, мы спали, потому что хотели друг друга. Нам было хорошо. Обоим! Или считаешь, только мне?

Наталья жалобно уставилась на цыгана.

– Тебе было в кайф. И мне – в кайф. Верно говорю? – требовательно надавил юноша.

Девушка послушно закивала.

– Тогда объясни, какого хрена орёшь на весь парк, что я тебя использовал?! – Сэро низко наклонился и зло посмотрел любовнице в глаза. – Что я сволочь и козёл? Я хоть раз тебя оскорблял?

– Нет, не оскорблял... Прости меня! Я очень расстроилась...

– А знаешь, как я расстроился, когда, вернувшись домой, обнаружил в зеркале разукрашенную засосами шею?! Зачем ты их понаставила? Я разрешал себя обсасывать? Когда ты, блин, успела?!

– Думала, тебе понравится! Парни же любят оставлять метки на девичьих шеях!

– Мне плевать, Наташа, кто раньше портил твою кожу синяками и почему тебя это устраивало. Я так не делаю. И не делал. Ты исключением не стала. Зато разукрасила меня! Пришлось две недели жариться в толстом свитере Имира, так как в моём гардеробе нет вещей с высоким воротом! Я

потел как проклятый, чтобы народ не ржал! Чтоб предки не заметили! Я разрешал так со мной поступать?!

– Сэро, прости, я не хотела...

– Прощаю, но вторых шансов не даю. Мы знакомы, и не более. Прекрати меня преследовать.

Наташа, не выдержав обиды, разревелась.

– Давай попробуем ещё раз, прошу!!! Я люблю тебя...

– Любишь? После одной ночи?.. Не разбрасывайся словами.

Разговор был закончен. Юноша развернулся и зашёл в туалет. Наташа с минуту постояла одна, утёрла слёзы и подошла к туалетной двери. Приоткрыла, заглянула в щель. Перед кабинками никого не было. Девушка тихонько прошла вовнутрь.

Сэро, застёгивая джинсы на ходу, вышел из кабинки и столкнулся с Натальей лоб в лоб. Она резко толкнула его вовнутрь и закрыла дверь на замок. Парень не успел опомниться от неожиданности – девушка села на корточки, рывком стянула с него штаны. Он попробовал её отпихнуть – не получилось.

– Хрен тебе кто сделает лучше, чем я! Подарок напоследок!

– Как скажешь, только на большее не надейся! – насмешливо бросил цыган и расслабился.

Коробкин был пьян. И отличник догадывался, почему,

хоть и не знал подробностей.

Денис злился на несерьёзную Наталью и брата. Видимо, девушка исподтишка променяла Дена на Сэро, и шатен такого расклада не ожидал. Неприятно, конечно, ничего не поделаешь.

Имир не понимал, почему близнец и Коробкин избегают открытого разговора друг с другом. Обоим давно пора расставить точки сначала в дружбе, а затем в отношениях с девушками. Что за идиотские, никому не нужные соревнования?

Цыган молча наблюдал за поддатым шатеном, не давая тому ввязаться в драку. А Денису помахать кулаками, чтобы выпустить пар на каком-нибудь козле отпущения, очень хотелось. Имир предотвратил пару разборок и пресёк провокации со стороны Дениса в адрес других отдохавших пацанов, но в волонтёра ему играть порядком надоело. Ленка занималась только тем, что сплетничала да висла на каждой знакомой, вместо того чтобы следить за своим парнем. Имир недовольно поморщился – лучше быть одному, чем иметь такую подругу.

«Почти полночь. Где Сэро? – нервничал умник. – Опять с какой-нибудь курицей шуры-муры водит. Он завязал балаган с Натой – пусть распутывает. И успокаивает Коробкина заодно».

Имир устал и засобирався домой, но ключи у ветреного близнеца. Чёрт! Стоило сразу забрать их, но приятная ком-

пания и алкоголь порядком расслабили. Отличнику иногда полезно отдыхать.

Юноша обошёл танцпол, посмотрел в парке – брата нигде не было. Кто-то видел его у сортира.

В мужском туалете воняло мочой. На полу – обрывки туалетной бумаги, мусор. Имир брезгливо поморщился. Из последней кабинки приглушённо застонали.

Цыган насмешливо переглянулся с выходящим пареньком, подошёл к кабинке и присел на корточки. Узнав кроссовки брата, Имир встал и настойчиво забарабанил по дверце.

– Занято! – грубо рявкнули из-за двери.

Отличник усмехнулся и постучал снова.

– Занято, япона мать! Пошёл вон!

– Выходи, родственник, или я дверь выбью, – спокойно ответил близнец.

В кабинке засуетились. Дверь распахнулась, и перед Имиром предстала растерянная, смущённая Наташа. Помада размазана, причёска взъерошена и испорчена грубой рукой. Следом вышел Сэро, застёгивая штаны на ходу без капли смущения: «Какого рожна помешал?»

– Ключи дай. Я домой.

– Ну так я с тобой пойду!

– Нет. Ты ведёшь домой Дениса. Он пьян и постоянно хочет подраться.

– Сам доберётся, не маленький!

Имир открыл было рот, но поодаль стояла растрёпанная Ната, смущённо косясь на них.

– Это мужской туалет, – сухо напомнил отличник девушке.

Рыжая не ответила, лишь вопросительно посмотрела на Сэро, явно ожидая от парня каких-то слов.

– Наталья, повторяю – это мужской туалет. Тебе здесь не место. Выйди за дверь.

– Но я хотела...

Девушка снова беспомощно уставилась на повесу. Он равнодушно кивнул на выход. Видимо, желая получить больше, чем пустой кивок, всё ещё на что-то надеясь, Ната продолжила глупо топтаться, чем окончательно разозлила Имира.

– Выйди, мать твою, вон! Мне с братом поговорить нужно! Тебе денег за обслуживание дать?!

Глаза девчонки налились слезами, и она быстро выскочила из помещения.

– Зачем так грубо? – обомлел Сэро.

– А ты зачем дурака валяешь? Эта простушка до тебя водилась с Коробкиным?

– Там всё было несерьёзно! – отмахнулся брат.

– А ты, смотрю, серьёзно – шашни в грязном сортире! Баб лапать больше негде? Дура колени протирала на зассанном полу, чтобы тебя ублажить. Получил? Доволен? Оно того стоило, Сэро?! Твой друг напился от обиды и злости, а его девушка непонятно где болтается. Дена надо проводить,

и это сделаешь ты!

– Чхал я на всех! – вспыхнул повеса. – Никто не обязывал Дена встречаться с Ленкой! Похрен на его убогие подкаты! Никто не заставлял Нату работать ртом в зассанном толчке! Это их выбор. Сами захотели – сами получили! Какого чёрта ты наезжаешь и строишь из себя святошу?!

Имир подошёл к близнецу вплотную и холодно процедил:

– Это был и твой выбор тоже. Пора взрослеть. Отдай ключи.

Сэро достал связку из кармана и сердито передал брату.

– Спасибо. Дверь входную закрою, ключи спрячу под оконный отлив. Найдёшь, короче. – Имир подмигнул повесе. – А ты пока побудь настоящим другом, а не как всегда.

Всю неделю осенних каникул Люба планировала провести в читальном зале. Подальше от дома. Столько часов, сколько удастся. Идти тихоне больше было некуда. Друзей нет, только если к двоюродным сёстрам, жившим неподалёку от автовокзала, забуриться на целый день. Второй вариант являлся не самым удачным, но лучше так, чем находиться на Солнечном 27.

Старший брат временно поселился у родителей. Он завтракал, обедал и ужинал здесь же, и приходилось готовить на привередливого родственника безропотной Любе. Она стояла по несколько часов у плиты, накрывала на стол, а потом, опустив голову, выслушивала критику своих кулинар-

ных способностей и нравов учения от обедавших старших.

Брат позволял себе курить не выходя из гостиной, лишь приоткрыв форточку. Шурик затягивался, медленно и вальяжно выпускал струи горького тяжёлого табачного дыма, задумчиво глядя вдаль, пока на столе стыла еда, только снятая с плиты, и начинал:

– Сестра, запомни! Порядочная девушка, если хочет выйти замуж, обязана быть хорошей хозяйкой. Твоя женская роль в обществе благодаря воспитанию матери должна быть тебе абсолютно понятна. Уборка дома, поливка огорода, готовка, закрутка припасов на зиму. Везде – чистота и порядок! Грязненький никто не любит.

Александра Григорьевна спешно кивала в знак полного согласия с каждым словом старшего сына.

– Рукоделие важно! Умение вышивать, а лучше – шить. Чтоб семью в трудные годы одеть!

– Да, – согласился, затянувшись, брат. – И это тоже.

– Поэтому Любонька ходит в Дом творчества! Готовиться ко взрослой жизни, доченька, надо с юных лет! Потом поздно будет!

Люба, потупив взгляд, молчала, стоя у стены. Кружки вышивки и шитья в ДДТ были непопулярны у подростков. Их посещали лишь Люба да парочка таких же тихих, стеснительных девушек. Другие ровесницы ходили на актёрское мастерство, в клуб моделей, на пение и танцы. Именно они были забиты желающими под завязку. Из помещений

слышались ритмичная музыка, хохот, а посетительниц этих кружков вечно ждали у входа поклонники.

Неудивительно – школьницы хотели проявляться, наслаждаться юностью, выступать на публике, привлекать внимание противоположного пола, а не корпеть с нитками да иглой над куском ткани. Любе в глубине души хотелось того же, но ей было страшно признаться себе в этом. Особенно когда мама бурно и категорично осуждала непрактичность современной молодёжи.

– Никому бездельницы и модницы не нужны, запомни! Пением да танцами сыт не будешь и детей не оденешь! А на сверстниц, вертихвосток и свиристелок, не заглядывайся! Одинокими останутся! Увидишь: жизнь всё на места расставит. Сейчас вокруг них парни прыгают, потому что хлопцам только одно надо! Сама знаешь, что.

Люба покраснела.

– Верно! – кивнул брат, бросил окурок в форточку и подсел к столу. – Женятся на домашних и хозяйственных. По рекомендациям и знакомствам, а не на танцах. Сестра, надо было посильнее лук пожарить! И недосол опять! Зачем зелень в картошку добавила? Нечего траве тут делать!

«Почему тогда ты женился на красивой избалованной генеральской дочке, с которой познакомился на дискотеке? Почему до сих пор приводишь в наш дом всех подряд, а не домашних и хозяйственных?» – ворчала школьница.

В юной голове Любы назревала дилемма. Она доверяла се-

мье, но вокруг видела иное и очень страдала от своей отверженности. Упёртая позиция близких относительно её счастливого будущего – единственное, что грело девушку и было последней надеждой на прекрасное далёко.

Утро выходного понедельника не задалось. В воскресенье Люба замочила бельё брата, но забыла постирать. Стиралки в доме не имелось. Александра категорично была против:

– Машинка портит ткань, делает тонкой, рвущейся. Полощет плохо: сам лучше промыть от порошка можешь. Поэтому выгоднее стирать руками – вещи дольше проживут.

Люба и стирала. Набирала на летней кухне воды в огромные железные тазы. Замачивала на пару часов бельё – своё и родителей. Отдельно – брата. Тёрла, месила вещи. Потом полоскала, сливала грязную воду и наливала чистую. Отжимала тяжёлую одежду и несла вешать на огород, вся вспотевшая, обдуваемая ледяным ветром с мелким дождём.

На стирку у школьницы мог уйти весь белый день, но вчера она умудрилась забыть о замоченном белье. Брат заказал пирожков, сестра поставила тесто, провозилась с выпечкой (Поспеловы если пекли, то тазами, как на свадьбу, чтоб сдобы на неделю хватило), а к ночи опомнилась, но стирать не пошла, а уселась за книжку. Утром её ждали пилюли: неудовольствие брата и гнев мамы.

– Курица безмозглая! В чём Шурик ходить будет?! Кто о брате заботиться должен, если не родная сестра?! На кой ляд такая неумная дура, как ты, кому сдалась? Иди стирай,

недотёпа, исправляйся! Тебе ещё на базар идти!

Недотёпа, утерев слёзы, потопала стирать, потом сходила на рынок, приволокла несколько тяжёлых авосек.

Люба устала от присутствия старшего сына в доме. Григорьевна эксплуатировала послушную, исполнительную дочь по полной. Брат это видел и на правах дорогого гостя тиранил сестру под видом заботы и покровительства.

Школьница так измучилась от осуждения и попреков с нравоучениями, что неистово молилась, дабы родственник нашёл новую подругу и оставил Солнечный 27 в покое. Поэтому, придя с рынка, Люба прибегла ко спасительному врачу, уже доказавшему ей, что обманывать весьма полезно.

– Мам, я в библиотеку! Столько задали на каникулы – готовиться надо! Надолго – всё, что нужно, в читальном зале.

– Ужас какой! Да когда же ты, дитё моё, отдыхать-то будешь?!

– На том свете отдохну! – подмигнула школьница и поспешно ретировалась из родных пенат.

В читальном зале оказалось довольнолюдно. Люба, недоумевая, оглядела помещение – понедельник, каникулы, какого хрена?

Поспелова уселась рядом с незнакомой девочкой и обложилась кипами чтива.

Уже час перед ней лежал раскрытый журнал, глянцевые картинки кричали и требовали пристального внимания, но

старшеклассница ничего не видела. Она, низко склонившись, глубоко утонула в собственных думах. Именно думы, бесплотные и нереальные, помогали отвлекаться и от обызвательства в школе, и от вечно недовольной мамы, поддерживали иллюзию покоя и счастья. Так было легче, пока на глаза наворачивались слёзы от накопившихся обид и безысходности.

Лёгкое прикосновение вдоль спины. Почудилось. Книгой, наверно, задела.

Опять! Пospelова вытерла слёзы, обернулась и обомлела от неожиданности, обнаружив Имира.

– Ты как здесь очутился? Давно? Я тебя не видела!

Брюнет приветливо улыбнулся и наклонился ближе.

– С минуту назад прошёл мимо, но ты не заметила! Что так увлечённо читаешь?

Библиотекарь осуждающе посмотрела на подростков и недовольно шикнула.

– Извините! – кивнул работнику юноша, затем похлопал по плечу Любину соседку. – Давайте поменяемся местами?

Парень шустро переместился к ровеснице. Пospelова, не ожидав такой прыти, инстинктивно скукожилась, боясь представить, как сейчас выглядит её лицо после слёз, пролитых над журналом.

Имир кинул заинтересованный взгляд в раскрытый глянец.

– Любишь следить за модой?

– Не слезу вообще. Смотрю ради удовольствия, глаз порадовать.

– Понимаю! Я так журналы с техникой и авто изучаю. Про путешествия читать нравится?

Библиотекарь опять раздражённо зашипела, хотя общались ребята шёпотом. Имир наклонился как можно ближе к уху соседки.

– Учиться пришла или развлекаться?

Люба задумалась.

– Скорее, отвлечься.

– Полезное дело! – улыбнулся отличник. Он заметил и подпухшее, красное лицо, и шмыгающий нос, но вопросы решил не задавать, чтобы не задеть за больного. Плакала девушка явно не от счастья.

Внимательный и чуткий к состояниям других, Имир, в отличие от брата, давно понял, что представляет из себя семья Любы. Может, потому, что часто ходил на ж/д и имел честь общаться с Василием Михайловичем.

Дядя Вася был неплохим мужиком и наверняка являлся хорошим отцом. Если б не одна проблема. Всё в семье: бюджет, дом, хозяйство, круг общения, воспитание детей – полностью контролировала его жена. Женщина противоречивая, упёртая, мнительная, обидчивая и донельзя властная.

Алмаз говорил Имиру, что Григорьевна раньше трудилась старшим ревизором и проверяла объёмную ж/д ветку. Женщина работу выполняла безукоризненно, а проверяю-

щим слыла принципиальным и неподкупным, держа в страхе подконтрольные станции. Кто-то благодаря ей оказался на-долго за решёткой.

Когда Пospelова ушла на нижестоящую должность товарного кассира, ветка вздохнула, но напряглась местная станция. Каково было работникам, когда к ним трудиться пришёл человек, наводивший ранее на них священный ужас своими проверками?

Естественно, от Григорьевны коллеги держались на почтительном расстоянии, помня былое. К тому же сменилась должность Пospelовой, но не нрав. Она по старой памяти поучала и отчитывала теперь уже равных ей людей. Грубость, бестактность и агрессивную навязчивость бывшего ревизора станционники терпеть не собирались. В итоге с Александрой на станции никто не дружил и подружиться не старался. А когда пришли 90-е, женщину начали откровенно бояться. В распилах та не участвовала, но вдруг по старой памяти сдаст властям или подставит? Не даст урвать вкусный кусок? Григорьевну пытались слить, но безуспешно. Свою работу она знала.

Василий, по мнению Алмаза, был мужчиной добрым, мягким и неприлично терпеливым. Жену сильно любил, поэтому уступал и многое позволял, даже будучи несогласным.

Имир как-то вместе с Алмазом оказался свидетелем крайне неприятной сцены. Александра зашла в тамбур, чтобы дать поручение Василию на вечер, но у мужа имелись дру-

гие планы. Он аккуратно объяснил причину, но жена была настолько взбешена и категорически неуступчива, что тот без боя сдался. Отличнику показалось, что Григорьевна, едва услышав отказ, еле сдержалась при посторонних, чтобы не обругать мужа грязной бранью и не вцепиться в волосы.

Ещё школьник заметил, что товарный кассир весьма странно здоровается с ним при встрече: снисходительно, сквозь зубы, будто блевотину увидела. Алмаз пояснил удивлённому сыну, что мнительная Григорьевна сторонится нерусских, даже опасается по непонятной причине. Причём всех. Но это были только её трудности и заскоки. Василий предрассудков жены не разделял, но толку? Успокоить женщину и защитить от надуманных страхов он был не в состоянии.

А Люба... Тихая, послушная, миловидная Люба уродилась нравом в отца. Внимательный Имир в прежние годы всегда замечал ровесницу на ж/д: та часто ходила проведать мать в товарную кассу, и почти никогда – отца.

Тихоня же отличника не замечала. Вечно задумчивая, она разговаривала сама с собой, низко склонив голову и едва шевеля губами. Будто мечтала, будто летала. Ясен пень, ровесница любила мать и доверяла ей безоговорочно. Видимо, урок судьбы таков – вырасти под крылом деспотичной, мнительной, сумасбродной родительницы.

Имир был уверен, что застенчивая, чудная Поспелова зацепила разгульного самоуверенного повесу, как когда-то и

его самого. Сэро, конечно, из гордости не признается, но это и не важно. Главное, чтобы кривые отношения циничного ловеласа и наивной домоседки не навредили последней. Тем не менее отличник решил не вмешиваться и близнеца не трогать. Как и сейчас лезть с сочувственными расспросами к Любе. Захочет – сама расскажет. Не захочет – её право.

Цыган наклонился опять к ушку девочки и тихонько прошептал:

– Хочешь, почитаем «Книгу рекордов Гиннеса»? Я успел её перехватить из рук уходившего пацана. Она вечно нарахват! Как смотришь?

– Согласна, – стеснительно улыбнулась Пospelова.

Ибрагимов сел полубоком, поближе к соседке, подвинул увесистую книгу аккуратно посередине и приобнял спинку Любиного стула.

– Тогда не будем тратить время зря.

– Разве не опасно для здоровья настолько выпячивать глазные яблоки из глазниц? – сомневалась Люба, пихая сапогами опавшие жухлые листья.

Подростки лениво плелись из закрывшейся библиотеки, останавливаясь по пути в который раз, чтобы как следует что-нибудь обсудить. Сумерки постепенно превращались в ночь. Фонари, треща и моргая, зажигались и гудели.

– Если б имелись последствия, думаю, чувак бы лупетки ради славы не тарашил, – чуть поразмыслив, ответил Имир. –

Возможно, дело в длительных ежедневных тренировках.

– Мужик сутками пучил шары, чтобы попасть в «Книгу»? – прыснула Люба. – Да там половина рекордов нелепые!

– Тем не менее народу читать про нелепые подвиги нравится больше, чем о полезных открытиях.

– С чего так решил?

– Наполнение «Книги» оценил. Важных событий в науке и просвещении – единицы. Большую же часть этой бумажной котлеты занимают аномалии тела, идиотские поступки, людские причуды или странные способности. Как думаешь, о чём это говорит?

– О чём?

– О том, что людям интересно знать о людях.

– А ты прав! – удивлённо согласилась тихоня.

– Что тебя в «Рекордах», кроме пучеглазика, ещё впечатлило? – поинтересовался юноша, своим комментарием заставив собеседницу рассмеяться.

– Мужики с волосатыми моськами! Мохнатые-премохнатые! В роду геном бракованный, по-моему. Единственное, где не растёт шерсть – глаза.

Цыган улыбнулся.

– Почему они не вырывают волосню на лице и тулове? Не сбывают этот срам? – изумлялась Пospelова. – Наоборот, демонстрируют миру недостаток. Нет бы прятать или маскировать. Если бы мне пришлось родиться мохнатой, я б повесилась!

– Повесилась? Даже не попытавшись жить? Не попытавшись подружиться с миром, который захотел, чтобы ты в нём появилась?

– Мир хочет чьего-то появления? – нахмурилась школьница. – Мы просто рождаемся, и всё!

– Не соглашусь. Никто просто так, как ты говоришь, не рождается. Раз родилась, значит, стоит задача, и ты нужна, чтобы её выполнить. Мы не одинаковые. Не все красивые, богатые и счастливые. У каждого – свой путь, его нужно пройти и оставить что-то полезное. Повеситься – значит, не уважать дар жизни и проявить слабость к трудностям, что обязаны закалить для созидания ценного.

– Не ожидала, что ты философ! – шокированно пробормотала ровесница.

– Не я. Моя мама. Это её слова. Она считает, что появление абсолютно каждого на Земле бесценно. Даже людей злых, жестоких и подлых. Для всех Всевышний припас отдельную цель существования и задачи перед Миром. Те волосатые чуваки не просто так родились в семье с любопытными генами. У мужиков было два пути. Первый ты озвучила: бороться с порослью, чтобы быть, как все, прятаться или вообще повеситься. Второй: открыться миру, признать себя и своё право на счастье под общим солнцем. Я бы выбрал второй путь.

– Ещё бы! Ты очень смелый и сильный!

– Не в этом дело, Люба. Человечеству постоянно стоит на-

поминать, что мы все разные. Чтобы общество прогрессирувало, а не забывалось. Каждый бесценен и важен по-своему. Все имеют право на счастье. Избранных нет.

Подростки умолкли на некоторое время.

– Но уж ногти на руках да ногах по девять метров Вселенная точно не заставляла отращивать! – прервала молчание школьница. – Этими товарищами что двигало? Наверняка не божественные задачи перед человечеством!

– Кто знает! – пожал плечами Ибрагимов. – Хотели человеки отрастить суперкогти – взяли да отрастили. Ничего криминального, не мне их судить. Знаешь, Люба, всякому, думаю, мечтается, чтобы его жизнь не была пустой, ничтожной. Чтобы в один прекрасный день не дай бог не осознать, что лишь спишь, ешь да гадишь – и на этом достижения заканчиваются! Что зря существуешь. Что пуст, как гнилой орех. Все хотят оставить след – любой, даже при помощи девятиметровых когтей!

– Не зря девочки из моего класса говорят, что ты умный! – рассмеялась собеседница. – Интеллект налицо!

– Я обычный, – равнодушно отрезал цыган. – Как все. Но если твоим одноклассникам нравится считать, что я ходячая энциклопедия, пусть на здоровье продолжают. Мне пофиг.

– Ах да! Можно кое о чём спросить? Я давно хотела...

Брюнет заинтересованно посмотрел на тихоню. Школьники остановились под фонарём у маленького побелённого домика, спрятавшегося в полуголых деревьях.

– Спрашивай. Не могу отказать, так что пользуйся.

Люба признательно улыбнулась.

– Ситуация с Валентиной Борисовной... Когда ты оценку оспаривал...

– Да, помню, – кивнул старшеклассник. – Я тебя видел.

– Меня очень удивило, как ты спорил! Ты всегда все слова для сочинений со словарными статьями выписываешь? Ко всем урокам аргументы в свою защиту подбираешь?

Отличник иронично усмехнулся.

– Наверно, ты хотела спросить, всегда ли я настолько доставучий зануда и вредный сухарь, но постеснялась?

– Ох, ладно! Раскусил! Примерно так.

– Хорошо! Вот мой честный ответ, Любаня: столь погано я себя веду только с Бортник.

– А алгебра с геометрией? Физика? Химия? Там не ругаешься?

– Нет, зачем? Кроме ведьмы Борисовны, никто из учителей оценки не занижает.

– Да ну?!.. Говорят, ваша училка по матеше в сто раз противнее моей классухи!

– Кто?!.. Людмила Власовна?!.. Вообще не противная! Строгая и требовательная, да. Уважает трудолюбивых. Слышал, что в других классах жалуются, но я не вижу причин для нытья. Власовна не режет оценки, доступно объясняет, не позволяет лишнего и предвзято ни к кому не относится.

– А с Валентиной Борисовной постоянно споришь?

– Есть такое! – задумчиво усмехнулся Имир. – С ней надо всегда держать ухо востро. Только расслабишься – обязательно учудит!

Юноша протяжно вздохнул и спокойно продолжил пояснять.

– Борисовна в седьмом классе – едва увидела меня и Сэро – сразу съязвила, что цыгане надолго на уроках не задерживаются. Попрошайничать на вокзале некому будет.

– Вот грубиянка!

– А позже, когда мы не оправдали её надежд свалить с глаз долой, опять нахамила. Типа в нищих кварталах, где, по её мнению, наша прожорливая семейка поселилась, тусуется одно грязное ворьё. Влепила мне «два» за сочинение, потому что, видите ли, уверена, что у нас в хибаре нет даже подобия стола для уроков, а значит, я списал.

– Ох, ужас!.. Борисовна может, верю! – сочувственно воскликнула Люба.

– Потом понеслась пурга про нелюбовь к тетрадям с соевыми пятнами и предупреждение, чтобы мы такое принести не смели. Сэро крепко в ответку съязвил про старую жирную жопу и обмазанный дерьмом рот, вонь из которого золотые коронки не спасут.

– Охренеть!!!.. Твой брат, конечно, отжёл!

– А то! – рассмеялся Ибрагимов. – Короче, как понимаешь, урок был сорван. Русичка жутко разоралась, заявила, что отказывается от класса, в котором учится бессовестный

грубиян и бездельник! Типа либо она, либо мы. Родителей к директору на ковёр вызвали. Отец прочитал Борисовне внушительную лекцию о достоинстве педагога. Недовольная Бортник извинилась, но удила закусил.

– Да уж, представляю...

– Не представляешь, поверь. Брат был прав, хоть и перегнул палку. Сэро отмочить умеет и никогда себе в этом не отказывает. С него как с гуся вода! Лично я понял, что надо быть со злопамятной Бортник внимательным, подбирать слова и отстаивать своё до конца.

– Тебе не нравится такое отношение?

– А кому оно может понравиться, Люба? Грымза допетрила, что мы больно кусаемся, а наши родители не безграмотные простофили и могут окунуть рожей в помои. Чума стала осторожнее, но не добрее. Это её выбор – вести себя с нами гадко. Ни я, ни брат первыми не начинаем – это золотое правило. С тех пор на уроках Валентины я всегда готов к защите и обороне. Больше читаю по теме, тщательнее готовлюсь. Если беру дополнительные материалы, то записываю источник, будь то ссылка на книгу, цитаты известных людей, её собственные слова на уроках, даты... С Борисовной – только так. Иначе её не пробьёшь и свою правоту не докажешь.

– И тебе не в лом с ней тягаться?

– Не в лом. И я не тягаюсь, а защищаю своё. Зачем мне терпеть её высокомерие, предвзятость и грубое пренебрежение фактом, что я, может, и младше, и всего лишь ученик,

но такой же человек, как и она?.. Не хочу и не буду. Довольна моим ответом, Люба, или что-то ещё нужно добавить?

– Да, спасибо! Больше вопросов нет. – Тихоня смутилась, поняв, что разговор на эту тему закончен. Зато теперь ей точно нужно о многом подумать.

Двухэтажный дом Ибрагимовых стоял почти полностью погружённый в темноту. Имир лишь углядел смутный огонёк светильника в окне своей комнаты – Сэро был дома.

Родители с младшими утром уехали погостить в соседний городок на пару дней. Малышня радовалась перемене мест, особенно Роза. Имир вспомнил, как вчера младшая сестрёнка хотела засунуть в дорожную сумку сразу три большие куклы, и невольно улыбнулся. Там же должна была бы быть и Руслана, но старшая сестра захотела вместо гостевания отдохнуть в станице. Наверно, ушла уже гулять и сейчас где-нибудь веселится с подругами.

Отличник открыл запертую на ключ входную дверь, повесил куртку, и, не включая в коридоре свет, тихо прошёл к своей комнате. В доме было тепло – видимо, Сэро включил на ночь газовый котёл. Половицы, покрытые ковровином, не выдавали шагов – отец неплохо починил подгнивший пол, когда большая семья Ибрагимовых въехала в дом, больше десяти лет пустовавший без хозяев.

Сэро не заметил вошедшего близнеца. Повеса лежал на кровати, в трениках, обнаженный по пояс, и слушал в на-

ушниках музыку, закрыв от удовольствия глаза и припевая вслух. Голова и стопы парнишки подёргивались в такт. На столике лежала раскрытая упаковка от кассеты с песнями Земфиры.

Имир положил на стул у письменного стола рюкзак с библиотечными книгами и кинул взгляд на свою идеально застеленную кровать. Увиденное ему не понравилось: на подушке валялась небрежно скомканная несвежая футболка родного братца.

Сэро подпрыгнул, моментально вылетев из nirваны, когда в лицо резко прилетела подушка, а следом на него запрыгнул Имир и принялся этой самой подушкой колбасить.

– Япона мать, Имир, какого чёрта?!.. Тебя по дороге бешеная бабка поцарапала?!.. Ах ты ж волчара!.. Ща я тебе покажу!..

– Будешь знать, как своё вонючее шмотьё на мою постель бросать!

Братья начали беситься. Сначала они боролись на кровати Сэро, превратив постель в несуразную кашу, затем в сцепке свалились на пол.

Отличник ударился о столик, стоявший у окна между их кроватями. Столик затрясся, и с него с грохотом полетели светильник, потерявший по пути абажур, кассетная коробка и книги. Сэро, воспользовавшись замешательством брата, шустро вскочил, возбуждённо дыша, и приготовился отражать атаки.

– Ах да, я забыл, занудный ты клещ, как ты бесишься, когда посягают на твои манатки!.. Не успел я осквернить твою священную шхонку своей потной футболкой, как жаль!

– Чтоб я спал и нюхал всю ночь твою вонь?!.. Ну и подлец!

Имир поднялся, подскочил к брату и хотел как следует треснуть, но Сэро сгруппировался, увернулся, схватил соперника за шею и толкнул на шкаф. Отличник не тормозил – подставил подножку и вцепился в потерявшего равновесие близнеца.

Оба кубарем полетели на гардероб. Тот, зашатавшись, опасно затрещал и возмущённо громыхнул дверьми. Близнецы в схватке улетели на пол и продолжили беситься на ковре.

– Что гремит?! – влетела в комнату обеспокоенная Руслана. – Блин, придурки, успокойтесь!

Ноль реакции – возня на полу продолжалась. Руслана подошла к братьям и, размахнувшись, залепила хороший пендаль сначала по заднице Сэро, а потом – Имира.

– Эй, чё творишь?! – разыгравшиеся близнецы тут же подскочили, красные, вспотевшие.

– Ноги при себе держи, дура! Пока их в обратную сторону не вывернули!

– Чё вякнул, малой?!..

– Дура ты, говорю! Хоть и красивая!

– А это тебе в ответку! – прибавил второй и играючи залепил сестре безобидного леща.

– Ах ты ж мелкая свинота!..

Старшая взвизгнула и накинулась на Имира, повалив того на его же идеально застеленную кровать, уселась сверху и давай щипать. Отличник схватил драчливую сестру за руки и подмял под себя. Тут же подлетел Сэро, и оба брата начали её щекотать. Руслана, задыхаясь от смеха, верещала дурниной, брыкалась, крутилась изо всех сил, пытаясь сбросить близнецов, но безуспешно. Если бы дома была Лала, то огрела бы троицу веником за визги и бардак.

– Всё, хватит, остановитесь!.. Больше не могу!.. Ой, больно, волосы!.. Волосы!!!

Братья шустро спрыгнули с кровати и озабоченно усталились на сестру. Девушка села, собрала распущенные пряди, нашла слетевшую заколку и заплелась. Шумно дыша, Руслана поправила майку и шорты да весело посмотрела на близнецов.

– Всё в порядке? Сильно больно было?

– Не особо. Это чтоб вы отвалили! – съехидничала она и ловко пнула Сэро в голый живот.

– Ай! Больно, драчунья! Тебе надо было вместо бальных танцев с нами на рукопашку ходить!

– Тогда все ваши награды принадлежали бы мне!

– Мечтай!

– Хватит! – гаркнул остывший Имир. – Всю комнату разворотили! Надо убраться. И я есть хочу. Руслана, ты готовишь!

– Хрен тебе!

– Иди тренируйся, будущий повар-кондитер! Сама виновата, что гулять не упёрлась!

– Значит так, братик! Я ставлю чайник, а ты подогреваешь еду. А ты, Сэро...

– А я отдыхаю, потому что из нас троих только я у мамы с папой уродился и умный, и красивый сразу.

– Ну уж нет! Убирай комнату, хитрожопый чертила! И раз ты самый-пресамый, мою кровать заодно в порядок приведи!

– Идите в баню, олени неблагодарные! – донеслось в спины хохочущим Имиру и Руслане, когда они поспешно выскочили прочь из перевернутой вверх дном спальни.

– Имир, читал «Оно»?

– Стивена Кинга?

– Наверно. Не помню, кто написал.

– Я «Оно» только Кинга знаю.

– Значит, та самая! Расскажи, о чём она?

– Тебе зачем?

– Интересно. Страшная, говорят.

– Раз интересно, сам прочитай. Свои впечатления от книги ярче будут, чем чужой пересказ, – вклинилась в разговор Руслана, дую на дымящуюся кружку чая.

– Не хочу читать! – с набитым ртом пробубнил Сэро. – Вкусные печенки, сестрёнка! Твои кулинарные навыки всё лучше и лучше. Мне уже не кажется, что ты хочешь всех нас отравить.

– Что ты мелешь, ненормальный?! – расхохоталась сестра. – Жуй молча, а то в следующий раз платить за мою готовку будешь!

– Могу заплатить только безграничной благодарностью, а она, как знаешь, дороже любых денег.

– Во пустобрёх! Бедные девки! Представляю, какую лапшу ты им на уши вешаешь!

– Вкусную, поверь. Не хуже той, что ты кормишь несчастных поциков. Как Илья поживает?

– Прекрасно. В техникум приходил ко мне. Похрен на него. Пусть не таскается!

– Так скажи в лицо, и Оглы отвянет. У него гордость есть. Имир, давай-ка, расскажи «Оно»!

– Хрен тебе.

– Ну ты чего, братишка любимый мой?!.. Не будь букой. Давай, не жмоться! Делись знаниями! Щедрость на Земле воздастся тебе на Небесах!

– Нет, сказал. Во-первых, ты бросил опять свои шмотки на мою кровать...

– Ой, ну началось! Один раз бросил – всё, обиделся!.. Я больше не буду.

– Не прокатит. Моё спальное место не твоя территория. Будь добр свой срач на мою кровать, мои полки и рабочий стол, за которым ты никогда не работаешь, не распространять. Когда наконец это усвоишь?

– Когда ты с комнаты в коридор съедешь, – буркнул Сэро,

но, увидев проблески гнева на лице отличника, спешно добавил. – Всё, ладно! Я усвоил! Не смотри волком!

Руслана рассмеялась и пролила чай на стол.

– А во-вторых, тебе уже сказано – сам читай. Впечатлишься, ну и поумнеешь. Может быть.

– Много страниц?

– Наверно, пятьсот – семьсот.

– Ни фиги ж себе!.. Знаешь, я тут подумал, читать – всё-таки не моё. Давай ты перескажешь, а я неделю сам за скотиной слежу?

– Нет.

– Две недели?

– Нет.

– Не наглей, Имир!

– Сказал же, сам читай!

– Тогда возьми мне книгу в библиотеке!

– Сам туда топай.

– Имир, имей совесть, у меня абонеента нет! Я туда ни разу не ходил!

– Вот и сходишь наконец. Я не буду на свой формуляр брать книгу такому остолопу, как ты! Потеряешь – мне отпечатать. Знаешь, как-то не улыбается!

– Чего ты вообще в эту книжку вцепился? – поинтересовалась сестра.

– Да тут впарили вечерком страстей... Я и захотел подробностей.

– Кто впарил?

– Люба, – ответил сестре Сэро и покосился на близнеца.

Тот заинтересованно уставился в ответ.

– Кто такая? Мы знакомы?

– Нет, Руслана. А может, и знаешь!

– Это дочь Пospelовых, – пояснил Имир.

– Вот те на! У них есть дочь? Сколько ей?

– Наша ровесница. Учится в 10 «А».

– Обалдеть! Я думала, у них внуки в школу ходят, а там дочке – пятнадцать! Пospelовым же лет по пятьдесят, верно?

– Около шестидесяти, – поправил отличник.

– Получается, эта Люба – поздний ребёнок. Она младшая?

– Да.

– И вы с ней дружите оба?

– Общаемся иногда, – наморщив нос, поправил девушку

Сэро.

– Так в чём проблема подружиться? В гости к нам её приводите, что ли! Я тоже познакомиться хочу! Хорошая семья же!

Близнецы молча переглянулись и, ничего не ответив сестре, продолжили пить чай.

Сэро с глубоким неудовольствием дошёл-таки до библиотеки, открыл формуляр и взял на дом «Оно». Прочитав страниц пятьдесят, брюнет осознал, что подобное чтение не про

него.

Юноша читал запоем с ранних лет. Умудрился в классе шестом перемолоть, не моргнув, многое из прозы русских классиков, которую взрослые с трудом понимают. ОдолеЛ труды Дюма-младшего. Но наступил подростковый период, и от книг как отщептало.

Сэро никогда не любил сказки, фантастику и фэнтэзи. Не привлекали его эти жанры даже в детстве, в том числе и в кино. Уважал боевики, военные фильмы, драму, историческое кино, документальное. А всякие там труды про другие миры, сказочных существ и магию повеса не воспринимал серьёзно (как может детский бред увлекать?), пока не услышал на балконе водонапорки Любин монолог.

Когда тихоня говорила, у Сэро создалось впечатление реальности произнесённого. Будто девочка воистину знала больше, чем другим дано: слишком уж проникновенно, словно в трансе, она рассуждала о нечисти и зле. И ровесница не притворялась – она верила в то, о чём рассказывала. Сэро это напугало и заинтересовало одновременно.

Заинтересовала его, разумеется, многослойная начинка старомодной зубрилки, простой и неинтересной на первый взгляд, – но признаваться себе в этом ветреный парень не собирался. Поэтому свалил всё на интерес к роману. Значит, стоит узнать содержание и разобраться.

Лучше б не разбирался. Читалось произведение тяжело. Через пару дней Сэро обнаружил, что напрягается заходить

в подвал за консервацией, что сумерки наводят жуть, а болтавшаяся на бельевой верёвке нарядная кофта Русланы кажется издалека гребаным красным шариком.

– Паша, читал «Оно» Кинга? – спросил цыган друга в предпоследний день осенних каникул.

– А то! Неужели ты мистикой увлёкся?

– Не надейся! Говорят, баланда интересная, но мне лизать её напряжно. Язык автора не понимаю, – солгал Сэро. Не выдавать же блондину собственную трусость. Что роман пугал его, гордый Ибрагимов не признал бы и под дулом пистолета.

– Конечно, не понимаешь! – уверенно заявил Павел. – Ничего не читаешь от лени, а Кинг круто пишет! Потом как-нибудь перескажу, хорошо?

– Э-э-э, нет, давай сейчас! Пошли в парк, на лавочку. Что мы на танцуйках не видали?! – отрезал брюнет и вытащил недоумевающего Овчинникова из «Торнадо» на уличный холл.

Глава 10.

Первые дни второй четверти ознаменовались отвратительной погодой.

Ещё пару суток назад было солнечно и воздух прогревался до + 20, хотя ночи наступали свежие и холодные. А со второй недели ноября началось: собачий сырой холод, промозглый, до костей, ветер, дувший резкими, сбивавшими с ног рывками, мерзкий, ледяной, отвратительный дождь, лившийся колючей моросью. Не спасал зонт – ветер вырывал его из рук, выворачивал наизнанку, а то и ломал.

В воскресную ночь Люба еле уснула. Девочка настолько не хотела в школу, что в кровати не смогла расслабиться. Будильник своими визгами вывел её из тревожной ночной дрёмы, но школьница, открыв глаза, не почувствовала блаженного сонного разочарования – молча встала, привела себя в порядок. Взбила перину, раздвинула занавески.

Из оконных щелей невероятно дуло. Дуло во всём доме.

Люба оклеивала на каникулах окна бумагой и замазывала щели, но толку было с гулькин нос. Высохшие деревянные каркасы одинарных рам пропускали сквозняки и холод, а на улицу выгоняли тепло, что газовый котёл нарабатывал.

Тревожная мама менять рамы на двойные категорически не хотела – дом дышать не будет, воздух застоится, газом от котла задохнуться можно. У мнительной позиции име-

лась обратная сторона: под одеялом невозможно согреться, и всем приходилось на ночь наряжаться в тёплые колючие штаны, толстые вязаные носки (а то и несколько пар надевать), длинные шерстяные, с высоким воротом, кофты, а на мёрзнувшую голову наматывать махровый платок. Ну и вдобавок счета за газ «радовали» неприличными суммами.

Сквозняки стали ещё одной причиной глубокого утреннего неудовольствия Любы. Прощай, лёгкая и уютная фланелевая сорочка! Каждую ночь теперь, пока не потеплеет, придётся наряжаться, как многослойная матрёшка, чтоб не околеть.

Есть не хотелось. В школу идти – тем более. Но надо. Школьница поскучала за обеденным столом, поглядывая на настенные часы в ожидании выхода. А потом, плюнув, оделась и выскочила в утреннюю промозглую темноту раньше на полчаса.

Люба понимала – если прийти с запасом времени, пребывание на уроках быстрее не окончится. Однако, в раннем приходе имелись плюсы: полупустое здание, в кабинете физики – никого. Девушка, сев на своё место, наблюдала, как постепенно подтягиваются одноклассники.

Большая часть пришла за десять минут до начала урока. Люба сжалась, когда явился Степанченко, но он уселся с Матвеем не позади неё, как повадилась в октябре, а на соседнем ряду, за спинами Камиллы и Ани.

Потом притащились Бутенко и Илютина. Даша села с ти-

хоней, а Варя убежала на последнюю парту. Лыткина и Селиверстова, войдя, перецеловали всех в губы, затем поперлись к закадычным подружкам Близнюк и Уваровой.

– Что с руками? – бесцеремонно спросил Любу Игнат Картавцев, усевшийся впереди. На его горе, места возле Юлианы безвозвратно заняли другие.

– Это от стирального порошка, – ответила, застеснявшись, ровесница, спрятав под парту руки, покрытые маленькими воспалёнными язвочками.

Язвы появлялись после многочасовой возни в мыльной воде. Кожа заживала, пока стирала мама. Но в последнее время работа утроилась из-за брата, менявшего вещи, словно лондонский аристократ, и легла полностью на дочь. Ранки, едва присохнув, воспалялись сильнее, «Детский крем» не спасал. Другой же мама покупать не хотела, считая «Детский» панацеей от всех бед, и укоряла дочку, что та ходит вешать бельё с мокрыми руками.

– Нет, дорогуша, ты больна заразой какой-то!

– Я здоровая, говорю же, Игнат! Это аллергия на стиральный порошок.

– А зачем трогаешь его? Наверно, втихую нюхаешь, глюки ловишь! – Игнат, довольный шуткой, громко заржал, стараясь привлечь внимание.

Обернулись Степанченко и Сысоев.

– Просто стираю руками, – промямлила Поспелова, сгорая от неловкости.

– Никто не стирает вручную! Купите стиральную машину! Придурочное семейство!.. Слыхал? – обратился к Тиму оскалившийся Игнат. – Руками стирает! У старухи-мамаши денег на машинку нет? Или брешешь? Хочешь нас каким-то дерьмом заразить?!

– Заткнись, Картавец, дебила кусок! – вступилась Бутенко. – Сказано, аллергия на порошок! Или тебе, тупице, повторить, чтоб дошло?

– Никто не стирает вручную, – струхнув, пытаясь удержать ехидную улыбку, возразил Игнат.

– Я стираю руками, тупорылый идиот! Есть ткани, которые нельзя гонять в машинке! Хотя чёрта с два знаешь – за тебя, белоручку, бабушка стирает!

Наблюдавший Тимофей прыснул. Родители Картавцева восемь лет назад уехали на Север на заработки, бросив сына на попечение бабушки, и ни разу с того времени не навестили. Это тема была болезненной для Игната. Мальчик стучался и отвернулся.

С Дарьей пререкаться – не Пospelову травить. Пospelова одна против всех – нет ни друзей, ни заступников. А у Бутенко полшколы знакомых! Стоило заткнуться, пока Дарьяна подружка Илютина, это белобрысое хамло, пасть не раззявила.

– Опаньки, кто пришёл! – завопил Тимон. Сысоев заулюлюкал.

Виноградова и Рашель, румяные да свежие после улицы,

спешили к своим местам.

– Девочки и мальчики! – встав посреди кабинета, обратилась Рашель. – У меня племянник на свет появился! Так что проставляюсь: спекла торт и вафли! После уроков угощаю всех!

Класс оживился. Понеслись поздравления и расспросы. Родила её старшая сестра.

– Эй, Камилла! – Варя присела на край парты Тимофея. – Чего молчишь? Стесняешься?

– Ты о чём? – с улыбкой увернулась от ответа Виноградова.

– Я о чёрноглазом красавчике из 10 «Д»! – ластилась падкая на чужой успех Варвара, желая посплетничать. — Тимофею изменяешь, а я думала, что из вас будет суперпара!

Люба насторожилась.

– Варя, без обид, но я реально не понимаю, о чём речь!

– Об Ибрагимове и тебе. Встречаетесь?

– Ни хрена себе! – подпрыгнул Матвей. – Чувак остепенился и дал себя охомутать?!.. Камилла, да ты страшный человек!

– Нет, дурачок, я просто «самая обаятельная и привлекательная»! – нараспев пошутила брюнетка избитой фразой из советского фильма.

– Так вы пара? – не унималась Варвара. – На дискотеке вместе танцевали, я видела!

– И?! – юлила Камилла, создавая интригу. – Он меня вче-

ра до дома провожал – беспокоился, чтобы я одна в темноте не шла. Галантный внимательный парень. Не придумывайте лишнего!

– Ага! «Не придумывайте»! – вставила со смехом Рашель. – Скромница! Кто в раздевалке хвастался, как взасос целый час с Ибрагимовым целовалась?!

Компания прыснула со смеху.

– Аня, вот зачем?! – возмутилась Камилла для виду, кайфуя от внимания к своему успеху.

– Не обижайся, мы всё поняли! – умиротворяюще произнесла Даша. – Можешь скрывать, но мы всё равно поздравляем! Ты и Сэро – охрененная пара! Жаль, что на одного свободного красавчика в школе стало меньше!

– Я свободен, забыли? – пошутил Тимофей.

– Ой, знаем твою свободу! – возмутилась Илютина. – Вчера с кралей на дискотеку пришёл – я поздороваться подошла, так она меня чуть взглядом не удавила!

– И я несвободен! – вставил, улыбаясь во весь рот, Игнат.

– Да кому ты нужен, Картавцев?!.. Или свою правую руку имеешь в виду?

Толпа залпом заржала, а Игнат, обидевшись, отвернулся.

Поспелова сидела хмурая, словно дождевая туча, без тени улыбки на лице. Недолго пришлось радоваться общению с близнецами и Пашей. Больше её не пригласят ни прогуляться, ни в компанию. Не видать совместных походов в школу и обратно. Её место заняла Камилла. А если Камилла что-то

получает в свои цепкие лапки, возврату оно не подлежит.

– Любонька, стой!..

Поспелова притормозила в ожидании, пока её нагонит Аня Рашель.

– Ты вчера не осталась поесть тортика и вафель! А я, между прочим, сама пекла! Уж надеюсь, не брезгуешь?

– Нет, что ты! Мне стало нехорошо! – оправдалась Люба.

Услышав об отношениях Сэро и Виноградовой, тихоня сильно расстроилась. Весьма болезненно. И даже сегодня чувствовала себя разбитой. Поспелова решила, что приглашение Ани на неё, чужачку, не распространяется. И дабы не услышать, подойдя к еде, какую-нибудь гадость, поспешила ретироваться из школы. Оказывается, незаметно смыться не получилось.

Аня остановилась, отдышалась и полезла в сумку. Из недр её была вытащена небольшая коробочка с кусочком торта и двумя вафлями.

– Держи! Тебе!

– Спасибо! – здорово удивившись, поблагодарила ровесница.

– А почему этим путём идёшь?.. Ты же в другой стороне живёшь! Где Тимофей, верно?

– Да. Я маму на ж/д решила проведать. Она сегодня на смене.

– Тогда нам по пути! Я с тобой, хорошо?..

Люба хотела побыть одна, но отказать Рашель неудобно. Тихоня кивнула в знак согласия.

Поспелова второй день не выходила из кабинетов на переменах либо пряталась в самых тёмных углах коридоров, боясь столкнуться с Сэро. Она чувствовала себя квашней, хотелось плакать, заболеть, попасть под машину, провалиться в открытый люк – хоть что-нибудь, дабы не появляться в школе. Желательно, навсегда.

Ибрагимов потерял насовсем, бесспорно. Тихоня испытывала дикую душевную боль, которую всеми силами старалась подавить, иначе пришлось бы сознаться, что имелись надежды на отношения с повесой, его братом и друзьями. Наивно, конечно, но разве запрещено мечтать?

Ещё больше она боялась наткнуться на цыгана, обнимающего Камиллу. Должно пройти время, прежде чем ей хватит смелости увидеть сладкую парочку.

Вернуться вчера домой по избитому пути школьница не решилась, опасаясь встречи с близнецами, и потопала в другую сторону. К матери на ж/д. Там она проторчала весь день, выучила уроки, попила чаю. Сегодня подросток решила поступить так же – завтра мама выходная, потусить в касе не получится. Она рассчитывала в одиночестве хорошенько подумать, но её догнала Рашель.

Анюта трещала без умолку. Обо всём и всех, ничего не скрывая и не стесняясь попутчицы, с которой толком в школе не общалась. О парнях, что за ней ухаживали, о своей се-

мье, о замужестве сестры и недавно родившемся племяннике, о планах на будущее.

– Я стану юристом, как мама и папа! Буду работать в суде или в милиции. Мне легко даются история и право. Инна Степановна всегда хвалит, заметила? «Моя Рашель лучшая!»

Хвастаться, не моргая глазом, уметь надо! Язык у Рашель без костей. Люба видела, что Аня преувеличивает, но слушала молча добродушную болтуню, что трещала без остановки.

Новоиспечённый город (бывшая станица) на 70% состоял из частного сектора. И по размеру жилища, его ухоженности, материалам постройки, количеству соток местные судили о финансах и статусе хозяев.

Многоквартирных домов было в меньшинстве. Десять – пятнадцать пятиэтажек в центре да двухэтажки на три подъезда по окраинам. Людей, проживавших в квартирах, Александра Поспелова считала чуть ли не второсортной беднотой.

Анюткина семья, переехав четыре года назад на Кубань с Камчатского полуострова, купила не дом, а квартиру в скромной двухэтажке ближе к выезду. Кроме Рашель, в «А» квартирщиков не было.

Блондинка в 10 «А» оказалась будто свежим дыханием: простая, открытая, невероятно жизнерадостная. Общительная кокетка, всегда добродушна и весела. В Рашель было

столько самолюбования! Не наигранного и показушного, а искреннего, что ей и в неё верили.

Тихоня периодически разглядывала Аню и не понимала, что в ней красивого, почему пацаны на ровеснице помешались. По Любиным понятиям, в ней не за что было уцепиться: пепельные волосы (Рашель с девятого класса стала краситься в блонд), жидкие и толком не росшие, заплетаемые в куцый хвост, огромные выпуклые светло-голубые глаза, белёсые брови и ресницы. Эталоном красоты Пospelова считала жгучие, яркие типажи – например, актрису Наталью Орейро.

Были, на Любин взгляд, в Анютке и достоинства, которые сложно недооценить: ровные белые зубы, чистая кожа, пышная грудь, точёная талия, плавно перетекавшая в округлые бёдра, а затем в стройные ноги. Ну и ещё один секрет успеха, признаваемый Любой, кроме абсолютной уверенности Аньки в себе, – приветливость со всеми без исключения. Ни надменности, ни грубости, ни насмешек. Обаятельная улыбка – для мальчиков и для девочек. Сама дипломатичность!

Интеллигентные родители Натальи – утончённая ухоженная мама и скромный воспитанный папа – сразу заняли прочное положение в классе, войдя в состав родительского комитета. Со всех сторон образцовая и благополучная семья.

– ... Камилла тащится от Сэро (ещё бы, такой зайка!), но лично я бы предпочла его брата. Только, кажется, он отношениями не интересуется. Занятой, серьёзный! Даже если

улыбается, то сдержанно. Наверняка планирует в будущем успешную карьеру построить или бизнес открыть! Замечала его поведение в школе?.. Ау! Слышишь?.. Люба!.. О чём задумалась?

Аня остановилась, недовольно глаза на Поспелову, витавшую в своих мыслях.

– Ой, извини! – спохватилась тихоня, отвернувшись, чтобы собеседница не заметила, как её перекосило от упоминания о близнецах. – Я за ними не наблюдаю.

– Вообще мальчиками не интересуешься, смотрю. Скажи, а тебе не тяжело постоянно сидеть дома?

– Нет, у меня много работы.

– Какой?

– По дому. Какой же ещё?

– А, ну да! Камилла рассказывала. Вы раньше дружили.

Любу передёрнуло. Тихоня вспомнила, как летом после седьмого класса она и Камилла друг у друга гостили, вместе гуляли, обсуждали мальчиков, носились на велосипедах как угорелые.

– Если не будешь ходить на дискотеки, как с парнем-то познакомишься?.. Тебя ж никто не видит и не слышит, никто не знает!

Аня задела за больное, и Поспелова разозлилась.

– Сейчас надо не парнями увлекаться, а учиться старательно!

– Можно совмещать и то и другое.

– Аня, не думала, что, может, я не хочу иметь дела с мальчиками на дискотеках?.. Может, хочу познакомиться в вузе или на работе, или через рекомендации, чтобы видеть, какой человек на самом деле?.. Чтобы не обманываться танцами?

– Ну-у-у-у...

– Танцуешь, знакомишься – дальше что?.. Как себя парень потом поведёт?.. Пока разберёшься – время ушло. А в рабочей обстановке или по совету видно, с кем дело имеешь и подходит ли мужчина в мужья. Я хочу выйти замуж вот так!

Рашель огоршенно смотрела на Пospelову, чеканившую слова, как заводской станок металл. Люба говорила отрывисто, жёстко, зло, потому что защищалась, а позицию про замужество высказывала мамину, заученную с детства.

Люба безумно хотела на дискотеки. Особенно мучилась летом, когда музон из «Торнадо» чётко слышался во дворе. Девочка садилась на ступеньки, подпирала рукой голову, слушала музыку, комментарии диджея и мечтала, как окажется там, среди ровесников, будет веселиться и танцевать.

Александра Григорьевна категорически не хотела пускать дочь туда, приводя неприятные и пугающие аргументы: изнасилуют, побьют, убьют, изуродуют. Аргументы имели эффект, потому что Люба вспоминала одноклассников – Степанченко, Жваника, Сысоева и Картавцева.

Что будет, когда она явится на танцпол? Запуганное воображение рисовало жуткие сцены публичного унижения, насмешек, побоев, после которых точно из дома со стыда

не сможешь выйти. Хорошо Рашель умничать – она же самая-самая в классе! Все хотят быть рядом, и Тимон – в первых рядах! А у Любы едва появился Сэро, и то его Камилла отобрала!

– Я неудачный собеседник обсуждать парней и замужество, Аня. Это к другим. Давай о книгах поговорим. Что сейчас читаешь?

– Ничего не читаю вообще. Что по литературе задают, и то в кратком содержании. Мне книги зачем? Я на юриста поступать собралась, а не на филолога.

– Ясно. Тогда имей в виду, что Имир очень много читает, если уж он тебе приглянулся.

– Ибрагимов что ли?! – Рашель выпучила глаза.

– Ну да. В школе ещё один Имир есть?

– Нет... Имя редкое! А ты откуда знаешь?

– В библиотеках часто его вижу. И в городской, и в районной. Сидит один, постоянно читает или пишет. Увлекается, поверь, совсем не глянцем! Книг много на дом берёт!

– То есть с ним в библиотеке можно познакомиться? – уцепилась за шанс прыткая Аня.

– Не думаю. Он всегда сидит один. Видела, как к нему пытались подкатить, но он и шанса не давал. Даже сесть рядом не разрешал! Но можешь попытаться... Вдруг понравишься.

Люба лгала, сочиняя на ходу, лишь бы задеть Рашель. Ей нравилось, как у собеседницы вытянулось от удивления лицо. «Так тебе и надо! Нечего было меня гадкими вопросика-

ми про дискотеки цеплять!»

– Ничего себе, сколько ты знаешь! А говорила, что за братьями не наблюдаешь!

– Не наблюдаю! Всего лишь в читальных залах часто сижу! – шустро выкрутилась Люба, поняв, что попалась с личным.

– А имя откуда знаешь?

– Ну здравствуйте, Аня!.. Его химичка на спаренном уроке позвала, и Валентина – когда разбиралась из-за оценки. Я запомнила. А ты с Камиллой всё наблюдаешь, а имя до сих пор не выяснила. С твоими-то знакомствами!

Поспелова не заметила, как стала ехидной и злой. Аня удручённо недоумевала, как тихая неулыбчивая молчаливая Люба превратилась махом в кусачую стерву.

– Кстати, ответь на вопрос! Вас с Камиллой не смущает, что Ибрагимовы – цыгане?

– Нет. Почему должно?

– Они же нерусские!

– И?!.. Они хоть раз попрошайничали или по-свински себя вели?.. Братья не хулиганы, не последние двоечники, хорошо одеты, не обижают никого, учатся. Имир на доске почёта висит сколько лет! Их уважают! Это хорошие люди!

Люба опустила глаза. Если б слышала Александра Григорьевна, и Рашель была б её дочерью, то Аньке без промедления бы прилетела жёсткая пощёчина.

– То есть ты бы вышла замуж за цыгана?

– За перспективного, умного, образованного и воспитанного – да. Вопрос не в нации, Люба! Вопрос в начинке! Что из себя человек представляет. Репутация, возможности, цели!

– Ясно.

– А ты бы не вышла?

– Нет. Ни за что!

– Не любишь другие национальности?

Опасный вопрос. Если болтливая Рашель растриндит в школе позицию тихони, то Пospelовой могут кости переломать.

– Не хочу масть портить! Все в нашем роду со светлыми волосами и глазами. И у моих детей будет так же! Моя позиция касается мужчин всех, без исключения, национальностей! – ушла от прямого ответа Люба в надежде, что Рашель эти пояснения устроят.

– Намеренно выберешь вместо воспитанного умного щедрого брюнета Максима, что будет любить, на руках носить и семью обеспечивать, бездельника Петьку, с утра до ночи жрущего семечки и зарабатывающего три копейки, лишь потому, что он светловолосый?!..

– Да, – нехотя ответила Пospelова, покраснев до кончиков ушей из-за абсурдности своего положения.

Рашель странно покосилась на собеседницу, но ничего не ответила. Дальше они шли молча.

С первых школьных лет Люба с удовольствием после учёбы и в выходные бегала к маме на работу через всю станицу.

Поспеловы жили в нескольких кварталах от центра, неподалёку от реки. Ж/д станция стояла на окраине города, рядом с автовокзалом, элеватором и хлебозаводом.

Девочке не лень было топать пару часов, чтобы насладиться рокотом поездов, понюхать запах мазута, посидеть на громоздких скамьях с изогнутой спинкой в пустом зале ожидания, глаза на своды высокого мрачного потолка.

Местная ж/д станция – одноэтажное старое советское здание, украшенное мозаикой. Вокруг – частные жилые дома. Благодаря им по территории вокзала разгуливали не только хозяйские коты да собаки, но и куры, стаи гусей с индюками да несколько коз.

Зал ожидания и пассажирская касса размещались со стороны ж/д путей. С лицевой стороны вход вёл в помещения начальника, товарную кассу, где трудились Александра Григорьевна и её сменная коллега Антонина (с коллегой Антониной Поспелова замечательно враждовала, как и с большей частью других станционников), и крошечную комнату отдыха.

Любе нравилось гулять по железной дороге. Особенно по путям вглубь, подальше от касс, оставив позади диспетчерскую и другие рабочие помещения.

Через метров сто от ж/д станции вдоль путей ютились домики на два хозяина, в которых преимущественно жили же-

лезнодорожники. Низенькие строения утопали в тени тополей и клёнов, сияли побелёнными стенами, прятали в густых высоких кустарниках тайны дворов. Пахло едой, хозяйством, животиной, покоем и устоявшейся стабильностью станичных семей.

Когда жилая зона у путей кончалась, перед девочкой выплывала территория запустения. В колосившейся сорной траве спали брошенные остовы грузовиков, ржавых автобусов, прятались вагоны без колес. Возвышались над деревьями мрачные склады и ангары – тёмные, пугающие, нелюдимые, с огромными ржавыми решётками и увесистыми замками на цепях.

Зайдя за ангары, оказываешься в тупике, накрытом чёрной тенью деревьев и хозпостроек. Скрипели от ветра тяжёлые двери, звякали ржавые массивные цепи. Казалось, это не мир людей, а потустороннее закулисье, где водится любящая темноту да забвение нежить.

Люба, приходя, ощущала себя одинокой странницей, брошенной миром на произвол судьбы. Девочка присаживалась на бетонный блок, размышляла или следила за стаей бродячих собак, гонявшей ворон. Мимо громыхали поезда.

Школьница не догадывалась, не замечала, что место принадлежит не только ей одной, – сколько раз её, разговаривающую вслух, обнаруживал здесь Имир и внимательно, тихо наблюдал.

Папу на работе можно было поймать только во время обе-

да. Он всегда находился высоко, в кабине подъёмного крана. Люба встречалась с отцом дома, когда его велосипед, гружённый авоськой с ароматными булочками и свежим хлебом с хлебозавода, стучался о скрипевшую калитку.

Мама трудилась в здании и редко выходила даже по служебным делам. В стене между товарной и пассажирской кассами имелось маленькое слуховое окно, через которое работники по надобности общались и передавали документы. Раньше помещение отапливалось чёрной голландской печкой, но нынче она служила элементом интерьера. Станцию грели чугунные батареи.

Люба заходила к матери в кабинет как в дом родной. Пахло чернилами, стучали счёты, шелестела бумага. Мир цифр, поездов, накладных и мазута. Этому миру принадлежали родители, поэтому девочка любила его безусловно.

Когда поздним вечером Александра Григорьевна закрывала кассу, Люба всё ещё переживала из-за слов Ани Рашель. В голове не переставая зудела фраза: «Если не ходишь на дискотеки, как с мальчиком-то познакомишься?.. Тебя ж никто не видит и не слышит, никто не знает!»

В груди болезненно заныло. Ибрагимовы и Паша в «Торнадо» тусуются всем девочкам на радость!

«Неудачница ты, Люба! Стрёмная и неинтересная. Некрасивая! С парнями общаться не умеешь. Никому не нужна! И никогда не будешь нужна. Удавись!» – внутренний голос

буквально орал. Зло, безжалостно.

– Вкусные вафли и торт! – заговорила усталая мама. – Рашель – хорошая хозяйка! Тебе надо учиться печь.

– Где, мам?!.. У нас плохая духовка – тесто не поднимает, вся продувается, мышцы её насквозь изгрызли! Для вафель нужна вафельница, которой в доме нет!

– Да знаю я! Что, думаешь, мать старая, от людей отстала?!.. Не можешь торты печь, пирожки на сковородке жарь! Простый раз Шурик говорил, что тесто не посолила... Тренируйся на брате быть хорошей хозяйкой, на муже потом поздно будет! Никто не станет терпеть в хате неумеху. А Шурик с людьми общается по делам торговым, по бизнесу. В ресторанах да у богатеев много чего ел! И «невесты» его вкусно кормят! Каждая спит и видит, чтоб замуж взял, но наш Шурик не лыком шит! Принимай его критику с почтением, нечего дуться, как маленький ребёнок! Брат плохого не желает.

– Зачем оно надо?!.. Может, никто замуж не возьмёт! Умру старой девой.

– Чего глупости говоришь?! Нечего переживать! Лучше делом займись, учёбой! О замужестве рано думать! На днях, вон, с тобой «Москва слезам не верит» смотрели. Катерина сначала карьеру построила да жильё заимела, а потом и судьбу встретила!

– Ага, когда полжизни прошло! Ещё чуть-чуть, и стала б пенсионеркой, кряхтящей на лавочке у подъезда! Все девоч-

ки в классе знакомятся в «Торнадо»!

– Пусть! А тебе нельзя ходить в клубы, Люба, ради твоей же безопасности! Вырастешь, матери «спасибо» скажешь! Бандиты кругом, американщина, наркоманов в парке развелось! Люди говорят, шприцов валяется немерено! А драки, разбои, изнасилования?!.. В газетах ужасы всякие пишут!.. Люба, в мои юные годы на танцах дрались, а сейчас, когда бардак в стране, тем более!

– Никого в школе, между прочим, ещё не избили и не изнасиловали!

– Уверена?!.. Если с кем и случилось, девушка со стыда и позора никогда не подаст виду. Сколько я рассказывала, как на меня после танцев нападали?!.. Шла одна, два парня побить и раздеть пытались. А второй раз...

Люба посмотрела на маму – лицо уставшей от работы женщины осунулось и потемнело

– Второй раз одноклассник провожал. Из порядочной семьи. Тихоня, отличник. Завидный жених! Когда подальше от клуба отошли, всё платье изорвал, руки крутил, даже бил, чтобы я уступила... Говорил: никто тебе, нищенке, не поверит, что я приставал... Еле сбежала! Удалось с горем пополам обмануть; сказала, мол, в туалет хочу по-большому. Он отпустил в кусты, сам рядом встал, а я как рванула!.. Домой прибежала, в хату влетела, а у мамы – гости. И тут я – вся грязная, в рваном платье... Мать схватила метлу и давай бить: «Где шлялась?!.. Где?!».

– И никто не заступился?! – Люба не раз слышала эту историю, но вопрос задала впервые.

– Никто. Сидели и смотрели. Тётка с мужем, сватья, дядя с невесткой, соседка. Дядя один раз сказал только маме, чтоб не убила на горячую руку.

– Зачем же бабушка била сразу?.. Почему не спросила, что случилось?

– Ей, Люба, деваться было некуда. Люди смотрели. Мама в шоке, не знала, как реагировать. По моему виду было понятно, что случилось. Раз случилось, значит, сама виновата. Какой с парня спрос? Совратила по-любому. Жопой виляла. Да и кто бы поверил? Тот козёл из приличной семьи коренных кубанцев, а моя семья – приезжая голытьба! После Отечественной войны на Кубань много таких переселили! Отец, дед твой, погиб; у матери одиннадцать ртов, но шестерых голод уморил. Я младшая. Четыре года стукнуло, а как сейчас помню: заселили нас зимой в крохотную холодную баню без стёкол и печки! Ни денег, ни еды, ни вещей – ничего. Маму сразу в колхоз забрали работать.

– А кто заселял, не видели, куда женщину с пятью детьми определили? – возмутилась подросток.

– Заброшенная баня моему дяде и его жене Арине принадлежала. Они раньше всех переехали на Кубань, построились, обжились хозяйством. Двум старшим детям дома возвели. А тут власти нас подселили! Арина сказала, хватит с неё нищей родни, кров дадут, а дальше сами, как хотите.

– И тётю Арину совесть не мучила, что родную сестру мужа и племянников в полуразваленную баню выгнала?

– Люба, ты живёшь в совсем другие годы и многого не понимаешь! Война прошла, голод страшный! Тётя с дядей уже помогли нескольким семьям обжиться. У неё – свои дети, поднимать надо. А тут мы на её голову!

– Чёрствая она и бесчеловечная!

– Нет, Люба, время такое! Мы, детвора, баню обмазали, крышу законопатили – до весны и дожили. Банька крошечная, три на три метра. Братья на чердаке спали, а я с сестрой и матерью – внизу на соломе. Ничего, постепенно хозяйством обжились, выросли! В школе, правда, тяжело было.

Люба тихо забрала из рук матери тяжёлую рабочую сумку, сшитую из лоскутков чёрной кожи. Такие сумки в 90-е были модными у провинциального женского населения.

Каждый раз, когда Григорьевна делилась воспоминаниями о тяжёлом послевоенном детстве, девочке хотелось расплакаться и защитить от невзгод мать, уже давно выросшую. Школьница испытывала праведный гнев ко всем, кто в прошлом унизил, оскорбил или поднял руку на когда-то маленькую Шуру. Шагая домой по тёмной улице с битыми фонарями, дочь от всей души сочувствовала. Молчала, гневалась и поддерживала.

– Нищих никто, дочка, не любит! Безотцовщину – тоже. Я была нищей, без отца, да ещё и приезжая. Как кубанские не любят приезжих, ты бы знала! Везде гнали как паршивую со-

баку! Отца не было, чтоб заступиться, мать в колхозе пахала с утра до ночи, жили в бывшей бане. Чуть у кого что пропало: Шурка – воровка! А если вещь находилась, никто не извинялся, потому что защитить некому! Учителя на уроки не пускали: я в рванье, босая, сопли из носа висят... А в классе дети – то дочка кузнеца, то пекаря, то ещё кого зажиточного. Одни родители учительнице телегу дров привезли, другие – мешки с пшеницей. А что с меня, голодранки, взять было?.. Как-то снег выпал, я босая до школы дошла, а на урок меня не пустили. Мол, когда обуешься, тогда и придёшь. Я пошла назад и в сугроб упала, сознание потеряла. Так бы и замёрзла насмерть, если б мимо мужик один не ехал да не откопал.

– Почему учителя такие жестокие были?! Детей своих будто не имели! Как можно ребёнка, пришедшего босым по снегу, назад отправить?!

– А знаешь, в том и дело! Одна учительница бездетная, и вторая. К классруку Марии Филлиповне я до самой её смерти ходила. Она ослепла рано, муж бросил калеку, жила одна. Раз я уговорила одноклассников проведать, так все исплевались: грязно, еда нечистая... Я ругалась: всех в классе она любила и лелеяла, только меня одну гнала прочь, и вот благодарность!

– Надо было и тебе оставить. Она ведь обижала. Зачем ходила, мама?!..

– Нельзя так с обездоленными, попавшими в беду людьми! Жизнь накажет!

– А родню жизнь наказала? Нет! Сколько ноги вытирали и за человека не считали? Никто не ответил! Тётя Арина дочек замуж удачно выдала, сыновьям дома наворотила. Ты одна поднималась: образование с трудом получила, попала на высокую должность без чьей-то помощи, дом построила! Сильная ты у меня, мама!

Люба остановилась и крепко-крепко обняла родительницу.

– Родню заносчивую ненавижу! Какие прежде сволочи были, с такими рожами и сейчас таскаются! Завистливые, высокомерные! Когда тётки приходят, у них на лбу написано мнение о нас!

– Что ты, доченька?!.. Родных надо любить и держаться рядом! Вместе мы крепче, а поодиночке каждого переломать можно! Какие-никакие, а кровь одна! Да, родственники нас, Пospelовых, не любят, но и не всегда они плохие! Помни это.

Дочь в ответ недовольно хмыкнула.

– Я тебе, Любонька, не просто так говорю постоянно: береги честь, здоровье да хозяйкой учись быть золотой! Чтобы муж не ушёл к другой и детей не бросил. Детям без отца ой как тяжело жить! Уж я-то знаю! Здоровье и образование нужно, чтоб не была обузой и всегда семью обеспечить смогла. Никому не нужны, дочка, больные, помни.

Александра Григорьевна поёжилась от порыва промозглого ветра и добавила:

– Замуж выйти не проблема, а вот потом... Хочешь, беги на дискотеку, я не держу. Уши развесишь, какой-нибудь ловелас охмурит, использует, в подоле принесёшь – не помогу, в дом не пущу. Не дочь будешь! Для того и воспитываю, чтоб знала и помнила, как в жизни бывает. Поняла?

Люба скривилась.

– Не охмурит, не переживай! Кому я со своей кривошеей нужна? На меня в школе никто не смотрит. А на дискотеке, думаешь, прям всем сразу понадобится?

– Да, дочь, ты не красавица, и хорошо, что помнишь об этом. Недостаток физический всегда был признаком нездоровья. Вдруг, раз калека, больных детей родишь или захиреешь?... Дабы злые люди не надеялись, учись хорошо, трудись по дому и не шлейся по клубам. Чтобы видели женихи идеальную хозяйку, которая семью на танцульки не променяет!

Любе нечего было сказать. Аргумент матери в который раз успокоил тосковавшую юную душу и дал надежду на счастливое далёко.

«А может, Рашель не права? Кто опытнее: мама или Аня, в конце концов? Мама знает, что говорит, всё-таки добра желает. Всё будет хорошо!» – успокоила себя девушка и улыбнулась.

Перед внутренним взором предательски выплыл образ задорно улыбавшегося Ибрагимова. Белые ровные зубы, изогнутые губы, насмешливые чёрные глаза с длинными ресницами. Настроение испортилось, сердце заныло.

«Ничего не сделаешь. Нечего было мечтать и на что-то рассчитывать! Знай своё место и живи дальше. Будет и на твоей улице праздник». Школьница вдохнула побольше холодного воздуха и подставила лицо мелким колючим каплям срывавшегося дождя.

Тоска и разочарование от новости, что Сэро стал встречаться с Виноградовой, к концу недели сменились гневом и ненавистью по отношению к обоим.

Поспелова злилась на Виноградову и осознанно желала всяких бед, гневно пялясь во время уроков на тёмно-каштановую копну волос. Когда у Камиллы лопнули на заднице брюки прямо у классной доски, уровень злорадства мог бы донести Любу до Луны – настолько сильно она лютовала.

Сэро и Имира тихоня увидела мельком, когда одна из первых после звонка зашла в столовую. Она рассчитывала, что в помещении никого не будет и у неё есть шанс быстро поесть да незаметно сбежать в густой толкучке. Только 10 «Д» уже был там: учитель английского уволилась, и вместо урока половина класса болталась по школе. Заметив, едва войдя, знакомые черноволосые фигуры, Поспелова пулей вылетела прочь, предпочтя остаться голодной. Девочка решила со злости вычеркнуть из жизни и Сэро, и Имира, считая от обиды второго тоже виноватым в собственных злоключениях и неудачах.

В пятницу после уроков Люба пошла по поручению ма-

тери к Таисии Фёдоровне с двумя тяжёлыми сумками, набитыми мандаринами и халвой (гостинцы от старшего брата). Таисия Фёдоровна как раз заводила тесто на пирожки, и Люба осталась в качестве ученицы. Здесь, в уютной чистенькой кухоньке с низким потолком, школьница за болтовнёй, согревшись от тёплого отношения и доброты хозяйки, проторчала несколько часов.

Заброшенный дом смотрел на Любу пустыми чёрными глазницами окон и внушал трепет. Никогда к нему так близко девочка ещё не подходила.

Возвращаясь от Таисии Фёдоровны с пакетом ароматных свежайших пирожков на Солнечный 27, девчонка опять застряла у строения, которое приличные люди предпочли бы обойти десятым кругом или вообще не заметить.

Двухэтажный необитаемый дом из белого кирпича был почему-то неприметен для прохожих, хотя стоял на одной из центральных улиц. Его не замечали даже жители соседних домов.

Юная Пospelова была исключением. Она обнаружила пустынный особняк, будучи крохой, когда шла с мамой из районной поликлиники. Маленькая Люба неожиданно открыла мрачное, в зарослях, здание, одиноко и угрюмо смотревшее на мир среди ярких цветастых опрятных домов – соседей.

– Мама, что за дом такой?

– Какой?

– Во-о-н тот, белый, большой!

Александра Григорьевна не сразу обнаружила кирпичного отщепенца, хотя он, не скрываясь, смело глазел на женщину, остановившуюся на тротуаре противоположной стороны дороги. Может быть, дом не особо замечали потому, что на его стороне тротуар отсутствовал напрочь.

– Ох, дочка, это нехорошее место! Как увидела за деревьями-то?..

– Так он же не прячется! Почему нехорошие?

– Молва такая ходит. Давно в нём никто не жил и навряд ли будет! Люди, покупавшие его, всегда быстро, в спешке, съезжали и продавали хату снова. Последний хозяин тоже не стал, но и продать до сих пор не смог – дурная слава стойко закрепилась. Квартиранты за смешную оплату ужиться не смогли: по ночам в стенах постоянно что-то стучало, потом начинался вой и топот. Слышалось, говорили очевидцы, будто кто-то то бегал и дрался, то плакал, то ругался, то стонал... Жуткое место! Пойдём-ка дальше!

Любе стукнуло пятнадцать лет, а интерес к хате с полтергейстом не угас. Проходя мимо, тихоня всегда останавливалась, а то и присаживалась на лавочке напротив и глазела подолгу на строение. Дом-призрак успокаивал и внушал умиротворение. Почти так же она чувствовала себя на кладбище.

Когда Пospelова и Ибрагимов возвращались из заброшенного парка, школьница указала спутнику на беспризорное место. Цыган изрядно удивился.

– Вот это да! Махина!.. Не видел никогда раньше! Ты, однако, внимательная!

Ребята перешли проезжую часть и остановились на краю неухоженной лужайки, примыкавшей к дому.

Большие высокие окна с обрывками грязных занавесок беззастенчиво показывали подросткам очертания пустых комнат с кусками облезших обоев на потемневших стенах. Почти заросшая, мощённая булыжником тропинка, огибая дом, вела от калитки к просторной застеклённой веранде, прятанной на тыльной стороне здания. Стёкла её потускнели, позеленели, но даже через эту муть солнечный свет наверняка просачивался в помещение.

– Смотри, Сэро! В фасадных комнатах по четыре окна. Два – на лицевой стене, и по одному окну на примыкающих!

– Вижу. Многовато! Обычно делают одно на комнату, на большие помещения – два. А тут наляпали отверстий, как в барских хоромах!

– Это мода раннего советского периода. Даже досоветского.

– Это забытое Богом место нам в прабабушки годится?!

Люба кивнула.

– В халабуде лет так двадцать никто не живёт! Я со времён детского садика хожу мимо, и он всё стоит запустелый да стоит...

– Столько времени глазеешь, а ни разу не зашла вовнутрь посмотреть?!

– Ты что, нельзя! Чужая собственность!

– Что-то собственник не особо об имуществе печётся, раз огромная хата на глазах разваливается! Там никто всё равно не тусуется, так что полезли давай, посмотрим изнутри! – повеса решительно подошёл было к забору, как Люба остановила его, схватив за руку.

– Нет, не пойдём! Не надо!

– Почему?!

– Темнеет. – Десятиклассница с опаской покосилась на небо, а потом на мрачные окна здания. – И дом не хочет.

Цыган непонимающе, будто ослышался, уставился на приятельницу.

– Хрень какая! Что за чушь?!.. Бред сивой кобылы!.. Ты просто боишься! Мы не будем заходить в дом, обещаю! Обойдём вокруг, посмотрим веранду и сад.

Поспелова строго взглянула на парня.

– Нет. Разве не чувствуешь, что дом против?.. Он нам не рад. Нехорошо мне... Идти туда нельзя!

– Ничего не чувствую. Я хату вообще не видел раньше и не увидел бы, если б ты пальцем в неё не ткнула! Не хочешь – как хочешь. Пойдём домой. Странная, конечно!

Ибрагимов пошёл прочь, а школьница, на секунду остановившись, глянула на особняк, будто извиняясь за своё неблагодарное, и потопала за цыганом.

Сейчас девочке было стыдно и досадно за слова, ненароком сказанные брюнету.

«Дом не хочет! – язвительно передразнивал внутренний голос хозяйку. – Зачем ему дом показала? Это было твоё место, только твоё! Ты мечтала вырасти и выкупить его, чтобы просыпаться от света из четырёх окон и пить в одиночестве на веранде чай! А теперь Сэро покажет тайную нычку Камилле... Дура!»

На глаза навернулись слёзы. Пospelова, стоя у ржавой, давно не крашенной кованой ограды, посмотрела на дом. Тот приветливо манил зайти внутрь, осмотреть, так сказать, будущее жильё. Школьница, оглядевшись по сторонам и убедившись, что никто не видит, дёрнула калитку.

По пустынной улице стремительно проехал, рокоча, мотоцикл. Люба испуганно отскочила на шаг от забора, подождала, когда шум стального зверя утихнет, и снова толкнула дверь. Та, несмотря на облепленность сорной травой, легко поддалась и отошла в сторону. Замка, оказывается, не было.

Вновь заревел двигатель – видимо, моцик ехал обратно. Блин! Девочка, испугавшись, что её поймут на вторжении в чужую собственность, быстро задвинула калитку и отошла на пару шагов.

Мотоцикл съехал с дороги на лужайку и остановился перед перепуганной Любой. Водитель снял шлем.

– Я думал, что обознался, но нет! Это действительно ты! Здорово, Люба, как делишки?..

– Здравствуй! Всё хорошо! – Пospelова облегчённо выдохнула. Она было подумала, что это владелец дома. Поймал

с поличным и сейчас вызовет милицию.

Коробкин посмотрел на здание и напрягся.

– Живёшь тут?

– Нет, – ответила она, махом испугавшись дальнейших расспросов, что тогда здесь делает.

– Слава Богу! Оно и видно – халабуда сто лет как заброшенная! Трещины по стенам пошли! Всё заросло к чертям собачьим. А окна какие жуткие! Впервые вижу это старьё, хотя частенько здесь катаюсь. Ты, наверно, зайти и посмотреть хотела? Не боишься? В заброшках наркоманы обычно ширяются да бомжи с алкашами ночуют. Тропинка почти не заросла – значит, кто-то лазает!

Денис слез с мотоцикла, подошёл к калитке и дёрнул, чтобы открыть.

– Вот чёрт! Проросла насквозь дрянью! – юноша, максимально применив силу, попробовал ещё раз. Калитка не пошевелилась. – Дверь, чтобы пройти, придётся с корнями оторвать! Намертво прижавела!

Шатен тревожно посмотрел на ошарашенную увиденным тихоню.

– Раньше лазила по заброшкам?

– Только с Сэро на водонапорной башне в милицейском лесу. – Воспоминания вернулись, и девочка нахмурилась. – Больше нигде.

– И сама решила зайти вот сюда?!.. Опасно! Во-первых, ходить одной в таких местах: можешь нарваться на торчков

или бездомных и не выйти. Во-вторых, дом аварийный точно: провалишься куда-нибудь – и всё. Поминай как звали!

Денис опять глянул на дом.

– Страшна хата, пипец! Поехали отсюда. Садись!

– На мотоцикл?

– Ага. К Паше в гости отвезу. Пообещала ему прийти, а не приходишь. Нехорошо обманывать! – Коробкин приветливо подмигнул. – Хочешь Паху навестить?

– Конечно! – обрадовалась десятиклассница. – Но, Денис, я на мотоцикле не ездила, страшно...

– Зря переживаешь! Я с одиннадцати лет моцик вожу. Извини, шлема второго нет. Обещаю рулить аккуратно. Да, забыл! Мне по пути домой нужно заехать на пять минут. Не против?

Поспелова насторожилась, но отказать не смогла. Желание увидеть Пашу победило. Она опасливо подошла к высокому тяжёлому мотоциклу и нервно начала возиться, не зная, как залезть. Денис без лишних разговоров подхватил девчонку за тонкую талию и усадил сверху, затем сам ловко запрыгнул, надел шлем.

– Обнимай покрепче и держись!

Двигатель взревел. Люба зажмурилась от страха, когда мотоцикл, медленно выехав с лужайки, плавно рванул по асфальту. В лицо начал бить поток встречного воздуха. Тело под лёгкой курткой моментально продрогло и замёрзло. Тихоня прижалась крепко к водителю в попытке спрятаться от

холода.

Постепенно страх ушёл, и десятиклассница открыла глаза. Мимо проносилась совсем неизвестная станица – огромная территория четвёртой школы. Сколько незнакомых зданий, мест, улиц! Как будто в другой населённый пункт попала. А ведь ни о № 4, ни о прилегающей территории, ни об учащихся Люба ничего не знала! Школьница почувствовала себя невежей.

Она не догадывалась, что Денис поехал не прямым путём, более коротким, а объездным – раза в три длиннее. Коробкин жил намного дальше, чем Паша, и в планах его было покатать стеснительную девочку подольше, чтоб от езды растаяла и была покладистой. Это работает – парнишка проверял. Куй железо, пока горячо.

Моцик заглох возле низенького домика, что спрятался за высоким глухим забором. На рёв двигателя во дворе разгавкалась басом овчарка.

– Фу, сказал! – гаркнул Коробкин. – Подожди, не заходи, собаку привяжу.

Домик Коробкиных построили из красного кирпича. До крыши можно было дотянуться рукой, встав на стремянку. Рамы заменили на пластиковые, недавно появившиеся на строительных рынках.

Двор походил на опрятный склад автозапчастей и металла, на утопанной земле местами чернели пятна мазута. В открытом нараспашку гараже – видимо-невидимо инструмен-

тов и хозинвентаря. Клумбами не пахло в помине – это была мужская территория заядлого автомобилиста. Денис обожал возиться с техникой, в СТО дяди давно зарекомендовал себя как рукастый мастер, и часть клиентов уже приезжала не в мастерскую родственника, а к парню на дом. Это позволяло пацану иметь неплохой дополнительный доход без отдачи комиссии дядьке.

Шатен с опаской открыл входную дверь. К его облегчению, мамашиных ботильонов на пороге не было. Ушла, небось, курва к новому хахалю или к подружкам-потаскухам бухать. Ну и хорошо! Чтоб её так на недельку – другую от родной хаты подальше унесло!

– Заходи, разувайся. Могу дать свои тапочки, если хочешь. Пол чистый, вчера мыл.

– Нет, не надо, – промолвила Люба, оглядывая жилище изнутри.

На Солнечном 27 комнаты белили извёсткой с добавлением синьки. В каждом помещении на одной из стен висел ковёр, а в зале – целых два. Девочка привыкла к высоким потолкам по три с половиной метра, поэтому низкий потолок Коробкиных был диковинкой (у Дениса он оказался ниже, чем в опрятном домике Кати Лыткиной). На стенах – обои: в коридоре – одни, в зале – другие, на кухне – третьи, с рисунком плюща, явно свежие (парень летом переклеивал). Мебели мало, зато самая необходимая. Чисто, опрятно. Пахло духами и домашней едой.

Ровесник провёл знакомую на крошечную кухню и поморщился от досады: на обеденном столе, усыпанном крошками, гордо стояла пустая бутылка из-под водки, рядом – тарелка с заветрившимися остатками колбасы. В гостях у матери кто-то был. Раковина захламлена грязной посудой и пустой кастрюлей из-под рассольника. «Чёрт! Вчера приготовил! Всё сожрала вместе с какими-то уродами, тварь ненасытная! И посуду как всегда не помыла, неряха!»

– У мамани были гости. Я сейчас уберусь. Пошли в зал, включу тебе телевизор.

– Не надо, Денис, я помогу! Это можно выбросить? – Сверстница схватила бутылку со стола и отправила в мусорку. – Колбасу вариант пожарить, не обязательно выкидывать! Давай посуду помою. Где тряпка для стола?

– Ну уж нет, Люба! Ты моя гостья. Я уберусь сам. Садись! Чайник пока поставлю. – Коробкин закатал рукава и шустро, по-хозяйски, помыл посуду. – Есть хочешь?.. А то я голоден, с утра не ел, не хочу жевать в одиночку.

– Немного. До тебя в гостях была у бабушки Таси и пирожков поела. У меня, кстати, в пакете они! Знаешь, какие вкусные! Сэро тоже её выпечку ел и хвалил!

– А он когда успел?

– Перед тем, как мы в первый раз к Паше пришли.

– А-а-а, понятно! Зачем на водонапорку с ним ходила?

– Он обещал заброшки показать. Парк был первым. Ещё Сэро говорил про кирпичный завод.

– На кирпичном стрёмно. Ворон много и диких собак. Завод сторожат. Хотя и сквозь пальцы, но дробь соли в булки можно схлопотать! Нечего девчонке там лазить. Опасно.

– А ты что на заводе делал?

– Лом тянул. Вместе с Сэро. Деньги нужны были. – Школьник открыл холодильник и испытал опять неловкость перед гостьей. На полках остались лишь яйца, банка кисляка да квашеные огурцы. Видимо, мать купленные им вчера продукты прихватила с собой, чтобы изобразить в гостях щедрого человека за счёт сына. У шатена появилось нехорошее предчувствие.

– Посиди, я сейчас приду.

Денис быстро прошёл в свою комнату и прикрыл дверь. Залез под кровать, чуть приподнял лист фанеры – деньги были на месте. Не нашла, значит! Интуитивно мальчик засунул купюры ещё глубже в щель между листами, чтобы пронырливая женщина физически не смогла их достать.

«Ей придётся разворошить кровать, скинуть матрас и отодрать прибитую гвоздями фанеру. Силёнок не хватит. Хотя бы не хватило!» – подросток осмотрелся. Точно лазила! Вещи на столе и полке сдвинуты, тетрадь выставилась из общей кучи – он утром не так оставлял.

Парнишка не знал уже, куда прятать заработок. Раньше он сохранял его у дяди, но мать приходила к тому в отсутствие сына на работе и горько плакалась о долгах, тяжкой доле жены уголовника – и дядя уступал, жалел родную сестру, от-

давал честную зарплату племянника. Ушли тогда денежки немалые, но урок Денис усвоил. Никому вообще доверять нельзя.

Засвистел чайник. Десятиклассник вернулся на кухню. Люба уже достала из шкафа блюдо и выложила на него пирожки.

– Яйца пожарю, будешь?

– Да, с удовольствием!

– К ним есть только солёный огурец.

– Буду. Твоя мама крутила?

– Ага, щас! Тётка родная вчера угостила несколькими банками с зимними салатами. Салаты сейчас хорошо у кого-то на зубах хрустят вместе с купленными продуктами... Неважно, забудь! Яйца любишь всмятку или глазунью?

– Всё равно. Я чаще всмятку делаю. В глазунье у меня жидкий желток не получается.

– Тогда готовлю глазунью. – Денис улыбнулся Любе и зазорно подмигнул. – Полакомлю тебя жидкой серединой!

Тихоня без стеснения, открыто улыбнулась в ответ, и Коробкин решил проверить границы дозволенного.

– Хорошо выглядишь, Люба! Красивая очень! Парень есть?

Поспелова покраснела до корней волос и опустила очи долу.

– Нет у меня парня.

– Это как так?!.. Такая хорошенькая, и без парня! В «Тор-

надо» не ходишь. Знаю, что предки не пускают. Я б тебя там сразу заметил!

«Ёпрст, и этот знает про родителей! Хоть не смеётся, и на том спасибо!» – поджала губы школьница.

– Ну в школе-то наверняка за тобой толпа бегают? – продолжил заигрывать ровесник.

– Никто не бегают. – Девочка, помрачнев, отвернулась к окну.

Денис подошёл ближе, обнял гостью и погладил рукой по девичьей спине сверху вниз.

– Ну и хорошо! Мне же лучше: конкурентов меньше бить придётся. – Шатен наклонился к одеревеневшей Любе, чтобы поцеловать, и запустил руку ей под кофту.

– Денис, пожалуйста, не надо меня трогать, очень прошу! – переполошилась тихоня и истерично отпрыгнула к окну. – Не поступай так со мной! Я ведь тебе ничего плохого не сделала!

Коробкин, внимательно глядя на ровесницу, осознал, что деваха отнюдь не гримасничает. Она реально испугалась, потому что не жаждет интима. Можно надавить, взять силой: другие всегда сдавались, потому что отнекивались для виду. Денис ещё раз оглядел гостью и решил, что такой вариант не прокатит. Надо возвращать доверие.

– Не хотел обидеть или испугать! Просто ты хорошенькая и такая... Свежая, что ли. Захотелось обнять и поцеловать. У Паши сразу понравилась! Если против, я к тебе и пальцем

не притронусь!

Люба нервно дыша, недоверчиво смотрела на Коробкина.

– Прости! Больше такого без твоего согласия не повторится. Хочешь, на колени встану или палец отрублю? – мальчик взял нож и для показухи поставил его на мизинец.

– Ой, Денис, не надо калечиться! – перепугалась школьница, поверив в этот театр. – Я не злюсь, честно! Просто неожиданно, и тебя едва знаю. Больше так, пожалуйста, не делай, а то я боюсь!

– Не повторится, честное пионерское! А то решишь, что я извращенец. Давай сделаем вид, что ничего не было, о'кей?

– О'кей! – подумав, согласилась доверчивая Пospelова.

– Тогда займёмся глазуньей, и – к Паше! Что хотел, я уже сделал.

Денис подъехал к деревянной ограде, заглушил двигатель и посигналил. Из крошечного домика выглянула тоненькая маленькая блондинка и помахала ему рукой.

– Это тётя Люся, мама Паша, – объяснил юноша Любе, помахав в ответ. – Хороший человек!

– Молоденькая!

– Она Паху рано родила, лет в пятнадцать, как я понял.

– О-о-о, круто! – позавидовала та. – И сама ещё молодая, и сын уже вырос!

Из дома выскочили, натягивая куртки на ходу, Павел и Саша. Оба невысокие, угловатые, худенькие. Мальчишки

вышли за забор и поздоровались.

– Салют, Денисыч! И кого ты к нам привёз?.. Привет, милашка! Давно не виделись! Отлично выглядишь, красивая! Помнишь хоть меня? – Саша уставился на тихоню из-под бейсболки огромными зелёными глазами с длинными чёрными ресницами.

«Почему у мальчиков красивые ресницы? Несправедливо!» – Люба, смутившись от комплиментов, с восхищением глазела на Конохина.

– Конечно, помню, Саша!

– Рад! Обычно хорошенькие лапули быстро забывают простых пацанов, так что мне повезло! – ровесник улыбнулся и подмигнул девочке.

Поспелова покраснелась и вконец растаяла от слов юного балабола. Ей часто грубили в школе и дома, обзывали нехорошими словами, унижали и не считались, а на проявление доброты, наоборот, никто особо не раскошеливался. Девочка настолько привыкла к плохому обращению, что любой нежный, участливый взгляд, поддержка, трепетное слово легко пробивали выстроенную защиту и недоверчивость, как пуля – картонную стенку.

Александра Григорьевна не догадывалась, насколько, убеждая каждый раз дочь в глупости и недалёкости, оказывалась права: запуганный, всего боявшийся ребёнок, страстно желавший быть замеченным и любимым, мог запросто довериться любой ласковой лапше, повешенной на уши, лишь бы

испытать удовольствие от признания! Особенно когда теплоту и внимание оказывал противоположный пол. Если бы Коробкин не поторопился с действиями на кухне вслед за комплиментами, а выдержал бы, подкармливая девочку любезностями, недельки с две, то у него был бы высокий шанс зайти в отношениях с Пospelовой достаточно далеко. Но, привыкший быть грубым с женским полом, шатен об этом не подозревал.

– Случайно увидел Любу на Таманской и привёз к тебе, – прокомментировал Денис.

– Спасибо, друг. В дом зайдёте? Мама пончиков напекла, чаю попьём, – предложил Паша.

– Ой, нет! Стемнеет скоро! Я только поздороваться, чтоб ты не обижался... Не обижаешься же? – встревожилась девушка.

– Обижаюсь, конечно. Шутка! Жаль, что в другом районе живёшь, далеко от нас!

– И не в нашей школе, – добавил Конохин и улыбнулся.

Люба вконец смутилась.

– Сэро и Имиру зато повезло, поганцам! С ними каждый день, наверно, тусуешься?

– Нет. В школе их редко вижу. С Имиром в понедельник на каникулах в библиотеке была, а Сэро, кажется, недели три не видела.

– Ого! Я думал, ты и Сэро – хорошие друзья! – показушно всплеснул руками Санёк. – Он рядом с тобой был тогда такой

весь... Эм! Воспитанный.

Старшеклассники многозначительно переглянулись и приснули со смеху. Тихоня занервничала.

– Не обращай внимания! – успокоил её Денис. – Мы о своём, о мужском! Просто все здесь знают Сэро с немного «другой» стороны. Надеюсь, ты никогда не узнаешь.

Шатен намеренно подкинул ровеснице ложку дёгтя в её личную характеристику цыгана. Десятиклассница многозначительно хмыкнула.

– Если вы о куче «невест», то я в курсе!

– Да ну?! – выпучили глаза парни. – Он с тобой своими шашнями делится?!

– Фу-у-у, нет! И слушать не собираюсь! – возмутилась Поспелова. – В школе рядом с ним всегда какая-нибудь девушка, или девушки. То он обнимается, то заигрывает, то целуется! Сэро популярен. С ним многие встречаться хотят! Считается одним из самых красивых парней. Как и Имир.

У Дениса от услышанного заходили ходуном скулы.

– Тебе не прилетает от девок из-за дружбы с ним? – фри-вольно полюбопытствовал нахальный Конохин.

– Мы не дружим. Общались пару раз, – грустно вздохнула собеседница. – Сэро стал встречаться с моей одноклассницей, поэтому общение сойдёт на нет. Уже сошло.

Парни обменялись насмешливыми взглядами и оглушительно заржали.

– Кто?!.. Сэро?!.. Встречается?!.. Да ни в жизнь!!! Он же

бегают от отношений, как чёрт от ладана! Хоть тёлки ему целый выводок нарожают и в гарем объединятся, толку не будет!

– Весь класс обсуждает, что Сэро только с Камиллой на дискотеках танцует да часами целуется, – пожалала в недоумении плечами Люба. Услышанное от пацанов её успокоило и обнадёжило.

– Понял, о ком речь! Видел её. Сэро с ней кучу медляков на прошлых выходных перетанцевал, – заметил Паша.

– Да и что?!.. Много с кем он отплясывал и зажимался, а толку! Всех сучек в «Торнадо» перетрах... (пардон, мадмуазель) уважил! Скорее, небо на землю упадёт, чем цыган объявит, что занят! – картинно закатил очи к небу ржущий Санька.

– Имир раньше остепенится, наверное, – поделился мнением Коробкин.

– Имир?!.. Ещё чуднее! Если уж Сэро – ещё тот вольный волчара, то Имир, скорее, в монастырь уйдёт, чем в отношении серьёзные вступит! – раскритиковал мысль Дениса Конохин.

– Либо Сэро всё-таки влюбился в твою одноклассницу, – задумался Паша. – Как её там зовут?

– Камилла.

– Если влюбился от души, тогда верю! Хотя влюблённый Сэро – это что-то новенькое.

Мальчишки замолкли и задумались.

«Хоть бы не влюбился! Ну пожалуйста, Боженька! Хоть бы не влюбился!» – взмолилась Люба, вновь расстроившись от Пашиных слов.

С темневшего неба сорвались первые капли дождя. Пора возвращаться домой.

Люба пришла домой усталая, с глубоким желанием где-нибудь потеряться, и без пирожков.

Из коридора слышался иступлённый ор матери:

– Да вы без меня передохнете, сволочи неблагодарные! В нищете сгниёте! Скот ленивый! Как был алкашом, так и остался, хоть и пить перестал! Ни на что не годен! Если б не я, и дома бы не было, и Шурик бы без военного высшего образования, со свидетельством вшивого ПТУ остался! Тебе лишь бы, дураку стоеросовому, ничего не делать, жопу вонючую на кровати мять да поганые газетки почитать! Вечно еле чешешься, пока нормальные мужики всё в дом тащат да семью обеспечивают!

– Шура, если мы купим у соседки двадцать уток, чем кормить будем?.. Запас зерна для зимы я рассчитывал только на наше хозяйство. Она птицу продать пытается потому, что у самой зерна мало, а рубить там нечего: я ходил смотрел – тушки совсем за лето не отъелись. Мяса нет, одни кости! Зачем нам эта обуза? Они за зиму передохнут хоть у неё, хоть у нас, так мы ещё и зерно зря потратим, и деньги потеряем!

– Придурка кусок, нам лишняя еда не помешает! Чуть

подкормим, а там зарубим – и в морозилку! Где ты такую цену за взрослую особь на рынке весной видел и тем более сейчас, когда зима уже за жопу кусает?!

Люба нехотя прошла мимо взбешённой матери помыть руки в котельной. Господи, хоть бы её не приплели! Если мама переключится – прилетит знатно.

Мать исходилась криком – вывести её из себя не составляло никакого труда. Нужно было всего лишь помедлить с выполнением поручения, отказаться что-то делать или не согласиться с мнением хозяйки дома. Александра Григорьевна позволяла себе вести конструктивный спор только с посторонними людьми, перед которыми не хотела ударить в грязь лицом, или попросту побаивалась. И то лицо её со сжатыми челюстями и взглядом из-под бровей выдавало подавляемое усилием воли, рвущееся наружу несогласие.

Что касается близкого круга или родни – тут толерантность к чужому мнению зависела от крепости характера человека и его умения жёстко ставить на место. Львиная доля родственников держалась от Шуры Поспеловой подальше только благодаря её неумному нраву командовать, дурной манере совершенно не считаться с иными взглядами, ну и, конечно, желанию бесцеремонно влезать и комментировать чужую жизнь.

Испытав тяготы послевоенного детства и научившись бороться за всё: репутацию, человеческое отношение, образование, безопасность – женщина настолько привыкла воевать

с людьми, что не могла расслабиться и остановиться даже с мужем и детьми в родном доме. Правило «бей или беги» для Григорьевны не работало – только бей. И была она всех, первая, без разбору, только знак подай, потому что когда-то били её, маленькую девочку. Маленькая обиженная девочка выросла, научившись для защиты от человеческой низости, злобы, хамства и нападок драться так, что её стали серьёзно опасаться. Она выучила все преподнесённые жизнью жестокие уроки предательства – и поэтому никому не доверяла. Поднялась из грязи Пospelова благодаря колоссальной силе духа, желанию жить, нечеловеческому трудолюбию и мечте показать всем обидчикам, где их место.

Василий Михайлович тоже был послевоенным ребёнком-сиротой. Его отец также не вернулся с войны, и их осталось в живых пятеро детей у матери. Василий вырос в нищете, но, в отличие от жены, другим человеком: тихим, мягким, уступчивым, способным жертвовать собственным благополучием ради других. Так он в молодости бросил университет, чтобы обеспечивать семью, пока Шура получала образование. В благодарность за жертву мужчина потом неоднократно упрекался женой в необразованности, слабости характера и глупости.

Отцу не надо было для счастья ни огромного дома, ни всех благ бренного мира. Ему достаточно было простого человеческого тепла, скромного уютного жилища и мирного неба над головой. Доказывать что-то кому-то или жадно хватать

все звёзды с неба Пospelов не собирался.

Когда Александра Григорьевна, чтобы продавить свою точку зрения, не гнушаясь никакими средствами, налетала на мужа, тот никогда, пытаясь отстоять позицию, не отвечал ей подобным. Не орал, не кидался вещами, не срывался на унижительные оскорбления. И в итоге уступал, чем обеспечивал себе ещё более неуважительное отношение в дальнейшем.

Люба залезла в постель и спряталась под одеяло с книжкой. Из окна возле кровати неприятно дуло прямо в голову. Девочка бросила на окно подушку, и сквозняк перестал создавать дискомфорт.

Скандал утих. В Любину комнату зашла Александра Григорьевна.

– Доченька, можно с тобой посидеть? – Женщина присела на кровать поближе к подростку и погладила одеяло. – Любонька, если я с отцом разведусь, ты обидишься? Что я семью разрушила и тебя отца лишила?

– Не обижусь! Ты будешь счастлива. Папа – тоже! Наверно, всем будет хорошо.

– Отец с тобой тогда жить не будет.

– Я буду к нему в гости ходить, если он пригласит. Хочешь – разводишься! Сама же ругаешься вечно, как папа тебя достал.

– Всё с тобой понятно! – недовольно вздохнула мать. – Ты на стороне отца. Что будет со мной, никому не интересно!

Посмотрим, что Шурик скажет.

– Он ещё не вернулся?

– Нет, вещи забрал. Какую-то новую кралю подцепил и уехал жить к ней.

«Есть в мире сила Божья! Пусть женится, нарожает детей и не возвращается!» – обрадовалась Люба, но виду не подавала. Можно снова слушать музыку в комнате брата, благо он разрешал.

– Отец твой бесхребетный, не думает головой, впрочем, как всегда! Всё поперёк, назло мне делает! Всегда так было, с самой молодости! Что ни попрошу: всё против, всё несогласен, всё не так! Пил молодой как проклятый, пока я работала, постоянно знакомые в канаве находили его вместе с велосипедом. Позорил меня своим пьянством! Плевать ему было, лишь бы ографиниться! Шурик, забытый в садике, из-за него у воспитательницы ночевал или со сторожем! Вспоминать стыдно!

Мама вздохнула и умолкла. Люба ждала продолжения. Комментировать не хотелось.

Родители ругались часто. Не ругались, так зло спорили. Девочка привыкла и воспринимала разборки в доме как нечто естественное. Мать постоянно жаловалась дочери на отца, бранилась, попрекала в ошибках прошлого, обвиняла в неудачном замужестве. Требовала развод – и не разводилась. Отец молчал, с Любой чувствами не делился и обиды на её голову не выплёскивал. Мать принимала молчание мужа как

признание вины с поличным и жалилась дочке ещё больше.

Школьнице слово «развод» было как бальзам на душу и бессознательно ассоциировалось с покоем. Казалось, когда родители расстанутся, ей станет хорошо. Но развод оставался разводом только на словах матери, и то пока женщина злилась.

– А когда я тобой беременна была, что творил! Знаешь? Чуть к подруге с двумя дочерьми не ушёл! Хотел меня бросить! Целыми днями у стервы пропадал. Не нужна ты была папаше. Лучше б ушёл, чем остался! Всем нам без него хорошо бы было!

– Мама, мне жаль, – тихо вымолвила десятиклассница, слышавшая эту историю неоднократно.

Женщина печально посмотрела на подростка и погладила её по голове.

– Я лягу с тобой, полежу немного.

Александра Григорьевна примостилась рядом, накрылась одеялом и продолжила жаловаться. Почитать книгу не удалось. Так и уснули вместе мать и дочь под одним одеялом.

Солнце вернулось на небосвод, хоть и грело уже по-зимнему. Ноябрь подходил к концу, приближая декабрьские деньки и Новый год.

Огороды вскопаны, сараи для скотины утеплены. Жизнь шла своим чередом.

Поспелова практически перестала злиться на Сэро и Ка-

миллу, решив отпустить наивные мечты и бесплотные надежды. Пусть всё будет как будет. Пусть Камилла наслаждается отношениями с Сэро, а Люба продолжит жить дальше. Она пару раз видела их болтавшими в коридорах школы – сердце горестно ёкнуло, но тихоня задушила тоску в зачатке ради собственной душевной стабильности.

Девочка позволила себе сходить в гости к Овчинникову. Паша встретил её радушно, напек вафель и вообще оказался весьма гостеприимным хозяином. Его мама очень понравилась Любе, как и Люба – ей. Юркая маленькая приветливая женщина оказала школьнице тёплый приём. Людмила уважала личное пространство единственного сына и не стала напирать своим присутствием молодежь, уйдя к подруге.

Домик состоял из крошечного коридора, крошечной кухни, крошечного зала, где спала мать, и крошечной комнаты самого Паши. В низком старом жилище от силы было квадратов тридцать, если не меньше. Он достался приезжим Овчинниковым в качестве благодарности. Людмила доходила одинокую бабульку, бывшую хозяйку, а та переписала на неё хату.

Люба пригласилась у Паши в гостях. Тепло, приятно, чисто, ей тут рады – чего ещё для счастья надо? Маленькие домики казались ей более гостеприимными и уютными, чем огромные махины с переулка. Ребята прочесали языками весь день: одна тема перетекала в другую, потом – в третью, потом они шли кушать, смотрели телевизор, опять болтали

– и так до вечера.

На следующие выходные Люба, встав пораньше и переделав хозяйские дела, опять рванула к Овчинникову, который её ждал. Они валялись вдвоём на Пашиной кровати и разговаривали. Потом пришёл Сашка Конохин, нажарил гренки на кухне, организовал стол с чаем и конфетами, и толпа потопала в зал на материн диван смотреть ужастики.

Когда ты не одинок, все тяготы и невзгоды переносятся намного легче! Люба брела в школу и размышляла, не замечая ничего вокруг. Впрочем, как обычно. Пospelова никогда не интересовалась внешним миром и не была наблюдательной. Ей всегда по пути было над чем подумать, поразмышлять, помечтать. Девочка так погружалась в себя, что, очнувшись от грёз, замечала, как на неё пристально косятся прохожие. Видимо, ловили её на болтовне вслух с самой собой.

«Даже если из-за Камиллы мне будет закрыта дорога на компанейские собрания, то к Паше я всегда могу прийти в гости или погулять с ним! Надеюсь, Камилла не постарается меня вытравить от Паши подальше и оставит хотя бы его», – Люба вспомнила, как нехорошо бывшая подружка поступила несколько лет назад, и ей поплохело.

Тихоня остановилась, потрясла слегка головой, пытаясь выбросить вернувшиеся непрошенные воспоминания, и увидела метрах в пяти – семи повесу, стоявшего на углу перекрёстка под фонарём.

«Вот чёрт! Не ждали – не гадали, называется! Кого он, ин-

тересно, ждёт? Один, без Имира... Виноградова тут не ходит! Обойти по дороге поздно – слишком явно будет. А по-фигу, пройду быстро мимо, типа не вижу! Бывало и хуже, переживу!.. Ой, божечки, Люба, будь храброй!»

Школьница для смелости набрала в грудь побольше воздуха и быстренько, широкими шагами пересекая тротуар, отвернув лицо, прошла мимо.

– А здороваться со знакомыми тебя родители, что, не научили?! – прилетело ей в спину, когда Пospelова прошла уже несколько шагов.

Люба остановилась, боясь обернуться.

– Или не царское это дело – открыть рот и сказать «здрасьте» хотя бы из вежливости?.. Совсем заелась у Паши?!

Девочка повернулась к цыгану, решив дать сдачи.

– Я поняла, что наше знакомство закончилось, – церемонно заявила она. – Мы не общаемся уже давно. К чему все эти раскланивания?

Ибрагимов борзо подошёл к ровеснице вплотную и зло посмотрел прямо в глаза.

– А не ты ли мне, дорогая, говорила, чтобы я держался подальше?!.. Не подходил в школе, не здоровался, у калитки твоей не отирался и в гости не заходил?!.. Или мне почудилось, а?

Люба, не ожидав такого расклада, в замешательстве глядела на брюнета.

– Что если нас увидят знакомые твоих предков, у тебя на

жопе и спине от лазины живого места не останется?.. Говорила ведь мне? Твои слова были, не так ли?!.. Что тебе запрещено даже общаться с парнями?.. Общаться, значит, нельзя, но от Пахана уже вторые выходные подряд не выкисаешь! Сидишь у него с утра до вечера!

– Паша – это другое, он мой друг! – попыталась оправдаться покрасневшая Люба.

– То есть он друг, потому что не парень, как я?

Ловушка захлопнулась. Ответить на это замечание у тихони слов не нашлось. Цыган победно усмехнулся.

– Оставаться с Овчинниковым один на один в чужой хате – ничего страшного, а со мной и братом тупо поздороваться в школе и дойти до дома, погулять по станице – конец света?!.. Если брезгуешь, то так бы и сказала!

– Сэро, ты всё неправильно понял! Я подумала, что мы больше общаться не будем, потому что не виделись давно! – виновато бляяла ровесница, раздавленная всмятку аргументами.

– А где нам видеться?! – Ибрагимов навис над собеседницей. – В школе – не подходи, в гости – нельзя, здороваться – не здоровайся, и вообще держись подальше, а то меня ма-маня убьёт!.. Люба, не ври ни мне, ни себе! Мать твоя знает, что ты с Пашей тусуешься?

Резкий порыв промозглого ветра обдал колючим холодом подростков, споривших на углу безлюдного перекрёстка.

– Ясно! – мстительно усмехнулся парень, получив в ответ

от растерянной девочки сдавленное молчание. – Не знает. Просветить её?

Люба задохнулась от ужаса. Не в силах пошевелиться, она стояла, будто примёрзшая к тротуару, и боялась отвести от лица разъярённого цыгана перепуганные, широко распахнутые глаза.

Сэро зло смотрел на неё и читал в серых глазах нарастающую истерическую панику. Носик зубрилки шумно дышал, губки дрожали. И вот по щекам стремглав покатались слёзы, но Люба боялась даже руку поднять, чтобы вытереть их.

Ярость Ибрагимова чуть поутихла. Он поправил лямку рюкзака на плече и сухо произнёс:

– Пошли в школу, а то опоздаем. Двадцать минут ждал тебя на перекрёстке. Околел уже от ветра!

Повеса прошёл вперёд, Люба – следом. Приступ паники догнал школьницу окончательно, и слёзы полились градом. Попутчица задыхалась от судорожных всхлипов, вытирала спешно мокрое лицо и пыталась проглотить сопли.

Цыган внезапно остановился и рывком повернул рыдающую сверстницу лицом к себе. Поспелова, стыдясь собственного плача, начала вырываться, пытаясь отвернуться.

– Так, всё, успокойся! Хватит, говорю! Твою ж мать... Успокойся, Люба! Я ничего никому не скажу. Впрочем, и не собирался. – Старшекласник полез в карман рюкзака и достал чистенький, аккуратно сложенный мужской носовой платок. – На, дарю! Приведи себя в порядок. Делай это на

ходу. Хорошо, хоть не красишься – щас бы в потёках туши была... И да, из школы вместе домой идём. Попробуй только убежать от меня!.. Встречаемся на перекрёстке Набережной и Красной. У тебя шесть уроков, у меня – тоже. Дежуришь сегодня?

Тихоня отрицательно замотала головой.

– Вот и прекрасно! Заодно проясним кое-что. Как ты сказала? «Я поняла, что знакомство закончилось. Не общаемся давно. К чему раскланивания»! – слегка передразнил попутчицу брюнет. – Так, или я что-то упустил?.. Чего молчишь?!.. Не слышу ответа, Люба!

– Ничего не упустил, – еле промямлила та.

– Точно?!..

– Да.

– Ну слава богу! Опять дураком благодаря тебе выглядеть я больше не хочу!

Девочка ничего не ответила. Подростки подошли к территории школы. Ибрагимов увидел одноклассника, помахал ему рукой. Тот остановился в ожидании.

– До встречи после уроков, Люба! Не вздумай удрать, пожалеешь! Напоминаю на всякий случай. Ах да, забыл: с твоей Виноградовой я не встречаюсь, так что не смей больше моим друзьям такое говорить! Меня подобные сплетни не подбрасывают, поняла?! – Сэро нагло усмехнулся ровеснице, шокированной услышанным, и исчез вместе с приятелем в проёме школьных ворот.

После неожиданно-неприятного утреннего диалога Пospelова тряслась все уроки подряд от страха перед разборками с Сэро, предстоящими после обеда.

Люба видела прекрасно и раньше, что Сэро далеко не подарок. Что красавчик может быть вполне агрессивным и опасным. Наблюдая не раз его манеру поведения в коридорах, тихоня почему-то наивно умудрилась решить, что именно её цыган обижать наверняка не будет.

«Забыла, как перепугалась от налёта на мосту после злополучной химии? Эх, дурёха! – отчитывала школьница саму себя. – Поэтому сейчас так крепко налипла! Он, оказывается, не встречается с Камиллой и злится, что я растряндела обратное. Блин горелый! Теперь Сэро принимает меня за сплетницу! Но я услышала чётко, что у него с Виноградовой отношения. Илютина и Бутенко не сочиняли же на ходу специально для меня! Что плохого в моих прогулках к Паше? Он вполне безопасный и такой добрый!»

Девушка чувствовала себя виноватой перед цыганом, запуталась в мыслях, выводах и чувствах. Все уроки напролёт она пыталась предугадать, о чём будет разговор и чем закончится. В голову лезли всякие ужасы, заставляя ещё больше паниковать. Чем ближе подходил конец учебного дня, тем сильнее Пospelову пробивала крупная дрожь.

Злость Ибрагимова на самом деле была легко объяснимой. Искушённый жизнью, наглый матёрый старшеклассник

свысока посчитал наивную ровесницу эдаким любопытным запуганным зверьком-диковинкой и самоуверенно записал её в средство от скуки. Его устраивало, что хорошенькая, миловидная Люба сидит дома, остерегается парней и нос за калитку не показывает. Повеса бы с девочкой не церемонился, если б не боялся, что Имир и Алмаз по шапке больно настучат.

Доверчивая пугливая Пospelова умудрилась зацепить цыгана странными непонятными выходками и непредсказуемым поведением. Потехи ради Сэро решил держать её рядом, но не близко, чтобы девчонка в себя не поверила и губу на большее ненароком не раскатала.

Ибрагимов крепко уверовал, что Люба является его имуществом, поэтому, когда услышал о посиделках в Пашкиной хате с утра до вечера, здорово обалдел. Добыча уплывала к Овчинникову – мелкому тощему коротышке, которого повеса вжизнь не воспринимал за конкурента.

Сэро о стремительно развивающейся дружбе двух книголюбов неизвестно когда бы пронюхал, если бы не трепливый Конохин. Пока Санёк балаболит о проведённом выходном с Любой и Пашей, брюнет поглядывал с плохо скрываемым неудовольствием на блондина, стоявшего рядом.

– Злишься? – спросил прямо Овчинников, заметив нехороший взгляд Ибрагимова.

– Нет, конечно! – хитро улыбнулся Сэро. – Хочет если она и ты не против, дружите.

– Тоже так решил, – спокойно заметил Павел. – Ты с Любой, как я понял с её слов, не общаешься. Значит, она свободна.

– Ну да. Видов на неё не имею, – равнодушно пожал плечами школьник и коварно добавил. – Только немного переживаю за вас обоих.

– В честь чего? – насторожился Овчинников.

– У неё очень строгие предки, ну ты в курсе. Мамаля типично домостроевских взглядов: до свадьбы – никаких парней, ни на полшишечки. Дочку бьёт как скотину! Я поэтому и решил не приводить её часто, чтоб не унюхали. А тут Люба, оказывается, к тебе зачастила! Ты, Пахан, чувак серьёзный, так что заруби на носу: если её бешеные родки прохавают о выходных тусах тет-а-тет в твоей хате – ей башку оторвут к чертям собачьим. И тебе – тоже, кстати. Я не шучу! Мамаля – гавкучая кочерга, легко прискачет в школу, разорётся, что ты маньяк сексуальный, дочку её изнасиловал. У Иммира спроси, если не веришь! Когда я с Любой только познакомился, она сразу попросила держаться подальше, потому что расправы пипец как боится! Родки там – реально атас!

– Охренеть! – впечатлился блондин.

– Так что если не плевать, что с ней случится (ну и с тобой заодно), соблюдай дистанцию! – подытожил Сэро. – Лучше в библиотеке сидите. Там для вас обоих всё же безопаснее.

Поспелова была так сильно занята собственными пережи-

ваниями, что не заметила, что в классе был ещё один человек, не походивший на самого себя с раннего утра.

Хмурый, притихший Тимофей молчал со времени прихода в школу, толком ни с кем не разговаривал и не поднимал взгляда. Его сегодня не интересовала Люба, ему не чесалось заигрывать с Виноградовой или Рашель. Парнишка хотел раствориться в воздухе, стать как можно незаметнее, поэтому пропустил столовую, не выходил на перемене из кабинетов, а в туалет просился посреди урока, минут через двадцать после звонка.

На прошлой перемене в их кабинет влетел, утекая от погони, заигравшийся ученик из 10 «Д», шумный, вспотевший и ржущий. Пацан оглядел весь класс, и Степанченко не на шутку перепугался, что тот – засланный казачок по его душу. Но парень снова выпрыгнул в коридор как ни в чём не бывало, и Тимон позволил себе расслабиться.

Десятиклассник уже много раз прокручивал в голове ту неприятную ситуацию и в ужасе осознал, что если бы он не вышел из дома почесать языком с двумя идиотами из шестой школы, припёршимися вчера от нечего делать, то сегодня бы не прятался по кабинетам да тёмным углам, как вошь от ногтя.

Один из поциков – незнакомая совершенно рожа! – ему сразу не понравился. Взгляд странного чувака отдавал гнильцой, да и харя откровенно придурковатая. Оказалось, почуял Тим недоброе не зря, да ничего уже не исправишь.

Парни, присев на бордюр подъездной дорожки, курили и обменивались новостями, когда за калитку хаты Ибрагимовых вышла на зов подружек Роза – восьмилетняя сестра Сэро и Имира. Оливковая кожа, ярко-синие круглые глаза с пушистыми чёрными ресницами, густые распущенные пепельные волосы струились кудрями до середины бёдер. Заливистый смех малявки зазвенел серебряным колокольчиком.

«Смазливая, как и Русланка! Вырастет – всех мужиков с ума сведёт!» – разглядывая щебетавшую у калитки девочку, улыбнулся шатен.

– Кто это такая? – спросил странный пацан у Тимона, кивнув в сторону Розы.

– В смысле кто?!.. Девочка. Не видишь сам, что ли? – с издёвкой бросил Степанченко.

– А чего смуглая?

– Цыганка.

– Цыгане там живут? – нехорошо оживился стрёмный собеседник и плотоядно оскалился. У Тимона от настолько поганой морды нехорошо засвербело под ложечкой.

– Эй, кудрявая! – свистнул мутный тип. – Иди сюда! Да иди же, не обижу! Или чё, трусливая?

Роза, не ожидавшая подвоха, оставила подружек и подошла к психу. Видимо, не побоялась, потому что рядом был сосед Тимофей, да и калитка в родной двор открыта – убежать всегда можно.

– Хочу тебя вкусняшкой угостить! Закрывай глаза и давай

руку! – хмырь, противно ухмыляясь, достал из кармана маленькую железную коробку из-под зарубежных леденцов.

Малая доверчиво покосилась на Тима, сидевшего подле, и послушно протянула смуглую крохотную ручонку. В раскрытую ладонку из коробки вылетело крупное насекомое и тут же впилось жвалами в кожу, приподняв от ярости пузо кверху. Роза завизжала от ослепляющей боли и затрясла в ужасе рукой, пытаясь сбросить кусачую дрянь. Насекомое, продержавшись пару секунд, слетело, а девчонка, захлебываясь слезами от обиды и неожиданности, побежала сломя голову к себе в дом.

– Какого хрена ты устроил, скотина?! – заорал Тимон на хохотавшего шутника, не помня себя со страху.

– Что такого?!.. Клёвый прикол же!.. Чё орёшь?!.. Жалко соплю стало?

– Пошли вон отсюда, уроды!.. Оба!.. И никогда не подходите ко мне больше!.. Убью!

– Тим, ты чё, сбрендил?!..

– Убью, сказал!!!.. Валите нахрен! – Степанченко нервно косился на цыганский дом, понимая, что через пару мгновений оттуда выпрыгнут близнецы, жаждущие отыграться за обиженную младшую сестру. На собственной шкуре ученик 10 «А» когда-то хорошенько запомнил, как больно может бить Ибрагимов Сэро.

Мальчик развернулся и пулей влетел во двор, закрыв наглухо калитку. Но ни через пять минут, ни через час, ни ве-

чером, ни на следующий день никто не пришёл. Тимон постоянно поглядывал в окно, его трясло ночью и с утра, а пока шёл в школу, то постоянно озирался, выглядывая силуэты близнецов и их прихвостней. Шатен толком не был знаком с тем бараном и не представлял, как объяснит братьям ситуацию с Розой. Пока что единственным выходом было скрываться и не показывать носу за пределы кабинетов.

Терпеть в туалет не было мочи. Тимофей не сводил глаз с часов, висевших над доской, и как только минутная стрелка отсчитала пол-урока, попросился в туалет.

В коридорах – тишина. Со двора уже удалились все любители покурить, не боящиеся выговоров за опоздания. Хорошо!

Школьная уборная находилась на приличном удалении от учебного здания. Степанченко, ёжась от холода, гуськом бежал через весь двор, опасаясь, что из окон его могут увидеть те, кого лично он встречать на пути совсем не хотел.

Добравшись до отхожего места, старшеклассник облегчённо выдохнул, нырнул за поворот внешнего кирпичного ограждения и в дверном проёме столкнулся с выходящим из сортира цыганом.

Удар под дых прилетел так быстро, что у Тимона почернело от боли в глазах. Мальчик почувствовал, как в паху по-теплело. Его мигом схватили за шиворот и зашвырнули пинком в помещение.

Тимофей упал, нырнув правой рукой в вонючую лужу. Сэ-

ро опять ударил, не дав ровеснику подняться, затем схватил за шею и со всей дури приложил головой об стену. Острая боль пронзила затылок шатена так ярко, что из лёгких вышибло весь воздух.

Степанченко тихо сполз по стене, пытаясь сфокусировать взгляд. В туалете было ещё человек восемь: приятели Ибрагимовых из 10 «Б», «Г» и одиннадцатых классов. Парни курили, молча наблюдая за тем, как его бьют.

К скрючившемуся у плинтуса мальчишке подошёл Имир. – Роза не спала всю ночь, потому что место укуса на руке дёргалo и болело. А с утра на ладони образовался гнойный нарыв, несмотря на принятые врачом меры. – Отличник смотрел на Тимона холодно, свысока, засунув руки в карманы брюк. – Ты наивно решил, что если мы не пришли поговорить вчера, то не держим обиды? Что проглотили то дерьмо, что ты и твои дружки сделали с нашей младшей сестрой?

– Ничего не думал, Имир, отвечаю! Я тут не при чём. – Из-за саднившего горла и головокружения Степанченко еле смог подобрать слова.

– Не при чём?! – Сэро присел на корточки, грубо схватил шатена за лицо и потряс из стороны в сторону. – Хочешь сказать, брехло, что те два уroda не с тобой у твоей хаты сидели?!.. Пойди-ка освежись!

Повеса схватил Тима за грудки, поднял с полу, скрутил руки. Степанченко попробовал сопротивляться и получил по почкам. Цыган подтащил его к отхожей дыре и насильно

склонил к клоаке. Тимофей заорал, задёргался изо всех сил от унижения. Толпа ехидно посмеивалась.

– Что, Кабан, не хочешь рожей в дерьме искупаться?! – садистски рассмеялся Сэро и наотмашь ударил его ногой по икрам; Тим упал на колени. – Если б я знал, что за тварь вы Розе подсунули, поверь, заставил бы тебя целый выводок живьём сожрать!

– Сэро, успокойся!!!.. Отпусти! – вопил десятиклассник от ужаса не своим голосом. Отверстие неумолимо приближалось, а сопротивляться сил становилось всё меньше. В лицо бил убийственно зловонный сквозняк.

– Они шли мимо, позвали посидеть!.. Я не дружу с придурком, который обидел, клянусь!!!.. Второй – Женька Пасечник из шестой школы!.. Я не хотел!!!.. Всё быстро так...

Щека Степанченко мазанула по облепленной фекалиями стенке дыры.

– Отпусти его, – спокойно произнёс Имир.

Железная хватка исчезла. Тим упал назад, на ягодицы, угодив джинсами в тёмно-жёлтую лужу застоявшейся мочи.

– Я действительно не хотел... Это всё они... Пасечник тоже не при чём, он просто рядом был!.. Во всём тот псих виноват... Козёл мне сразу не понравился! Это он Розу позвал... Я их тут же прогнал... Я не виноват... Извините, мне жаль!!!

Шатен потрогал щёку, измазанную горчишно-жёлтыми испражнениями. Рвотный порыв накатил мгновенно, и Тимон согнулся в спазме. Остатки еды из желудка обрушились на

грязный бетонный пол, обдав брызгами ноги побитого мальчишки.

– Слушай внимательно, Тимофей, – ледяной голос Имира звучал в полной тишине. – Если бы ты действительно «не хотел», то пришёл бы к нам с извинениями и предложением посильной помощи после свинской выходки твоих дружков. Так поступают порядочные люди, которые вправду хотят исправить случившееся или загладить вину. Но ты не пришёл. Ни сразу, ни вечером, ни утром. Ты прятался на переменах в кабинетах, пропустил столовую, хотя всегда любил крутить там понты. Даже сортир на переменах остался без твоей персоны. Знаешь, о чём это говорит?

Шатен, боясь издать звук, пугливо таранился на близнецов, нависших над ним.

– Это говорит о том, что тебе ни хрена не жаль! – продолжил вместо брата Сэро. – А ещё о том, что ты водишься с говноедами. Надо быть последним ублюдком, чтобы обидеть маленькую девочку, да ещё и так подло!

– Я же сказал, что не знаю его!

– Это не имеет значения, – обрезал Имир. – Зато имеют значение конкретно твои поступки.

– Я могу помочь найти его, – попытался реабилитироваться школьник.

– Думаешь, мы в этом нуждаемся?! – язвительно расхохотался Сэро. – Кабан, всё, что ты можешь сделать, это не попадаться никогда больше мне под руку!.. Потому что третий

раз я от тебя мокрого места не оставлю.

Ибрагимов подошёл к наблюдавшим парням, взял у одного из них свой рюкзак и прикурил сигарету.

– Пошли отсюда, пацаны! Воняет сильно: дерьма много развелось!

Друзья заржали, и близнецы вместе с сопровождавшей компанией вышли на воздух. Тимон через силу приподнялся с пола. До него донёлся обрывок диалога уходивших прочь близнецов.

– Имир, иди сегодня сам. У меня важная дипломатическая встреча с одной нежной фиалкой.

– С кем это?

– С Любой.

– Ну так пошли втроём, в чём проблема?

– Мне с ней поговорить надо с глазу на глаз. О своём, о личном. Прояснить кое-что.

– Что случилось?

– Ничего серьёзного, не парься! Чисто дружеский разговор. Гарантирую!

«Что ещё за Люба?.. Мокрощёлка какая-нибудь! – шатен брезгливо поморщился. – Твою ж за ногу, как больно!»

По икрам от удара как будто ножом резанули. Солнечное сплетение и почка стреляли снопами мучительных колик.

Цыган не просто бил, лишь бы кулаками махать сдуру. О нет, упырь знал, куда метить и как бить! И самое страшное – Ибрагимов умел наносить удары так, чтобы противника сра-

зу парализовало от шока и боли. Быстрый, ловкий, сильный и профессионально натренированный гад.

Это был второй раз, когда Тимон отгрёб от Сэро. С Иммиром он не сталкивался, но был уверен – заносчивый, высокомерный козёл ещё опаснее, чем его обаятельная копия.

Послышалась трель звонка. Последний урок окончен. Сейчас в туалет набегут всякие рожи, а Тимофею очень не хотелось, чтобы школьники увидели его в таком виде: джинсы в моче и брызгах блевотины, левая щека и волосы в дерьме. Мальчишка руками отёр следы кала и рвоты и вышел наружу.

«Пойду встану у ворот. Илюха и Мот должны догадаться, что что-то произошло! Принесут туда мои шмотки и куртку из раздевалки захватят... Хоть бы о стычке другие в школе не прознали!.. Чёрт! Вот позорище будет!» – хромая и держась за живот, раздетый Степанченко, сжавшись от холода, поплёлся к выходу со школьной территории.

Глава 11.

Под аккомпанемент звонка с последнего урока Любино сердце сплясало чечётку. Решив, что Сэро записал её во вруньи и личные враги, девочка ничего приятного от предстоявшей беседы не ожидала.

Воображение разыгралось по самое «не балуйся». Попробовать не явиться – хуже будет. Цыган предупредил несколько раз о последствиях подобной выходки.

«Люба, будь храброй! С тобой уже случилось много чего плохого. Одной неприятностью больше, одной меньше – переживёшь!» – успокаивала себя школьница, одеваясь в гардеробе.

Главное, чтобы Сэро на неё руку не стал поднимать. Это был наихудший расклад событий для Любы, и она старалась любым способом о побоях не думать – от мысли, что мальчик замахнётся, Поспелову начинало трясти крупной дрожью.

Ноги еле волокли тихоню с территории школы. До пересечения Красной и Набережной – два квартала. Если идти очень-очень медленно, то получится оттянуть время столкновения на полчаса и больше. Хорошая идея! Возможно, Ибрагимову надоест ждать, и он уйдёт. Точно!

«А если его не будет, скажу, что не дождалась и ушла! Хотя нет – неудачная идея. Не прокатит».

Выйдя за школьные ворота, Пospelова с ужасом осознала, что не прокатят абсолютно все планы побега. За выходом в паре метров от ворот на тротуаре толпилась пацанская кучка, и в её составе торчали оба Ибрагимовых.

Сэро сразу заметил ровесницу и начал пристально провожать взглядом. Люба словила его внимание и, испугавшись, притворилась, будто по сторонам да под ноги смотреть куда интереснее.

Её намеренный игнор рассмешил парня. Ровесник, наблюдая, как тихоня, залезши в мокрую грязную траву на обочине, обходит подальше его компанию, от души забавлялся.

Убедившись, что Пospelова ушла на приличное расстояние, Сэро попрощался с друзьями и быстрым шагом устремился вдогонку.

Люба вздрогнула, когда на плечо легла мужская рука и слегка сдавила его.

– Привет! – поздоровался Ибрагимов и приветливо улыбнулся. – Как денёк прошёл?

– Всё хорошо, – выдавила школьница и настороженно покосилась на попутчика. – А у тебя?

– Рад! У меня – прекрасно. Не было двух последних уроков: английского и информатики. У тебя тоже завтра информатики не будет. Учитель заболел, – всё так же приветливо, как ни в чём не бывало произнёс цыган. – А теперь давай рассказывай!

– Что рассказывать?

– Как было у Паши? Чем занимались? Как каникулы провела? Делись, короче, событиями!

– А наш разговор?

– Какой?

– Ты хотел со мной разобраться на углу... Ну, вон там! Ещё не дошли.

– Не разобраться, а кое-что прояснить. А ты уже расслабилась и готова отвечать?

– А ты драться не будешь?

Повеса от услышанного затормозил и, потемнев от возмущения, вперил взгляд в спутницу.

– С чего ты решила, что я драться буду?! Как до такого додумалась вообще?

Поспелова, поняв, что сморозила невероятную глупость и испортила неплохо начавшийся диалог, сбивчиво начала оправдываться:

– Подумала, что ты решил, что... что я наговорила на тебя про Камиллу и что врала про родителей... Ты с утра так злился! И поэтому проучишь...

– Кулаками?!.. Люба, я ни разу с девочками на равных не дрался. И не собирался. Хоть раз видела или слышала, чтобы я девок колотил? Как себе это представляешь?

– Извини, пожалуйста! Мне очень неудобно за сказанное! – Школьница от неловкости и стыда за свой неумный язык потупила глаза.

– Каждый раз, когда мы вместе проводим время, ты умуд-

ряешься что-нибудь отчебучить и удивить! – разочарованно покачал головой Ибрагимов. – Кто-то сказал, что я девочек бью?

– Нет.

– Тогда как твоя логика привела тебя к этому выводу?

– Ты злился с утра...

– Был недоволен. Во-вторых, ты не поздоровалась и прошла мимо, будто я – говна кусок...

– Это «во-первых», – поправила парня Люба.

– Не перебивай, будь добра! Причём твоё поведение было ничем не обосновано: мы не ссорились – раз, хорошо знакомы – два. В третьих, на моё замечание ты высказалась, что дружбы нет и можно не здороваться. Повторюсь, мы не ссорились. Ни я, ни ты – никто не говорил, что дружба закончилась и больше общения не будет. Правильно всё? Чего молчишь?

– Правильно, – подтвердила тихоня. Сказать ей было нечего.

– А теперь «во-первых». Мне вчера было неприятно узнать, что ты ходишь в гости к Паше. Две недели подряд. Каждые субботу и воскресенье. Со слов Сани я понял, что являешься ты к Пахану с утра и уходишь с сумерками. Вы вдвоём, одни в доме, на другом краю города. И ты совершенно не боишься, видимо, каких-либо последствий: что узнают родители, кто-то увидит – и так далее.

– Но Паша – очень хороший человек! – слабо вякнула де-

сятиклассница, чувствуя прилив вины.

– Я не договорил!.. Если же со мной ты – просто идёшь хотя бы – то боишься каждого постороннего чиха или шороха. В сентябре я пришёл к твоему дому. Ты от меня тогда бежала, как от опасного рецидивиста, до самого перекрёстка, а потом просила держаться подальше и никак не показывать наше знакомство. С Пашкой, значит, тусить наедине в упор не боишься, а общение со мной прячешь с глаз долой! Как думаешь, Люба, какие выводы мне пришли в голову?

Поспелова поняла, что попалась с поличным. Она расстроенно смотрела в строгие чёрные глаза и виновато молчала.

– А вот теперь задам вопрос, ответ на который кое-что мне прояснит! Будь добра не юлить. Отвечай честно, глядя в глаза, – приказал парень, внимательно следя за её реакцией.

– Хорошо. – Девушка решила, что отступить некуда, и приготовилась.

– Ты стремишься скрыть наше общение, потому что твоя мать не переваривает цыган?

Тихоня потеряла дар речи. Ну что ж, всё тайное рано или поздно становится явным. Придётся объясниться.

– Нет. То есть, да... И да и нет, короче! Как бы правильно объяснить...

– А ты попробуй!

Поспелова, чувствуя, как тело начинает бить отвратительная мелкая дрожь, набрала в лёгкие побольше воздуха.

– Мама не любит нерусских... Всех.

– Почему?

– Потому что, по её словам, все они лгут и обманывают.

– Откуда такие выводы? – нахмурился повеса.

– Блин! Сэро, даже не знаю, как правильно сказать! – рас-
терянно мялась девочка. – Щас соберусь... В общем, мама
считает, что русские только друг другу могут доверять. По-
тому что нацмены...

– Кто?!..

– Нацмены – мама так называет нерусских. Нацмены пор-
тят жизнь русским, стараются обмануть или сделать плохое.
Мама говорит, что – сколько сталкивалась с армянами, мол-
даванами или другими национальностями – те всегда нагло
врали, пытались использовать или обдурить.

– А русские не пытались?

– Пытались, конечно! – задумалась Люба. – Но конкретно
о русских мама так не говорит.

– Ежу понятно! Потому что сама русская! Но если свои
совсем не безобидные, смысл выставлять злодеями другие
народы? И что за деление: русский – нерусский?.. У меня,
между прочим, паспорт гражданина России! Я здесь родился,
как и мои родители, и являюсь законным жителем стра-
ны, как и ты! На каком основании меня записали в какие-то
там «нацмены»?

– Не знаю, Сэро, прости! – огорчённо пискнула тихоня. –
Мама просто не любит чёрных...

– Та-а-а-а-к! Теперь выясняется, что именно чёрных!

– Да. Кавказцев, негров... Черноволосых. Ну, типа, русские светлые...

– Русских с чёрными волосами валом!

– Согласна! Мама их по фамилии различает...

– Хрень несусветная! Теперь приплелись фамилии, и я запутался!.. Давай-ка подытожим: маман напрягают другие народы с чёрными волосами, потому что она решила на основе своего неприятного опыта с парой-тройкой товарищей сравнивать всех под одну гребёнку и записать во враги. Эдакая уравниловка по нацпризнаку! Причём факт, что любой народ состоит не из двух-трёх плохих маминых знакомых, а из миллионов разных людей, не учитывается. Поступки и поведение отдельно взятых личностей из каждого народа значения для твоей мамы иметь не будут. Раз я цыган – значит, опасный. Потому что все, без исключения, цыгане – опасные. Правильно я понял?

– Правильно. – Люба со стыда не знала, куда провалиться. Всё сказанное ею звучало полной бредятиной. Девочка никогда не подвергала мамины слова сомнениям и считала их за абсолютную истину. А Сэро смог за считанные минуты разрушить незыблемость маминых постулатов о нерусских в пух и прах.

– Ты, Люба, так понимаю, полностью с мнением матери согласна?

«Господи, какой позор! Как выкрутиться?!.. За что мне

это?!» – Дрожь тела из мелкой сменилась на крупную.

– Я не знаю, Сэро! Мне нечего сказать... Кроме тебя и Имира, с нерусскими не общалась! Ты ко мне относишься хорошо, Имир – тоже...

– Тогда почему сторонишься? – нехорошо прищурился повеса.

– Потому что не хочу ругаться с мамой! Расстраивать её! Меня выгонят и перестанут считать дочерью!

– Тебе такое дома обещают?

Люба молча пожала плечами в знак согласия.

– Весело у вас в хате, однако! – язвительно прыснул ровесник.

– Но я очень хочу дружить с тобой, Сэро! И с Имиром. Мне хорошо с вами!

– Люба, так не бывает. Усидеть на двух стульях разом невозможно. Рано или поздно Александра Григорьевна узнает. Придётся выбирать: либо быть удобной для матери, либо – личный комфорт и дружба.

Старшеклассники замолчали и заметили, что улица опустела от школьников. С тех пор как они остановились на обочине и начали тяжёлый разговор, прошло около получаса.

– И много таких радикалов в твоём окружении?

– Без понятия. Бабушки, которые в гости приходят, подобно рассуждают... Ну, примерно так! Я особо не слышала...

– Ох уж эти бабки! – Ибрагимов зло сплюнул на землю. –

Весёлый народ!

– Не бабки, а бабушки, – аккуратно поправила собеседница.

– Чёрт бы побрал этих бабушек!.. И они хором обещают проблемы от чёрных нерусей?

– Мама говорит, мол, нельзя масть, кровь портить...

– Чем? – не понял юноша.

– Чужими генами. Меня проклянут, если я приведу в дом чужака... Ну, то есть замуж выйду...

Брови Сэро изумлённо подскочили вверх.

– Так ты ж ещё никого не привела!

– Ну и что?!.. А вдруг приведу?!

– Ёпрст!!!.. Галиматья отборная!

– И потом чужак, сто пудов, будет плохо обращаться и бросит с ребёнком. Они, мол, признают только своих женщин, а чужими пользуются, как рабами... Спутаюсь – стану рабой. Он использует, принесу в подоле, а домой мама не пустит, потому что я её опозорила...

Из-за чувства вины и стыда Любу несло; простодушная девочка выбалтывала по глупости то, что умный, сообразительный человек в любом бы случае нашёл, как укрыть от слуха Сэро.

Ибрагимов, не веря своим ушам, слушал тихоню. Когда ровесница замолчала и додумалась, наконец, посмотреть на него, повеса громко расхохотался. Насмеявшись вволю, Сэро ядовито прищурился. «Да, Имир был прав, когда сказал

на станции, что я ещё не понял, с кем дело имею!»

– В твоём рассказе, дорогуша, смешалось в кучу всё: рабы, матери-одиночки, плохое обращение с людьми, куча страхов и стрёмные ожидания! Можно триллер снимать. Так и назовём: «Коварный нацмен-рабовладелец и несчастная русская баба». Кто ж её спасёт, горемычную страдалицу-то?!.. Ладно, проехали!.. И часто такое слушаешь?

– С детства, – тихо прошептала школьница, сообразив, что разболтала лишнее. – Сэро, извини ради бога! Неприятно это слушать! Но ты очень хороший человек, знай! Имир мне тоже нравится! Прости... Так стыдно! Зачем вообще всё рассказала?

– Потому что я задавал вопросы. Не заморачивайся! – отмахнулся он. – Вернёмся к нашим отношениям. Получается, ты боишься, что мама узнает о нашей дружбе и как следует отлупит? А отлупит, потому что решит, что ты со мной встречаешься и спишь? И вот-вот забеременеешь?

Поспелова стусевалась и покраснела. Сэро, специально озвучивший страхи, которые девушка сама по глупости разболтала, от души наслаждался её стыдом. Решив предупредить попытки сверстницы выкрутиться из щекотливой ситуации, Ибрагимов сознательно добил тихоню.

– Ты, Люба, и твоя мама зря переживаете по поводу меня. Ты не в моём вкусе совершенно. У тебя нет шансов.

Тихоня, оторопев, смотрела не него потерянными щенячьими глазами.

– Не следишь за собой, не красишься, старомодно одеваешься. Ну что это на тебе?!.. Все девочки как девочки: джинсы, мини-юбочки, макияж, укладка, каблочки, маникюр, кофточки модные! А ты ходишь в чёрной некрасивой шерстяной юбке ниже колен, закрытом уродливом вязаном свитере и ботинках, которые наверняка твоя бабушка в лучшие годы своей молодости носила... Выглядишь, как старая дева. В школе с тобой никто не общается, друзей нет, парни внимание не обращают. Идёшь по коридору, на людей не смотришь, дышать боишься! А мне нравятся цыпы красивые и ухоженные, бедовые, уверенные в себе и быстрые на подъём. Которые знают, чего хотят от жизни, от парней, и будут с удовольствием трахаться до свадьбы, потому что имеют своё мнение. И мамань такие красотки расстроить не боятся! Не люблю пугливых куриц, за которыми надо до японской Пасхи волочиться, чтобы разрешение на поцелуй в щёку получить. И библиотечных мышек тоже не люблю. Неинтересно. Не переживай, подруга! Тебе не светят ни отношения со мной, ни уж тем более что-то большее. Даже не рассчитывай, поняла? И Григорьевну успокой. Я за тобой ухаживать не стану. Приставать к тебе – тем более оскорбление моего мужского вкуса. Так что можешь не скрываться и спокойно общаться со мной и Имиром. Я и ты – хорошие знакомые, всё. На остальное лично тебе не стоит даже надеяться! И бояться меня, как понимаешь, смысла нет.

Юноша покрутил головой по сторонам и посмотрел на на-

ручные часы. Подростки стояли на обочине с добрый час.

Люба молчала, чувствуя себя разбитой на мелкие осколки. Не в силах пошевелиться, девочка смотрела на землю под ногами. Слез не было. Было лишь ощущение, будто душа и сердце замёрзли и навряд ли оттают. Словно до пацанского монолога она была в пьяном тумане, а слова Сэро, как ледяной душой, заставили мгновенно протрезветь.

Ибрагимов холодно и зло смотрел на Пospelову. Девушка – на него, спокойно, даже отрешённо, восприняв услышанное как необратимую реальность.

– Пойдём домой. А то заговорились, стоя на одном месте! – нарушил первым молчание Сэро.

– Пойдём. И вправду заговорились, – равнодушно согласилась Люба.

Вдоль берега реки подростки долго шли молча. Сэро искоса поглядывал на девочку. На лице её – ни кровинки, ни тени эмоций.

На берегу, у самой воды, то там то здесь дымились костры. Жители жгли сухую траву и мусор. Школьница остановилась, наклонилась и подняла старое фото с обгорелым уголком – видимо, вынесло ветром из пламени. С пожелтевшего изображения на Любу смотрела женщина лет сорока с грустным суровым лицом, в белой, под горло, блузе, вокруг головы обмотана толстая коса.

Сэро тоже остановился и с любопытством начал глазеть

на спутницу.

– Ты чего?

– Фотография под ногами валяется. Нехорошо.

– Выкинь её.

Поспелова серьёзно посмотрела на парня, потом направилась к костру. Присела на корточки и аккуратно положила снимок в огонь. Пламя поедало память о грустной женщине с суровым лицом.

Повеса в ожидании маячил на тротуаре, но спутница будто забылась. Тихоня искренне желала, чтобы мальчик молча ушёл сам и никогда её впредь не тревожил. А она уж точно постарается о нём больше не вспоминать.

Ибрагимов, задолбавшись ждать с моря погоды, незаметно подошёл к костру и встал за спиной Любы. В костре горело много фотографий – наверно, кто-то решил избавиться от старого семейного альбома.

– Решила погреться? – ехидно заметил брюнет.

– Хочу удостовериться, что все фотки сгорят и ничьи лица не будут затоптаны под грязными ботинками и сапогами. Не жди меня, иди домой!

– Зачем тебе заботиться о чужих фотках? Пусть следит тот, кто их в костёр бросил, – заметил юноша, пропустив мимо ушей просьбу удалиться.

– Лица людей, как и лики святых, не должны валяться под ногами! Это кощунство. Грешно наступать на чужие фотки! Будто топчешься по живому человеку.

– А-а-а, понятно! Часто молишься, в церковь ходишь?

– Не молюсь и не хожу.

– Странно! Говоришь как глубоко верующая. И выглядишь так же! Такие обычно часами молятся, из церкви днями не выкисают, батюшке руки целуют.

– Что в этом плохого? – нахмурилась десятиклассница.

– В рай тебя всё равно не возьмут, – лениво зевнул цыган. – Ты веришь в чертей и страшилки читаешь!

– Пусть не берут. Не хочу ни в рай ни в ад!

– А куда на самом деле хочешь? – хитро прищурился брюнет.

– В никуда. Исчезнуть. Иди домой сам, Сэро!

– Ой, ну начались мне тут девчачьи капризы! Люба, хватит дуться! Как маленькая! Я сказал правду в лицо. На правду не обижаются!

– Тогда спасибо за правду, Сэро, – поджала губы сверстница. – Ничего личного. Надеюсь, ты на меня тоже не обиделся?

– Нет, – равнодушно бросил мальчик. – Зачем обижаться?.. Я и так догадывался! После того, как с Григорьевной пообщался.

– Когда успел?!..

– Когда с братом яблоки с грушами на станцию носил. Ела?

– Да! Ваши были? Не знала...

– Слушай, но ведь твоя мама работает с моим отцом! Цы-

ганом. Она к нему тоже плохо относится?

– Нет. Вообще дома особо о твоём отце не слышала. Плохого – тем более!

– А папа твой что говорит?

– Не знаю. Он ничего не говорит. И о чужих никак не отзывается.

– Я сталкивался с плохим отношением к своей национальности. – Юноша подошёл к иве и оперся спиной об её ствол. – Хотя моя семья никому плохого вжизнь не делала! Родители честно трудятся. Было интересно услышать, что реально думают про нас такие, как ты. Твоей матери, наверно, встретилось много нехороших людей! Это её опыт, её убеждения. Ты можешь думать иначе.

– Как мне думать, постараюсь разобраться сама. – Люба поднялась с колен. – Сэро, зачем решил общаться? Тебе же нравится другой тип людей. Сам сказал! Зачем мучаешься и тратишь на меня время? Разве не чувствуешь себя по-идиотски?

Вопрос в лоб. Брюнет от пугливой зубрилки подобной прямоты совершенно не ждал. Настала его очередь смутиться.

– Нет, – слукавил хитрый десятиклассник. – А ты чувствуешь?

– Немного, если честно! – обиженная девочка скорчила ехидную гримасу.

– Мне кажется, что ты хороший человек, Люба, и можешь

стать хорошим другом, – ловко ушёл от ответа ровесник. – Подругой, точнее.

– Зачем тебе такая подруга, как я? Старая дева, одиночка. Что зависит от мнения матери и дышать боится. У тебя много друзей. Замена найдётся!

Сэро понял, что у школы перегнул палку и задел святое – девичье достоинство. Люба по глупости оскорбила его национальную честь, он – в ответку, специально – унизил в хлам её самооценку.

Парень по пути немного остыл и всё сказанное Любой уже воспринимал с долей иронии. Ему не было дела до чужой ограниченности и недалёкости. Поспелова, хоть и симпатичная, как девушка его не цепляла – это тоже было правдой. Но всё-таки проходиться грубо по её внешнему виду и поведению было жестоко. Надо поспешить реабилитироваться.

– Ну да, много. А подобных тебе мало. – Ибрагимов решил быть честным, сделав вид, что не заметил сарказма на лице собеседницы. – Паша есть. Имир, Русланка, малые – близкая родня. Ещё пару людей уважаю. С тобой познакомился! Правда, при неудачных обстоятельствах.

– А Денис? Наташа? Илья этот?.. Ну и те, с кем в школе общаешься?.. Что, они не друзья?

– Пирожок, общаются не только ради дружбы, в курсе?.. С одноклассниками – ради комфорта и взаимной выгоды, чтобы обстановка приятная была. Денисыч – без царя в голове, веселый, не тормозит от слова «совсем», с ним можно и в

огонь и в воду. Наташа – для расслабона и приятных вечеров, когда мне нужно. Илья – просто другой. У него жизнь другая, не такая, как у меня – интересно общаться с человеком, который тоже цыган, но вырос и живёт, действует да решает по-другому. У него есть чему поучиться, поверь! И у Наташи. И у Дениса.

– Сэро, я что-то запуталась. Тебе придётся помочь мне разобраться в услышанном. Я всё-таки старая дева и серая библиотечная мышь, или подобных мне мало? – Девушка выпрямилась, словно натянутая струна, и с вызовом посмотрела на ровесника.

«Вот чёрт! Ну уж нет, дорогуша, за жабры не поймаешь!»

– И то и другое, – усмехнулся цыган. – Почему по-бабьи одеваешься? Всё равно, как выглядишь в глазах других? Встречают по одежке – забыла народную мудрость? Что из библиотеки не выползаешь, никуда не ходишь – твои трудности. Что подобных тебе среди знакомых девочек нет – факт. Проще говоря, с тобой интересно общаться как с человеком, но как девушка ты совершенно не привлекательна. Я полчаса назад чётко дал понять: мы хорошие знакомые, приятели! Не более! Ты мой приятель. Я твой приятель. Я хоть раз говорил или хотя бы намекал, что интересуюсь тобой как девушкой? На свидание звал?

– Нет. Не было. Не звал и не намекал! А разве я тебе давала повод думать, что надеюсь на что-то большее?

«Ух ни фига же!.. А ты бываешь опасная, когда злишь-

ся!» Словесная игра с обходными маневрами начинала затягиваться. Надо завершаться и выходить если не победителем, то хотя бы вничью. Люба хотела прямых ответов. Не дожждётся.

– Давала.

– Когда такое было?! – взвилась от возмущения Пospelова.

«Вот и попалась, солнышко!» – довольно подметил по веса. Подойдя вплотную к тихоне, наклонившись близко к залившемуся личику, ровесник, глядя в глаза, произнёс:

– Твои поступки говорят сами за себя, Любовь Васильевна! Пахана воспринимаешь как друга, а меня – как парня. Чёрного цыганского парня, который может совратить. Испортить одним присутствием твою чистенькую, непорочную репутацию в глазах... В чьих глазах, кстати, я не понял?.. А, не важно! Обмануть, использовать, настрогать детей, кровь голубую осквернить! Меня умоляла держаться подальше, а Пашу?.. Это всё твои слова были, я пока от себя ещё ничего не прибавил! Может, и не надеялась на большее, но с позиции «мужское-женское» наши отношения рассматривала. Что, хочешь сказать, я ошибся?

Люба, устыдившись, опустила взгляд и отвернулась к реке. Сэро понял, что словесный бой выиграл. Осталось закрепить победу, чтобы проигравшей стороне впредь не повадно было.

– Скажи хоть что-нибудь, подруга! Так понимаю, молча-

ние – знак согласия? Интересно, конечно: вчера я чувствовал себя дураком, а сегодня – человеком третьего сорта и подлецом!

Школьница повернулась. На печальном личике отражались сожаление и отчаяние.

– Стоило сказать сразу. Ещё когда ты меня возле дома караулил. Не думала, что мы подружимся! Точнее, не надеялась. Знаю, что некрасивая – здесь ты Америку не открыл! У меня нет друзей, ни с кем не общаюсь, класс ржёт. Немодно одеваюсь, понимаю. Родители против джинсов, кофт с глубоким вырезом и мини-юбок. Считают, что я должна носить закрытое, из натуральных тканей, чтобы здоровье сохранить. Какому парню захочется показаться на улице со мной?.. Но я не претендовала на тебя и твои чувства, ради Бога! Зато очень хотела с дружить. И насчёт библиотеки – с детства люблю читать. Моё хобби, увлечение. Никому не навязываю. Тебе – тем более!

– Я не говорил, что навязываешь...

– Сэро, послушай! Не хочу оказаться твоим врагом из-за всего сказанного. Честное слово, не принимала тебя за... Ну, наверно, понял! Лишь мечтала дружить с тобой и Имиром, но чтобы родители не пронюхали. Усидеть на двух стульях невозможно, ты прав! Поэтому...

Поспелова набрала побольше воздуха, явно желая сказать что-то важное. Сэро, почуяв решительность собеседницы, насторожился.

– Поэтому больше мы общаться не будем. Здраваться – тоже. Я некрасиво поступила, признаю! Извини. Постараюсь на глаза не попадаться. – Люба резко, быстрым шагом пошла прочь от костра, стремясь удалиться от сверстника как можно дальше.

Ибрагимова накрыла внезапная вспышка гнева. Не помня себя от ярости, он в паре прыжков нагнал девушку, поймал за запястье и рывком развернул. Люба, не ожидавшая такого поворота событий, не на шутку испугалась и попыталась вырваться.

– Э-э-э, нет, дорогуша! – повеса крепко схватил её за обе руки, чтобы та не могла отвернуться. – Так дело не пойдёт! Облажалась, а теперь хочешь культурно удалиться?!.. Я не нуждаюсь в извинениях! Размазала сопли, разнылась, прикинулась жертвой, нагадила в душу – и всё?!.. Легко бросить пару «прости» и свалить, но не прокатит! Я *не хочу*, поняла?!.. Слишком уж просто для тебя будет! Обязана отработать и враньё, и настоящее отношение ко мне! Халявы не жди!!!

Перепуганная тихоня продолжала вырваться, не помня себя со страху. Сэро мстительно оскалился и резко толкнул – девочка попятилась по инерции, споткнулась и упала, проехавшись по асфальту. Юбка испачкалась в дорожной пыли, колготки порвались, на коленях и ладонях засвежели кровоподтёки, царапины и ссадины.

Цыган, остыв, сообразил, что натворил, подошёл к ро-

веснице и молча стал отряхивать её одежду от пыли. Кожа на коленях в местах ссадин начала набухать и кровоточить. Школьница посмотрела на опухшие ладони: в разодранную кожу впились мелкие камушки и грязь, выступила кровь.

Этот день для ученицы 10 «А» оказался слишком напряжённым. Мальчик, о котором она тихонько грезила, сначала дошёл до слёз с утра пораньше, потом унизил, а ещё угрожал. Колготкам – хана. Эти были последними целыми капронами в ворохе бесполезных порванных под её кроватью. А уговорить мать купить новые стоило невероятного труда!

Не прошло и полдня, как Пospelова Люба опять горестно разрыдалась. Обида и накопленный стресс изливались потоком слёз из серых глаз, душили конвульсивными всхлипываниями.

Ибрагимов готов был провалиться сквозь землю оттого, что опять не сдержался и оказался причиной уже второй за день девичьей истерики.

– Тихо, Люба! Не плачь, ну же! Больно, знаю. Смотри, вон лавочка! Дойдём до неё? Хочешь, на руках отнесу? Нет? Тогда сама потихоньку! – брюнет шустро подхватил хромающую, ревушую навзрыд сверстницу под локоть и помог добраться до скамейки.

– Где платок, что я утром дал?.. Давай достану! Посиди, успокойся. В десятке шагов колонка. Надо грязь удалить. Потерпи!

Старшеклассник, прополоскав как следует ткань, вернул-

ся назад и стал протирать Любе ладони. Мелкая каменная крошка и сор залезли под верхний слой кожи, пришлось выковыривать. Девочка от болезненных ощущений скулила и пыталась вырваться из рук цыгана.

– Эй, остынь! Надо мусор достать. Не дёргайся!

Брюнет сбегал раз пять, чтобы промыть платок. На шестой немного успокоившаяся Пospelова встала с лавочки и, хромя, пошла к колонке за ним следом.

– Сиди, куда валишь?! – рявкнул повеса. – Я сам подойду!

– До ночи бегать с этим крошечным обрывком будешь, – нехотя ответила сверстница.

Пospelова надавила на тугую железную рукоятку. Больно! Пораненные ладошки не давали применить силу, да и силы девичьей кот наплакал. Сэро, терпеливо поглазев на её потуги, взялся за рычаг. Полился мощный поток, разбиваясь о бетон на крупные брызги. Школьница спешно мыла ссадины. Парень, упёршись коленкой в рукоятку, чтобы вода не иссякла, помог приятельнице побыстрее закруглиться, пока оба не промокли до ниток.

Старшеклассники сидели на лавочке у реки и молчали. Каждый переваривал случившееся про себя и не желал заговорить первым.

Ссадины подсохли. Люба, вытянув вперёд промокшие ноги, с отрешённым видом глазела на рябившую от ветра гладь реки. Сэро задрал ногу на лавочку, положил подбородок на

коленку и поглядывал то на редких прохожих, то на соседку. Та ловила краем глаза, что парнишка её бесцеремонно рассматривает, но своим обиженным видом пыталась показать, будто ей всё равно.

Поспелова хотела, чтобы брюнет наконец, устав торчать рядом, встал и молча свалил. Но цыган всё сидел, никуда не уходил, да ещё и на Любу глазел без зазрения совести. Так оба негласно играли в новую игру под названием «кто кого пересидит». Тихоня не выдержала первой.

– Иди домой. Тебя Имир, наверно, заждался!

– Хорошо, пойдём! – согласился тот. – Готова?

– Я ещё посижу. – Школьница, задрал нос, опять обиженно отвернулась.

– Сиди, – спокойно отозвался повеса. – Я подожду.

– Брат переживает! – снова попыталась избавиться от брюнета Люба.

– Не ждёт и не переживает, – обломал её Сэро. – У него своих дел по горло.

– Вы же близнецы! – не поняла она.

– И что с того?

– Должны быть вместе постоянно, переживать друг за друга...

– Ага, щас! – саркастично прыснул ровесник. – И зачем нам обоим это надо?

Поспелова задумалась. Не найдя подходящего ответа, ляпнула:

– Потому что ... родные братья... Близнецы! Похожи как две капли воды. Так надо. Вот!

Ибрагимов, выслушав девичьи фантазии, приснул со смеху.

– Книжек перечитала?!.. Проснись, я и Имир – разные люди! Да, близнецы. Подумаешь! У нас не один мозг на двоих! Я не обязан ходить по пятам за братом, а он – за мной. Имир не водит дружбу со многими из тех чуваков, с которыми контакту я. А я не собираюсь быть копией Имира, хоть мне его вечно в пример некоторые ставят. Понятно?

Десятиклассница не ответила и вновь гордо стала глазеть на реку. Но Сэро смекнул, что девочка успокоилась и готова к контакту, поэтому продолжил разговор.

– Ты одна в семье?

Школьница повернулась к собеседнику.

– Нет. Ещё есть брат.

– Никогда не видел в школе твоего брата, – задумался цыган.

– И не увидишь, смешной! Он старше на шестнадцать лет. У него в станице бизнес. Товар в магазины поставляет. Еду и напитки вроде.

– А-а-а-а, вот оно что! Нифига, шестнадцать лет разницы!.. С вами живёт?

– Нет. У своей женщины. Женщин, точнее. Они меняются постоянно. К нам он в гости приезжает. Редко, правда! Иногда ночевать. Мама всегда скучает и ждёт. Любит брата

очень! У Шурика своя комната в доме. Там хранятся некоторые вещи, а ещё крутой японский музыкальный центр с огромными колонками, куча дисков и кассет! Много-много!!!.. Брат разрешает слушать его коллекции. – Люба от удовольствия закатила глаза.

– Щедрый! – искренне позавидовал Сэро. – Имир бы за свои кассеты руки оборвал!

– Шутишь?! – изумилась девочка.

– Ни капли! Он не любит, когда трогают его вещи. Его – это его, и точка. Даже если спрашиваешь, Имир может не дать. Своё хранит отдельно, и лучше в его имущество не лезть. Хорошо вы с братом общаетесь?

– Вообще не общаемся, – нахмурилась тихоня. – Он только с родителями болтает!

– А ты молча слушаешь?

– Нет. Не слушаю. Мне неудобно во время их бесед. Они говорят о своём, о взрослом, а я чувствую себя глупой и посторонней. Обычно когда Шурик приезжает, ухожу в комнату. Лишь иногда чай со всеми пью, не больше. А вас в семье сколько?

– Семеро.

– Ого!!! – приятельница, не удержавшись, хлопнула в ладоши от восхищения. – Круто!!!

– Вроде того, – по-доброму улыбнулся повеса.

– Повезло! Ты не один. Я хотела бы так! Дома, наверно, весело всегда?

– Бывает! – посмеялся цыган.

– Вы с Имиром старшие?

– Нет. Старший – брат Арон, 23 года. Он не захотел пере-езжать на Кубань и сначала остался в Новосибирске у родни, а потом в Москву укатил. Вторая – сестра Русланка.

– Ей сколько?

– Восемнадцать. Учится на повара-кондитера в соседнем городе. Почти закончила. По выходным там же подраба-тывает в кафе, печёт. После Русланы родились я и Имир. Ну и младшие наши – Роза, Сона и Ярош. Ярошу четыре.

– Везучий ты, Сэро! Такое семейство большое! – искренне восхищалась Люба. – Счастливые! Всегда завидовала, когда куча братьев и сестёр. Никакие друзья не нужны!

Юноша, грустно улыбнувшись в ответ, рассеянно дёрнул плечами.

– Имена чудные! – продолжила изумляться Пospelова. – Никогда подобного не слышала. Знаю мужское имя Руслан.

– Все дети названы родителями в честь кого-то. Арон – в честь папиного лучшего друга. Тот погиб, когда мама бере-менная была. Мужика машиной специально передавили.

У тихони от ужаса расширились глаза и вытянулось лицо.

– За что так?!

– Платить за работу не захотели. Друг каменщиком был, хорошо стены клал. Наняли строить ресторан, а платить не захотели. И передавили.

– Жестоко!

– Да. В жизни бывает и не такое. Я и Имир – в честь прадедов. Русланку назвали именем маминой тётки. Роза – папина мама была, моя бабушка, умерла уже. Сону – как папину родную сестру, далеко отсюда живёт. Ну и Ярош – имя одного уважаемого родителями цыганского старейшины, с польско-украинских границ. Старейшина много нашему роду во времена Революции помог, папа говорил. Помер дед давно.

– Славные вы какие! – с уважением отметила десятиклассница.

– А тебя в честь кого называли Любой?

– Просто так. Маме захотелось. В православии есть триединство – Вера, Надежда, Любовь. Мама хотела, чтобы я принесла ей любовь.

– Понятно, – невесело усмехнулся парень. – И принесла ты любовь?

– Да, наверно, – потемнела собеседница.

– Наверно? Что ж ты любовь-то не принесла?

Тихоня расстроилась и отвернулась. Ибрагимов понял, что неудачно пошутил. Повеса обратил внимание, что по отношению к Любе нередко с юмором попадает впросак. Каждый раз она принимает колкости близко к сердцу.

– Шутка, эй! Вполне безобидная. Чего надулась?

– Я не обиделась, всё хорошо.

Сэро выдержал паузу и снова заговорил:

– Извини, что толкнул.

– Только если взаимно простишь всё, что я сказала про

нерусских, и не будешь мстить! – отозвалась простодушная сверстница.

– И не собирался мстить! – фыркнул школьник. – Прощаю, так и быть! Будешь должна.

– Что? – насторожилась Люба.

– Хорошее уважительное отношение! И, конечно, общение! Отрабатывай плохое поведение. Будем вместе в школу ходить.

– Каждый день?

– Нет. Каждый день не получится. Я и брат по очереди водим в школу младших сестёр, а Яроша – в садик. Когда отец работает не в ночь, то возит их сам. Но, в основном, мы с Имиром.

Ибрагимов замолчал, а потом, собравшись с мыслями, добавил:

– Да, ещё извини меня за грубость, Люба!

Тихоня подняла грустные глаза на приятеля и тоскливо улыбнулась.

– Не за что извиняться. Я знаю, что некрасивая. Ты не один так считаешь. Многие это говорят.

– Стоп! Я не заявлял, что ты некрасивая. Сама за меня додумала! Толкал лишь про стрёмную манеру одеваться, устаревшие взгляды и нежелание хорошо выглядеть.

– Не придумала ничего. Так и есть! Я голову на боку держу, потому что шея кривая, – сказала девочка то, что всегда боялась произносить вслух, и сама же испугалась своего от-

кровения.

– Чуть наклоняешь всего лишь, – заметил Сэро. – В глаза совершенно не бросается. Зря паришься! Шея как у всех. Ничего необычного. Лучше скажи, зачем у бабушки ботинки спёрла?

– Это мамины. – Люба посмотрела на свою обувь. Полусапожки до середины голени, из коричневой грубой кожи, с тупым носом, на низком квадратном каблуке, зашнурованные от основания до самого верху наподобие солдатских сапог.

– Значит, я почти угадал! – развеселился собеседник.

– Мама их очень любит, – неуверенно попыталась защитить сапоги Пospelова.

– Ну так пусть сама и носит! Зачем у матери обувь отбираешь? Купи себе что-нибудь современное!

– Мама их много лет назад приобрела впрок, потому что качество хорошее. Она носить не будет – для меня берегла!

Сэро иронично закатил глаза и язвительно прыснул:

– И как их тараканы не съели!.. Для правнуков, Александра Григорьевна, тоже, наверно, обуви запасла на века?

– Только ткани и одежду. Шкафы запасами доверху забиты; вещи повседневные складывать некуда! А на чердаке стоят советские сервизы, купленные мамой двадцать лет назад, – наследство нам с братом. Когда замуж выйду, мне один подарят!

– Когда ты замуж выйдешь, этот сервиз облезет, потрескается и на фиг никому не нужен будет.

– Потому что никто замуж не позовёт? – обиделась девушка.

– Потому что вещи имеют свойство портиться от времени и пыли, глупая! – Ибрагимов посмотрел на часы, изумлённо хмыкнул и показал Любе.

– Ого! – удивилась та. – Три часа дойти до дома не можем!

– Почти четыре, – поправил подружку брюнет. – Как себя чувствуешь? Готова идти? Могу плечо подставить!

– Нет, не хочу. – Тихоня встала и поморщилась от ноющей боли в коленях. – Надо быстрее топать. Ещё информатику делать.

– Не будет у вашего класса информатики, говорил же! Учителя заболели.

– А ты откуда знаешь, какие у меня завтра уроки?

– Тоже мне, тайна!.. Расписание твоё посмотрел. Как ноги?

– Мелочи. Колготки жалко, последние были! Дома лишь рваные остались, целых три пакета.

– Зачем хранишь хлам?

– Мама выбросить запрещает. Говорит, всё может пригодиться в нашем мире!

Сэро, не удержавшись, расхохотался. Он забрал у попутчицы рюкзак, накинул на плечо, подхватил девочку за талию.

Подростки медленно побрели домой, шурясь от лучей красного, заходившего за горизонт солнца.

Глава 12.

Вернувшись, Пospelова для начала хотела было незаметно в летней кухне снять колготки, но, подойдя к двери, услышала голоса и пулей метнулась в дом, не желая отгрести значительных пилюлей за последний порванный капрон.

В девятом классе девочке удалось с горем пополам убедить мать, что шерстяные колготки советского пошива никто в школе не носит. Да, тепло и натурально, но, простите, некрасиво. Цвет мерзкий, вязка уродливая, сползают и собираются гармошкой на коленях и щиколотках.

Александра Григорьевна ни в какую не хотела покупать подростку плотный капрон. Не верила, что он согреет в зиму и убережёт от женских заболеваний и простуд. От жалоб мать отмахивалась – насмешники просто дураки, о здоровье и будущем не думают.

Это были суровые дебаты, и Люба билась лбом о непреступную стену, пока не подключился брат. Он привёз к родителям знакомиться новую женщину, и та, сидя за столом, оспорила с усмешкой свекровь, заставлявшую юную дочь носить бесформенные колготки. Шурик под влиянием женских чар младшую сестру поддержал. Невестка, конечно, стала для Александры врагом № 1, зато Люба больше не переживала из-за внешнего вида и не прятала ноги подальше от ехидных ровесников.

Переодевшись, школьница прошла в зал, куда пришли с летней кухни мать и двоюродная сестра. Дамы были не одни – в гости на Солнечный 27 вдобавок припёрся помусолить местные сплетни Борис Иванович, сосед с дома № 28.

– О, посмотрите-ка, кто пришёл! – недовольно завела избитую пластинку двоюродная сестра Лена. – Наша «грамотная» дивчина!

– Пойди поставь чайник, дочь! – бросила, едва обернувшись, родительница.

– Мне нужны колготки, – тихо завела опасную тему Люба, наклонившись к уху матери. – Я успею сбежать, пока Универмаг не закрылся.

– Я тебе месяц назад купила одну пару! – громко возмутилась Александра Григорьевна. – Куда дела?!.. Порвала?!

– Да, упала. Споткнулась случайно, – виновато пригнулась девочка.

– Чего спотыкаешься?!.. Молодая, красивая! Рано ещё! На парней засмотрелась? – подключился Борис Иванович, подмигнув.

Старшекласницу затошнило.

Властный бесцеремонный Борис Чумак являлся состоятельным фермером, был немного старше Василия Михайловича и годился школьнице в деды. Он и его недавно почившая жена держали несколько коров, огромное количество птицы, свиней. За большим белым домом виднелись пышные стога сена. В грязном, покрытом навозом дворе укрыва-

лись два трактора и телега.

Остальные чистоплюи-соседи Солнечного (особенно ас-сенизатор и завуч Петуховы) носы от грязи, разводимой Чумаками, морщили, но прямо виду не показывали и, боже сохрани, не обсуждали. Все затаривались в № 28 свежим мясом, парным молоком, жирным творогом, крепкой домашней сметаной, овощами, фруктами и вкусным домашним вином.

Дело стало не только в хороших продуктах. Чумак на язык остёр и жесток. Если надо, мог и подраться. Владелец громкого густого баса, Иванович гаркал на домашних так, что местные знали: Чумаки опять что-то не поделили. А когда фермер в ответ на замечания бросался фразами низкими, пошлыми да вызывающими, в ужасе прятался по домам весь переулок.

Поспеловы оказались единственными, кто умудрился с Чумаками сдружиться. Борис постоянно таскал в № 27 вкусные щедрые гостинцы, сидел подолгу за чашечкой чая и трындел. Сплетничать этот сильный, здоровый как бык, до сих пор красивый мужик (в молодости славился гульками налево) ох как любил! Обсуждал он – сально, перебивая косточки и копошась в чужом грязном белье – почище бабулек на лавочках. Судачил дед с Поспеловыми, чесал длинный язык на лавочке с Петуховыми – злословил со всеми, кто с удовольствием разевал любопытный жадный рот, желая отхватить побольше кусок посторонней грязи.

Александра и Василий слушали харизматичного соседа с широко раскрытыми ртами, поддакивали, возмущались, чувствуя себя знатоками чужой благодетели и душ человеческих.

Люба Чумака и уважала, и остерегалась. Уважала его силу, хватку, харизму, щедрость и трудолюбие. А остерегалась взгляда Ивановича и шальных цепких лап, то и дело тянувшихся дотронуться, пощупать, ущипнуть невинные девичьи выпуклости. Причём делать это нахальный дед изловчался тогда, когда не было свидетелей и школьница оказывалась максимально беззащитна.

– Какие там парни! Не учите дурному, Борис Иванович, а то сестрица досмотрится, что в подоле принесёт! А мамке потом нянчиться! – съехидничала родственница.

– Взрослая уже, сама нянчиться будет! – улыбнулся Любе сосед.

– Где ж взрослая?!.. Готовить толком не умеет, стирать – тоже. До сих пор хозяйство на себя не взяла! Мать усталая со станции приползает и по дому начинает копошиться! Где видано, чтобы взрослая кобыла отлёживалась с книжкой вместо труда?!..

– Могу школу бросить и на здоровье утрудиться, лишь бы ты довольна была! – парировала задетая тихоня.

– Ой, ты посмотри, одолжение сделала! Твоя школа только тебе и нужна! Учится она! Высшее получить хочет, а мать до сих пор за неё трусы стирает!

– Свои трусы я сама стираю, и за семью тоже! – вспыхнула подросток.

– А сегодня кто с утра с тазами корячился? Выходная мать! Хороша доченька! Ручками белыми постирать не могла вчера!

– Люба на выходных бельё гладила и стирала, – осторожно вставила Григорьевна, наблюдавшая за перепалкой.

Борис Иванович тоже следил за разговором, бросая едкий взгляд с Лены на Любу, с Любы – на Григорьевну, и обратно. Терпение юной Пospelовой, и так испытанное на прочность за день больше, чем следовало бы, вконец иссякло.

– А может, ты наконец будешь за своим хозяйством следить да вспомнишь о родном отце, вместо того чтобы засовывать длинный нос в чужие дела?!.. Или устроишься на работу, чтобы обеспечивать себя да не таскаться в мой дом и не искать подачек нахаляву?!

В комнате оторопели.

– Люба, да ты что?!.. Так грубо! Как язык повернулся?! – всплеснула руками мать.

– В отличие от тебя, неженки, мне никто учиться не помогал и хлебом задарма не кормил! – психанула сестра, позеленев от злости.

– Я в своём доме у своих родителей ем и пью! И я – несовершеннолетняя! А ты, здоровая кобыла, осталась без матери, когда школу окончила! И хватит трогать моё образование! Я не виновата в том, что ты не захотела учиться нигде

после школы! Нечего меня попрекать в собственной лени! Если уж так переживаешь за тётку и моё «плохое» воспитание, то сначала научись своего папу по имени называть, а потом приходи ко мне в дом и умничай!

– Воспитали вы, тётушка, хамку! – обратилась шокированная родственница к хозяйке в надежде, что та, как обычно, заткнёт дочь.

– А тебя кто такую ленивую воспитывал?! – рявкнула десятиклассница.

– Люба, окстись! Перед Борисом Ивановичем не стыдно?!.. Сестра твоя – сирота! Как с роднёй разговариваешь?! – подпрыгнула раздосадованная Александра.

– Сироте почти тридцать лет! Пусть за своими грязными трусами следит! Лучше б не было родни, чем такая!

Взбешённая Люба выпрыгнула из зала в коридор, хлопнув с дури дверью. Девочку трясло. Закрывшись, тихоня в который раз пожалела, что в ручке нет замка. Мать выждет, когда уйдёт сосед, и придёт на расправу.

Давно так её не прорывало! Школьница и раньше грызлась с двоюродной сестрой, часто гостившей и столовавшей на Солнечном № 27, но сегодня превзошла саму себя.

Сестра всегда начинала первой. Язвила, грубила, хамила. Почему Лена так вела себя, Люба не понимала. Она старалась подружиться с родственницей, но в ответ получала ещё большие отталкивания.

Григорьевна, бывало, говорила дочери, что Бог её родную

Леночку в младенчестве забрал, а взамен для искупления грехов дал на воспитание взрослую племянницу Лену. Пятнадцатилетняя девочка с ужасом думала, что если б родная сестрёнка оказалась настолько же непримиримой грубиянкой, то лучше б Любе тогда уж не родиться.

Елена училась в одиннадцатом классе, когда умерла от сердечного приступа её мать. Девушка закончила учёбу, но поступать никуда не стала. Отец её, родной старший брат Александры, беспробудно запил и ушёл жить к новой подруге, торговавшей жареными семечками возле двора школы №1. Отца своего сестра не считала за человека, в открытую желала отравиться крысиным ядом и обращалась только по фамилии.

Старшая Пospelова приютила и обогрела племянницу, считая её несчастной обездоленной сироткой (сказывалось тяжёлое голодное детство Александры). Кроме Шуры, никто из родни и ближайшего окружения девушку сироткой не считал и в домах у себя не привечал.

Лена ни дня после смерти матери не работала, а деньги и еду брала в доме Пospelовых. Хамила племянница не только Любе, но и тётушке – в ответ на щедрость и доброту, так сказать. Приходила, обедала, брала подачки впрок и пропадала, пока те не заканчивались. Тогда сестра вновь заявлялась на переулок за халявой.

Раньше школьница скрипя зубами терпела невыносимую заносчивость сироты, но позже постепенно начала огрызаться

ся. Люба по своей тихой застенчивой натуре не могла перешеголять грубую Лену в ядовитости и неизменно проигрывала. В личных беседах девочка жалилась матери. Женщина искренне жалела дочь и признавала грубость племянницы. Но когда сёстры схлёстывались вновь, Григорьевна почему-то не вмешивалась, предпочитая оставаться в стороне.

Школьница вздохнула. Делать нечего. Что произошло – то произошло. Вечером мать сначала обругает её за сцену в зале, потом – за порванный капрон. Колготок нет, на новые мама денег не даст, да и где их вечером купишь? До выходных ещё три дня, а в чём-то ходить надо.

Поспелова нырнула под кровать и выудила пакеты с порванными колготками. Нужно найти такие, чтобы на голених дыр не было – другие места спрячутся под юбкой и ботинками. Её трясло от злости. «Сколько можно?!.. Если ненавидишь, зачем ходишь сюда постоянно? Зачем унижаешь при соседе?.. Ведь специально же начала, чтобы тот потом сплетни по всем дворам разнёс!»

Отдельными нотами в душе звучала обида на мать: «Всегда защищает Ленку, а за родную дочь вступиться не может. Будто я чужая! Всегда в угоду посторонним: родне, соседям. Неужели тяжело поддержать? Одёрнуть сестру хотя бы?»

Подходящих колготок не было. Люба с неудовольствием достала другие тюки с хламом, который категорически запрещалось выбрасывать. Он хранился на чёрный день, и скопление его занимало всё больше пространства в доме.

Там, среди порванной порченной одежды, тоже ничего не нашлось.

Тихоня включила свет и задёрнула шторы. Дверь из зала громыхнула. Десятиклассница насторожилась. Ручка опустилась, и в комнату вошёл Борис Иванович.

«Чёрт! Почему его никто провожать не пошёл?» – девочка и сосед оказались один на один.

Чумак прикрыл дверь и подошёл к юной прелестнице. Люба снова ощутила горечь в душе из-за отсутствия замка. Мужчина окинул взглядом кровать, заваленную хламом.

– Колготки ищешь?

– Да. Как Вы догадались? – тихоня, нервничая, продумывала пути отступления. Позади было окно. Деваться некуда. Сосед обнял девочку за талию.

– Ты у Шуры просила. – Иванович наклонился к юному личику и вперился насмешливыми тёмно-кариыми глазами. От него пахло хлевом и жареным мясом. – Хочешь, пойдём ко мне? После смерти Вали в шкафу много новых колготок осталось – повыбираешь себе что-нибудь!

Вторая лапа соседа легла на Любину левую грудь. Девочка в панике скрестила руки, пытаясь оттеснить пятерню Чумака, но не получилось. Лишь удалось придавить, чтобы наглая клешня не пошла задорно гулять по обеим грудям разом. Хоть бы не зашла мать! Что тогда будет?

– Тётя Валя была больше меня раз в десять, Царствие ей Небесное! Отпустите, пожалуйста! – тихоня попробовала

вырваться.

– Отпустил уже, чего нервничаешь?! Жалко тепла для одинокого человека? – насмешливо попрекнул фермер. – Юная, сочная, а на ласку жадная! Проводи меня до калитки, Любушка!

– Лучше пусть мама проводит! – нашлась школьница и заорала что есть мочи: – Ма-а-а-а-а-м!

– Чего орёшь?! – возмутился напрягшийся мужик и шустро отстранился. – Истеричка! Сам дорогу найду! Ах да, я варенья из антоновки принёс! Ароматное, для тебя! Полакомишься!

– Спасибо, Борис Иванович, всего хорошего! – дежурно отозвалась подросток.

Гадкий сосед вышел, Пospelова пулей захлопнула дверь и простояла возле проёма какое-то время, боясь отпустить ручку.

Летом одиннадцатилетнюю Любу в разгар консервирования Александра Григорьевна отправила к Чумакам за закаточной машинкой. Своя сломалась, а заготовка не ждала.

Было за полдень. Солнце палило нещадно. На зов девочки вышел Борис Иванович и велел идти следом.

На огромной кухне Чумаков в глубоких тазах стояли засыпанные сахаром фрукты. Темно, душно. Жужжали влетевшие в распахнутую дверь мухи. Голые ступни прилипали к грязному полу. Кроме возрастного соседа, в доме никого не было.

Борис протянул закуртку. Девочка взяла прибор, дед перехватил её руку за запястье и ущипнул за едва набухшую грудь, выступавшую под майкой. Тихоня вскрикнула и попыталась высвободиться.

– Чего дёргаешься?! – усмехнулся фермер. – Не переживай, не обижу! Я только посмотрю.

Одеревенев от нахлынувшего отвращения, десятиклассница, стоя с закрытыми глазами перед ворохом бесполезных вещей, вспоминала, как Чумак щупал сначала в трусах, потом запустил руку под майку. А она стояла и боялась пошевелиться, не зная, что делать. Позже во дворе № 28 загрела собачья цепь (кто-то из домашних вернулся), и мужик отпустил её. На негнущихся ногах Люба вернулась домой и получила взбучку от матери за то, что долго шла.

«Как же навозная гнида достала!» – школьница скорчила гримасу, готовая плюнуть от омерзения на шерстяной коврёр. – «И некому пожаловаться. Предки мне башку открутят, если узнают, что хряк лапы распускает! «Опозорила, шавки помойной кусок!» Если бы я четыре года назад выложила маме, как сморчок мне меж ног чёртовы обрубки совал, то она бы сначала с меня шкуру содрала, а потом пошла бы к нему кланяться, чтобы никому не болтал и родительскую честь не позорил!»

Руки затряслись и сжались в кулаки. Злость подошла к горлу. Захотелось заорать – громко, протяжно, на самой высокой ноте, не щадя гортани и не останавливаясь, пока с кри-

ком не выйдет до последней капли горечь обиды и предательства. «Вырасту, выучусь и уеду отсюда навсегда! Буду жить одна, никого к себе не пущу! Ищите, где хотите, а не найдёте!»

Скрипнула дверь. Вошла Лена. Люба волком уставилась на неё. Та звериным взглядом – в ответ.

Воцарилось враждебное молчание. «Думаешь, сдамся и извинюсь? Да пошла ты, родственница! Не рассчитывай! Только тронь – мало не покажется! Хватит с меня всех лет, что ты гадила в душу и издевалась!» – Люба, готовая к язвительной атаке, агрессивно задышала и поджала челюсти.

– Не нашла колготок? – заговорила первой Лена.

Тихоня выдержала паузу, не желая разговаривать, но потом всё же ответила:

– Нет. Всё рваное!

Сестра вытащила из-за спины упаковку.

– Держи. Сегодня на рынке купила. Они, правда, всего 20 ден. На первое время хватит.

Поспелова непонимающе нахмурилась. Лена вышла. Школьница, почувствовав, как силы покидают её из-за прожитого за день нервного напряжения, плюхнулась на кровать. Пружины сетки-черепашки заскрипели под пуховой периной.

До позднего вечера Люба так и не вышла из комнаты. Сестра ушла ближе к полуночи. Не боялась же ходить через тёмную, без фонарей, станицу! Жила Лена возле автовокза-

ла.

Тихоня приготовилась ко сну, когда в комнату тихо вошла мама.

– Я вижу, не спишь, – заметила женщина и присела на край кровати. – Зачем так с Леной? Ты же воспитанная, а сцену при Борисе Ивановиче устроила! Что он соседям рассказывает?

– Он в любом случае что-то да рассказывает! – буркнула Люба и высунула личико из-под одеяла. – Почему я должна терпеть её выходки? Почему она вообще к нам ходит? Прекрасно знаешь, что Лена поливает нас грязью, жалуется родне! Сколько высказывали родственники! И ты всё равно её пускаешь!

– Люба, она сирота. А ты её так жестоко обидела!

– Ага, престарелая! На правду, между прочим, не обижаются! – пробубнила дочка, припомнив, что слышала сегодня эту фразу в свой адрес.

Александра Григорьевна вздохнула и погладила девочку по голове.

– Так получилось, что в важный период жизни, когда заканчивается школа и человек определяется, мать Лены умерла, а отец запил. Лена оказалась никому не нужна. Некому было подсказать, как поступать дальше. У тебя есть эта возможность. А её лишили.

– Это не даёт права отыгрываться на мне!

– Она не со зла! Просто нрав тяжёлый. Не злись, ты же

добрая и порядочная! Будь милосерднее! Люба?.. Уснула что ли? Поговорить ещё не хочешь?

– Спать пора. Устала очень. Спокойной ночи. – Девочка отвернулась к стенке и накрылась одеялом с головой.

На уроке истории творился полный бардак, и Пospelова недоумевала, почему. Учительница рассказывала интересно. Почему класс не слушал?

Сначала был опрос, во время которого стояла гробовая тишина. 10 «А» всем составом, включая отличников, оказался к уроку совершенно не готов. Когда экзекуция закончилась и внушительный столбик двоек украсил журнал, ребята слетели с катушек.

«Историчка тоже ставит двойбаны, как и Бортник, только вторую все боятся, а эту – нет. И не скажешь, что Валентина лучше преподаёт», – размышляла Люба, наблюдая полёты скомканной бумаги, болтовню и другие занятия, не имевшие никакого отношения к уроку.

Следующая – география. Её вела тучная, сонная, постоянно болевшая женщина, которая не заморачивалась ни с дисциплиной, ни с оценками. Когда она болела, 10 «А» месяцами болтался по коридорам, заплёвывая здание подсолнечной кожурой, тусовался в столовой или на улице при хорошей погоде, а также клянчил к другим педагогам подобрать их на урок. Когда выздоравливала – «А» левой пяткой зарабатывал пятёрки не готовясь и орал на занятии как невменяе-

мый.

Для Любы посещение географии было равно уроку черчения. Её одноклассники здесь тоже совершенно не считали учителя за человека. Слово географички на её уроке, в её собственном кабинете не имело никакого значения как для старшеклассников, так и для учеников помладше.

По звонку дверь вышибли с налёту ногой – отлетев, она с пушечным грохотом ударилась о стену. Из помещения выпрыгнула малышня – класс пятый. Судя по залихватскому гиканью маленьких пострелов, они на географии занимались чем угодно, только не учёбой.

«И это малявки! А что с наших тогда взять? Валентина Борисовна башку бы открутила!» – с неудовольствием размышляла Люба.

В помещении после четырёх уроков подряд было неимоверно грязно. Измалёванная детскими рисунками доска, на полу – мусор, бумажки и комки земли с подошв обуви. Порванные книги враскорячку стояли на изгаженных покосившихся стеллажах. Карта мира у доски висела криво, один край её был оборван и держался на честном слове. Душный прелый воздух, сочившийся вонью потных тел и смердящих носков, ни разу за четыре часа не соизволили проветрить.

10 «А» зашёл в класс и скривился от застоявшегося зловония. Инна Таран и Исакова Алеся пулей подлетели к окнам и начали их распахивать. Холодный свежий ветер первых чисел декабря влетел в помещение. Старшеклассники с

удовольствием задышали сквозняком.

– Ух, как хорошо! – потянулись от удовольствия Юлиана Близнюк и Тарасова Света.

– Какая свинья тут сидела?! – возмутился Жваник, обнаружив под своей партой крупные комки грязи. – Здесь кто-то огород решил посадить?

– На моей парте вообще плевков, Илья! – пожаловалась командир Гончаренко Нина. – Ира, тебе по пути: прихвати тряпку!

Уварова, находившаяся возле доски, наклонилась к ведру с тряпкой, но в ужасе отпрянула от густой мутной вонючей воды.

– Прости, не возьму! Судя по запаху, в ведро кто-то нассал!

Коллектив возмутился – в свинарнике сидеть не хотелось. Крюков сменил воду в ведре. Селиверстова, Лыткина и Бутенко подмели пол. Пospelова и Федотова отмыли доску.

– Зачем окна открыли?!.. Кто вам разрешал?! – с ходу начала ругаться географичка, вернувшаяся с журналом.

– А почему мы нюхать чужой потняк должны?!..

– А я, по-вашему, опять болеть должна?!.. Я в больнице три недели лежала не для того, чтоб меня из-за ваших нежных носов продуло! Закройте немедленно!

Никто не пошевелился. Учитель бросила со злостью журнал на стол и, цепляя по пути тучным телом парты и стулья, позакрывала окна.

Люба, наблюдая, как Степанченко и Сысоев усаживаются впереди её официального места, мысленно похвалила себя за благоразумие сесть на первую парту второго ряда к Вере Федотовой.

Вера училась с тройки на четвёрку, была девочкой тихой и замкнутой. Но, в отличие от Любы, её не обижали. В 11 классе учился брат Веры – парень общительный, уважаемый и драчливый. Он часто приходил в 10 «А» проведать сестру, и заводилы предпочитали его обходить стороной. В 8 классе Илютина попыталась попрыгать с издёвками на Вере из-за внешности, а на следующей перемене сумасбродную блондинку ждал в столовой Верин брат и его друзья. Неизвестно, о чём они говорили, но Варвару отшептало даже смотреть в сторону некрасивой Федотовой.

Люба завидовала Вере. Они неплохо общались, переписывались на уроках, делились учебниками и домашними работами. Тихоня давала приятельнице списывать и помогала на проверочных и контрольных. Но когда крупный мускулистый Федотов приходил к младшей сестре на переменах, Поспелову накрывала безысходная тоска.

«Почему Шурик не интересуется моими делами в школе? Не приходит проведать? Часто же приезжает к новым подружкам! – расстраивалась девочка. – Если бы брат хоть раз забрал на джипе из школы меня, а не любовниц, если б однажды побеседовал со Степанченко – мне бы училось намного приятнее. Может, и друзья б нашлись».

По звонку никто не встал, чтобы поздороваться с учителем. Она тоже не утрудилась поприветствовать 10 «А» и с ходу начала опрос. Те, кого вызывали пересказать параграф, сквозь шум и гам с горем пополам разбирали свои фамилии с третьего раза. Вызванный стоял у доски, никому не интересный, городил невнятный бред, за который всё равно получал «пять», и чувствовал себя идиотом.

Люба играла с Верой в морской бой, когда ей по затылку прилетела бумажка. Девочка отряхнулась, сделала вид, что не заметила, но не тут-то было. Следом стукнули вторая и третья, четвёртая и пятая.

– Эй, Пospelова, не притворяйся, что пофигу! А то учебником швырну, отвечаю!

Тихоня повернулась к Степанченко и недовольно оглядела его с головы до ног.

– Ого! Сколько храбрости!.. Чего пялишься, маргышка?!.. Накатила самогона с утра?

– Тебе что-то нужно? – после вчерашнего тяжёлого диалога с Ибрагимовым Тим не казался Пospelовой особо опасным.

– От страшилы вроде тебя? Чтоб не поворачивалась, а то меня от шока на понос пробивает!

Окружение Тимона взорвалось залпом хохота.

– Так пробивает, что полтетради изорвал и измял, лишь бы кинуть? Хотел, чтобы я повернулась? Сделано. Чего надо?

Одноклассники, сидевшие поблизости, замерли – Пospelова разговаривала! Да не просто разговаривала, а огрызалась! Камилла и Аня смотрели на ровесницу во все глаза. Варвара и Дарья с изумлением переглядывались.

– Дура?!.. Ничего! Ты мне не нравишься! – засмеялся мальчик, весело пихнув Матвея локтем. Тот надменно плялил на тихоню, надувая пузырь из жвачки.

– Представь себе, Тимофей, ты мне – тоже! Учебником кинешь сейчас или попозже?

– Катись, овца! Отвернись, чучело тупое! Чего пристала?! Вали в жопу! – Степанченко повысил голос. К его пререканиям с Любой начало прислушиваться больше учеников. Класс заметно притих.

– Отвернусь, не переживай. Только больше не зови и бу-мажками не кидайся!

– Да кому ты, ущерище кладбищенское, нужна?!.. Чего возомнила?! – включился Жваник.

– С тобой никто не разговаривал! – парировала Пospelова.

– С тобой тоже, скотина тупая! Чулки дырявые на кривых ногах смени!

Школьница наклонилась. Чёрт! На новых колготках протянулась широкая стрелка. Как обидно!

– Поменьше на мои кривые ноги смотри, чтоб за колготки чужие не переживать! Не мужское дело, знаешь ли!

– Пospelова, давно по роже не получала? – не веря своим

ушам, поинтересовался Тимон.

– Да вот уже пять минут жду, когда учебником кинешь! Ты, Степанченко, целься получше, прямо в лоб! Вдруг сумеешь череп пробить и станешь убийцей века всему классу на гордость! Чего тормозишь?.. Бросай! Уворачиваться не буду!

В 10 «А» наступила выжидающая тишина.

– Люба, успокойся, хуже будет! – тихо шептала соседке Вера Федотова, дёргая за рукав.

Шатен окинул тихоню злым взглядом, после ядовито процедил:

– Поверь, Пospelова, ты себе могилу вырыла! Ходи теперь и оглядывайся! Для тебя наступили чёрные деньки. Слишком много разговариваешь!

«Бить будет», – сообразила десятиклассница и повернулась к педагогу. Та сидела нахохлившись и, глупо улыбаясь, наблюдала за перепалкой.

– Карина Афанасьевна, успокойте Степанченко! А то разошёлся на пустом месте, угрожает расправой. Это, между прочим, уголовная статья.

– Вот ненормальная! – фыркнула Илютина.

– Зря рот открыла, дура! Лучше б продолжала сопеть в тряпочку, как раньше! – поспешил вставить свою лепту Картавцев.

Географичка посмотрела на Пospelову и продолжила глупо улыбаться.

– Так вы вмешаетесь или нет? – громко напомнила учительню о себе Люба.

Ноль реакции. Одноклассники начали хихикать с комизма ситуации.

– Ау! Карина Афанасьевна?!.. Сделайте что-нибудь!

10 «А» посмеивался, и учительница – вместе с ними. Тихоня почувствовала себя беспомощной.

– Пospelова! – крикнул закусивший Тимон. – Отвечаю, тебе не жить! Полная жопа пришла по твою шкуру!

Дверь в кабинет приоткрылась. Послышался чей-то голос.

– Ничего не слышу!.. 10 «А», тихо!.. Что ты говоришь?! – будто проснувшись, обратилась географичка к говорившему снаружи.

Из-за двери ещё раз повторили.

– Пospelова! С вещами – в кабинет директора! Срочно! – взвизгнула преподаватель.

10 «А» взорвался оглушительным хохотом, словно сдетонировавшая бомба. Оно и было понятно: внештатные пререкания с Тимоном, его угроза про чёрные дни, и тут – вызов к директору. Какое развесёлое стечение обстоятельств! Пospelову на ковёр никогда не требовали даже к классруку.

Неприятно удивлённая Люба под ржанье и гогот одноклассников быстро собрала вещи и удалилась из помещения, плотно прикрыв за собой дверь.

– Имир?! – девочка от удивления посмотрела, на всякий

случай, по сторонам. – Зачем меня директор зовёт?

– Не переживай, тебе туда не надо. Причина просто удобная. – Юноша кивнул в сторону кабинета. Закрытая дверь лишь слегка приглушила бардак на уроке. – Я решил, что выманить тебя именно с географии – самый удачный вариант. Эта пофигистка точно не утрудит себя проверкой, куда ученица на самом деле ушла. Давай отойдём подальше от проходной зоны.

Подростки зашли в тёмный глухой аппендикс, где тусил кабинет химии, и спрятались за входными коридорными дверями. Имир спустил рюкзак с плеча и достал из него пять упаковок новых плотных дорогих капроновых колготок.

– Сэро просил передать. Сказал, что по его вине ты вчера последние порвала. Брат предупредил: если не возьмёшь, он к тебе домой их притащит. Так что бери!

– Спасибо большое! – Люба, застеснявшись, приняла упаковки. Такое внимание было для неё весьма неожиданным. – А он сам их где взял?

– У мамы попросил. Она вещами торгует на рынке.

– Вот оно как... Блин! Вы меня спасли! Благодарю! – тихоня, расчувствовавшись, обняла Ибрагимова, чем немало его смутила. – А где сам Сэро?

– Сидит на проверочной по геометрии. Людмила Власовна ни за что его с урока не выпустит.

– Почему?

– Потому что у брата рожа бандитская! – пошутил Имир

и тут же пояснил: – Она ему не доверяет. Вообще на уроках математики редко кого выпускают.

– А ты как вышел?

– Я уже всё сделал – раз. У меня безупречная репутация – два. – Школьник поднял запястье и посмотрел на часы. – До конца урока ещё десять минут. Пошли в столовую, чаю попьём?.. Или хочешь на географию вернуться?

– Нет уж, извольте! – ровесница с отвращением покосилась на кабинет.

– Ещё бы! – понимающе улыбнулся юноша. – Один из бесполезнейших уроков в нашей школе.

Ребята спустились в пустую столовую. Пахло кашей и варёной говядиной.

– Присядь куда-нибудь, – предложил девочке отличник. – Я чаю принесу.

Люба пошла в самый конец столовой, в угловую зону, которая не просматривалась ни от входа, ни с учительских столов.

– С умом спряталась, – подметил брюнет и поставил перед сверстницей стакан чая да тарелку с пирожками. – Остались только с сухофруктами. Ешь такие?

– Да, люблю сушку! Спасибо! – поблагодарила она, схватив угощение, и сконфузилась. – Не стоило тратиться, Имир!

– Мои деньги. На кого хочу, на того и трачу, – заявил цыган и, чтобы сгладить резкость, пояснил: – Рад угостить! Хотя бы столовским пирожком. Увёл тебя с урока я не из-за

колготок. У Конохина будет день рождения. Вообще дняха прошла, но праздновать будем в субботу у Паши. Двор у него большой, с площадкой под танцы. Навес со столом я, Сэро и Пахан летом смастерили. Там сухо, чисто и закрыто от ветра. Шашлыки пожарим. Пацаны просили позвать тебя. Пойдѐшь?

Поспелова, обрадовавшись внезапному предложению, набрала в грудь побольше воздуха, чтобы справиться с волнением.

– Пойду, конечно! А что дарить?

– Не заморачивайся, это наши с братом проблемы. Одевайся только теплее, чтобы не замёрзла!

Задремезжал звонок с урока. Ибрагимов допил свой чай и поднялся из-за стола.

– Встретимся в субботу, в десять утра, у перекрёстка Таманской и Ленина. Одевайся тепло – напоминаю. В общем, будем с братом ждать. Ах да! Если планы поменяются, не дѐргайся и не переживай, как нас известить. Мы ждѐм полчаса, а потом уходим. Договорились?

– Да, договорились! – Тихоня счастливо улыбнулась. – Спасибо, Имир!

– Было б за что! – усмехнулся парень. – До субботы, Люба! Пойду Сэро обрадую.

Поспелова бежала вверх по лестнице, опаздывая на урок химии, когда на шею сзади опустилась пацанская рука и

крепко схватила, давя пальцами у основания черепа.

– Только попробуй вякнуть! – прошипел Тимон в ухо попробовавшей вырваться девочке. – Я тогда за себя не отвечаю!

Вперёд прошёл Жваник и закрыл ровеснице возможность убежать. Сбоку встал Сысоев. Слева – перила.

«Чёрт! Тумаки обеспечены!» – раздосадовалась Люба. Подростки свернули в мрачный пустой коридор, прошли мимо приоткрытого кабинета химии, в котором копошился, готовясь к работе, 10 «А», дальше – в самый тупик. В тупике оказалось настолько темно (не горела ни одна лампа), что казалось, будто наступил поздний вечер.

«Опять сюда! Всё повторяется! Люба, беги! Сделай что-нибудь!».

Школьница резко рванула вбок. Но девичья скорость против молниеносной реакции трёх парней была слишком медленной. Сысоев успел схватить её за локоть и с силой швырнул назад. Люба попятилась прямо в объятия Ильи, скрутившего ей руки. Тихоня подала было звук, но получила от Тимона звонкую пощёчину.

От боли на глазах выступили слёзы. Школьница не попала бы так легко, если б не позволила себе расслабиться после географии в среду. Чего хорошего ждать от Степанченко и его свиты? Что они её попытку дать сдачи спустят с рук? Стоило не высовываться из кабинетов на переменах и садиться к Федотовой Вере, подальше от них, пока Лаврен-

тьева Соня болеет!

Завтра суббота, и Пospelова обещала пойти с близнецами на день рождения Сашки. Как она встанет утром с кровати после кулаков Тимона? Какая неосторожность! Ну что ж, сама виновата.

– Ещё пискнешь, и я тебе зубы выбью! – Степанченко толкнул Любу в угол и прижал к стене.

Ровесница сжала ноги, голову втянула в плечи, а перекрещенными руками постаралась побольше закрыть грудь и живот.

– Думаешь защититься?! Нет, сучка, не пойдёт! – шатен с силой оторвал руки девочки от тела и придавил их к стене. – Раздвигай давай!

Болезненный удар ботинка по голням заставил Пospelову чуть разделить ноги. Пацан тут же этим воспользовался: правую ногу просунул между девичьих ляжек, поднял высоко, пока не упёрся в Любин пах, задрав юбку. Школьница попыталась сопротивляться и получила вторую пощёчину.левой рукой Тим обхватил оба запястья одноклассницы, обвалился на неё телом, придавив к стене и лишив возможности шевелиться. Тихоня повернула голову вбок, отворачиваясь от его дыхания. Из пацанского рта, оказавшегося слишком близко, пахло сигаретами и мятной жвачкой.

– Два дня назад ты вдруг позволила себе расхрабриться. – Степанченко говорил Пospelовой прямо в ухо, касаясь губами её кожи. – Хотя я не припомню, чтобы давал такому

ничтожеству, как ты, разрешение хамить!

– Сам начал, – просипела Люба, сдавленная весом Тимо-
на, и получила сбоку удар кулаком в живот. Девочка охнула
и протяжно заскулила.

– Не ной, лохушка, я легко приложил! Ещё даже не разо-
грелся, – процедил парень. Друзья одобрительно заржали. –
Видимо, давно не мял твои бока! Забыл указать курице ме-
сто в зассанном углу, что ты забылась и раззявила поганый
рот.

Степанченко свободной правой рукой нырнул под деви-
чью водолазку, крепко защипнул побольше кожи на животе
и начал скручивать. Люба взвыла.

– Отпусти, придурок!

– А ну-ка повтори, дерьма кусок! – старшеклассник силь-
нее защебил кожу, потом схватил одноклассницу за грудь
и больно сжал. Тихоня вскрикнула. Бедро Тимофея больно
надавило на пах. Девочка заплакала от бессилия и ярости.

– Вдарь ей, Тим! Овца мало получила! – подначивал Илья.

– Смотри, ноет! Надо было думать раньше, когда язык
распускала! – поучал Пospelову Матвей.

Люба от удара в пах со стоном выдохнула оставшийся в
груди воздух, упала на колени, а затем завалилась на пол.
Степанченко наклонился, схватил одноклассницу за волосы
и ткнул её носом в молнию своих джинсов.

– Запомни, Пospelова, будешь огрызаться – выбью зубы!
Не смей смотреть, поднимать башку, даже проворачиваться

рожей в мою сторону! Твоя задача – терпеть и глотать!

Матвей и Илья похабно заржали.

– Ты ответишь скоро за всё! – Девочка, глотая слёзы, задышалась от ярости и унижения.

– Что?!.. Повтори, мразь, я ослышался! – Тимон сел на корточки и схватил жертву за горло.

– Я сказала, что ты, Кабан, пожалеешь!

Степанченко по тону Любы с удовольствием понял, что довёл девку до критического состояния.

– Идиотка! Я не боюсь твоих угроз! Ничего не докажешь ни предкам, ни жирдяю-брату. А больше заступиться некому! Да и своей семейке нахрен не сдалась, смотрю! – язвительно рассмеялся одноклассник.

– Кто там в конце прячется?! – раздался недовольный пожилой голос. – А ну выходите из темноты, хулиганы, пока я директора не позвала!

Пацаны обернулись. У начала коридора, в его светлой части, стояла уборщица с ведром и шваброй, пытаясь взглянуть в мрак тупика.

– Она нас не видит! Ну если чуть-чуть! – нервно шепнул Сысоев. – Сидите тихо, щас уйдёт!

– Никуда я не уйду, хулиганьё! Курите, небось, и харькаете на пол! А мне мыть! Щас учителей позову! – техничка двинулась к ближайшей двери. Их в коридоре было всего две: химии и ОБЖ.

– Ой, не надо, пожалуйста! – миролюбиво запел Тим. –

Мы не курим! Запаха дыма нет, чувствуете? Просто хотели химию прогулять! Чего сразу ругаетесь? Чуваки, валим на урок!

Степанченко шустро наклонился к скрючившейся от боли Любе и свирепо прошептал:

– Сиди тихо и не вякай, а то я тебя потом по стенке как соплю размажу!

Десятиклассники быстро прошли к кабинету и, пока уборщица не успела их разглядеть, распахнув дверь, шустро нырнули вовнутрь. Женщина потопталась немного и ушла вниз по лестнице.

Люба осталась лежать на полу. Грудь, живот и пах невыносимо болели. Лицо жгло. Слезы текли по щекам и капали на грязный пол. «Зайти в таком виде на химию подобно смерти. Потом алгебра. Ещё ужаснее! Лучше сбежать, пока перемена не наступила... Ненавижу, уроды! Чтоб вы сдохли, как поганые скоты, в тяжких муках! Ты, Жваник! И ты, Сысоев! И ты, Степанченко! Вонючий Кабан! Ненавижу! Ненавижу школу! Чтоб она взорвалась вместе со всеми! Как сюда ходить, делая вид, будто ничего не произошло?!..Что делать?!»

«Не терпи, дай сдачи! Я в твои годы умела за себя постоять! Если вмешаюсь, другие дети решат, что ты слабая и станут крепче обижать!» – этот совет Александра Григорьевна дала пятилетней Любе, пожаловавшейся на приставания агрессивного детсадовца.

«Куда уж крепче, мама! – разрыдалась десятиклассница. –

Одно знаю: заступаться в школу ты точно не придёшь».

Поспелова нашла силы встать и, поскуливая от боли, пошла, утирая рукавом слёзы, вниз, к гардеробу.

Родители с добрый час вдоль и поперёк ругали правительство, развалившее страну.

Люба мыла посуду, слушая взрослых вполуха. Живот от кулака Тимона ныл, а при малейшем движении отдавал острым режущим снопом боли. На коже образовались жёлто-лиловые синяки. Сидеть было невозможно из-за удара по промежности. Рот, задетый пощёчиной, опух и потемнел.

У матери на работе опять начались неприятности. Её пытались выжить со станции любой ценой. Сегодня она нашла немало подставных актов и пошла с разбирательствами к начальнику, который не смог дать вразумительного ответа. Родители пили чай, обсуждали случившееся, переживали и накручивали себя. Женщина становилась всё более подозрительной и нервной.

В рабочих тревогах взрослые не видели расстроенной и приутихшей дочери. Не обнаружили, что девочка толком не стала сидеть за столом, что глаза её покраснелись и опухли от слёз. Впрочем, Любу на Солнечном № 27 давно никто не замечал и её переживаниями не интересовался.

Школьница ушла в комнату, закрыла дверь и встала перед высоким трельяжем. Благодаря широкому зеркалу посередине и двум узким зеркалам-дверцам по бокам Люба мог-

ла видеть себя сразу со всех сторон. Она сняла кофту и лиф. На правой груди синели отпечатки пальцев Тимона. Грудь припухла и болезненно ныла, когда до неё дотрагивались. На животе темнел огромный синяк.

Поспелова оделась и принялась осматривать лицо: место пощёчины припухло, синяка нет. Хорошо! Щека болит, но, если завтра заметят припухлость, можно спереть на зубы.

Несмотря на раздавленное состояние, Люба не собиралась пропускать днюху Санька. За пятнадцать лет её впервые пригласил на личный праздник ровесник. Там будут ребята, с которыми она желает находиться рядом. Пусть сейчас больно и тяжело двигаться, но у Паши она обязательно будет! Завтра ей станет хорошо. Тихоня улыбнулась и мечтательно зажмурилась.

«А потом наступит понедельник, – прошептал вкрадчиво внутренний голос. – Что делать, дурёха?»

Чёрт! Внутри от упоминания о школе всё – и тело, и чувства – превратилось в холодный тяжёлый кисель. Тимон после реванша в тёмном тупике, уверенный в безнаказанности, будет теперь в насмешках и гадостях превосходить самого себя. О его «цепных собаках» и думать страшно!

Дверь в комнату открылась и зашла мама.

– Дочь, дай листок в клеточку! Посчитать кое-что надо.

– Да, конечно. – Школьница резко дёрнулась к столу и тут же схватилась за бок от боли.

– Живот прихватило? – прищурилась Григорьевна.

– Да, в столовой что-то не то съела, – поморщившись, выкрутилась старшеклассница.

– Выпей активированного угля, поможет! У нас он был.

– А обезболивающее есть?

– Нет и не будет! Сколько раз говорила: оно маскирует боль, а не лечит!

– А если тупо желаешь избавиться от боли?

– Зачем? Это от проблемы не избавит и не вылечит. Поэтому в доме и нет обезбола – как лекарство совершенно бесполезно! Не зря я «ЗОЖ» читаю!

Тихоня вырвала из черновика пару листов. Женщина поблагодарила и пошла к двери.

– Мам? – окликнула подросток. – Тебя в школе мальчишки обижали?

– О-о-о! Ещё как! – эмоционально отреагировала та. – Даже били, бывало!

Была задета тема, болезненная для обеих Пospelовых. Александра опёрлась на железные перила кровати и начала вспоминать.

– Поменьше была – гнобили за нищету, безотцовщину и внешний вид. Братьям не до меня – сами отбивались. Едва я подросла да похорошела – грудь налилась, попа округлилась, талия затянулась – одноклассники и соседские парни повадились щупать. Мол, заступиться некому, можно всё: хамить, гадости говорить, руки распускать! Раз пацанва всем классом собралась бить за то, что я заводилу-отличника за

патлы оттаскала. Он меня голожопой вошью назвал, а я его – за уши. Ну и скучковались подпевалы наказать, чтоб место знала.

Люба внимательно, обратившись вся в слух, смотрела на маму.

– Как щас помню. Выхожу к восточной калитке (тоже в седьмой школе, дочь, училась!), а там – вся пацанская рать из класса стоит и битый запевала во главе. «Готовься, щас бока намнём!» Отвечаю: «Бейте! Потом я вас по одному переловлю и все рёбра посчитаю!».

– И?! – тихоня с восхищением глазела на родительницу. Женщина печально вздохнула.

– Крепко отдубасили! Две недели я с печки слезть не могла.

Дочь сочувственно опустила глаза и непроизвольно коснулась рукой пострадавшей груди.

– А когда очухалась, то в школу не пошла. Караулила в кустах по вечерам каждого, кто меня бил. Чтобы пацан непременно один оказывался. Многим я тогда волосню с черепушек повырывала!

– И тебе удавалось побить парня?! – изумилась десятиклассница.

– Ох, доченька! Я знала назубок – если не я, то меня! Сейчас мужики тише на Кубани стали! Приезжих много, они-то местных хорошо разбавили. А раньше?!.. Если заступиться некому, то ноги каждое дерьмо радо вытереть. Вот и дралась

как сумасшедшая, потому что выбора не было!

Школьница понимающе закивала.

– Через время опять кто-то начал одноклассников подбивать, но ему ответили: «Нет уж, Шурка по одному отловит!» Вот так я себя и отстояла.

– Сильная ты, мама! – улыбнулась Люба. – А я не в тебя.

– Да, знатная драчунья! – загордилась женщина, не заметив скорби подростка. – И сейчас прорвусь назло станционникам – не дам козлиным рожам себя подставить! Поэтому, доченька, с малства повторяю – защищайся и ни на кого не рассчитывай! Чтобы боялись тебя, а не родителей!

Александра вышла из комнаты. Люба, расстроено вздохнув, осторожно прилегла на кровать, стараясь не спровоцировать пострадавшее тело на новые приступы боли.

Девочку заботили две вещи. Во-первых, как после тумачков Тимона выжить в школе. Тихоня жутко стыдилась, что её снова побили. Что заткнули рот, едва она его расхрабрилась открыть. Обидно, что Люба пошла не в мать. Тонкая как тростинка, стеснительная, щупленькая, она не являлась драчуньей да забиякой в силу природных качеств. Во-вторых, Пospelова из гордости прятала душевные муки. Это не всегда удавалось, однако школьница умудрилась в глазах сверстников закрепить в образе человека, равнодушного к чужим выпадам.

Равнодушие полностью показное. Пospelова не умела и боялась дать сдачи, унижение да хамство переносила тяже-

ло. Стремясь скрыть слабость, она никогда никому не жаловалась, не просила помощи, как бы плохо ни было.

Люба переживала до дрожи в коленках, что Ибрагимовы узнают, как её побил на глазах прихлебателей упырь Степанченко. Слеплённая болезненной гордыней, школьница возомнила, что братья отвернутся от неё, как от последней падали. Гонима одноклассниками – ничтожнее некуда. Близнецам в компании не нужна соплячка и убожество.

Наивная, запуганная и глупая! С малых лет не зная защиты, школьница искренне считала, что её видение ситуации – единственно верное. Не смекала, что другие рассуждают иначе.

Стоило пискнуть братьям о наездах Степанченко и Ко – последним бы мало не показалось. Но самолюбивая Поспелова держала рот на замке, а Ибрагимовы принимали её молчание за толстокожесть и умение быть выше глупых злых людей.

Тучи заволокли утреннее субботнее небо. Холодный туман клубился меж стволов голых деревьев, когда Люба покинула территорию родного дома.

Фигуры братьев маячили на углу перекрёстка сквозь сырой туманный дым. Школьница обрадовалась, что успела и близнецы не ушли без неё. Оба были в тёмных шапках, но тем не менее отличить одного от второго не составило труда.

Имир, одетый обыкновенно сдержанно, не изменил себе –

чёрные джинсы, синяя куртка на пластиковой молнии, тёмно-серый шарф без узоров и бахромы. Сэро стоял к подходившей Любе задом. Спину пуховика гранатового цвета украшал вышитый белый орёл, расправивший крылья.

«Красиво! Вот же модник!» – улыбнулась тихоня, расстроено отметив про себя, что повеса одевается эффектнее и лучше её, девчонки.

– Привет! Как настроение? – улыбнулся Имир и тут же озаботился. – Что у тебя с губами?

Близнец повернулся. Люба под пристальными взглядами парней ступала и прикрыла рот рукой. Сторона, попавшая под удар Тимона, за ночь у краёв рта взялась широкой бордовой полосой.

– Обветрила, – схитрила десятиклассница.

– С одного боку? Выглядит так, будто тебе кто-то леща дал! – усмехнулся Сэро. – Сообразила подражаться? Мать поколотила?

– Нет! – испугалась Пospelова и густо покраснела. – Я каждую зиму с такими губами хожу, не обращайтесь внимания!

Девушка прошла вперёд. Братья многозначительно переглянулись и двинулись следом.

– Погода замечательная! – решила нарушить повисшее молчание Люба.

– Это в каком таком месте? – озадачился повеса.

– Туман густой и тучи тяжёлые! Мне нравится! Хоть бы

и на Новый год так было! – размечталась школьница. – Лучше бы, конечно, снег выпал, но на Кубани его вечно не дождёшься!

– Не ожидал, что ты любительница туч!

– Ещё какая! Когда вырасту, перееду туда, где постоянно холодно и дождь льёт.

– Зачем?

– Чтобы кутаться у окна в плед и пить горячий чай с мёдом! – Люба повернулась к позади шедшим пацанам и довольной хлопала в ладоши.

– Слыхал?! – обратился Сэро к брату. – Мы свалили подальше от холода в тёплые края, а она желает смыться на север!

– Каждому своё, – улыбнулся Имир. – Чужие желания – потёмки. И чем тебя холод так привлекает?

– Не знаю, – пожала плечами ровесница. – Наверно, тем, что в дождь и снег люди все прячутся. Пусто на улицах становится. Если снаружи такая погода, я чувствую себя уютно!

– И я кайфую в холодрыгу, когда сижу в тёплой хате и пялюсь из окна, как прохожие мокнут да мерзнут! – фыркнул Сэро, насмешив компанию. – Родители твои тоже, вероятно, хотят отсюда удрать?

Поспелова вспомнила, как однажды поделилась с матерью желанием жить в Карелии, а та её мечту назвала бредом.

– Если честно, думаю переселиться одна... И никого пускать к себе не собираюсь!

– И правильно! – согласился Имир. – Пусть «всякие там» держатся подальше! Такие, как Сэро, например. Он тебя плохому научит, гарантирую. А меня можно и пустить в гости погреться. Обещаю прийти с гостинцами... Осторожно!

Брюнет схватил Любу, шедшую спиной вперёд, за предплечье и отстранил вбок. Девочка, отвлекаясь на болтовню, позабыла следить за дорогой – из-за угла резко вынырнула стайка местных цыган, и школьница чуть было не врезалась в них.

Цыгане, неопрятно, плохо одетые, пахнущие бедностью и беспорядочным образом жизни, проплыли мимо. На головах женщин красовались несвежие пёстрые платки; волочившиеся по земле свободные юбки не скрывали некрасивой утопанной обуви, а то и грязных калош. Тёмно-желтые, а то и почти чёрные, изъеденные кариесом до крошечных пеньков, зубы вызывали приступ тошноты. Девочка затормозила, обернулась вслед прошедшей толпе, чтобы ещё немного поглазеть на них.

– Ты чего? – окликнул её Сэро.

– Цыгане...

– Впервые видишь?

– Нет, часто. Вы разве не должны поздороваться с ними по-своему, по-цыгански?.. Ну или пообщаться?

Близнецы переглянулись, а потом, не скрывая иронии, рассмеялись.

– Родная, если мы цыгане, это не значит, что непременно

дружим со всеми остальными цыганами, проживающими в городе, – ответил Имир. – Мы не обязаны здороваться и общаться с каждым незнакомым цыганом, встречающимся на пути.

– Как так?!..

– Ты русская, верно?

– Да.

– Всякому русскому рада? Каждого считаешь хорошим человеком и готова без обиняков пустить к себе в дом? Записать в близкие друзья, бескорыстно помогать и так далее?

Поспелова впала в ступор. Вспомнила побои Степанченко, насмешки Илютиной, оскорбления одноклассников. Вспомнила двоюродную сестру Лену, что приходила в Любин дом, смело брала деньги, еду и не стеснялась хамила. Перед глазами проплыли сплетники Петуховы и развратный Чумак, постоянно домогавшийся до неё.

– Думаю, не рада. От многих вообще бы держалась как можно дальше!

– Почему же, Любонька? – хитро прищурившись, поинтересовался Сэро. – Они же русские, ты должна со всеми быть приветливой!

– Не заслужили! – насупилась школьница.

– Ну вот сама и ответила на свой вопрос, – усмехнулся отличник.

– А разве вы не подчиняетесь местному барону?

– Люба, мы приезжие и живём сами по себе. У нашей се-

мый свои традиции и понятия, как нужно жить. У местных цыган – свои. Их ценности с нашими не пересекаются. Между нами нет ничего общего. Если нет ничего общего, зачем соблюдать какие-то отношения?

Поспелова молча хлопала глазами, понимая, что Имир прав.

– В нашей семье главу цыганской общины называют старейшиной. Если бы ценности местных баронов и их управление устраивали родителей, наша семья присоединилась бы к здешним общинам, – продолжил отличник. – Проще говоря, для городских цыган мы чужие, потому что живём по своим меркам. А они чужие для нас.

– У вас так можно? – робко поинтересовалась сверстница.

– А почему должно быть нельзя? – ответил вопросом на вопрос Сэро. – Мы не единственные одиночки в городе. Есть и другие цыганские семьи, живущие сами по себе. И не только здесь, но и в других местах. Оглы Илью помнишь?.. Он из соседнего города. Его большая семья настолько сплочённая и дружная, что в общине не нуждается.

Школьники замолчали. Туман постепенно рассеивался, и вместе с ним загадочность пустынного субботнего утра.

– Чего задумалась? – нарушил тишину повеса, которому надоело играть в молчанку.

– Да так, вспомнила кое-что.

– Что?.. Поделись! Хочешь, Имир вместе с тобой подумает, и будут у вас одни мозги на двоих! Пирожок, слушай: ты

в школе тихая незабудка, а по факту болтаешь быстрее пулемёта! Иногда у меня от твоего странного поведения крыша едет!

– Почаще с приличными людьми надо общаться, чтобы крыша на месте держалась, – подколот близнеца отличник.

– Если бы ты был менее избирательным, братец, с тобой тоже приятно оказалось бы иметь дело, – нашёл тот.

– Предпочитаю не смешивать свои дела с твоими. Лишь бы кое-кто опять не заигрался.

– Так я тебя давно в свои темы не зову, – изобразив милую улыбку, парировал Сэро. – Мы уже взрослые, брат. Игры закончились, и пути почти разошлись.

Парни переговаривались о своём, что Любе знать было не положено. Тихоня молча понаблюдала и решила вдруг узнать то, что её давно мучило.

– Сэро, слушай! А зачем тебе в сентябре моя тетрадь по химии понадобилась? Твой родной брат – отличник, всегда можешь списать! Зачем обманул, требуя домашние, которые нафиг не сдались?

– Я разозлился, – задумавшись, усмехнулся брюнет. – Надо было к чему-то прицепиться, чтобы наехать. Я звал на уроке – ты притворилась глухой и не повернулась. Меня знатно не подбросила эта хрень, проглотить не захотел. Зачем, кстати, полено изображала?

– Застеснялась, – покраснев, созналась школьница.

– Знаешь, сестрица, больше так не стесняйся! Выглядело

больно заносчиво. Будто окружающих за гавно принимаешь!

– Не думала, что это выглядит...

– А в следующий раз думай.

– Ничего, что ты меня напугал?!.. Казалось, что всей командой со злости пришибёте!

– Опять двадцать пять! – возмутился цыган. – То людей везде убивают, то я поколотить хочу! Да, тупо поглумился, хотел высмеять, до слёз довести. И всё. Хватит истерить! Не важно уже.

– Фу, какой ты! – потемнев, отвернулась ровесница, вспомнив насмехающуюся рожу Тима.

– Ну да, такой. Церемониться не собирался, – равнодушно произнёс повеса. – Нехрен было бесить! Если б предки вместе не работали, мало бы тебе не показалось. Стрёмно шутить мне над близкими знакомыми. Радуйся, что прокатило.

– Радуюсь, слов нет. Спасибо железной дороге! А зачем на следующий день позвал пойти вместе домой? – не унималась тихоня.

– Вишенка, а с какой целью ты устроила допрос? – Сэро насмешливо прищурился, приобнял девочку за плечи и нахально уставился прямо в глаза. – Что конкретно хочешь услышать?.. Может, я сразу скажу, избежав «вокруг да около»?

– Хочу понять, почему со мной общаешься, – погрустнев, тихо ответила Люба и опустила глаза. Рука потянулась к ударенному боку, а в ушах зазвенел голос Тимона, напомнив-

шего вчера ей, стоявшей перед ним на коленях, что она всего лишь «кусочек дерьма, раззявивший свой поганый рот».

– Обыкновенное любопытство, пирожок! Ты на нормальных девушек не похожа. Одеваешься некрасиво, как монашка, хотя фигурка зачётная, да и мордашкой вышла. Людей чураешься. Вот я и решил узнать, что ты за фрукт такой.

– Чаще надо с приличными людьми общаться, чтобы каждый раз от любопытства не страдать! – ехидно заметил Имир. – А то водишься со всеми подряд, без разбора, а потом долго в недоумении репу чешешь. Ничему не учишься, брат!

– Я не фрукт! – обиделась тихоня, поняв, что не услышит от красавчика, какой она интересный, хороший человек, которого есть за что уважать. – Вопросов больше нет.

– То есть?!.. А выяснить, зачем у реки догнал?!.. Смотрю, кое-кто позабыл, как сначала пообещал, а потом через спортзал позорно сдрыснул!

– Не позорно, неправда! Я просто застеснялась!

– Чересчур часто стесняетесь, мадам! всю жизнь простесняешь! Ну так спросишь, почему догнал? Хочешь ведь услышать, что понравилась, верно? Что влюбился и не смог отпустить, да?

– Не буду! И не жажду понравиться, поверь! Ответ знаю – ты разозлился!

– Не угадала! Хотел вломить по первое число за второе кидалово подряд. Но у тебя был настолько дурацкий вид, что

рука не поднялась воспитывать. Мы закончили с расспросами?

– Да! – психанула Поспелова. – Хватит с меня уже!

– Молодец, горжусь тобой! – подмигнул ей Сэро. – Умешь заканчивать неуместный диалог.

– А ты умеешь выставить меня...

– Ну и кем же?

– Не знаю, – растерялась Люба вконец.

– Неудобно, да? – рассмеялся повеса. – Уверен, ты это переживёшь! Расскажи лучше какие-нибудь истории, что ли! Про вампиров твоих ненаглядных и любимчика Дракулу.

– Тебе же такое не нравится!

– Вчера не нравилось, а сегодня нравится. Да! Я, кстати, понял, почему тебя притянула водонапорная башня.

Десятиклассница внимательно взглянула на брюнета. Тот до сих пор нахально обнимал за плечи и по-приятельски низко наклонялся к ней.

– Надеялась, что там, как в ужастике, окажется темно и лестница по кругу будет спускаться в застоявшуюся грязную вонючую воду, в которой будут плавать трупы, скелеты и другая покрытая плесенью и грибок мертвечина.

– Неужели книгу прочитал?! – изумилась Поспелова.

– Да. Было дело, – лениво отозвался Сэро и поднял глаза к небу, изображая скромность. – От скуки решил развлечься на каникулах.

– Ты же ужасы не любишь!

– Ну и что? Книжонку одолел, как видишь! Правда, персонажи не впечатлили. Одни лузеры. Негра гоняют за то, что чёрный. Чувака, потерявшего младшего брата, из-за заикания. Толстяка – за жирные бока. Девку – за смазливую рожицу. Других задохликов – за слабость, трусость и бляение. Неудачники – настолько мямли, что умудряются притянуть всякое дерьмо. Пытались бы постоять за себя или хотя бы драться учились – меньше бы проблем было. Сюжет, признаюсь, выигрышный. На одной стороне – куча чмошников, на другой – адский клоун-людоед и упоротые школяры. Короче, любителям пожалеть себя и похныкать о горьком детстве пойдёт со скуки. Я, когда читал, думал – ну и конченный же городишко! Проще сжечь вместе с клоуном и канализацией, чем пытаться что-то исправить.

– И как ты до таких выводов додумался, родной? – поинтересовался отличник, хитро усмехаясь.

– Каком кверху! – огрызнулся Сэро. – Прочитал по твоему ценнейшему совету этот кошмар и тут же поумнел, как ты и заверял!

– Ну это понятно! – проигнорировал недовольный выпад брата улыбающийся Имир. – Только я эту позицию уже слышал в более мягкой форме от одного нашего общего друга.

– Он просто думает так же, как и я! – выкрутился повеса.

– А, может, ты думаешь, как он? – подколот близнец.

Люба не обратила внимания на перепалку, потому что её задела слова о героях-слабаках, не способных постоять за

себя.

– Я не согласна! Писатель специально выбрал именно слабых! Каждого из ребят травят за непохожесть на остальных. Это жестоко! Они не виноваты, что выглядят иначе: заикающиеся, толстые, слишком красивые, с придурковатой роднёй... Благодаря уникальности у героев получается дать отпор злу – обычные нормальные люди не способны увидеть опасность. Мир меняют изгои!

Сэро, снисходительно усмехнувшись, наклонился к Любиному уху поближе.

– Золотце, если тебе удобно думать, что слабаки и неудачники – особенные, то думай так на здоровье и дальше. Моя практика показывает, что чужие нападки и чересчур длинный язык сможет успокоить лишь жёсткий отпор. Проще говоря, легче приучить окружение, что за гнилые выходки в твой адрес каждому гавнюку придётся ответить, чем терпеть и ждать с моря погоды. В идеале, напавшим крысам твой ответ должен очень-очень сильно не понравиться. А если они урок на всю жизнь запомнят, то это уже твоя стопроцентная победа. Можешь верить в книжный вымысел, терпеть и надеяться на чудо чудное! Что задиры угомонятся и поймут, как некрасиво ведут себя. Но надеяться придётся долго и мучительно. Возможно, надежде придётся даже умереть, а время, потраченное на бесплодные мольбы, будет безвозвратно потеряно. Понимаешь, о чём я?.. У тебя есть выбор: терпеть, мечтать и верить в неосуществимое прекрасное далёко или

навалить по заслугам без права помилования.

– А если сил нет навалить? Если постоянно проигрываешь? – задетая за живое, Пospelова, поджав губы, отчаянно вперилась серо-голубыми глазами в obsидиановые очи Сэро.

– Значит, плохо стараешься и находишь в своём унижительном положении какую-то выгоду.

– Ну уж знаешь ли! – впала в ярость школьница. – Назвать выгодным положение неудачника, которого постоянно травят и бьют!.. Если тебе по жизни везёт и всё легко достаётся, это не значит, что остальные – слабаки лишь потому, что не такие везучие! И хватит на мне висеть! Плечи отваливаются!

Десятиклассница возмущённо скинула руку приятеля и дала газу, оставив близнецов позади на добрый десяток шагов.

– Куда втопила, сестрёнка?! – крикнул вслед Сэро, развесявшись от девичьей вспышки гнева.

Куда там! Взбешённая ровесница, сверкая пятками, удалялась всё дальше и дальше. Горделиво махнув русыми волосами, обидевшаяся тихоня, не оборачиваясь, мигом скрылась за поворотом.

Тимофей встал с утра в отличном настроении, быстро собрался и побежал к лучшему другу, жившему в районе первой школы, чтобы пострелять птиц. У друга, сына заядлого охотника, имелось в хате несколько охотничьих ружей.

Обычно дружан с Тимом стреляли воробьев, голубей, во-

рон, бродячих собак и кошек с крыши дома, но сегодня собралась компания из пяти человек. Решено было отправиться к лиманам на окраину, чтобы потренироваться в стрельбе по болотной живности. Мальчишки шумной кучкой собирались в путь-дорогу на лавочке возле дома друга, проверяли наличие всего необходимого, переговаривались и лениво курили, когда из-за угла вынырнула Пospelова.

Тимон, едва увидел одноклассницу, плотоядно оскалился. Баловство в тупике доставило ему немало удовольствия. Раньше Люба не выпускала и звука, но вчера дала волю слезам. Её плач был для Степанченко как бальзам на душу. Парень понимал, что чрезмерно жесток, что перебарщивает, но зато с тихони наконец слетели чертовы спесь и равнодушие, от которых он невероятно устал.

Непробиваемость Пospelовой оскорблениями и кулаками спустя столько лет дала трещину! Тимон, нежась вечером в кровати, вспоминал округлость мягкой груди, свою согнутую в колене ногу под юбкой девочки и твёрдо решил закончить начатое в понедельник, пока тихоня не пришла в себя. Только без свидетелей – там, где ходит мало людей и никто не помешает. Например, по-над рекой. Фантазия разошлась не на шутку, и школьник обрисовал себе куда больше, чем бесцеремонно пощупать безответную ровесницу. И вот те на! Девчонка идёт прямо в руки! Как будто чувствовала, что парень только о ней и думает.

Поднимать руку на одноклассницу при пацанах будет уда-

ром по репутации, а вот чуток постебаться – самое оно. У Любы останется меньше шансов очухаться к понедельнику. Тимофей в предвкушении облизал губы, не сводя глаз с приближавшейся фигурки, как пыл его резко остыл. Следом за Пospelовой из-за угла вышли Ибрагимовы.

«Твою мать!» – выругался Тимон и болезненно скривился. Атака на девку на глазах близнецов ничем хорошим закончиться не может. Уверенный, что Пospelова и цыгане друг к другу никакого отношения не имеют, Тим решил отвлекать ровесницу ерундой, пока упыри не пройдут мимо.

Школьница, едва заметив обидчика, почувствовала себя плохо от одной мысли, что придётся топтать мимо лавочки с парнями – самоуверенный Степанченко, глядевший нагло, в упор, встал посреди тротуара, чтобы преградить путь и не дать себя обойти. Воображение нарисовало, как гадёныш насмехается в присутствии близнецов, как Ибрагимовы безразлично разочаровываются и уходят на праздник сами, бросив её посреди улицы.

– Привет, Люба! – изобразил шатен саму приветливость.

– Доброе утро, – остановившись, мученически выдавила девушка дрожащими губами и нашла в себе силы поднять глаза на ненавистного одноклассника.

Братья, к неудовольствию Тимона, вместо того чтобы свалить в закат, тоже остановились. Дружбаны встали с лавочки и принялись обмениваться рукопожатиями с цыганами, которых знала вся округа. Шатену, разумеется, Ибрагимовы

рук не подали.

– Скажи домашку на понедельник, – обратился к бледной тихоне Степанченко, поглядывая на близнецов в напряжённом ожидании. – Удачно ты под руку мне подвернулась!

«Возле химии я тебе вчера тоже удачно подвернулась. И под руки, и под ноги», – вздрогнула десятиклассница. В младших классах Тим приходил узнавать задание на Солнечный 27, благо, жил на соседней улице в десяти минутах ходьбы. Но те времена давно прошли. Понятное дело, что парня д/з сейчас совершенно не интересовало.

– Наизусть не помню.

– Ну хоть примерно?

– Лучше позвони Камилле или Ане, – ответила Люба и безуспешно попыталась пройти. Паника подступила к горлу. Вкрадчивый тон одноклассника не сулил ничего хорошего.

– У меня нет их телефонов, – солгал Тимофей, бесцеремонно схватив собеседницу за запястье. – А ты рядом. Попробуй вспомнить, Люба! Тебе ведь не трудно мне помочь, правда?

Окончив светскую беседу, Сэро повернулся к парочке и запросто встал рядом. Цыган сначала посмотрел на подружку, затем окинул придирчиво её одноклассника, приметив, что тот держит девочку за руку. Тимон сглотнул от неприятного разглядывания, но виду постарался не показывать, надеясь, что гадский хулиган вот-вот пойдёт восвояси.

– Поможешь с домашкой, а я расскажу, что вчера было на

химии и алгебре, с которых ты ушла. Плохо стало, да?

Поспелова позеленела – уж слишком прозрачным был на-мёк.

Сэро внезапно обнял девушку за плечи, прижав к себе, и наклонился к её уху.

– Реально хочешь сейчас помочь Кабану, пирожок? – заговорил повеса достаточно громко, чтобы шатен отчётливо услышал каждое слово. – Тогда мы все опоздаем на днюху, потому что одну тебя здесь никто не оставит.

Степанченко от неожиданности стоял как громом пора-жённный. Оскорбительная кличка резанула слух. Ибрагимов, наслаждаясь раздавленным видом противника, решил до-бить до конца. Опустив взгляд, красавчик брезгливо уста-вился на руку пацана, что держала Любино запястье. Задира, словно ужаленный, молниеносно освободил сверстницу.

Поспелова от страха не понимала сути происходящего. Лишь осознавала, что удача после пережитого вчера ужаса на её стороне. Сэро же, не обременённый тревогами ровес-ницы, развлекался от души. Имея солидный опыт в сердеч-ных делах, брюнет про чувства Тима давным-давно всё по-нял. Размазать по асфальту самооценку шатена для повесы было не более чем забавой, спортивным азартом, и для про-игравшего пощады быть не могло.

– В чем дело? – недовольно поинтересовался подошедший Имир, глянув свысока на Степанченко.

– Кабан какого-то фигу напрягает Любу помочь с домаш-

кой! – отозвался его брат.

– Никаких домашних! – отрезал отличник. – Выходной сегодня, Люба. Ты отдыхаешь! Заранее обещала пойти с нами. Отсутствие чужой домашки – не твои заботы.

– Вот именно, сестрёнка! – Сэро ещё ниже наклонился к ушку спутницы, с озорством наблюдая за реакцией Тимона. – Ты идёшь с нами гулять. Или всё-таки хочешь остаться здесь, с Кабаном?

– Нет, не хочу! – поспешно произнесла десятиклассница.

– И я не хочу. Даже если б ты хотела, никто бы не позволил тебе с ним остаться. Пойдём, родная? – Ибрагимов заманчиво посмотрел на приятельницу, обольстительно улыбаясь.

Поспелова решительно кивнула. Сдувшийся Тимофей отошёл в сторону, и близнецы вместе с девушкой пошли дальше. Как вкопанный Степанченко провожал немигающим взглядом троицу, пока они не скрылись из виду. Чёртов Сэро шёл, бережно обнимая Любу за тонкую талию.

Тим сжал кулаки. Костяшки на пальцах побелели. Жёлчь подступила к горлу, отравляя ядом всё нутро. Школьник не знал, кого он больше ненавидел – Поспелову или Ибрагимова, но точно желал мучительной смерти им обоим.

Глава 13.

Неприступное равнодушие Любы Пospelовой бесило её одноклассника, Степанченко Тимофея, с первых лет школьной скамьи.

Тим, обучаясь в начальной школе, жил с двумя старшими братьями и родителями в крошечной временной постройке рядом с возводившимся домом. Семья буквально обитала друг у друга на голове, денег катастрофически не хватало, строительство уже давно затянулось, и родители с радостью брали от добрых людей для своих мальчишек поношенные вещи и обувь.

С Любой пацан ходил в одну группу детского сада, а потом дети умудрились вместе попасть в «А» класс. Мама Тима восхищалась Пospelовыми: огромный дом, солидная должность Александры, полезные связи, хороший заработок – сложно не уважать такое семейство. Любин брат получил престижное военное образование и в годы перестройки основал доходный бизнес! Женщина спала и видела, как её младший сын, повзрослев, свяжет судьбу с хорошенькой Любой. Она крутилась ужом возле Григорьевны на родительских собраниях, набивалась активно в подруги, пыталась попасть в гости. Всё было тщетным.

Мать Любы, приложив огромное количество сил, вырвалась в люди. В нищем детстве выучив назубок, что бедня-

ком быть плохо, она снисходительно относилась к тем, кто, в отличие от неё, разжиться не смог. Для Александры Григорьевны, одетой в дорогое шерстяное пальто с пышным лиловым воротником, подобострастная Зинаида Степанченко – в изрядно поношенных вещах – не вызывала уважительных чувств.

– Сашенька, родная, пусть наши дети вместе в школу ходят! – ластилась Зина. – Тимоша будет красавицу Любушку защищать и оберегать! Пусть общаются, вдруг хорошими друзьями станут! Доченька твоя одна в школу ходит всё время... Опасно! Лучше уж вдвоём!

«Знаю я, чего тебе надо», – недовольно хмурилась Пospelова, но аргументы родительницы были весьма адекватными и отказ выглядел бы подозрительно. – Хорошо, будь по-твоему.

– А Любаша поможет Тимоше уроки учить, – обрадовавшись, пошла дальше Зинаида. – После школы сын будет приходить к вам домой!

– Ну уж нет! – возмутилась Григорьевна. – Делать нечего!

– Тогда по выходным, – стушевавшись от унижительного ответа, попробовала опять мать Степанченко.

– Что за глупости! Любе стараться в учёбе побольше надо, а тут ещё придётся твоего сына из болота тащить! Пусть сам учится.

– Тимоша получает хорошие оценки...

– Ну и рада за вас! А к нам домой ему шастать нечего!

Второклассники начали ходить вместе в школу на радость Зине Степанченко. Тимофей особенно запомнил один такой день. На Кубани выпало много снега и ударил мороз. Дети шли домой мимо густых елей, покрытых сверкавшими снежными шубами. Тим и Люба подходили к деревьям, трясли еловые лапы и восхищались сыпавшимся с ветвей искрящимся белоснежным ледяным пухом.

– Хочешь, снегом осыплю, как блёстками в телеке артистов забрасывают? – предложил мальчик.

– Хочу, – стеснительно опустила тёмные ресницы девочка. Тимофей поставил Любу под ель и начал трясти ветки. Снежные хлопья взвились в морозном воздухе и, танцуя, начали оседать на шапке и шубке девочки. Тихоня засмеялась.

– Понравилось?

– Очень!

На следующий день ровесница заболела и не посещала школу несколько недель. А с очередного родительского собрания мама Тимофея вернулась в расстроенном состоянии.

– Ты к Пospelовой пока не подходи, – женщина обняла сына и погладила по голове.

– Почему? – удивился второклассник.

– Её мама против. Ругалась на меня. Злится, что ты девочку снегом обсыпал, а она заболела.

– Ну и что с того?! – в крохотную детскую вошёл отец. – Дети и сосульки лизут, и мылят друг друга, и снег жрут – и ничего! А тут, посмотри-ка, слегка снежком осыпали, и

принцесса зачала!.. Чего бегаешь вокруг этой семейки, не могу понять?!..

– Потому что люди приличные, в отличие от тебя!

– А от тебя?!.. Сама-то приличная?!

– На себя посмотри, алкаш! Детей настрогол, а обеспечить не можешь! Я из шкуры вон лезу, чтобы наших пацанов поудачнее пристроить!

– Что, плохо со мной живётся?! – взвился выпивший изрядно мужик. – Что ж ты свою шкуру по молодости поудачнее не постелила?!..

Началась перепалка. Все трое детей Степанченко к родительским разборкам привыкли и воспринимали новые драки да пьянки как данность. Тимофей послушал маму и к тихоне вплоть до пятого класса не подходил.

Люба была тихим, молчаливым и замкнутым ребёнком. С ней мало кто дружил в садике, а потом – в школе, да она и не пыталась никому понравиться. Наблюдавшего Тима это озадачивало.

Несмотря на отстранённость, девочку непременно замечали окружающие. Оно понятно: приятные черты лица, обрамлённого пшенично-русыми волосами, ладная фигура, фарфоровая кожа, длинные стройные ножки и элегантные нежные кисти рук.

В началке Тимон втихую интересовался чудачкой. Куклу до шестого класса дорого и вычурно одевали: пышные бар-

хатные платья, юбки с оборочкой, кружевные, с цветочками, блузы, на голове – объёмные банты. Но кукла восхищений не замечала и по сторонам не смотрела. А потом, годам к тринадцати, Тиме дошло, что Люба не считает себя красивой – более того, даже не догадывается об этом. Поэтому не видит знаки внимания, не стремится завести друзей; на хорошее отношение реагирует недоверчиво.

У шатена, наоборот, товарищей – пруд пруди. Девочки просились у учителей сидеть с ним за одной партой, караулили у дома, подбрасывали любовные записки и постоянно, едва завидя, хихикали и жеманничали. Пацаны звали погонять мяч да поучаствовать в мальчишечьих забавах. Степанченко редко тусил один – всегда находился ровесник, желавший побыть рядом. Единственным исключением неизменно оставалась нелюдимая одноклассница. Харизматичного Тимофея, с чьим мнением считался весь класс, девочка обходила стороной. И парня это злило.

Первый раз Тим додумался привлечь внимание через пакости, когда начальная школа сменилась на среднюю. Уроки вёл рой преподавов, приходилось за перемену перебегать из одного кабинета в другой. Мальчик, смекнув, что контроля в среднем звене гораздо меньше, чем в младшем, подговорил верного, следовавшего по пятам Илюху толкнуть шутки ради Любу в столовой.

Жваник с радостью осуществил задуманное, со всей дури пихнув в стену только взявшую поднос Пospelову. Посуда

разбилась, девочка облилась супом и какао, а Тимон, наблюдавший исподтишка, ждал, что последует дальше. Но тихоня не заплакала, не полезла драться с Ильёй, не пошла жаловаться Бортник. На следующий день не прибежала в школу её грозная мама. Тим разборок не дождался. Тогда мальчишка начал подговаривать одноклассников и, видя, что ровесница по-прежнему не жалуется никому, стал действовать более открыто и сам, выжидая, когда чудачка начнёт огрызаться, драться, поворачиваться на обидные прозвища, летевшие градом.

Толку было ноль. Степанченко недоумевал и злился.

Летом перед восьмым классом, в очередной раз подравшись с отцом, мать зашла в комнату Тима (семья уже переехала в достроенный просторный дом). На лице женщины вокруг левого глаза набухал лиловый синяк, с подбитой губы сочилась кровь. Мать, прикрыв пострадавшую губу платком, погладила сына по голове. От женщины в радиусе метра расходился пьяный перегар.

– Тимоша, приглядывайся к Пospelовой, чтоб не жить, как я – с твоим папаней. Она симпатичная, из приличной семьи с образованием и деньгами! Дом огромный наверняка ей достанется! Никогда она поперёк слова не скажет, станет в рот заглядывать и годить! Будешь как в масле сыр кататься!

– Мам, да она голимый Буратино! Бревно бревном! – прыснул пацан. – Всё время ходит с рожей, будто в свинар-

ник зашла! Затворница и зубрилка! На людей вообще не смотрит.

– А на тебя? – нетрезвая женщина пылливо посмотрела на подростка.

– И на меня. Сидит, молчит, общается лишь с Федотовой и с Лаврентьевой.

– О, ну ещё бы!!! Одни богачки!

– Короче, коза высокомерная.

– А ты подход найди. – Мать наклонилась и перешла на шёпот. Перегар ударил Тимофею в нос. – Если надо, силой возьми! У неё семья порядочная, сделают всё возможное, чтобы позор скрыть. Вот и будет твоей! Так раньше небогатые парни делали. Если по-другому никак, то почему бы и нет?

Школьник покраснел со стыда, едва представив то, что предложила пьяная родительница. Неприятная оскорбительная перспектива ему мало улыбалась.

За стеной скулил осоловелый отец. Мать в пылу драки вырвала ему несколько клоков с головы и прокусила до мяса руку. Жена в драках мужу никогда не уступала.

Мальчик знал с детства: родители протрезвеют, помирятся, простят друг друга. Мама подстрижёт папу, чтобы тот из-за выдранных прядей не смотрелся плешивым. Они начнут обниматься, миловаться, целоваться, а потом в их комнате раздастся ритмичный скрип кровати, перемежаясь с томными стонами. Предки ругались на всю округу, дрались на по-

теху соседям, но всегда мирились и продолжали жить-поживать.

Тим и его старшие братья уважали и ценили родителей. Мысли не было осуждать старших, а те, кто пытались про-завить неуважение к их семье, сразу получали кулаком в зубы.

В середине восьмого класса Тимон подошёл один на один к Бортник и попросил посадить его к Любе, чтобы «подтянуться в учёбе». Теперь девчонка была на расстоянии вытянутой руки, но всё равно вела себя как истукан. Он портил специально её вещи, толкал, пинал ногами под партой, оскорблял – ноль реакции. Нравилось мальчику брать молчаливую одноклассницу за руку и тянуть её тоненькие белые пальчики из суставов, а один раз он весь урок математики тыкал под столом в девчачье бедро остриём циркуля. Пospelова упорно молчала до победного, хотя, подглядывая в спортивной раздевалке, шатен увидел на бедре огромный синяк от множества проколов.

К старшим классам тихоня окончательно расцвела. Тим искренне считал девочку интересной, но сердился на неё за холодность, не подозревая, что сверстница таким образом защищается от нападков. А ещё парень, лицезрея «приседания» Зинаиды перед семьёй Пospelовых, ощущал себя третьесортным существом, что не способно на успех в глазах «богатой» одноклассницы.

Открытый, общительный Степанченко вырос красивым

подтянутым юношей. Ему нравилось, как одноклассники подражают ему во всём, подхватывают любую его идею, каждую шалость на лету, поэтому травить Пospelову не составило труда. Не составило труда так же натравливать товарищей побить Любу в школьных коридорах, отвадить Лыткину и Бутенко от общения с ней, внушить всем, что девчонка – уродина, и таким образом убрать конкуренцию.

Иногда Тимон останавливался, осознавая, что зашёл далеко, что жестокостью отдаляет ровесницу. Тогда он пытался быть ласковым, называть по имени, пройтись вместе домой – и получал то же угрюмое, настороженное, молчаливое недоверие в ответ, как и при дурном поведении. Парень сделал вывод: хорошо или плохо – результат один. Ущемлённое достоинство с гордыней давали о себе знать, и круги ада для Любы не имели ни конца ни края.

Но в среду молчунья наконец проснулась и чётко дала понять, что всё видит и понимает. А в пятницу разревелась.

«Оказывается, ты умеешь плакать, куколка!» – радовался Тим. Маска равнодушия сорвана. До точки кипения он довести всё-таки её смог. Оставалось дело за малым.

Пока друзья, спрятавшись в камышах, отстреливали птиц, Тимон злился и думал. Дрянной Сэро успел присвоить то, что Степанченко получить так и не смог. Десятиклассник курил, почему Пospelова огрызалась на географии и почему, плача от боли в тупике, пообещала, что он пожалеет.

Тим не мог понять, когда близнецы и тихоня сблизились, почему он этот факт проморгал – и расстроился. Ибрагимовым глубоко плевать на его мнение. Люба теперь недосягаема, как звёзды на небе.

«Козлина запросто её обнимал, и мартышка даже не скривилась! Неужели встречается с отморозком?» – Тимон скрючился от обиды и гнева. – «Надо было загнать цыплёнка в угол одному и поцеловать. Если бы я знал, какую возможность упущу, то вчера не церемонился бы! Знает ли Сэро, что я её бил? Она успела пожаловаться?»

Шатен вспомнил выражение лица тихони, стоявшей перед ним на тротуаре, – ничего, кроме отчуждённости и желания сбежать подальше. Всплыла в мыслях вчерашняя картина маслом: девочка плачет, а её волосы крепко схвачены в кулак. Ибрагимовы не спустят – порвут на лоскуты, а после кинут на расправу многочисленным друзьям. Шанс хлебать гавно из сортирных дыр взлетел до критических отметок.

Степанченко задумался о другой однокласснице – Виноградовой. Как она сладко прижималась к Ибрагимову под медленные песни.

«Сэро мутит с обеими? Этому чертиле такое провернуть дёшево стоит. Но мне лучше молчать. Если Виноградова тронет Поспелову и выяснится, что язык подложил я, – осколки рёбер по всей станице собирать придётся. Грёбаный цыган со своей мерзкой смазливой рожей! Будь проклят тот день, когда поганое семейство переехало на мою улицу, да

ещё и в мою школу учиться припёрлось!»

Внутренности Тимофея болезненно сжались, едва память участливо позволила освежить его первую стычку с повесой.

Семья Ибрагимовых заселилась по соседству в давно пустовавший дом с нехорошей репутацией, когда Тим учился в седьмом классе. Только закончилась первая четверть, но осенние каникулы выдалась холодными, пасмурными, дождливыми и толком разгуляться не давали.

Подросток подметал двор, когда услышал шум грузовика. Любопытства ради мальчишка вышел на улицу и обнаружил, что в заброшенный дом бабы Ганны из машины спускают мебель и тюки с вещами. Вокруг бегала малышня, а трое ребят постарше помогали таскать взрослым багаж.

Разглядывать приезжих, решившихся заселиться в дурной домишко, повылазили все соседи на квартале. Люди стояли на обочине и без капли стеснения пялились на смуглых чёрноволосых людей.

– Цыгане купили! – поспешила поделиться свежей новостью с сыновьями вечером подвыпившая Степанченко Зинаида, вернувшаяся от соседки. – И не мудрено! Цыганва только и могла поселиться – порог поганой хаты приличные люди никогда б не переступили!

– О-о-о! – откликнулся Семён, старший брат Тимона. – Спокойное время закончилось! Свинтусы грязь по округе разведут, соседей обворуют, собак пожрут да попрошайни-

чать возьмутся!

– Ещё свой невымытый табор позовут! – добавил Сергей, средний сын. – Когда мимо трущоб этой нечисти хожу, всегда нос затыкаю! Вечно помоями несёт!

– А мы от хибары покойной Ганны через два участка живём! Ветер постоянно в нашу сторону! – охнула мать. – Будем теперь нюхать их бзду!

– Там детей много, – вставил слово Тим. – Старшие, наверно, моих лет. Видел двоих пацанов.

– Братан, надо познакомиться! – приглушённо сказал ему на ухо Сергей, нехорошо улыбаясь. – Поприветствовать с новосельем, так сказать!

Шатен одобрительно усмехнулся. Сергей, старше его на четыре года, слыл на округе большим смутьяном – уж больно любил устраивать потасовки и провоцировать драки.

– Обезьян стоит сразу тыкнуть мордами, кто на улице хозьяин, – почесав щёку, продолжил Серёга. – Да заодно объяснить правила, чтобы место своё знали.

Школьник довольно кивнул. На Шевченко заправляла их троица да пацанва с конца улицы, у самого поля. Организовать на районе пару свежих груш для битья – дело плёвое.

Повод прицепиться к приезжим нашёлся быстро.

Наступили последние каникулярные деньки. Тимон, Серёга и их общий друг тёмным холодным вечером стояли у обочины, чесали языки, щёлкали семечки, когда по другой стороне дороги возвращался цыганский мальчик. Коротко

остриженный, в светло-синей куртке и спортивных трениках, он быстрым шагом уверенно прошагал мимо.

– Эй ты!.. Фью! – расхлябанно свистнул Серый.

Подросток остановился, обернулся и с холодной гордостью воззрился на троицу.

– Мне?

– Ну да, – лениво бросил средний Степанченко. – Как видишь, больше никого нет!

Парни заржали. Цыган и бровью не повёл, продолжил снисходительно смотреть с другой стороны.

– Твоя семейка туда заселилась? – Тимон пренебрежительно кивнул на дом бабы Ганны.

– Куда «туда»?

– Туда! – ещё раз указал Тим.

– «Туда» – понятие растяжимое. Чего надо?

– Познакомиться! – вкрадчиво бросил друг Серёжи. – Иди к нам поближе!

– Вам надо, вы и идите!

– У-у-у-у-у!!!.. Какой дерзкий! – парни хищно переглянулись: малой сам нарывался. Троица вальяжно перешла две полосы пустой дороги и окружила его.

– А ты гордый, смотрю! – долговязый Сергей навис над подростком.

– А ты, смотрю, нет! Отодвинься.

– А то что?!

– Что «что»?

– Э, брат! Не пугай чувака! Это ж сосед, будем дружить! – насмешливо вступился Тим. – Говорят, вы цыгане?

– Да, цыгане.

– Я и смотрю, что вы чёрные чересчур, будто давно не мылись! – Тимон заухмылялся, подбадриваемый ржанием поддержки. – Купаться хоть умеете? Руки грязные перед едой мыть?

– Руки мыть умеем.

– Ай да молодцы какие!

– Но лучше иметь грязные руки, чем грязный рот.

Троица переглянулась, неуверенные, что правильно поняли намёк.

– Да, согласен, зубы чистить тоже надо. Как тебя зовут?

– Сэро.

– Как-как?! – кучка злорадно переглядывалась, довольная удачной темой для травли.

– Сэро, – не дрогнув, спокойно ещё раз повторил мальчик.

Парни разухабисто заржали, согнувшись пополам и картинно вытирая слёзы. Сэро стоял без тени улыбки и по-прежнему спокойно смотрел на задир.

– Ах-ах-ах-ха!.. Чё это за имя такое?!.. Серо!!! – давился от смеха Серый.

– Не Серо, а Сэро. Тупой или глухой, что со второго раза разобрать не смог?

– Ты чё, сопляк вонючий, рамсы попутал?! – старшему надоело играть. – Чё вякнул, уродец помойный?!.. Твоя мам-

ка навоз жрала или в кусты бегала, когда тобой брюхатая ходила?!

Кулак в челюсть прилетел молниеносно. Тимон и дружбан моргнуть не успели, как Серёга отлетел на дорогу и, не понимая, что произошло, будто пьяный, попытался сесть. Из рта его хлынула кровь.

– Ах ты урод! – выпалил приятель, но замахнуться не успел, потому что согнулся пополам от крепкого удара под дых. Парень попятился, а затем медленно припал на придорожный гравий.

Тимон бросился на соседского мальчишку сбоку. Замахнулся несколько раз, но пацан, улыбаясь, ловко уворачивался, словно игрался. «Какой шустрый!» – мелькнуло в голове у Тима, прежде чем он сделал следующий холостой выпад. Брюнет поймал его руку, нырнул под сверстника и перекинул того через себя спиной вперёд.

Удар об асфальт выбил из школьника воздух. Шатен попытался встать, но прилетевший по животу пинок уложил его обратно. По глубоким охам оглушенный Тимон понял, что пинки по животу прилетели и остальным.

– Советую не подниматься! – прозвучал насмешливый голос. – Легко отделавшись не уйдёте.

– Друг, ты чего? – заискивающе просипел товарищ Сергея. – Мы же просто пошутили...

– Вы «просто» хотели почесать об меня кулаки, – обрезал говорившего подросток. – И козлийный трёп развели, чтобы я

остановился и дал себя побить, не так ли?.. Куда собрался?!

Сэро подскочил к попытавшемуся приподняться Сергею и врезал ногой в пах. Тот заорал не своим голосом.

– Смотрите-ка, всё для вас, хрюшек! Пустая улица, ни один чистенький сосед не высовывает нос в собачий холод! С вами лишь я, невымытый цыган! Ах да, соседусшки, имя снова повторить, или уже сможете произнести правильно?.. Не слышу! Чего молчим? Особенно ты!

Сэро подлетел и с размаху врезал ногой скрючившемуся Серёге по животу и почкам, а затем – по лицу. Кровь у парня из разбитого рта текла ручьём.

– Если б вы соображали в единоборствах, то были бы в курсе, что не стоит провоцировать противника на беспорядочную драку, не зная его силу и способности. Но конечное быдло никогда убогие рожи в спортшколе не показывало, верно?

– Лежачих не бьют, спортсменов херов! – приподнимаясь, выпалил Тимон. – Тебя в спортшколе твоей ссаной не учили?!

Ибрагимов улыбнулся, а затем опять прошёлся пинками по всем троим. Подойдя к скулившему Тиму, парнишка присел на корточки, взял за ворот и подтянул его шмыгавшее лицо к себе поближе.

– Учили. Но мне стало плевать, когда вы решили быкануть втроём и позволили себе оскорбить мою маму, – цыган одарил Тимофея мстительной усмешкой, встал и специально

наступил кроссовком на пальцы его левой руки. Степанченко заорал на высоких нотах.

– Э-э-э-э, чего шумишь?!.. Не надо визжать, свинка, я больно сделать даже не пытался!

Школьник не знал, сколько времени сверстник продолжал цинично бить их ногами, не давая пошевелиться. За пару кварталов темноту разрезал тусклый свет фар. Сэро, отойдя, зло бросил:

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.